

ГАУК КО МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»

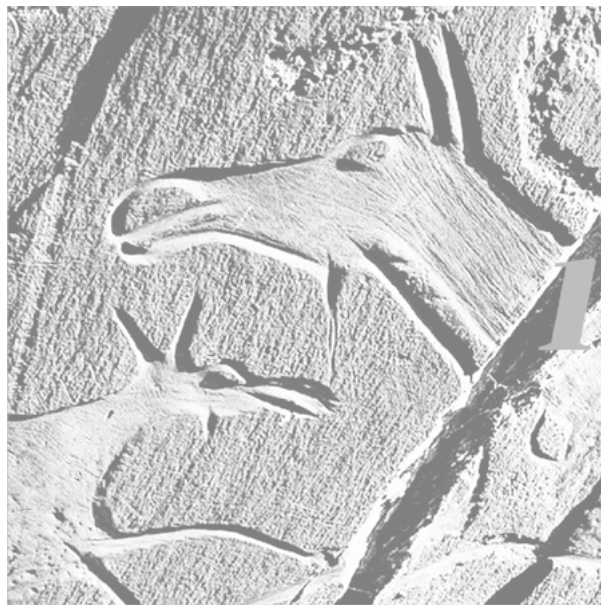
2 / 2015

Ученые
записки
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА
ТОМСКАЯ
ПИСАНИЦА

ГАУК КО МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»

Ученые записки

музея-заповедника
«Томская Писаница»

Выпуск 2

Кемерово
2015

ISSN 2411-7838

Научное издание

**Ученые записки
музея-заповедника
«Томская Писаница»**

Журнал издается с 2015 года,
Выходит 2 раза в год

Учредитель

Государственное автономное
учреждение культуры Кемеровской
области «Историко-культурный
и природный музей-заповедник
«Томская Писаница»
650000, г. Кемерово, ул. Томская, 5а
Тел./факс: (3842) 75-86-33,
e-mail: pisanitsa@mail.ru
Официальный сайт: www.gukmztp.ru

Редакционная коллегия:

Главный редактор

В. А. Каплунов, заслуженный
работник культуры РФ, директор
ГАУК КО Музей-заповедник
«Томская Писаница»

Зам. главного редактора

А. И. Мартынов, доктор
исторических наук, профессор,
академик РАЕН, главный специалист
ГАУК КО Музей-заповедник
«Томская Писаница»

Редактор

А. Ф. Покровская, кандидат
культурологии, заместитель
директора по науке ГАУК КО Музей-
заповедник «Томская Писаница»,
старший преподаватель кафедры
музейного дела КемГИК

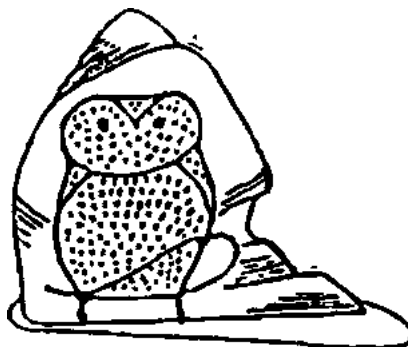
Ответственный секретарь

С. В. Иванова, старший хранитель
ГАУК КО Музей-заповедник
«Томская Писаница»

Междисциплинарное периодическое издание, нацеленное на публикацию оригинальных исследований, проектов, обзоров, сообщений, отчетов о конференциях, рецензий на работы по актуальным вопросам теории и практики музееведения, археологии и этнологии.

Журнал включен в национальную базу данных
«Российский индекс научного цитирования»
(РИНЦ, договор № 245-04/2015).

Разделы тематического рубрикатора РИНЦ:
История. Исторические науки
Культура. Культурология

Сдано в набор 01.12.2015 г.
Подписано в печать 12.12.2015 г.
Формат 62×80/8. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,1.
Заказ 150112. Тираж 150 экз.

ООО «Примула»

650024, Россия, г. Кемерово, ул. Дружбы, 31.
(+7-384-2) 76-10-01
e-mail: primulaprint@mail.ru

Отпечатано ООО «Азия-Принт»

650004, Россия, г. Кемерово, ул. Сибирская, 35А.

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРА. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Родионова Д. Д. Становление музейного образования в Кемеровской области	5
Кимеева Т. И., Родионов С. Г. К вопросу о музеефикации историко-культурного наследия шорцев: на примере улуса «Кезек» в музее-заповеднике «Томская Писаница»	10
Ковешникова Е. А. Основные проблемы развития отечественного и регионального внутреннего туризма	15
Реховская Т. А. Продовольственное обеспечение крестьян Кузбасса в начале XX века по материалам научного архива музея-заповедника «Томская Писаница»	19
Родионова Д. Д., Насонов А. А. Религиозный туризм как перспективное направление развития внутреннего туризма (на примере Кемеровской области)	21
Родионов С. Г. Роль музеев-заповедников в формировании бренда территории на примере историко- культурного и природного музея-заповедника «Томская Писаница»	25
Сырыгин Д. С. Актуальные проблемы ведомственных музеев на примере разработанной концепции музеев на территории курорта «Танай»	29
Каплунов В. А., Покровская А. Ф., Евдокимова М. А. Проблемы музеефикации памятников археологии в трудах российских исследователей.	32

ИСТОРИЯ. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Археология

Илюшин А. М. Археологические материалы из раскопок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в фондах музея-заповедника «Томская Писаница»	39
Марочкин А. Г., Юракова А. Ю., Щербакова А. В., Фальман А. В., Плац И. А., Конончук К. В., Веретенников А. В. Раскопки поселенческих памятников на юге Нижнего Притомья в 2015 году	50
Марочкин А. Г., Плац И. А., Конончук К. В. Результаты археологической разведки 2015 года в южных районах Нижнего Притомья	58

Миклашевич Е. А. Древнейшие наскальные изображения Минусинской котловины: проблемы и перспективы исследования.	66
Мухарева А. Н. Гравированные изображения середины I тыс. н.э. на севере Минусинской котловины.	78
Русакова И. Д. Плоскость 8 Томской писаницы: современное состояние	85
Советова О. С., Аболонкова И. В., Талягина М. А., Шишкина О. О. Новые петроглифы Тепсея (по результатам исследований 2012—2015 гг.)	101

Этнография

Орлова Е. А. Налогообложение коренных народов Сибири в Российской империи конца XIX века по документам из фондов Государственного архива Кемеровской области.	113
Скрябина Л. А., Мархель А. С. Научный отчет экспедиции этнографического отдела музея-заповедника «Томская Писаница».	119
Скрябина Л. А., Мархель А. С. Традиции праздника Иван Купала в селе Преображенка	136
Тарасова А. Н. Современное состояние этнокультурной сферы чувашей Крапивинского района	141

КУЛЬТУРА. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

*К 15-летнему Юбилею преобразования кафедры истории
в выпускающую кафедру музейного дела
Кемеровского государственного института культуры*

УДК 69

СТАНОВЛЕНИЕ МУЗЕЙНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Родионова Дарья Дмитриевна,

кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой музейного дела Кемеровского государственного института культуры (Кемерово, Российская Федерация).

E-mail: dasha.d.rodionova@yandex.ru

В статье предпринята попытка проследить этапы становления музейного образования в Кемеровской области, основываясь на истории подготовки музейных кадров в России. Исходя из опубликованных источников на сегодня, исследований на тему сохранения исторического и культурного наследия, проанализированы некоторые сведения о становлении музейного и памятникоохранительного образования в Кемеровской области. Однако автор акцентирует внимание на то, что на сегодняшний день еще не проведено исчерпывающее исследование, так как не привлечены какие-либо архивные или эпистолярные источники, но исходя из имеющихся публикаций, выявлены основные этапы развития музееведческого образования в Кемеровской области. Установлено, что становление подготовки кадров по музейному делу и охране памятников в Кемеровской области прошло четыре этапа. Автор отмечает, что особый вклад в развитие и становление музейного образования внес доктор культурологии, профессор Анатолий Михайлович Кулемзин. Подводя итог, автор делает вывод, что введение в учебный план изучения музееведческих и памятниковедческих дисциплин в Кемеровской области во второй половине 70-х годов XX века является одной из первых попыток в тогда еще Советском Союзе подготовки специалистов музейного дела и охраны памятников.

Ключевые слова: подготовка специалистов, музейное дело и охрана памятников, музеология, Кемеровская область, образование, этапы становления

BECOMING MUSEUM EDUCATION IN THE KEMEROVO REGION

Rodionova Daria Dmitrievna,

Ph.D., Associate Professor, Master of Museology, Head of Department of Museology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: dasha.d.rodionova@yandex.ru

The article attempts to trace the stages of formation of museum education in the Kemerovo region, based on the history of the training of museum personnel in Russia. Based on the published literature to date, research on the preservation of historical and cultural heritage are analyzed some information about becoming a museology and monument protection of education in the Kemerovo region. However, the author emphasizes the fact that to date have not done an exhaustive study, as it is not involved in any archival or epistolary sources, but on the basis of available publications identified the major stages of development of museological education in the Kemerovo region. It was found that the formation of training in museology and monument protection in the Kemerovo region has passed four stages. The author notes that the special contribution to the development and establishment of museum education, introduced Dr. Cultural Studies, Professor Anatoly Kulemzin. In summary, the author concludes that the introduction of the curriculum and the study of museological and protection of monuments disciplines in Kemerovo region during the second half of the 70s of the twentieth century it is one of the first attempts in the then Soviet Union, training of museum professionals and the protection of monuments.

Keywords: training, museology and preservation of monuments, museology, Kemerovo region, education, stages of formation

Современная система подготовки музейных специалистов прошла долгий путь развития. Сегодня она ориентирована на специалиста новой формации, соответствующего постиндустриальному обществу, готовому к самообразованию, самосовершенствованию, обладающему знаниями, умениями, навыками и трудовыми действиями, позволяющими ему быть конкурентоспособным на рынке труда. Однако актуальным остается вопрос «Какой музейный специалист сегодня востребован?». И в этой связи особо хочется обратить внимание на то, что в нашей стране подготовка музейных специалистов осуществлялась по двум образовательным стандартам — ГОС ВПО 021000 «Музеология» (2000 г.) и ГОС ВПО 052800 «Музейное дело и охрана памятников» (2002 г.) [13].

В России подготовка специалистов музейного дела и охраны памятников началась в конце XIX — начале XX веков, когда в нашем обществе бережное отношение к историко-культурному наследию достигло наивысшего расцвета. На этой волне общекультурного подъема сначала в Петербурге, а затем в Москве были открыты археологические институты, занимавшиеся подготовкой специалистов, в том числе по музейному делу и охране памятников. Организаторы, попечители и обучающиеся в этих институтах в подавляющем большинстве были выходцами из высшего эшелона российского дворянства. Однако, к сожалению, социальная ограниченность деятелей в области сохранения историко-культурного наследия не позволила им увидеть более широкого спектра ценностей в этом наследии, нежели того, что было дорого российской элите. В советское время была допущена другая крайность. Новая государственная идеология по отношению к наследию сводилась к формуле: «Все, что не способствует укреплению коммунизма, не заслуживает внимания, все, что противоречит, должно быть уничтожено» [7, с. 244].

В связи с этим начавшаяся складываться система подготовки специалистов музейного дела и охраны памятников была ликвидирована, а новая складывалась долго, тяжело и противоречиво.

Первой государственной структурой, осуществлявшей подготовку реставраторов с Советской России, были Всероссийские художественные мастерские, созданные в мае 1918 года. В этом же году подготовка на «музейной» специальности была открыта в Петроградском институте внешнего образования, которая велась в 1924 г., а затем с 1936 г. по 1941 г. [21, с. 7].

В 1921 г. были открыты Высшие музейные курсы, которые также просуществовали не долго. Впоследствии в течение длительного времени в нашей стране не осуществлялось подготовки специалистов данного направления. Отдельные специальные курсы читались эпизодически на историческом факультете в МГУ, в Московском

институте культуры, в Московском историко-архивном институте и, вполне возможно, отдельными энтузиастами в некоторых других вузах. И лишь только с конца 80-х гг. XX в. подготовка музейных кадров стала формироваться в стране как регулярная система. Началась она в Санкт-Петербургской академии культуры, Московском историко-архивном институте, МГУ, а затем и во многих других вузах страны [21, с. 8].

Для полноты картины, на наш взгляд, было бы интересно проследить процесс становления музееведческого и памятникоохранительного образования в регионах России, в том числе и в Кемеровской области. [2,13,16,19,20,23].

Из опубликованных на сегодня исследований на тему сохранения исторического и культурного наследия можно почерпнуть некоторые сведения и о становлении музейного и памятникоохранительного образования в нашей области. Однако на сегодняшний день еще не проведено исчерпывающее исследование, так как не привлечены какие-либо архивные или эпистолярные источники (это дело будущего), но исходя из имеющихся публикаций, можно проследить основные этапы развития музееведческого образования в Кемеровской области.

Самую раннюю дату о начале подготовки специалистов, владеющих знаниями в области музееведения в Кемеровской области, мы находим в одной из публикаций, где говорится, что в Кемеровском государственном институте культуры читались специальные курсы по музейному делу и охране памятников в 1976—1979 годах [14]. Другая публикация за 1979 год также подтверждает этот факт [1]. Здесь автор на стр. 63 упоминает предмет «краеведение и основы музейного дела». Судя по контексту, этот предмет преподавал автор статьи, так как он делился своим опытом преподавания. Логически рассуждая далее, можно предположить, что преподавание упомянутой учебной дисциплины было начато в институте несколькими годами раньше, т.к. в статье обобщается уже накопленный опыт. Существование подготовки специалистов по охране памятников в Кемеровском государственном университете в 1978 году подтверждается статьей А. М. Кулемзина [2].

В другой публикации, от 1981 г., мы находим также упоминание о том, что в Кемеровском институте культуры и Кемеровском госуниверситете читается специальный курс «Изучение памятников истории и культуры Сибири», который состоит из трех разделов: «Историография и методология», «Методика работы с памятниками» и «Исторические и культурные памятники Сибири» [11, с. 60].

В сборнике программ по специальности «археология», подписанном к печати в 1981 г., среди программ четырнадцати спецкурсов имеется про-

грамма А. М. Кулемзина «Музееведение и охрана памятников истории и культуры» [17].

Дата открытия в 1985 году в КемГУ на историческом факультете специализации «музееведение и охрана памятников истории и культуры» подтверждается в двух публикациях А. М. Кулемзина [2; 10]. На более раннюю дату открытия специализации (1984 г.) в КемГУ указывают другие источники [15; 18. С. 154]. Открытию данной специализации на историческом факультете способствовало во многом успешное и прогрессивное развитие кафедры археологии под руководством доктора исторических наук, известного археолога Анатолия Ивановича Мартынова, который пригласил к себе на работу Анатолия Михайловича Кулемзина, инициатора охраны памятников и музейного образования в Кемеровской области. Однако существование в КемГУ специализации «музееведение и охрана памятников» было не безоблачным. Уже в 1994 году прозвучали тревожные сигналы о дальнейшей судьбе специализации. В одной из своих статей А. М. Кулемзин пишет: «...мы, начав и дав толчок новому явлению, потеряли приоритеты, стали отставать, специализация находится под угрозой расформирования» [12]. Как пишет А. И. Мартынов: «К сожалению, ни вуз, ни область тогда не созрели для того, чтобы понять важность и необходимость подготовки в сибирском регионе специалистов по сохранению и использованию историко-культурного наследия. В 1999 году специализация была закрыта бывшим ректором университета с нелепой формулировкой как несоответствующая профилю специальности «история». Руководители кафедры археологии и исторического факультета молча согласились с этой потерей» [15. С. 10].

В этом же году кандидат исторических наук, доцент Кулемзин А. М. переходит в Кемеровский государственный институт культуры и искусств, где под его непосредственным руководством, общенаучная кафедра истории была преобразована в кафедру истории, музееведения и краеведения и начала подготовку документов для открытия новой для вуза специальности «Музейное дело и охрана памятников». В 2000 году совместно с кафедрой управления и экономики социальной сферы был осуществлён набор студентов по специальности «менеджмент» и специализации «менеджмент музейного дела». А уже в 2001 году осуществлен первый набор специалистов-музееведов. Кроме того, в 2001 году Кулемзиным А. М. была защищена докторская диссертация по культурологии «Охрана памятников в России как историко-культурное явление». В ней была впервые в нашей стране разработана теория памятниковедения, обобщен исторический материал об истории охраны памятников в нашей стране за все время её существования, выявлены современные тенденции в отношении российского общества к историче-

скому и культурному наследию и, исходя из этого, определены перспективы дальнейшего развития.

В настоящее время кафедра музейного дела Кемеровского государственного института культуры ведет успешно подготовку кадров на очном и заочном отделениях. В 2006 году был сделан первый выпуск музееведов [20]. На сегодняшний день дипломы о высшем музейном образовании получили более 280 человек, значительная часть из которых работает в музейных, памятникоохранительных, туристских структурах, органах власти и на других смежных специальностях [19]. С 2011 года кафедра перешла на двухуровневое образование. В 2013 г. состоялся первый выпуск магистров, а в 2015 г. состоялся первый выпуск бакалавров по направлению 072300 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» по профилю подготовки «Культурный туризм и экскурсионная деятельность». Успешно работает аспирантура по направлению 24.00.03 «Музееведение, реставрация и консервация историко-культурных объектов», открытая по инициативе проф. Кулемзина А. М., в рамках которой защищено 15 диссертаций. В настоящее время в аспирантуре обучаются 11 аспирантов и соискателей под руководством доктора исторических наук, профессора Мартынова А. И., доктора культурологии, профессора Кулемзина А. М., кандидата культурологии, доцента Кимеевой Т. И.

С 2006 по 2011 годы кафедра выпускала сборник научных статей «Музееведение и историко-культурное наследие», призванный по замыслу его организаторов объединить научные силы по изучению опыта практической работы в деле сохранения и использования исторического и культурного наследия.

За эти годы в помощь студентам коллективом кафедры музейного дела подготовлены и изданы различные учебно-методические материалы в области сохранения, использования и актуализации историко-культурного наследия, а так же по отечественной истории и другим дисциплинам, читаемым профессорско-преподавательским составом кафедры [5]. Особое внимание хочется обратить на издания, подготовленные А. М. Кулемзиным по изучению охраны памятников [3;4;6;8;9], которые пользуются особым спросом не только в нашем регионе, но и далеко за его пределами.

Таким образом, нами установлено, что введение в учебный план изучения музееведческих и памятниковедческих дисциплин в Кемеровской области началось во второй половине 70-х годов XX века. По нашим представлениям это одна из первых попыток в тогда еще Советском Союзе подготовки специалистов музейного дела и охраны памятников.

Исходя из анализируемых опубликованных источников, можно сделать вывод, что становление подготовки кадров по музейному делу и охране

памятников в Кемеровской области прошло четыре этапа:

- Первый (1976—1978 гг.) — читаются специальные курсы по краеведению, музейному делу и охране памятников в Кемеровском государственном институте культуры.
- Второй (1978—1985 гг.) — читаются отдельные специальные курсы по музейному делу и охране памятников в Кемеровском государственном университете.
- Третий (1985—2000 гг.) — открыта на историческом факультете Кемеровского государственного университета специализация «Музейное дело и охрана памятников».
- Четвертый (с 2000 г. по сегодняшний день) — открыта специальная выпускающая кафедра музейного дела в Кемеровском государственном университете культуры и искусств.

Особый вклад в развитие и становление музейного образования внес доктор культурологи, профессор Анатолий Михайлович Кулемзин.

В 2015—2016 гг. кафедра музейного дела отмечает свой 15-летний юбилей как выпускающая

кафедра. В настоящее время коллектив кафедры состоит из 8 кандидатов наук и 4 докторов наук. Для чтения спецкурсов и проведения мастер-классов кафедра музейного дела активно привлекает руководителей и специалистов музеев Кемеровской области. Тесно сотрудничает с кафедрами других вузов, осуществляющих подготовку музеологов (РГГУ, АлГПУ и др.). За прошедшие годы профессорско-преподавательским составом кафедры МД было опубликовано 13 монографий. Коллектив кафедры МД участвует в конференциях различного уровня и имеет достаточно высокую публикационную активность. Современная практико-ориентированная программа обучения специалистов-музеологов, созданная коллективом кафедры МД, направлена на тесное сотрудничество с государственными и муниципальными музеями Кемеровской области. За эти годы сотни студентов получили знания об историческом и культурном наследии Родины, о методике их сохранения и использования. Многие из них продолжают благородное патриотическое дело на благо своего края и всей страны.

Литература

1. Кулемзин, А. М. «Свободная» тематика контрольных работ по краеведению как форма стимулирования творческой и общественной активности студентов заочного отделения / А. М. Кулемзин // Организация и контроль за самостоятельной работой студентов: Методические рекомендации для преподавателей и студентов института культуры. — Кемерово, 1979. — С. 59—63.
2. Кулемзин, А. М. Готовить кадры для охраны памятников истории и культуры / А. М. Кулемзин // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР: сборник статей. — Новосибирск, 1987. — С. 18—23.
3. Кулемзин, А. М. История охраны памятников в РСФСР: Учебное пособие / А. М. Кулемзин. — Красноярск, 1992. — 106 с.
4. Кулемзин, А. М. Методика сохранения и использования памятников истории и культуры: учебное пособие для вузов / А. М. Кулемзин. — Кемерово, 2009. — 107 с.
5. Кулемзин, А. М., Родионова, Д. Д. О формировании новой парадигмы подготовки музеологов / А. М. Кулемзин, Д. Д. Родионова // Вестник КемГУ. — 2012. — № 2 (50). — С. 74—77.
6. Кулемзин, А. М. Охрана памятников в России: курс лекций по специальности 070503 «музейное дело и охрана памятников» / А. М. Кулемзин. — Томск, 1999. — 158 с.
7. Кулемзин, А. М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление / А. М. Кулемзин. — Кемерово, 2001. — 328 с.
8. Кулемзин, А. М. Охрана памятников в России: теория, история, методика. Учебник для высших учебных заведений / А. М. Кулемзин. — Кемерово, КемГУ, 2013. — 287 с.
9. Кулемзин, А. М. Охрана памятников: методические рекомендации по изучению курса по специальности 070503 (052800) «Музейное дело и охрана памятников» / Анатолий Михайлович Кулемзин. — Кемерово, 2005. — 93 с.
10. Кулемзин, А. М. Подготовка специалистов по охране памятников и музейному делу / А. М. Кулемзин // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской и работе музеев: сб. статей. — Красноярск, 1989. — С. 19—20.
11. Кулемзин, А. М. Формируем уважение к историческому наследию / А. М. Кулемзин // Вестник высшей школы. — 1981. — № 1. — С. 60—62.
12. Кулемзин, А. М. Проблемы подготовки специалистов по охране памятников / А. М. Кулемзин // Историческое краеведение в школе и вузе: тез. докл. — Кемерово, 1994. — С. 181—183.
13. Мастеница, Е. Н. Подготовка музеологов в условиях перехода на многоуровневую систему образования / Е. Н. Мастеница // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. (Сер. «Studium»). — 2013. — Вып. 1. — С. 248—254.

14. Марков, В. И., Мартынов, А. И., Кулемзин, А. М. Забота об историко-культурном наследии — признак современности / В. И. Марков, А. И. Мартынов, А. М. Кулемзин // Ученые записки НИИ прикладной культурологии. — Кемерово, 2009. — Т. 1 (7). — С. 16.
15. Мартынов, А. И. 65 лет Анатолию Михайловичу Кулемзину / А. И. Мартынов // Музееведение и историко-культурное наследие. — Кемерово, 2006. — Вып. 1. С. 7—11.
16. Патрушева, Г. М. Проблемы подготовки музеологов и сохранение культурного наследия / Г. М. Патрушева // Современные тенденции развития музеев и музееведения: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. — Новосибирск, 2014. — С. 167—171.
17. Программы спецкурсов и спецсеминаров по специальности археология / Отв. за выпуск А. И. Мартынов. — Кемерово, 1982. — 82 с.
18. Профессорский корпус Кузбасса. Сборник персоналий. — Кемерово, 2003. — 343 с.
19. Родионова, Д. Д., Покровская, А. Ф. Анализ потребности в квалифицированных кадрах музеев Кемеровской области / Д. Д. Родионова, А. Ф. Покровская // Мир науки, культуры, образования. — 2014. — № 1 (44). — С. 318—321.
20. Родионова, Д. Д. Из опыта подготовки музейных специалистов в Кемеровском государственном университете культуры и искусств / Д. Д. Родионова // Музееведение и историко-культурное наследие. — Кемерово, 2008. — С. 59—61.
21. Сотникова, С. И. Музеология: пособие для вузов / С. И. Сотникова. — Москва, 2004. — 192 с.
22. Сотникова, С. И. Подготовка музейных специалистов: история и современное состояние / С. И. Сотникова // Музей. — 2005. — № 3. — С. 26—27.
23. Сундиева, А. А. Подготовка музейных специалистов: решаемые и нерешенные проблемы / А. А. Сундиева // Мир музея. — 2010. — № 6. — С. 29—32.

References

1. Kulemzin, A. M. «Svobodnaja» tematika kontrol'nyh rabot po kraevedeniju kak forma stimulirovanija tvorcheskoj i obshhestvennoj aktivnosti studentov zaochnogo otdelenija [«Free» theme control works on local history as a form of stimulating creative and social activity of students of the correspondence department] Organizacija i kontrol' za samostojatel'noj rabotoj studentov: Metodicheskie rekomendacii [The organization and monitoring of students' independent work: Guidelines]. — Kemerovo, 1979. — pp. 59—63.
2. Kulemzin, A. M. Gotovit' kadry dlja ohrany pamjatnikov istorii i kul'tury [Train personnel for the protection of historical and cultural monuments] Izvestija Sibirskogo otdelenija Akademii nauk SSSR: sbornik statej [Proceedings of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR: Collection of articles] Novosibirsk, 1987. — pp. 18—23.
3. Kulemzin, A. M. Istorija ohrany pamjatnikov v RSFSR: Uchebnoe posobie [The history of the protection of monuments in the RSFSR: Study posobie]. — Krasnojarsk, 1992. 106p.
4. Kulemzin, A. M. Metodika sohraneniya i ispol'zovaniya pamjatnikov istorii i kul'tury [Methods of preservation and use of historical and cultural monuments]. — Kemerovo, 2009. — 107 p.
5. Kulemzin, A. M., Rodionova, D. D. O formirovanii novoj paradigmy podgotovki muzevedov [On the formation of a new paradigm of training museologists]. — Vestnik KemGU [Bulletin of of Kemerovo state university]. — 2012.-№ 2 (50). — pp. 74—77.
6. Kulemzin, A. M. Ohrana pamjatnikov v Rossii: kurs lekciy po speci-al'nosti 070503 «muzejnoe delo i ohrana pamjatnikov» [Protection of monuments in Russia: lectures on the specialty 070503 «museum and monuments protection»]. — Tomsk, 1999. — 158 p.
7. Kulemzin, A. M. Ohrana pamjatnikov v Rossii kak istoriko-kul'turnoe javlenie [Protection of monuments in Russia as a historical-cultural phenomenon]. — Kemerovo, 2001. — 328 p.
8. Kulemzin, A. M. Ohrana pamjatnikov v Rossii: teorija, istorija, metodika. Uchebnik dlja vysshih uchebnyh zavedenij [Protection of monuments in Russia: theory, history, methodology. Textbook]. — Kemerovo, 2013. — 287 p.
9. Kulemzin, A. M. Ohrana pamjatnikov: metodicheskie rekomendacii po izucheniju kursa po special'nosti 070503 (052800) «Muzejnoe delo i ohrana pamjatnikov» [Heritage conservation: guidelines for the study course in the specialty 070 503 (052 800) «Museology and Protection of Monuments»] Kemerovo, 2005. — 93 p.
10. Kulemzin, A. M. Podgotovka specialistov po ohrane pamjatnikov i muzejnomu delu [Preparation of experts for the protection of monuments and museum work] Problemy izuchenija Sibiri v nauchno-issledovatel'skoj i rabote muzeev: sb. Statej [The study of Siberia in the research and the work of museums: Sat. articles]. — Krasnojarsk, 1989. — pp. 19—20.
11. Kulemzin A. M. Formiruem uvazhenie k istoricheskomu naslediju [Form a respect for historical heritage] Vestnik vysshej shkoly [Bulletin of Higher School]. — 1981. — № 1. — pp. 60—62.
12. Kulemzin, A. M. Problemy podgotovki specialistov po ohrane pamjatnikov [Problems of training specialists for the protection of monuments] Istoricheskoe kraevedenie v shkole i vuze [local history in schools and universities]. — Kemerovo, 1994. — pp. 181—183.

13. Mastenica, E. N. Podgotovka muzeologov v uslovijah perehoda na mnogurovnevujuu sistemu obrazovanija [Preparation of museologists in the transition to a multi-level educational system] Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Proceedings of the St. Petersburg State University of Culture and arts]. — St. Petersburg, 2013. — pp. 248—254 (Ser. «Studium»; Issue 1).
14. Markov, V. I., Martynov, A. I., Kulemzin, A. M. Zabota ob istoriko-kul'turnom nasledii — priznak sovremennosti [Caring for the historical and cultural heritage — a sign of modernity] Uchenye zapiski NII prikladnoj kul'turologii [Scientific notes of Institute of Applied Cultural Studies]. — Kemerovo, 2009. — T.1 (7). — p. 16.
15. Martynov, A. I. 65 let Anatoliju Mihajlovichu Kulemzinu [65 Anatoly Mikhailovich Kulemzin] Muzevedenie i istoriko-kul'turnoe nasledie [Museology, and historical and cultural heritage]. — Kemerovo, 2006. — pp. 7—11.
16. Patrusheva, G. M. Problemy podgotovki muzeologov i sohranenie kul'turnogo nasledija [Problems of training museologists and preservation of cultural heritage] Sovremennye tendencii razvitiya muzeev i muzevedeniija: materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Modern trends of development of museums and museum: Materials of II Russian Scientific-Practical Conference]. — Novosibirsk, 2014. — pp. 167—171.
17. Programmy speckursov i specseminarov po special'nosti arheologija/ Otv. Za vypusk A. I. Martynov [Programme of special courses and seminars in the specialty archeology / Ed. For the release of AM Martynov]. — Kemerovo, 1982. — 82 p.
18. Professorskij korpus Kuzbassa. Sbornik personalij [Professor's foundation of Kuzbass. Collection staff.]. Kemerovo, 2003. 343p.
19. Rodionova, D. D., Pokrovskaja, A. F. Analiz potrebnosti v kvalificirovannyh kadrah muzeev Kemerovskoj oblasti [Analysis of the need for qualified personnel museums Kemerovo Region] Mir nauki, kul'tury, obrazovanija [The world of science, culture, education]. — 2014. — no 1 (44). — pp. 318—321.
20. Rodionova, D. D. Iz opyta podgotovki muzejnyh specialistov v Kemerovskom gosudarstvennom universitete kul'tury i iskusstv [From the experience of the preparation of museum professionals in the Kemerovo State University of Culture and Arts] Muzevedenie i istoriko-kul'turnoe nasledie [Museology, and historical and cultural heritage]. — Kemerovo, 2008. — pp. 59—61
21. Sotnikova, S. I. Muzeologija: Posobie dlja vuzov [Museology: Textbook] — Moscow, 2004. — p. 192.
22. Sotnikova S. I. Podgotovka muzejnyh specialistov: istorija i sovremennoe sostojanie [Preparation of museum professionals: the history and current state] Muzej [Museum]. — 2005. — no 3. — pp. 26—27.
23. Sundieva, A. A. Podgotovka muzejnyh specialistov: reshaemye i nereshennye problem [Preparation of museum professionals: Solved and unsolved problems] Mir muzeja [World Museum]. — 2010. — no. 6. — pp. 29—32.

УДК 069: (571.1/5)

К ВОПРОСУ О МУЗЕФИКАЦИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ШОРЦЕВ: НА ПРИМЕРЕ УЛУСА «КЕЗЕК» В МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»

Статья подготовлена в рамках проектов РГНФ № 15-11-42003 и открытого
благотворительного конкурса «Академическая мобильность» фонда М. Прохорова

Кимеева Татьяна Ивановна,

кандидат культурологии, доцент кафедры музейного дела, Кемеровский государственный институт культуры, руководитель отдела этнографии, музей «Археология, этнография и экология Сибири», Кемеровский государственный университет, (Кемерово, Российская Федерация).
E-mail: tat-kimeeva@mail.ru.

Родионов Семен Григорьевич,

аспирант 1 года обучения кафедры музейного дела, Кемеровский государственный институт культуры (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: senya-sc@mail.ru

Статья посвящена проблемам музеефикации памятников традиционной культуры шорцев в музее под открытым небом. На примере экспозиции улуса «Кезек» в музее-заповеднике «Томская Писаница» выявляются возможности сохранения и актуализации движимых объектов культурного наследия, презентации нематериального наследия. На основе исследования архивных материалов музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского госуниверситета и музея-заповедника «Томская Писаница» обосновывается реализованный подход к музеефикации объектов

наследия одного из коренных народов Кемеровской области — шорцев. В данной статье впервые на основе материалов интервьюирования раскрывается история музеефикации одной из шорских усадеб по типу свозимых памятников. Выявляются возможности научного подхода к сохранению и использованию памятников в пространстве музея под открытым небом, где сочетаются музеефикация и актуализация наследия.

Ключевые слова: музеефикация, историко-культурное наследие, актуализация, музей под открытым небом, традиционная культура.

TO THE QUESTION OF THE MUSEUMIFICATION OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE SHORS: ON THE EXAMPLE OF ULUS «KEZEK» IN THE MUSEUM-PRESERVE «TOMSKAYA PISANITSA»

Kimeeva Tatiana Ivanovna,

Candidate of Culturology, associate professor, head of Department of Ethnography, the Museum «Archaeology, Ethnography and ecology of Siberia» of the Kemerovo state University, associate professor at the Department of museology, the Kemerovo state University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: tat-kimeeva@mail.ru.

Rodionov Semen Grigorevich,

first year postgraduate student Kemerovo state University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: senya-sc@mail.ru

The article is devoted to the problem of museification of immovable objects of historical and cultural heritage, included into the structure of the museum-preserve on the principle of zoning, with an artificially simulated environment. Based on the study of scientific publications on the creation of architectural and ethnographic complex in the open air museum, and archival materials from museums «Archeology, ethnography and ecology» Kemerovo state University and museum-preserve «Tomskaya Pisanitsa», the authors of this article implemented in the late 1980, research-based approach to the museumification of heritage sites of indigenous peoples of Kemerovo region — Shors. On the example of the exposure of the ulus «Kezek» in the museum-preserve «Tomskaya Pisanitsa» reveals the possibilities of preserving and modernizing the movable cultural heritage and intangible heritage presentation, thematically linked with the museum objects. In this article for the first time on the basis of interviews with the authors of this article and the organizers of the export of monuments from their original location reveals the history of museumification the translocated monuments of one of the Shor's manors. Identifies the possibility of a scientific approach to the conservation and use of historical and cultural heritage of the open air museum, which combines the museumification and the actualization of heritage.

Keywords: museumification, historical and cultural heritage, actualization, the open air museum, traditional culture.

Музеефикация объектов историко-культурного и природного наследия в условиях современности является одним из приоритетных направлений музейной деятельности и охраны памятников, цель которой российскими музейщиками определена в 1990-е гг. как «максимальное сохранение, выявление историко-культурной, научной, эстетической ценности объектов и их активное включение в современную среду» [3, с. 23]. На основе доминантного признака сохраняемого историко-культурного наследия М. Е. Каулен выявляет два типа объектов музеефикации: ансамблевые и средовые музеи, среди которых наряду с музеями-памятниками (дома-музеи, музеи-квартиры, музеи-мастерские, музеи-усадыбы, дворцы-музеи, музеи-храмы, музеи-заводы и пр.), учреждениями музейного типа и экомузеями ею определена группа музеев под открытым небом.

Спецификой средового музея является тот факт, что происходит музеефикация историко-культурной и природной среды со всеми движимыми, недвижимыми и нематериальными объектами, а также людьми, населяющими территорию и осуществляющими на ней традиционные виды деятельности [3, с. 87]. Средовые этнографические музеи, сохраняющие недвижимые объекты «in situ» или сайт-музеи (от англ. site — месторасположение, местонахождение), располагаются на месте прошлого или настоящего обитания человеческого сообщества и музеефицируют свидетельства его образа жизни и традиций [8].

Особым типом музея под открытым небом является экомузей, «созданный для комплексного обеспечения сохранности, восстановления, изучения и публичного представления целостных территориальных комплексов культурного

и природного наследия, материальных и духовных ценностей в их традиционной... исторической среде» [1, с. 5]. Данной характеристике отвечает экомузей «Тазгол», расположенный на территории традиционного проживания шорцев в естественной исторической среде [4, с. 122].

Специфика скансена как типа музея, организованного на основе свезенных из разных мест памятников, заключается в том, что среда моделируется искусственно. Музеефикация объектов народной архитектуры по типу скансена на территории Кемеровской области может быть рассмотрена на примере этнографического комплекса «Шорский улус Кезек» музея-заповедника «Томская Писаница».

Наименование свое комплекс получил по одному из населенных пунктов, расположенных в местах традиционного проживания шорцев — коренного малочисленного народа Кемеровской области. Улус Ближний Кезек в 1980-е гг. входил в состав Усть-Анзасского сельсовета Таштагольского района, и у его жителей по причине относительной изоляции от крупных населенных пунктов до настоящего времени сохраняются архаичные элементы традиционной культуры, в том числе испытывавшие влияние русской культуры.

Реализация идеи скансена по формированию музеев свозимого типа в Кемеровской области развивалась при активном участии кемеровского этнографа В. М. Кимеева. Правомерность этого варианта музеефикации в России в 1980-е гг. обосновывалась архитекторами и музееведами страны. При этом как обязательное условие при перемещении музеефицируемых объектов на новую территорию обозначалось его размещение в одинаковой географической области и в подобной его первоначальному расположению среде [2, с. 18].

Исследование архивных материалов музея «Археология, этнография и экология Сибири», где хранится научно-проектная документация по шорскому улусу Кезек, обнаруживает следование методике, разработанной к концу 1980-х гг. российскими архитекторами, увлеченными идеями музеефикации памятников народного деревянного зодчества [2, 9; 6; 7].

Данная методика включала следующие этапы:

- общие исследования и подготовка историко-этнографического очерка;
- проектные предложения и проектирование;
- перевозка и реставрация;
- проектирование экспозиции и экспозиционно-монтажные работы.

Общие исследования в данном случае были тесно связаны с этнографической деятельностью В. М. Кимеева, научная работа которого с конца 1970-х гг. была направлена на исследование традиционной культуры шорцев Кемеровской области, в том числе специфики конструкции

традиционного жилища, его планировки, интерьера, организации усадебного комплекса и т.д. Таким образом, историко-этнографический очерк, основан на полевых этнографических материалах.

Дом Марфы Кискоровой рассматривался как ключевой объект усадьбы Кезек, время его постройки, нач. XX в., связано с традициями русского деревянного зодчества этого периода. В плане он представляет собой прямоугольную рубленную в «обло» клеть с холодной бревенчатой пристройкой и высоким крыльцом под навесом. Желобовая крыша из колотых бревен на «потоках» и «курицах» отражает старинную технику покрытия русской крестьянской избы [6, лл. 1—8]. Как дополняющие усадьбу объекты рассматривались «сенек», используемый шорцами с начала XX в. в качестве летнего жилища и сарай-погреб в виде двух низких клеток под двускатной крышей, каждая из которых имела низкий выход с дверью и небольшое окно [7].

На основании обследования традиционного хозяйства шорцев на данном этапе было решено включить в экспозицию улуса Кезек в музее-заповеднике «Томская Писаница» орехо-промысловый стан, в структуру которого входили: летнее жилище «одаг», гумно с навесом и станком для рушения кедровых шишек, бревенчатая эстакада для погрузки ореха на верховых лошадях, охотничья юрта и лабаз для хранения припасов и орехов. Проектировщиками отмечалось, что ввиду неудовлетворительного состояния всех пяти обследованных в Кезеке построек и невозможности их вывоза из Горной Шории, существует необходимость выполнить их новоделами из новой выдержанной древесины по старинной технологии.

Второй этап начался уже в 1987 г. и был связан с обсуждением проектных предложений и проектированием экспозиционной зоны «Шорский улус Кезек» в структуре музея-заповедника «Томская Писаница». Кемеровский этнограф В. М. Кимеев и иркутский этнограф О. В. Бычков в 1987 г. провели осмотр территории и выбрали площадку ближнего лога, напоминающего ландшафт Ближнего Кезека, откуда предполагалось вывезти постройки. В месте традиционного нахождения построек были выполнены обмерные чертежи (кроки) и проведена фотофиксация объектов. К концу 1987 г. эскизный проект улуса Кезек был утвержден на заседании департамента культуры в присутствии московских архитекторов. В 1988 г. по заказу директора музея-заповедника была сделана профессиональная топографическая съемка территории музея и начата работа над рабочими проектами деревянных построек. При участии новокузнецкого архитектора, сотрудника объединения «Реставрация, институт по реставрации памятников истории и культуры «Спецпроектреставрация» Сибирского филиала АРМ-5 В. Н. Усольцева были повторно сделаны обмеры

всех уже выкупленных построек и разработана научно-проектная документация, включающая:

- исходно-разрешительную документацию на все перевозимые объекты;
- результаты предварительных исследований деревянных построек;
- рабочую проектную документацию;
- обмерные и рабочие чертежи.

Вывозка весной 1989 г. была основана исключительно на энтузиазме группы, которой руководил исполняющий обязанности директора музея-заповедника В. М. Кимеев, в ее состав входили студент исторического факультета Кемеровского госуниверситета, сотрудник музея В. В. Ерошов и другие сотрудники музея «Томская Писаница». Все постройки были разобраны после маркировки. При этом велась поэтапная фотофиксация. После договоренности В. М. Кимеева с директором Шерегешского рудника А. А. Гертером танкеткой была пробита четырехкилометровая просека от берега Мрассу до улуса Ближний Кезек и с прицепом вывезены все бревна. Далее от устья реки Малая Суета, притока Мрассу, разобранные постройки вывозились машинами УРАЛ, предоставленными начальником Кузбасского управления лесных исправительно-трудовых учреждений, генерал-майором внутренней службы Н. П. Качаевым. До конца марта объекты были перевезены на территорию музея-заповедника.

Этап реставрации перед сборкой памятников деревянной архитектуры, предусмотренный методикой установки свозимых объектов, к сожалению, не был реализован по причине слабой материальной базы музея и отсутствия на тот момент рабочей документации.

В апреле-мае 1989 г. усилиями сотрудников музея произведена контрольная сборка, осенью этого же года на заседании Ученого совета музея принято решение об утверждении проекта улуса «Кезек». Окончательная сборка объектов историко-культурного наследия задержалась на четыре года и только осенью 1993 г. благодаря мастерству профессионального плотника

Н. И. Пустовалова, при помощи студентов исторического факультета КемГУ вывезенные сооружения были собраны и дополнены новоделом — орехо-промышленным станом. Свадебный шалаш, кладбище и др. были построены в середине 1990-х гг. Тогда же был помещен манекен шамана с бубном в соседний с амбаром дом-одноклеть.

Проектирование экспозиции основывается на материалах, полученных в результате предварительного исследования и историко-этнографического очерка. На их основе составляются документы по научному проектированию экспозиции, среди которых: экспозиционный замысел, тематическая структура, задание на проектирование и тематико-экспозиционный план. К сожалению, данный этап в архивных материалах

музея-заповедника «Томская Писаница» отражен фрагментарно. Изложение экспозиционного замысла в пояснительной записке не зафиксировано, но имеется тематическая структура в форме перечня тем и разделов, хотя не обозначено их размещение на экспозиционной площадке в соответствии с избранным принципом показа, состав и соотношение тематически связанных разделов, не приведено уточнение экспозиционных материалов [9].

Не представлен в архиве и такой документ как задание на проектирование, адресованное архитекторам и реставраторам, на основании которого они составляют эскизный проект, представляющий схему расположения архитектурно-этнографических объектов будущей экспозиции. Вероятно, по этой же причине в следующем документе — тематико-экспозиционном плане (ТЭП) — также не обозначено место архитектурных объектов на размещаемой территории.

ТЭП, являющийся исполнительским проектом экспозиции, одна из главных задач во всем цикле работ по созданию экспозиции любого музея. Тематико-экспозиционный план строится на основе тематической структуры музея и содержит конкретные материалы по экспозиционному выражению темы. План, составленный на конкретный архитектурно-этнографический объект музея по определенной форме, непременно должен содержать перечень сгруппированных в комплексы экспозиционных материалов с указанием их места на экспозиционной площади, типа (подлинник, копия), степени готовности для экспонирования («куплен, но не перевезен»; «нет в наличии»; «нужна копия» и т. п.). В ТЭП могут быть включены также тексты по отдельным комплексам, в которых отмечают состояние хозяйства, например, основные и подсобные занятия и т. п.

Тематико-экспозиционный план сопровождается пояснительной запиской, в которой указывают цель, задачи и хронологические рамки создаваемой экспозиции в соответствии с экспозиционным замыслом и тематической структурой, а также основные комплексы экспонатов, раскрывающие тему. ТЭП дает возможность полностью представить будущую экспозицию, определить объем работ, необходимый для ее завершения, выявить обеспеченность экспозиционными материалами и составить задание по конкретному, целенаправленному докомплектованию музейных предметов [9].

Составленный в 1992 г. зав. отделом этнографии музея Д. В. Седовым и старшим научным сотрудником И. П. Климычевой ТЭП в целом учитывал предъявляемые к этому документу требования, кроме включения в создаваемую экспозицию комплексов этнографических музейных предметов, характеризующих культуру шорцев данного периода [10].

В заключение следует отметить, что несмотря на материальные трудности, переживаемые музеем-заповедником «Томская Писаница», музеефикация недвижимых объектов историко-культурного наследия по принципу свозимых памятников, каким является комплекс сооружений «Шорского улуса Кезек», осуществлялась преимущественно на научной основе с использованием разработанных российскими архитекторами методов. Хочется

надеяться, что подлинный памятник в составе музея-заповедника будет сохранен для будущих поколений, отреставрирован и активно задействован в процессе актуализации историко-культурного наследия коренных народов Кемеровской области. Несомненно, улус Кезек обладает большим потенциалом для проникновения народных традиций в современную культуру музейными средствами.

Источники и литература

1. Варин, Ю. Термин и его значение / Ю. Варин // *Museum*, 1985. — № 148. — С. 5.
2. Гнедовский, Б. В., Добровольская, Э. Д. Музеи под открытым небом в СССР: развитие принципов и формирование структуры / Б. В. Гнедовский, Э. Д. Добровольская // *Музейное дело и охрана памятников*. — М.: Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, 1987. — 41 с.
3. Каулен, М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России / М. Е. Каулен. — М.: Этерна, 2012. — 432 с.
4. Кимеева, Т. И., Пронина, С. А. Проблемы фондовой деятельности в этнографических музеях под открытым небом Западной Сибири / Т. И. Кимеева, С. А. Пронина // *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. Кемерово, 2015. — № 30. — С. 122–130.
5. Материалы по экспозиции улуса Кезек // *Архив музея-заповедника «Томская Писаница»*. Ф. 3. Оп. 1. Д. № 17.
6. Научно-проектная документация «Комплексные научные изыскания. Обмерные чертежи. Дом Марфы Кискоровой» // *Архив музея «Археология, этнография и экология Сибири»*. Д. 958. 25 л.
7. Научно-проектная документация «Рабочие чертежи. Архитектурно-строительная часть.» // *Архив музея «Археология, этнография и экология Сибири»*. Д. 959–1, 2. 28 л.
8. Российская музейная энциклопедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp>. — Загл. с экрана.
9. Создание архитектурно-этнографических комплексов в музеях под открытым небом. — Л., 1986. — 62 с.
10. Тематико-экспозиционный план «Шорский улус Кезек» // *Архив музея-заповедника «Томская Писаница»*. Ф. 1. Оп. 1. Д. № 81.

References

1. Varin, Ju. Termini ego znachenie [The term and its meaning] // *Museum [Museum]*. — 1985. — no. 148. — pp 5. (In Russ.).
2. Gnedovskij, B. V., Dobvol'skaja Je. D. Muzei pod otkrytym neбом v SSSR: razvitie principov i formirovanie struktury [Open-air museums in the USSR: the development of principles and structure formation] // *Muzejnoe delo i ohrana pamjatnikov [Museology and protection of monuments]*. — Moscow, 1987. — 41 p. (In Russ.).
3. Kaulen, M. E. Muzeefikacija istoriko-kul'turnogo nasledija Rossii [Museefication historical and cultural heritage of Russia]. — Moscow, 2012. — 432 p. (In Russ.).
4. Kimeeva, T. I., Pronina, S. A. Problemy fondovoj dejatel'nosti v jetnograficheskikh muzejah pod otkrytym neбом Zapadnoj Sibiri [Problems stock activity in ethnographic open-air museums in Western Siberia] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]*. — 2015. — № 30. — pp. 122–130. (In Russ.).
5. Materialy po jekspozicii iulusa Kezek [Information on exposure Ulus Kezek] // *Arhivmuzeja-zapovednika «Tomskaya Pisanitsa» [Archive Museum «Tomskaya Pisanitsa»]* F. 3. inventory. 1. no. 17. (In Russ.).
6. Nauchno-proektnaja dokumentacija «Kompleksnye nauchnye izyskanija. Obmernye chertezhi. Dom Marfy Kiskorovoy» [Research and project documentation «Integrated scientific research. Measurement drawing. House Martha Kiskorovoy»] // *Arhiv muzeja «Arheologija, jetnografijai j ekologija Sibiri» [Archive Museum «Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia»]* case 958. 19 pp. (In Russ.).
7. Nauchno-proektnaja dokumentacija «Rabochie chertezhi. Arhitekturno-stroitel'naja chast'. Senek. Saraj-pogreb» [Research and project documentation «Working drawings. Architectural and construction part. Seneca. Shed-cellar»] case 959–1, 2. 28 p. (In Russ.).
8. Rossijskaja muzejnaja jenciklopedija [Russian Museum Encyclopaedia]. Available at: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp>. (In Russ.).
9. Sozdanie arhitekturno-jetnograficheskikh kompleksov v muzejah pod otkrytym neбом [Creating Architectural-Ethnographic Complex in the open-air museums]. — Leningrad, 1986. — 62 p. (In Russ.).

10. Tematiko-jekspozicionnyj plan «Shorskij ulus Kezek» [Specialized exhibit plan «Shorskij ulus Kezek»] // Arhivmuzeja-zapovednika «Tomskaya Pisanitsa» [Archive Museum «Tomskaya Pisanitsa»] F. 1. Inventory. 1. №. 81. (In Russ.).

УДК 13.51.01

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА

Ковешникова Елена Анатольевна,

к.и.н, доцент кафедры музейного дела, директор музея истории Кемеровского государственного института культуры (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: ezlena@mail.ru

Статья посвящена актуальной теме развития регионального внутреннего туризма в Кузбассе (Кемеровской области) и выделения основных проблем во внутреннем отечественном и региональном туризме, связанных с актуализацией историко-культурного наследия и роли музеев в сфере туризма.

Ключевые слова: музей, туризм, внутренний туризм, региональный туризм, историко-культурного наследие

THE MAIN PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF DOMESTIC AND REGIONAL DOMESTIC TOURISM

Koveshnikova Elena Anatolievna,

Candidate of Historical Sciences, decenterality Museum, Director of the Museum of the history of the Kemerovo state University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ezlena@mail.ru

The article is devoted to the topic of regional development of domestic tourism in the Kuzbass (Kemerovo region) and highlight key issues in domestic and regional tourism associated with the actualization of historical and cultural heritage and the role of museums in tourism.

Keywords: Museum, tourism, domestic tourism, regional tourism, historical and cultural heritage

Сегодня во всем мире туризм — это процесс, который тесно связан со всеми общественными сферами, он становится и весьма прибыльной динамичной областью мирового хозяйства.

Туризм является значимым средством актуализации историко-культурного наследия во всемирных коммуникативно-информационных, социально-экономических и культурных потоках, и стратегии стабильного развития. В настоящий период туризм рассматривается как одно из самых эффективных средств массовой востребованности и доступности культурного наследия.

Российские туристы активно путешествуют, но преимущественно посещают за границу, не уделяя должного внимания местным отечественным историко-культурным и природным памятникам, тогда как территория нашей страны весьма богата уникальными местами и достопримечательностями, аналогов которым нет за рубежом. Но, к сожалению, внутренний туризм в нашей стране пока еще не так популярен.

Организация и развитие внутреннего отечественного туризма является одной из наиболее актуальных проблем, острых тем многих научных

исследований, посвященных индустрии туризма в целом, а также его некоторых направлений. Особенность туризма, как составляющей части культуры и экономики заключается во внутренней организации многих взаимосвязанных между собой отраслей, среди которых можно выделить: транспортную, гостиничную, банковскую, досуговую сферы, а также инфраструктуру [4, с. 9].

Вследствие этого, считаем, что необходимо обозначить узловые проблемы развития внутреннего туризма, характерные как для Российской Федерации, так и для сибирского региона Кузбасса:

1. Проблема средств размещения туристов.

Малые средства для размещения массового туристического потока и завышенную цену уже функционирующих гостиничных номеров и отелей средней категории, требует существенных расходов и долговременных сроков окупаемости, поэтому инвесторам выгодно вкладывать средства в возведение других объектов и проектов. Как следствие, отмечаем недостаточную степень инвестиций, направленных на актуализацию культурного наследия.

2. Проблема транспортных средств.

Данный туристический сегмент связан с высокой стоимостью внутренних авиа перелётов. В связи с этим большинство российских туристов выбирают путешествия не внутри страны, а заграничные туры, например, Тайланд, Турцию или другие популярные направления. Альтернативный, железнодорожный и автотранспортный, не всегда удобен относительно временных рамок, учитывая большую протяженность территории нашей страны. Повышенная цена транспортных услуг, а также отсутствие качественной инфраструктуры для поездок автотранспортом, не всегда удовлетворительное качество дорог на отдельно взятых территориях, неразвитость придорожного сервиса — наличия кафе, отелей, стоянок, завышенная стоимость услуг, предоставляемых автопутникам, все эти факторы значительно мешают успешному формированию внутреннего туризма.

3. Проблема низкого уровня обслуживания.

Несмотря на установку привлечения туристов как результат подъема сервисного уровня и внимательности к клиентам, все еще очевидна общая тенденция низкого качества туристского сервиса.

Отметим, что проблема низкого уровня сервиса также связана с дефицитом профессионализма и квалификации обслуживающего туристического персонала, поэтому выделим вытекающую из этого типичную проблему.

4. Проблема дефицита профессиональных кадров.

Обозначим причины возникновения этой проблемы: небольшая зарплата в сфере внутреннего туризма, что порождает отток кадров в другие области, а также несоответствие практических знаний, приобретаемых будущими специалистами в высших учебных заведениях, требованиям, предъявляемым работодателями.

5. Проблема включения музеев в туристическую сферу.

Региональные музеи (собственно являясь главными держателями цивилизованной информации и обладателями большинства объектов туристического показа) почти не принимают участия в туристской деятельности (за редким исключением двух-трех крупнейших музеев), отсутствие системного подхода.

6. Проблема неравномерного формирования туризма.

Отечественный туризм носит локальный характер, далеко не все регионы функционируют на организацию внутреннего, а тем более комплексный подход во внутреннем туризме, предполагающего разнообразные вариации досуга на конкретной территории, особенно на срок больше суток.

Туристам интересно познать все многогранные возможности регионального туризма, в настоящее время особенно популярными становятся комбинированные туры [3, с. 93]. Немаловажно заинтересовать туриста и предложить вариации

проведения своего досуга и отдыха в конкретной местности на день, а возможно на несколько дней или неделю, что послужило бы сильной мотивацией посещения удаленных территорий.

Сибирский регион располагает большими рекреационными ресурсами, и ее уникальный туристско-рекреационный потенциал причислен к конкурентным преимуществам региона. Развитие индустрии отдыха и туризма имеет ярко выраженную общественную направленность и должно стать одной из самых важных региональных точек роста различных территорий Сибири, в том числе и индустриально развитых субъектов Российской Федерации, таких как Кемеровская, Новосибирская и Иркутская области.

На основе вышеизложенного особенную значительность завоевывает комплексное исследование Кузбасса как одного из перспективных отечественных туристских сегментов, это делает данную тему особенно актуальной.

На основании выше изложенного можно выделить основные проблемы, разрешение которых потребует для потенциальных туристических зон Кемеровской области:

1. Слабые организационно-правовые и социально-экономические механизмы, стимулирующие развитие внутреннего туризма, как одного из приоритетных направлений социально-экономического развития региона;

2. Недостаточный уровень инвестиций, направленных как на сохранение, так и на развитие культурного наследия;

3. Неразвитость туристской инфраструктуры на местах;

4. Низкое качество туристского обслуживания;

5. Дефицит профессиональных кадров в туристической сфере. Как следствие этих проблем, Кемеровская область не имеет тех туристских потоков, которые могла бы принимать уже сегодня [2, с. 372].

Вследствие этого актуальным является выявление рекреационного потенциала и перспектив возможного увеличения внутреннего туристического потока на отдельно взятой территории курорта «Танай» Промышленного района Кемеровской области.

Популярный горнолыжный спортивно — туристический комплекс «Танай» имеет достаточно мощную природную базу, благодаря ландшафту и природным ресурсам, которые используются почти по максимуму для различных видов зимнего отдыха, и только частично летнего, туристу представляется многообразный спектр услуг, связанных с развлечением и даже лечением.

Но, не смотря на эти положительные моменты, отдых в этом районе нельзя назвать бюджетным. Многие знают горнолыжный комплекс «Танай» как курорт зимнего туризма, что делает его «сезонным» местом отдыха, а не «круглогодичным».

Но, несмотря на эти недостатки, на курорте всегда большое количество туристов, приезжающих отдохнуть зимой и покататься на лыжах, санках и др.

Территория Танайского микрорайона наполнена огромным количеством живописных мест, богатой историей. Основная проблема состоит в том, что туристы, путешествующие по Промышленновскому району и посещающие этот курорт, совсем не владеют информацией о историко-культурном наследии данной местности, туристические центры мало рекламируются. Отсутствие должной рекламы и пиара не способствует привлечению дополнительного потока туристов, которые здесь еще никогда не бывали, а неразвитая инфраструктура и недостаток инвестиционных средств может привести уже существующие исторические объекты в упадок. Благодаря чему может возникнуть отток туристов, нечасто посещающих эту местность.

Одно из возможных решений данной проблемы — это реализация концепции создания музея истории Таная на территории курорта «Танай» с целью осуществления следующих задач: популяризации историко-культурных знаний широким массам в увлекательной и доступной форме. Именно такой музей сможет наиболее эффективно обеспечить презентацию уникальной местности курорта «Танай» и прилегающих территорий, их истории, природы и культурного наследия. Центрами туризма микрорайона «Танай» могут стать места археологических раскопок, деревни и поселения, имеющие историческое значение, например, заброшенный мраморный карьер вблизи села Ваганово и др.

Таким образом, курорт «Танай» обладает богатыми туристическими ресурсами, которые постепенно реализуются уже не первый год и при этом имеют возможность дальнейшего роста и расширения туристического продукта, с перспективой использования рекреационного потенциала близлежащей территории.

Выделим и другие наиболее перспективные туристско-рекреационные территории Кемеровской области: Гурьевский район, город Междуреченск, Крапивинский район, город Мариинск и Мариинский район, Тисульский район. Сегодня все более привлекательным для развития внутреннего туризма в Кемеровской области становится Чебулинский район (д. Шестаково), где раскопаны останки динозавров, захоронение теризинозавра — травоядного динозавра. Ценной находкой стали полные скелеты «ящеров-попугаев» пситтакозавров сибирских, и те, и другие обитали 125 млн. лет назад. Такие ценнейшие памятники, а вместе с тем и сама территория с уникальным растительным и животным миром послужат созданию заповедной зоны — национального парка и музейфикации памятника археологии и палеонтологии.

Во внутреннем туризме привлекательность региона для посещения его туристами обусловливается наличием надлежащих ресурсов, т. е. природных, историко-культурных объектов и других культурных ценностей, способных удовлетворить духовные потребности туристов.

Кемеровская область располагает высоким потенциалом для формирования внутреннего туризма, а богатейший ресурс музеев, музеев-заповедников, национальных парков, на территории которых находятся уникальные памятники культурного наследия, должен полноценно использоваться в туристской деятельности Кемеровской области [3, с. 91].

Одной из перспективных вариаций для успешного развития внутреннего туризма в Кемеровской области нам видится объединение стремлений ведущих музеев — заповедников — «Томской Писаницы», «Красной Горки», «Кузнецкой крепости», а также подключения Кемеровского областного Краеведческого и Новокузнецкого краеведческого музеев, формирование объединенного комплексного экскурсионного тура. Очевидно, что посещение музеев (при условии неплохой организации питания, транспортного обслуживания и возможности ночлега) сделает экскурсионный тур более наполненным и востребованным для внешних культурно-экономических связей и туризма Кемеровской области, допустимы и другие варианты.

В 2013 году был принят важный документ «Стратегии развития туризма в Кемеровской области» до 2025 года, утвержденный Губернатором Кемеровской области А. Г. Тулеевым [5]. В Стратегии учтены такие ключевые приоритеты государственной политики Российской Федерации как развитие системы стратегических информационных технологий, создание территориальных кластеров и новых приоритетных туристских центров; стимулирование развития конкуренции, форсированное развитие малого и среднего предпринимательства, повышение роли общественных объединений и общественных организаций.

Надо отметить главные конструктивные задачи по усовершенствованию организации и обеспечения дальнейшего формирования внутреннего туризма: 1. Придание региону особого статуса туристической дестинации; 2. Внесение дополнений в действующий Закон «О туризме», где требуется дать четкое определение историко-культурного туризма и ввести правовые основы его регулирования и содействия [1]; 3. Дальнейшее формирование Стратегии развития туризма и туристской индустрии в регионе на среднесрочный и долгосрочный периоды, где требуется заложить нормативное регулирование туризма, установить оптимальную структуру и координацию государственных структур; 4. Формирование развитой инфраструктуры, построенной на принципах социально-экономической эффективности,

устойчивости, экологической безопасности и инвестиционной привлекательности, разрешить инфраструктурные проблемы, наряду с этим вводя в туристский оборот новые культурно — исторические достопримечательности, которые значительно обогатят и придадут уникальность региональному турпродукту;

5. Формирование механизма финансирования актуализации ресурсного потенциала историко-культурного туризма, в том числе за счет привлечения средств предпринимателей и структур, заинтересованных в его развитии;

6. Усовершенствование системы информационного обеспечения развития историко-культурного туризма и как результат создание Интернет-справочника «Историко-культурный туризм региона», представляющего маршруты и туристические объекты, мониторинг спроса на предлагаемые экскурсионные туры, привлечения непосредственно посетителей сайта (историков, краеведов, культурологов, сотрудников туристических

организаций, музеев и т.д.) к разработке новых маршрутов; 7. Формирование профессионального кадрового потенциала для историко-культурного туризма, активное включение сельского населения в туристскую деятельность, в роли участников культурно-туристских программ и обслуживающего персонала.

Таким образом, важными условиями для успешного развития внутреннего отечественного туризма, в том числе и в Кузбассе, является формирование качественного туристского продукта, наличие квалифицированной маркетинговой стратегии продвижения внутреннего туристского продукта на общероссийском и региональном уровнях, проработанные методы и механизмы реализации рекламно-информационной политики, создание системы профессиональной подготовки кадров и переподготовки работающего персонала, привлечение инвестиций в развитие туристской инфраструктуры Кемеровской области.

Литература

1. Закон Кемеровской области от 13 июля 2009 г. N 88-ОЗ «О развитии внутреннего и въездного туризма» (принят Советом народных депутатов Кемеровской области 7 июля 2009 г. N 417) // Кузбасс, 2009. — 17 июля. — С. 6—8.
2. Ковешникова, Е. А. Перспективы развития культурно-познавательного туризма в Кузбассе / Е. А. Ковешникова // Сб. науч. статей. — ИКОФОМ, 2009. — С. 369—375.
3. Ковешникова, Е. А. Развитие культурного туризма в Кузбассе: Ученые записки НИИ прикладной культурологии / Е. А. Ковешникова // Кемеровский государственный университет культуры и искусств. — Кемерово: Кемеров. гос ун-т культуры и искусств, 2009. — Т. 2 (6). — С. 90—95.
4. Мазуров, Ю. Л. Охраняемые территории природного и культурного наследия / Ю. Л. Мазуров // Вестник МГУ. — Сер. 5. География. — 2008. — № 4. — С. 7—14.
5. «О стратегии развития туризма в Кемеровской области до 2025 года» / Распоряжение коллегии администрации Кемеровской области от 1.03.2013 г. N 194-р.

References

1. Zakon Kemerovskoy oblasti ot 13 iyulya 2009 g. N 88-OZ «O razvitii vnutrennego i v»ezdnogo turizma» (prinyat Sovetom narodnykh deputatov Kemerovskoy oblasti 7 iyulya 2009 g. N 417) [The law of the Kemerovo region dated July 13, 2009 № 88-OZ, «ON the development of domestic and inbound tourism» (adopted by the Council of people's deputies of the Kemerovo region July 7, 2009 N 417)]. — // Kuzbass, 2009. — 17 iyulya. — S. 6—8.
2. Koveshnikova, E. A. Perspektivy razvitiya kul'turno-poznavatel'nogo turizma v Kuzbasse [Prospects of development of cultural tourism in Kuzbass] // Sb. nauch. statey. — IKOFOM, 2009. — S. 369—375.
3. Koveshnikova, E. A. Razvitie kul'turnogo turizma v Kuzbasse [Development of cultural tourism in Kuzbass] [Tekst]: Uchenye zapiski NII prikladnoy kul'turologi / E. A. Koveshnikova // Kemerovskiy gosudarstvennyy universitet kul'tury i iskusstv. [Kemerovo state University of culture and arts.] — Kemerovo: Kemerov.gos un-t kul'tury i iskusstv, 2009. — T. 2 (6). — S. 90—95.
4. Mazurov, Yu. L. Okhranyaemye territorii prirodnogo i kul'turnogo naslediya [Protected areas natural and cultural heritage]. — Vestnik MGU. — Ser. 5. Geografiya. — 2008. — N 4. — S. 7—14.
5. «O strategii razvitiya turizma v Kemerovskoy oblasti do 2025 goda» [«The strategy of tourism development in Kemerovo region up to 2025»] // Rasporyazhenie kollegii administratsii Kemerovskoy oblasti ot [the Order of the Board of administration of the Kemerovo region from]. — 1.03.2013 g. - N 194-r.

УДК 069

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КРЕСТЬЯН КУЗБАССА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНОГО АРХИВА МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»

Реховская Татьяна Александровна,

к.и.н, доцент кафедры музейного дела, Кемеровский государственный институт культуры (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: rehowskaia@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы продовольственного обеспечения крестьян Кузбасса. Эта тема является весьма актуальной, так как помогает оценить уровень жизни крестьян Кузбасса. В статье устанавливаются различия в уровнях доходов различных категорий крестьян региона, прослеживается взаимосвязь между уровнем доходов и уровнем потребления. На основании анализа исторических источников делается вывод, что в лучшем экономическом положении находились крестьяне-старожилы, так как они проживали длительное время в Сибири и имели стабильное хозяйство, приносящее им значительный доход.

Крестьяне переселенцы делились на две группы: те, кто приехал в Сибирь по разрешению царского правительства, и те, кто перебрался в Сибирь добровольно. В лучшем положении оказывались крестьяне первой группы, так как они получали гарантированный участок земли. Крестьяне, приезжавшие в Сибирь самостоятельно (их называли самоходы) могли испытывать трудности при вселении в деревни и сёла. В источниках описываются разные ситуации взаимодействия крестьян переселенцев и крестьян старожилов.

Крестьяне переселенцы первые годы тратили все имеющиеся у них свободные деньги на развитие собственного хозяйства, но не на продовольственное потребление. Многие из них старались поселиться рядом со старожилами, чтобы устраиваться к ним на работу. В статье делается вывод, что уровень потребления зависел от времени проживания крестьян в Сибири.

Ключевые слова: крестьяне, переселение, продовольствие, потребление, сельское хозяйство, уровень жизни.

FOOD SUPPLY THE PEASANTS OF KUZBAS IN THE BEGINNING OF XX CENTURU ON MATERIALS OF THE SCIENTIFIC ARCHIVE OF THE MUSEUM-RESERVE «TOMSKAYA PISANITSA»

Rekohovskaya Tatiana Aleksandrovna,

Candidate of Historical Sciences, Docent of Department of Museology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: rehowskaia@yandex.ru

The article discusses the food security of the peasants of Kuzbass. This theme is very relevant because it helps to assess the level of life of the peasants of Kuzbass. In the article, there are differences in the income levels of different categories of farmers in the region, the observed relationship between the level of income and level of consumption. Based on the analysis of historical sources, concludes that in a better economic position were peasants-old-timers, as they lived long time in Siberia and had a stable economy that brought them considerable income. The peasant settlers were divided into two groups: those who came to Siberia with the permission of the tsarist government, and those who moved to Siberia voluntarily. In the best situation the farmers of the first group, as they received a guaranteed plot of land. The villagers, who traveled to Siberia on their own (they were called the walkers) could experience difficulties in settling in the villages. The sources describe different situations of interaction between farmers and displaced peasants old-timers.

Peasants immigrants the first years spent all of their free money on development of own economy, but not on food consumption. Many of them tried to settle next to the old-timers to get them to work. The article concludes that the level of consumption.

Keywords: peasants, resettlement, food, consumption, agriculture, standard of living, depended on the time of residence of the peasants in Siberia.

В России — стране с огромным аграрным потенциалом — часто возникали продовольственные трудности, с определённой периодичностью наступали голодные годы. Продовольственные затруднения испытывали не только горожане, но и крестьяне. Часто это было связано с погодными условиями, но также являлось закономерным последствием социально-экономической ситуации, сложившейся в России в конце XIX — начале XX века. Большое количество крестьян проживало в условиях малоземелья, что ограничивало их продовольственное потребление.

Сибирь с её огромными запасами свободной земли манила крестьян, которые активно стали её заселять в конце XIX — начале XX веков. Эти представления о богатстве сибирских жителей прослеживаются в воспоминаниях переселенцев. Так, информатор Баянова М. Е., 1888 года рождения, приехавшая вместе с родителями из Киевской губернии, вспоминала, что в начале века в деревне Подъяково было много ссыльных, которые жили очень богато. Имели табуны лошадей, стада коров, пасеки [1, л.48]. Безусловно, наличие свободной пахотной земли давало большие потенциальные возможности переселившимся крестьянам.

Крестьяне в Кузбассе в начале XX века, как и в Сибири в целом, делились на две группы: старожилы и переселенцы. К старожилам относились те, кто жил в Сибири продолжительное время, а переселенцами считали тех, кто приезжал в регион, начиная с конца XIX века. В среднем 11—15 лет уходило у переселенцев на то, чтобы наладить хозяйство в Сибири, только по прошествии этого времени считалось, что эти люди в Сибири прижились. Переселенцы в свою очередь делились ещё на две группы: те, кто получил разрешение на переезд в Сибирь от царского правительства и те, кто приехал сюда самостоятельно на свой страх и риск, таких людей называли «самоходами».

Уровень жизни этих категорий людей был различным и, следовательно, они имели разное продовольственное положение. Самыми обеспеченными были старожилы, которые прожив длительный период времени в Сибири, имели устойчивое хозяйство, приносившее стабильный доход. Крестьяне-переселенцы часто приезжали в Сибирь, не имея достаточных средств. Одним из возможных способов утвердиться здесь было устройство на работу к зажиточным крестьянам. Полученные деньги они тратили на развитие производства, ограничивая при этом собственное потребление, в том числе и продовольственное.

Те из переселенцев, кто приезжал в Сибирь с деньгами, также тратили их на обзаведение и развитие хозяйства, следовательно, и у них не оставалось денег на собственное потребление. Исходя из этого можно сделать вывод, что крестьяне старожилы отличались высоким уровнем продовольственного обеспечения, а многие пе-

реселенцы, наоборот, испытывали продовольственные трудности.

Их хозяйство в первые годы не приносило необходимого дохода, чтобы повысить доходность хозяйства, крестьяне занимались расширением производства, вкладывая в него деньги, полученные от продажи сельскохозяйственных товаров, которые могли бы пойти на собственное потребление. Переселенцы, как правило, получали неудобные земли. По сведениям информаторов, крестьяне — переселенцы Притомья получали необработанные земли и вынуждены были раскорчёвывать свои угодья, многие из них получали пашни в нескольких местах на большом расстоянии друг от друга [3, л.6]. Это ещё в большей степени затрудняло жизнь крестьян и их продовольственное потребление.

В ещё более тяжёлом положении находились крестьяне, которые приехали в регион самостоятельно, т. к. они не имели гарантий на получение земельного надела, который мог бы их обеспечить. Следовательно, уровень их продовольственного обеспечения был ещё ниже. Этой группе крестьян предстояло наладить отношения со старожилами, чтобы получить от них землю. Отношения складывались по-разному, в зависимости от того, какой запас земли имелся в деревнях. Если земли в деревне было мало, то был возможен конфликт при её разделе, старожилы отказывались её делить даже с крестьянами, получившими законное право на водворение в регионе.

Такой конфликт произошёл в деревне Воскресенке, когда сюда приехали выходцы с Украины, имевшие законное право на переселение. Для их наделов была отрезана земля от крестьянских угодий деревни Мохово, жители которой совершили вооружённое нападение на украинцев. Только вмешательство полиции остановило данный конфликт [3, л.8]. В деревне Зырянка наблюдалась противоположная ситуация: переселенцы отмечали гостеприимство сибиряков. В деревне Власково также не было конфликтов между старожилами и вновь прибывшими. Коренные жители деревни собирались на общий сход и решали, какую пашню отводить переселенцам, где им ставить дом [3, л.9].

Если «самоходы» находили свободную землю, то практически сразу решался вопрос с их размещением в Сибири. По воспоминаниям информатора Белоноговой Марфы Фёдоровны, 1914 года рождения, у её деда, жившего под Харьковом, была большая семья и земли не хватало, поэтому его сыновья отправились ходоками в Сибирь, дошли до реки Томи и остановились на заимке около деревни Колмогорова. Земли было достаточно много, и они закрепили землю за собой, а впоследствии перевезли семью [2, л.4].

Многие крестьяне, как старожилы, так и переселенцы занимались промыслами. Крестьяне — переселенцы, хорошо владевшие каким-либо

ремеслом, имели больше возможностей хорошо устроиться на новых землях. По воспоминаниям информатора Бугаева Ивана Ивановича, 1910 года рождения, его отец, приехавший из Мордовии, знал кожевенное дело, поэтому их семью чалдоны сразу приняли в общину и отвели свободную землю. Переселенцы, кто не владел ремеслом, вынуждены были покупать себе право жить в общинах старожилов [2, л.5].

Ремесло приносило значительный доход крестьянам и некоторые из них вообще отказывались от занятий сельским хозяйством. Например, жители деревни Пещёрка «жгли известь», а жители деревни Зырянка «гнали дёготь». Среди крестьян были распространены различные промыслы: жители деревни Власково жили вблизи железнодорожной станции «Литвиново» и занимались извозом, а также добывали кедровый орех [3, л.6]. Жители населённых пунктов Ярское и Иткара занимались лесозаготовками [2, л.12].

По свидетельствам информаторов, в урожайные годы хлеба было с избытком, муку и зерно весной продавали на базаре [3, л. 6]. С первого взгляда кажется, что если наблюдается перепроизводство продуктов питания, то продовольственное потребление крестьян будет очень высоким, но такого не происходило. Как отмечалось выше, все продукты реализовывались на рынке с целью получения денег, которые шли на расширение производства, но не на собственное потребление. Следовательно, даже в период хороших урожаев, потребление продуктов питания практически не увеличивалось.

Уровень продовольственного потребления крестьян отличался временем проживания в регионе и степенью развития их хозяйства. С увеличением срока проживания в регионе, улучшалось качество жизни крестьян и их продовольственное потребление.

Источники и литература

1. Дневник этнографической экспедиции «Обследование русских Притомья». Научный архив МЗТП. Ф.1, Оп. 1, Д. 43, Л. 48.
2. Научный отчёт об экспедициях в Яшкинский район. 1988—1989 гг. Научный архив МЗТП. ф.3, оп. 1, д.10
3. Научный отчёт этнографической экспедиции по обследованию Притомья Скрябиной Л. А. Ф. 3, Оп. 1. Д. 14, Л. 8.

References

1. Dnevnik etnograficheskoy ekspeditsii «Obsledovanie russkikh Pritom'ya». Nauchnyy arkhiv MZTP. F.1, Op. 1, D. 43, L. 48. [Diary ethnographic expedition «Survey of Russian Pretoma»].
2. Nauchnyy otchet ob ekspeditsiyakh v Yashkinskiy rayon. 1988—1989 gg. Nauchnyy arkhiv MZTP. f.3, op. 1, d.10 [Scientific report on the expeditions in Yashkinsky district 1988—1989. f. 3, op. 1, D. 10].
3. Nauchnyy otchet etnograficheskoy ekspeditsii po obsledovaniyu Pritom'ya Skryabinoy L. A. F. 3, Op. 1. D. 14, L. 8. Research report of the ethnographic expedition to survey Pretoma Skrebinai L. A.].

УДК 379.83

РЕЛИГИОЗНЫЙ ТУРИЗМ КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА (НА ПРИМЕРЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Родионова Дарья Дмитриевна,

кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой музейного дела Кемеровского государственного института культуры (Кемерово, Российская Федерация).

E-mail: dasha.d.rodionova@yandex.ru

Насонов Александр Александрович,

к.и.н., доцент кафедры музейного дела Кемеровского государственного института культуры (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: nas-alex-alex@rambler.ru

В статье обосновывается разница понятий «паломнический» и «религиозный» туризм. Под паломничеством подразумевают деятельность, носящую узкоконфессиональный характер, которая предполагает посещение религиозных объектов с сакральными целями для совершения обрядовых действий. В свою очередь, религиозный туризм рассматривается как разновидность культурно-по-

знавательного туризма, предусматривающего получение информации и личных впечатлений от демонстрации религиозных объектов в независимости от конфессиональной принадлежности туриста. Он включает посещение культовых сооружений и сакральных мест, ныне существующих или исчезнувших религий, участие в религиозных праздниках, при этом совершение ритуальных действий не входит в обязательную программу тура, они носят добровольный характер. Религиозный туризм также предполагает просмотр музейных экспозиций конфессионального содержания и прослушивание связанных с ними экскурсий. Авторы считают, что в рамках развития культурно-познавательного туризма в Кемеровской области религиозный туризм является одним из самых перспективных направлений. Обосновывается, что среди перспективных направлений развития религиозного туризма являются реконструкция бытовой обрядовости советского периода, существовавшей в условиях порицания со стороны государственных органов и общественного мнения, реконструкция или музеефикация молитвенных домов, где хозяйственно-бытовые обстоятельства существования сочетались с культовой практикой.

Одной из важнейших задач, которую по мнению авторов необходимо решать в рамках развития религиозного туризма, является совершенствование информационно-коммуникационных технологий с ним связанных, поскольку обо всем многообразии религиозного наследия потенциальный турист даже не догадывается. В статье приведены примеры уже существующих информационных ресурсов, направленных на категорию туристов, которая особенно интересуется религиозным туризмом.

Ключевые слова: внутренний туризм, религиозный туризм, историко-культурное наследие, информационно-коммуникационные технологии в туристской деятельности.

RELIGIOUS TOURISM AS A PROMISING DEVELOPMENT OF DOMESTIC TOURISM (FOR EXAMPLE KEMEROVO REGION)

Rodionova Daria Dmitrievna,

Ph. D., Associate Professor, Master of Museology, Head of Department of Museology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: dasha.d.rodionova@yandex.ru

Nasonov Aleksandr Aleksandrovich,

Candidate of Historical Sciences, Docent of Department of Museology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: nas-alex-alex@rambler.ru

The article explains the difference definitions of «pilgrimage» and «religious» tourism. Under pilgrimage meant activities of a narrow denominational character, which includes visits to religious sites sacred to the objectives of the action to carry out the ritual. In turn, religious tourism is seen as a kind of cultural tourism, providing information and personal impressions of the display of religious objects, regardless of religious affiliation tourist. It includes visits to places of worship and sacred places now existing or extinct religions, participation in religious festivals, while committing ritual is not included in the compulsory program of the tour, they are voluntary. Religious tourism also involves viewing museum exhibits confessional content and listening tours associated with them. The authors believe that in the development of cultural tourism in the Kemerovo region of religious tourism is one of the most promising areas. Proved that among the promising directions of development of religious tourism are the reconstruction of the household rites of the Soviet period, existing in a censure by the public authorities and public opinion, reconstruction or museumification houses of worship, where the circumstances of household combined existence of a cult practice. One of the main problems, according to the authors, that must be addressed in the development of religious tourism, is the improvement of information and communication technologies associated with it because all the variety of religious heritage potential tourist has no idea. The article gives examples of existing information resources aimed at travelers, which is particularly interested in religious tourism.

Keywords: domestic tourism, religious tourism, historical and cultural heritage, information and communication technologies in tourism activities.

В условиях смены геополитических приоритетов и обозначившейся тенденции к переориентации туристического потока с выездного туризма на освоение внутренних социально-культурных ресурсов, актуальным вопросом, стоящим в повестке дня органов государственной власти,

бизнес-сообщества, образовательных и музейных учреждений, стало выявление наиболее перспективных направлений внутреннего туризма и форсированное их развитие. Среди них особое внимание последние годы уделяется религиозному туризму. Туристические фирмы, экскурсионные

бюро, музеи все более активно используют религиозные объекты в своей деятельности. Научные учреждения готовят аналитические обзоры [5], оценивая современное состояние, определяя перспективы развития и формулируя рекомендации для составления и внедрения религиозных маршрутов и туров в субъектах Российской Федерации.

На сегодняшний день можно констатировать, что обозначилась тенденция к разграничению понятий «религиозный туризм» и «паломничество». Как правило, под паломничеством подразумевают деятельность, носящую узкоконфессиональный характер. Она предполагает посещение религиозных объектов с сакральными целями для совершения обрядовых действий. В свою очередь, религиозный туризм следует считать разновидностью культурно-познавательного туризма, предусматривающей получение информации и личных впечатлений от демонстрации религиозных объектов в независимости от конфессиональной принадлежности туриста. Он включает посещение культовых сооружений и сакральных мест ныне существующих или исчезнувших религий, участие в религиозных праздниках, при этом совершение ритуальных действий не входит в обязательную программу тура, они носят добровольный характер. Религиозный туризм также предполагает просмотр музейных экспозиций конфессионального содержания и прослушивание экскурсий связанными с ними. Так, заместитель директора по научной работе Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева С. Ю. Житенёв определяет религиозный туризм как «вид путешествия с познавательными и историко-культурными целями, он является формой познавательного туризма, а также деятельностью по организации посещения туристами находящихся вне обычной среды проживания религиозных и достопримечательных мест, связанных с историко-культурным и природным наследием» [1, с. 21].

С точки зрения гармонизации общественных отношений религиозный туризм выполняет ряд важных функций. Так, в рамках туров подобной направленности совершенствуется мировосприятие туриста, поскольку он расширяет свои познания не только о религии, повлиявшей на его культурную традицию, но и о других духовных системах. При этом религиозный туризм способствует формированию веротерпимости. Как правило, опасения вызывает то, о чем отсутствует достоверная информация. Турист, знакомясь с религиозными объектами культурного наследия, от экскурсовода узнает об истории религии, сути вероучения, в ходе осмотра культовых сооружений познает этические и эстетические аспекты конфессии.

В рамках развития культурно-познавательного туризма в Кемеровской области религиозный туризм является одним из самых перспективных

направлений. Сегодня в Кузбассе развивается конфессиональное музееведение. При Кемеровской епархии Кузбасской митрополии Русской православной церкви успешно функционирует музей истории православия на земле Кузнецкой [3], который посещают не только прихожане Знаменского кафедрального собора г. Кемерово, но и самые разнообразные категории посетителей: школьники, студенты, участники научных мероприятий, гости города и др.

Религиозные объекты, находящиеся в структуре музеев-заповедников Кемеровской области, традиционно привлекают внимание туристов. Так, современный музейный комплекс, активно занимающийся продвижением разных видов туристических продуктов, музей-заповедник «Томская Писаница» в свою структуру включает следующие объекты религиозного туризма: подлинное древнее святилище (наскальные изображения), экспозицию «Мифология и эпос народов Сибири», реконструкцию языческого святилища «Славянский мифологический лес», часовню Равноапостольных Кирилла и Мефодия [2]. Такое разнообразие отражает специфику религиозного туризма, поскольку позволяет экскурсоводам продемонстрировать основные составляющие духовного взаимодействия на юге Западной Сибири во временной ретроспективе.

Безусловно, сами по себе религиозные центры Кузбасса являются важными туристическими объектами. На сегодняшний день они представляют собой целые культурные комплексы, сохраняющие и популяризирующие не только религиозное наследие, но и наследие народов, исповедующих данные вероучения. Среди таких комплексов не только православные центры. Так, мечеть «Мунира» является духовно-культурным центром ислама, второй по числу последователей конфессии Кузбасса. Католический приход Непорочной зачатия Пресвятой Девы Марии способствует сохранению духовного наследия населения, имеющего польское и немецкое происхождение.

Однако потенциал религиозного туризма во всем его разнообразии раскрыт далеко не полностью как в России в целом, так и в Кузбассе в частности. Среди перспективных направлений развития религиозного туризма: реконструкция бытовой обрядовости советского периода, существовавшей в условиях порицания со стороны государственных органов и общественного мнения; реконструкция или музеефикация молитвенных домов, где хозяйственно-бытовой обстоятельности существования сочетались культовой практикой.

Одной из важнейших задач, которые необходимо решать в рамках развития религиозного туризма, является совершенствование информационно-коммуникационных технологий с ним связанных, поскольку обо всем многообразии религиозного наследия потенциальный турист

даже не догадывается. Сегодня уже существуют определенные информационные ресурсы, направленные на ту категорию туристов, которая особенно интересуется религиозным туризмом. Так, например, туристический портал Волгоградской области [7] в разделе «Туризм в Волгограде и Волгоградской области» наряду с такими видами туризма как экологический, активный, речной, деловой, социальный, культурно-познавательный, детско-юношеский выделяет и религиозной туризм. В данном разделе, помимо разъяснения понятий «религиозный» и «паломнический туризм» очень подробно представлена информация о православных монастырях, к которым проложены маршруты, старейшим православным обителям, святым источникам и т.д. Все это сопровождается фотографиями, описаниями месторасположения и гиперссылками, дающими более подробную информацию об объекте, а также адреса и телефоны для организации самого маршрута.

Очень интересным на наш взгляд является сайт «Путешествуй в России. Все виды туризма для Вас!» [4]. Данный ресурс примечателен тем, что представляет все виды туризма в восьми федеральных округах России. На сайте очень простая и понятная навигация, представленная как в виде слов, так и в виде символов, что максимально облегчает и убыстряет поиск необходимой информации. Так, например, Кемеровская область представлена на сайте пятью религиозными достопримечательностями: Часовня иконы Божьей матери «всех скорбящих радость», Церковь Святой Троицы, Знаменский кафедральный собор, Святой источник Иоанна Крестителя, Соборная мечеть «Мунира». Каждый объект имеет красочную фотографию, описание, и краткую справку о том, где он находится и в какие часы работает.

Для тех, кого религиозный туризм относительно недавно заинтересовал, можно рекомендовать «Travel to the Paradise» [8] — русскоязычный сайт о туризме. Конечно, его навигация оставляет желать лучшего, среди синих букв на синем фоне еще нужно найти нужную закладку «религиозный

туризм», однако имеющаяся там информация довольно интересна и разнообразна. На сайте представлены как этапы организации поездки, суть и типы религий, так и более подробное описание мест, которые рекомендуется посетить. Описаны праздники, религиозные обряды и история основных мировых религий — христианства, ислама, буддизма.

Конечно, если рассуждать о туризме, и религиозный туризм не является исключением, то потребителям данного контента всегда стоит обращать внимание на инфраструктуру туристской дестинации, где расположены те объекты, которые хотим посетить, обеспечен ли к ним комфортный доступ. И тут на помощь приходит Трипадвизор [6] — самый крупный в мире сайт для путешественников, который предоставляет информацию о достопримечательностях, отелях и авиаперелетах и т.п. По нашему запросу сайт выдал необходимую информацию как о достопримечательностях, их месторасположении, ближайшие гостиницы, так и отзывы уже посетивших данный объект, связанный с религиозным туризмом.

Однако существующих информационных ресурсов по религиозному туризму явно недостаточно. На наш взгляд, требуется создание специализированного портала по религиозным достопримечательностям не только Кемеровской области, но и юга Западной Сибири.

Сегодня для распространения внутреннего туризма сформировались благоприятные условия, особенно при реализации политики импортозамещения. Одной из важнейшей составляющей успешности этого процесса является осознание обществом данной необходимости. В контексте развития религиозного туризма необходима не только популяризация этого вида культурно-познавательной деятельности среди населения, активизация проектной деятельности музейных учреждений, но и заинтересованность религиозных организации в собственном позитивном позиционировании в социокультурной среде региона.

Литература

1. Житенёв, С. Ю. Современные культурно-познавательные путешествия / С. Ю. Житенёв // Вопросы культурологии. — 2014. — № 4. — С. 19–23.
2. Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.gukmztp.ru/expozisii.html> (дата обращения 23.09.2015).
3. Музей истории православия на земле Кузнецкий: офиц. сайт. [Электронный ресурс]. — URL: <http://muzey.mitropolit.info/> (дата обращения 20.09.2015).
4. Путешествуй в России. Все виды туризма для Вас! [Электронный ресурс]. — URL: <http://rulandinfo.ru/tours/120/> (дата обращения 23.09.2015).
5. Современное состояние религиозного туризма и его социальная роль в России и за рубежом: аналитический обзор / Международная туристская академия. — Москва, 2010. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.travelglossary.ru/knowledge/files/sovremennoe_sos.doc (дата обращения 23.09.2015).
6. Трипадвизор [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.tripadvisor.ru/>. (дата обращения 20.09.2015).

7. Туристский портал Волгоградской области [Электронный ресурс]. — URL: http://welcomevolgograd.com/religiozniy_turizm.html. (дата обращения 20.09.2015).
8. Travel to the Paradise [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.you2way.ru/> (дата обращения 23.09.2015).

References

1. Zhitenjov, S. Ju. Sovremennye kul'turno-poznavatel'nye puteshestvija [Modern cultural and sightseeing tours] Voprosy kul'turologii [Questions science of culture]. — 2014. — no 4. — pp. 19–23.
2. Istoriko-kul'turnyj i prirodnyj muzej-zapovednik «Tomskaja Pisanica» [Historical-cultural and natural museum-preserve «Tomsk Pisanitsa»] (in Russ.). Available at: <http://www.gukmztp.ru/expozisii.html> (accessed 23.09.2015)
3. Muzej istorii pravoslavija na zemle Kuzneckij [Museum of the History of Orthodoxy on the ground Kuznetsky] (in Russ.). Available at: <http://muzey.mitropolit.info/> (accessed 20.09.2015)
4. Puteshestvuj v Rossii. Vse vidy turizma dlja Vas! [Travel to Russia. All kinds of tourism for you!] (in Russ.). Available at: <http://rulandinfo.ru/tours/120/> (accessed 23.09.2015)
5. Sovremennoe sostojanie religioznogo turizma i ego social'naja rol' v Rossii i za rubezhom: analiticheskij obzor [The current state of religious tourism and its social role in Russia and abroad: an analytical review] (in Russ.). Available at: http://www.travelglossary.ru/knowledge/files/sovremennoe_sos.doc (accessed 23.09.2015)
6. TripAdvisor [TripAdvisor] (in Russ.). Available at: <http://www.tripadvisor.ru> (accessed 20.09.2015)
7. Turistskij portal Volgogradskoj oblasti [Tourist portal Volgograd region] (in Russ.). Available at: http://welcomevolgograd.com/religiozniy_turizm.html (accessed 20.09.2015)
8. Travel to the Paradise [Travel to the Paradise] (in Russ.). Available at: <http://www.you2way.ru/> (accessed 23.09.2015).

УДК 069

РОЛЬ МУЗЕЕВ-ЗАПОВЕДНИКОВ В ФОРМИРОВАНИИ БРЕНДА ТЕРРИТОРИИ НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»

Статья выполнена при поддержке благотворительного фонда М. Прохорова «Академическая мобильность»

Родионов Семен Григорьевич,

аспирант 1 года обучения кафедры музейного дела, Кемеровский государственный институт культуры (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: senya-sc@mail.ru

В статье анализируется такое понятие как «бренд» и возможность его использования в формировании имиджа определенной музейной дестинации. Туризм развивает инфраструктуру территории и включает ее в мировое культурное пространство независимо от территориального расположения объекта. Основываясь на анализе нормативных документов, автор делает вывод, что комплексное развитие внутреннего и въездного туризма с учётом обеспечения экономического и социокультурного прогресса в регионах России позволит осуществить ребрендинг музеев и территорий, где они располагаются, для дальнейшего развития туризма региона. Кузбасс имеет все необходимые предпосылки для внутреннего и въездного туризма и на сегодняшний день активно развивает данное направление. На примере историко-культурного и природного музея-заповедника «Томская Писаница» обосновываются возможности развития и функционирования туристического бренда. Приводятся примеры активного внедрения нового направления в туристской деятельности — событийного туризма. Автор считает, что правильный подход в использовании бренда территории формирует привлекательный имидж Кузбасса для потенциальных клиентов, создает благоприятные условия жизнедеятельности и повышения деловой активности, обеспечивает эффективное использование природных, материально-технических, финансовых, трудовых, организационных, социальных и других ресурсов.

Ключевые слова: бренд территории, туристический бренд, музей-заповедник, индустрия туризма, Кузбасс, дестинация

THE ROLE OF MUSEUMS-PRESERVES IN THE FORMATION OF A TERRITORIAL BRAND ON THE EXAMPLE OF THE HISTORICAL CULTURAL AND NATURAL MUSEUM-PRESERVE «TOMSKAYA PISANITSA»

Rodionov Semen Grigorevich,

first year postgraduate student Kemerovo state University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).
E-mail: senya-sc@mail.ru

The article analyzes the notion of «brand» and the possibility of its use in forming the image of a certain Museum destination.

Tourism is developing the area's infrastructure and includes it in the world cultural space regardless of the spatial location of the object. Based on the analysis of normative documents, the author concludes that the integrated development of domestic and inbound tourism with a view to ensuring economic and social progress in the regions of Russia will allow rebranding museums and territories where they are located, for the further development of tourism in the region. Kuzbass has all the necessary prerequisites for domestic tourism and are actively developing this direction. On the example of the historical cultural and natural museum — preserve «Tomskaya Pisanitsa» substantiates the possibility of the development and functioning of tourist brand. Examples of active implementation of the new direction of tourism — event tourism. The author thinks that the correct approach is to use the brand site creates an attractive image of Kuzbass for potential clients, creates good living conditions and the increase in business activity and ensures efficient use of natural, material and technical, financial, human, organizational, social and other resources.

Keywords: brand, tourism brand, the museum-preserve, tourism industry, Kuzbass, destination

Еще совсем недавно, в начале 2000-х годов, такое понятие как «бренд» применялось только по отношению к торговым маркам, в очень узком значении. Даже и речи не шло применять данное понятие к каким-либо объектам культурного или природного наследия, которые характеризовались термином «достопримечательности». А на сегодняшнем этапе развития общества таким понятием как «бренд территории» никого не удивишь и оно абсолютно понятно для всех.

Пока культурное наследие считалось достопримечательностью, к нему можно было приобщаться, совершить паломничество, им любовались, восхищались, о нем рассказывали, им гордились, но материальной выгоды не извлекали. За просмотр, как известно, денег не берут. Как только те же объекты культурного наследия, не изменяя своей физической и духовной сущности, превратились в бренды, из них стало возможным извлекать прибыль [1]. Бренд (англ. brand — марка, клеймо) — совокупность отличительных свойств продукта (имени, упаковки, репутации), которая обеспечивает товару узнаваемость и популярность на рынке. Классическое определение бренда дано Американской маркетинговой ассоциацией: бренд — это название, слово, выражение, знак, символ или дизайнерское решение, или их комбинация в целях обозначения товаров и услуг конкретного продавца или группы продавцов для отличия от их конкурентов. Существует еще одно определение — это совокупность представлений, ассоциаций, образов, идей и обещаний, которые складываются в умах людей о конкретном продукте или компании [5]. Интересен тот факт что, сфера туризма одной из первых воспользовалась

сложившейся ситуацией. «Раскрутка» бренда территории делает определенную дестинацию более привлекательной для туристов.

Сегодня такое понятие как «Туристический бренд» набирает все большую популярность. Туристический бренд — это известный объект или комплекс объектов природного, культурно-исторического наследия, а также маршрут, который охватывает посещение данных объектов, уникальные события, ремесла, услуги, занятия, привлекающие к себе большой поток туристов. Туристические бренды — это те выдающиеся достопримечательности, которые показывают гостям территории в первую очередь, без ознакомления с которыми знакомство с данной местностью обычно считается неполным [4].

Во-первых, туризм однозначно развивает инфраструктуру данной территории, во-вторых, включает ее в мировое культурное пространство независимо от территориального расположения объекта. Предприятия питания, размещения и транспортные организации, конечно, требуют денежные вложения на начальном этапе, а при рациональном использовании быстро окупаются все затраты и приносят прибыль. Но не стоит оставлять без внимания то, что большой приток туристов формирует потребность в рабочих местах, которые могут быть заняты местным населением, например, предоставить ночлег в традиционном жилище или попробовать традиционную кухню, что на практике применяется в филиале музея-заповедника «Трехречье» — «Тазгол». Можно представить традиционную культуру в виде театрализованной экскурсии для посетителей, где экскурсовод в образе статского советника воссоз-

дает атмосферу губернского Новгорода XIX века и ведет рассказ о жизни города. Этот пример можно увидеть в «Новгородском государственном объединённом музее-заповеднике». А в его филиале «Витославицы» проводится свадебный обряд, с соблюдением всех традиций и вовлечением посетителей в праздник.

Основываясь на Стратегии развития туризма до 2020 года, главная цель которой — комплексное развитие внутреннего и въездного туризма с учётом обеспечения экономического и социокультурного прогресса в регионах России, сегодня мы можем с уверенностью говорить о необходимости ребрендинга музеев и территории, где они располагаются, для дальнейшего развития туризма региона [7]. Это особенно актуально в свете появления такого понятия как импортозамещение в сфере туризма, под которым подразумевается необходимость у потребителей отдыхать на территории собственной страны. Отсюда возникает вопрос туристского потенциала регионов России. Куда поехать отдыхать и что посмотреть при максимально развитой туристской инфраструктуре — один из самых распространенных запросов.

Анализ развития индустрии путешествий в Российской Федерации свидетельствует о существенном росте потока отдыхающих, увеличении объемов оказания туристских и санаторно-оздоровительных услуг. По экспертным оценкам в последнее десятилетие заметно увеличилась потребность россиян в изучении многовековой истории собственной страны и ознакомлении с составляющими ее уникального природного богатства. Уникальность объектов историко-культурного и природного наследия, создание благоприятной санитарно-эпидемиологической обстановки формируют устойчивый спрос на российские туристические услуги, стимулируют внутренний турпоток [8].

Кузбасс имеет все необходимые предпосылки для развития внутреннего и въездного туризма. На сегодняшний день Кузбасс ассоциируется с такими понятиями как уголь, тайга, шахтер. В то же время уже сформировались такие туристские Кузбасские бренды как Йети, горнолыжный курорт Шерегеш или ситтакозавр сибирский.

На наш взгляд, историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница» обладает огромным потенциалом для развития как бренда территории, так и туризма. Сегодня музей представляет собой музейно-туристический комплекс, в арсенале которого многообразные формы и методы работы, направленные на привлечение различных категорий туристов. Музей-заповедник активно внедряет новое направление в туристской деятельности — событийный туризм.

Он включает проведение широко известных праздников: Рождество, Масленица, Троица, праздники, как автохтонных народов «шорцев», так и этносов, населяющих территорию Кузбасса и др. Кроме того, широко применяются новые формы работы с посетителями, так например музей-заповедник вошел в федеральную программу по развитию велотуризма и успешно ее внедрил.

Дальнейшее функционирование музея-заповедника «Томская Писаница», во многом зависит от наличия и развития объектов инфраструктурного комплекса.

Сегодня в планах «Томской Писаницы» строительство второго входного узла для посетителей, в котором будут предусмотрены как места для экспозиций, так и для размещения предприятий общественного питания, торговли, места для отдыха. В перспективе востребовано строительство гостиницы на территории музея-заповедника [3].

Кроме того, музей-заповедник имеет особый статус объекта культурного наследия федерального значения, для которого был разработан проект зон охраны данной территории [2].

Анализируя деятельность музея-заповедника, мы можем с уверенностью сказать, что он занимает форвардные позиции для развития внутреннего и въездного туризма, а также позиционирует себя как бренд территории. На сегодняшний день музей-заповедник «Томская Писаница» является государственным автономным учреждением культуры, что позволяет ему быть более самостоятельным в принятии решений по дальнейшему развитию себя как туристской дестинации.

Уникальность бренда заключается также в том, что при минимальной бюджетной поддержке он должен сам на себя зарабатывать, развиваться и тиражироваться. Чем больше брендов, тем больше возможностей привлечь туристом на ту или иную территорию.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что правильный подход в использовании бренда территории направлен на формирование привлекательного имиджа Кемеровской области для потенциальных клиентов, ее престижа, создание благоприятных условий жизнедеятельности и повышение деловой активности, на обеспечение эффективного использования сосредоточенных в нашем регионе природных, материально-технических, финансовых, трудовых, организационных, социальных и других ресурсов [6]. На наш взгляд, бренд территории выступает в качестве мощного инструмента конкурентной борьбы, что должно находить отражение в стратегических документах территориального планирования и является одной из ключевых сфер государственной территориальной политики.

Литература

1. Весенина, Т. Культурные места как бренд: опыт города и деревни [Электронный ресурс]. — URL:http://www.gttpr.ru/PC/pc_70.htm (дата обращения 21.09.2015)
2. Зауэрвайн, Л. Т. Развитие сети достопримечательных мест и музеев-заповедников Кузбасса как основы организации и совершенствования культурно-познавательного туризма / Л. Т. Зауэрвайн // Внутренний туризм как основа устойчивого развития региона. сб. науч. статей / отв. ред. Е. Л. Кудрина. — 2015. — С. 22—31.
3. Каплунов, В. А., Скрябина, Л. А. Архитектурный историко-этнографический комплекс «Русские Притомья» как новый социокультурный проект музея-заповедника «Томская Писаница» / В. А. Каплунов, Л. А. Скрябина // Вестник КемГУКИ. — 2015. — № 32. — С. 57—64.
4. Левочкина, Н. А. Туристические бренды территории: структура и особенности / Н. А. Левочкина // Российское предпринимательство. — 2012. — № 20 (218). — С. 152—158.
5. Назайкин, А. В. Что такое бренд? А. В. Назайкин // Брендинг [Электронный ресурс]. — URL:http://www.nazaykin.ru/_br_brand.htm (дата обращения: 10.09.2015)
6. Родионов, С. Г. Использование бренд-мифа «Йети» для развития туристического потенциала Горной Шории / С. Г. Родионов // Внутренний туризм как основа устойчивого развития региона: сб. науч. статей / отв. ред. Е. Л. Кудрина. — 2015. — С. 207—213.
7. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]. — URL:.. — <http://government.ru/docs/12933/> (дата обращения: 11.09.2015)
8. Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011—2018 годы)» [Электронный ресурс]. — URL:<http://www.russiatourism.ru/content/2/section/28/detail/28> (дата обращения: 10.09.2015)

References

1. Vesenina, T. Kul'turnye mesta kak brend: opyt goroda i derevni [Cultural places as a brand: the experience of cities and villages] Available at: http://www.gttpr.ru/PC/pc_70.htm (in Russ.).
2. Zauervajn, L. T. Razvitie seti dostoprimechatel'nyh mest i muzeev-zapovednikov Kuzbassa kak osnovy organizacii i sovershenstvovaniya kul'turno-poznavatel'nogo turizma [Developing a network of attractions and museum-reserves of Kuzbass as a basis for the organization and improvement of cultural tourism]. Vnutrennij turizm kak osnova ustojchivogo razvitija regiona. sb. nauch. statej [Domestic tourism as a basis for sustainable development of the region]. Ed. E. L. Kudrina. — 2015. — pp. 22—31. (in Russ.).
3. Kaplunov, V. A., Skryabina, L. A. Arhitekturnyj istoriko-jetnograficheskij kompleks «Russkie Pritom'ja» kak novyj sociokul'turnyj proekt muzeja-zapovednika «Tomskaja pisanica» [Architectural history and ethnographic complex «Russian so tired» as a new socio-cultural project Museum «Tomskaya pisanitsa»]. Vestnik KemGUKI [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]. — 2015, no 32, pp.57—64. (in Russ.).
4. Levochkina, N. A. Turisticheskie brendy territorii: struktura i osobennosti [Tourist Brands areas: structure and features] Rossijskoe predprinimatel'stvo [Russian Entrepreneurship]. — 2012. — no. 20 (218). — pp. 152—158. (in Russ.).
5. Nazajkin, A. V. Chto takoe brend? [What is a brand?] Brending [Branding]. Available at: http://www.nazaykin.ru/_br_brand.htm. (in Russ.).
6. Rodionov S. G. Ispol'zovanie brend-mifa «Jeti» dlja razvitija turisticheskogo potenciala Gornoj Shorii [Using the brand myth «Bigfoot» for the development of the tourist potential of the Gornoj Shoria] Vnutrennij turizm kak osnova ustojchivogo razvitija regiona. sb. nauch. statej [Domestic tourism as a basis for sustainable development of the region]. Ed. E. L. Kudrina. — 2015. — pp. 207—213. (in Russ.).
7. Strategija razvitija turizma v Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda [Strategy of tourism development in the Russian Federation for the period till 2020]. Available at: <http://government.ru/docs/12933/>. (in Russ.).
8. Federal'naja celevaja programma «Razvitie vnutrennego i v'ezdnogo turizma v Rossijskoj Federacii (2011—2018 gody)» [The federal program «Development of domestic tourism in the Russian Federation (2011—2018 years)»] Available at: <http://www.russiatourism.ru/content/2/section/28/detail/28>. (in Russ.).

УДК: 069.017

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЕДОМСТВЕННЫХ МУЗЕЕВ НА ПРИМЕРЕ РАЗРАБОТАННОЙ КОНЦЕПЦИИ МУЗЕЕВ НА ТЕРРИТОРИИ КУРОРТА «ТАНАЙ»

Сырыгин Денис Сергеевич,

аспирант 1-го года обучения Кемеровского государственного института культуры (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: dasius@rambler.ru

Статья посвящена самым ярким проблемам ведомственных музеев. Автор на примере концептуальных музеев курорта «Танай» раскрывает современные проблемы, анализируя и сравнивая, выявляя потенциал ведомственных музеев, их роль и значимость для современного общества. На данный момент существует федеральный закон о музейных фондах, регулирующий основные положения и права музеев. Но ведомственные музеи зачастую находятся на попечительстве коммерческих компаний и корпораций, что значительно уменьшает уровень сохранности частных коллекций и не всегда обеспечивает защиту со стороны государства. Ведомственные музеи могут выступать в роли идеологических стержней и направлять молодых специалистов в различные сферы и отрасли. К сожалению, данная функция работает далеко не во всех музеях данного типа. В пример был приведен разработанный проект музеев курорта «Танай» Кемеровской области. Концепция данных музеев четко дает понять, какая общественная, научная, краеведческая и культурная польза могла бы быть при реализации данного проекта. Но в связи с последующим отказом и отсутствием спонсирования со стороны компании-заказчика, проект остался существовать на этапе разработанной идеи, что, по мнению автора, также является проблемой ведомственных музеев.

Ключевые слова: ведомственные музеи, музейный фонд, курорт «Танай», музей минералов.

ACTUAL PROBLEMS OF DEPARTMENTAL MUSEUMS' CONCEPT AT THE RESORT «TANAY» AS AN EXAMPLE

Syrygin Denis Sergeevich,

first year postgraduate student of Kemerovo state University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: dasius@rambler.ru

The article is dedicated to the most important problems of departmental museums. Using the example of conceptual museums of the resort «Tanay» the author discloses modern problems, analyzing and comparing, educating the potential of departmental museums, their role and significance for contemporary society. At the present moment there is the federal law on the museum funds, regulating fundamental principles and rights of museums. As the departmental museums are often in charge of commercial companies and corporations, this meaningfully reduces the safety degree of private collections and not always affords protection from government. The departmental museums may play a role of ideological strand and direct young specialists to different spheres and branches. Unfortunately, this function works not at nearly all museums of such type. The developed project of museums of the resort «Tanay», Kemerovo region, was used as an example. The conception of such museums makes clear what social, scientific, regional and cultural interests could be when realizing this project. But because of the subsequent failure and the lack of sponsorship of business customer the project stopped at the stage of developed idea. The author considers it as the other problem of the departmental museums.

Keywords: departmental museums, museum fund, resort «Tanay», museum of minerals.

В настоящее время наша страна богата учебными, культурными, административными и научно-производственными организациями, где находятся ведомственные музеи, которые являются одним из ключевых моментов культурной и общественной жизни людей. Многие из этих музеев хранят в своих стенах замечательные собрания, выступают инициаторами значительных

научных и культурных мероприятий. Ведомственные музеи формируют определенную идеологию в профессиональной, культурной, научной и других сферах деятельности той организации, где этот музей располагается, что нередко выгодно самой организации, для привлечения молодых и заинтересованных специалистов.

Правовое положение музеев нашей страны определяет закон «О Музейном фонде РФ и музеях в РФ» № 54 ФЗ от 26 мая 1996 г., а также Положение о Музейном фонде Российской Федерации, утвержденное постановлением Правительства Российской Федерации от 12.02.1998 № 179 [4]. Закон определяет, что музей — некоммерческое учреждение культуры, созданное собственником для хранения, изучения и публичного представления музейных предметов и музейных коллекций, а также для достижения иных целей, определенных настоящим Федеральным законом.

Целями создания музеев в Российской Федерации являются:

- осуществление просветительной, научно-исследовательской и образовательной деятельности;
- хранение музейных предметов и музейных коллекций;
- выявление и собирание музейных предметов и музейных коллекций;
- изучение музейных предметов и музейных коллекций;
- публикация музейных предметов и музейных коллекций.

Ведомственные музеи — это музеи различного профиля, подчиняющиеся отдельным министерствам и ведомствам. В целом ведомственные музеи выполняют те же функции сохранения, изучения и представления памятников культурного и научного значения.

Действующий Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» не регулирует деятельность негосударственных музеев частных корпораций. Как правило, они не имеют статуса юридического лица, не являются самостоятельными учреждениями, а создаются как структурные подразделения различных учреждений — частных предприятий, акционерных обществ и т.д. — и решают производственные задачи: профорientация, реклама, укрепление внутрикорпоративных коммуникаций и т.п [2].

Необходимо отметить, что подавляющее большинство частных и корпоративных музеев не имеет системы учета и хранения коллекций, отвечающей требованиям «Инструкции по учету и хранению музейных ценностей» от 1985 г. Тем не менее, корпоративные музеи сохраняют в своих фондах не только историю предприятия, но и свидетельства научно-технического прогресса, что является неотъемлемой частью культурного наследия народов нашей страны.

При этом и закрыть, и уничтожить ведомственный музей очень легко, т.к. он не защищен законом, что является одной из важнейших проблем. Если меняется руководитель предприятия или меняются его планы, если понадобилось помещение, которое занимает ведомственный музей, или уходит энтузиаст, который им занимал-

ся, — музей исчезает, расформировывается, частью приватизируется, а иногда и вообще пропадают все накопленные коллекции [3].

Единственным выходом в такой ситуации может быть включение собрания музея в состав Музейного фонда Российской Федерации. Оно не должно рассматриваться как имущество предприятия. Для включения коллекции в Музейный фонд необходимо проведение экспертизы, которая определяет историко-культурную, научную, мемориальную или художественную значимость коллекции.

Прежде всего, музей рассматривается как социальный институт, занимающийся сохранением и использованием культурного наследия. Сегодня музей может предоставить разнообразные музейные программы и проекты для всех категорий населения, а также предложить решение образовательных, социально значимых культурных задач. Одной из таких задач является популяризация историко-культурных знаний, их пропаганда широким массам в увлекательной и доступной форме, создание условий для раскрытия творческого потенциала молодежи, привлечения ее к профессиональной ориентации.

Для образцового показа были взяты разработанные концепции музея истории Таная и музея минералов, которые планировалось создать на территории курорта «Танай» Промышленновского района Кемеровской области.

Была предложена научная концепция создания музея истории Таная на территории курорта «Танай» для реализации вышеизложенных возможностей, и по возможности максимального использования потенциала данной территории. Решалось создать музей с целью сохранения и популяризации историко-культурного наследия локальной территории и развития туризма. Стратегически — миссия музея истории Таная заключалась в сохранении и презентации историко-культурного наследия Промышленновского района Кемеровской области и непосредственно территории Таная, в формировании общественного, культурного и научного интереса.

Экспозиции музея должны предоставить посетителю качественные возможности для непрерывного образования (с учетом различных способов усвоения знаний и типов аудитории), с постоянным совершенствованием физической, интеллектуальной и эмоциональной доступности музея.

Для создания экспозиций потребуются интенсивная деятельность по комплектованию коллекций. Могут быть использованы следующие возможности при комплектовании: предметы из ведомственных музеев края (могут быть переданы для временной выставки); экспозиции, созданные из предметов частных коллекций; це-

лые коллекции-экспозиции, созданные при спонсорстве конкретного предприятия.

В основе образовательных и просветительских программ музея лежит социальная ориентированность. Планировалось, что музей истории Таная должен будет вести активную деятельность в этом направлении, создавая целевые программы, мероприятия, выступая организатором познавательного семейного досуга, возможно даже организовывая тематические клубы [1, с. 27].

Предполагалось, что помимо основной выставочной деятельности в музее будут проходить следующие формы культурно-образовательной деятельности:

1. Организация волонтерского движения: взаимодействие с ВУЗами и школами города Кемерово и с ближайшими образовательными учреждениями и жителями деревень, а также селами Промышленновского района с целью распространения информации о научной и образовательной деятельности музея и привлечения обучающейся молодежи и местного населения к участию в музейных программах. Создание условий для научных исследований различных тем по направлениям научно-исследовательской и образовательной деятельности музея для студентов, аспирантов, научных сотрудников.

2. Организация культурно-образовательных занятий, праздников, фестивалей для всей семьи, в рамках которого каждый участник (и взрослый, и ребенок) получит уникальную возможность познакомиться с безграничным и увлекательным миром музея.

3. Организация мастер-классов на базе музея и территории курорта.

4. Организация экскурсионных туров выходного дня по достопримечательным местам Танайского микрорайона [1, с. 28].

Вышеизложенная информация дает лишь малую часть того, как в идеале может или даже должен выглядеть музей истории Таная, для того, чтобы достичь поставленных перед ним задач. Благодаря этому музей должен стать основным инструментом на территории курорта для формирования историко-культурного, научного сознания и краеведческого интереса к родному региону. Непосредственно в этих направлениях ему может помочь создание музея минералов на территории курорта «Танай».

Идея создания первого музея минералов, как известно, принадлежит М. В. Ломоносову. Обучаясь в Германии основам рудного дела, он пришел к выводу, что «учить надо не только по книгам, но и по натурным предметам». В наше время во всём мире насчитывается около 500 минералогических музеев. Как правило, они относятся в качестве подразделений к тем или иным крупным академическим, научно-исследовательским или научно-образовательным организациям

или центрам. Коллективы сотрудников многих минералогических музеев занимаются активной научно-исследовательской работой по изучению экспонатов из собрания музея и смежными направлениями в минералогии [1, с. 29].

Ряд музеев самостоятельно издаёт научную и научно-популярную литературу о минералах. Во многих минералогических музеях проводятся экскурсии, консультации, читаются лекции с показом фото- и кино- материалов о месторождениях минералов и добыче коллекционных образцов, об экспозициях других музеев, регулярно организуются тематические выставки и т. д. В последние годы активно развивается традиция выставочного обмена между музеями разных регионов и стран. При многих музеях имеются собственные научные библиотеки. Одной из главнейших задач и функций ведущих минералогических музеев была, есть и будет — популяризация научных знаний.

Музей минералов курорта «Танай» должен стать культурно-просветительским, учебным и научным учреждением, которое на основе материалов полевых геологических экспедиций и результатов научных исследований создает экспозиции, формирует коллекции, изучает природные геологические памятники Кузнецкого края и историю развития горного дела Кемеровской области. На примере Кузнецкого геологического музея города Кемерово, музей минералов может сотрудничать с университетами, колледжами, гимназиями, школами, детскими и юношескими центрами, как Промышленновского района, так и города Кемерово и Кемеровской области [1, с. 29].

В наше время музеи должны являться содержательной доминантой культурного туризма. Они показывают комплекс объектов очень значимых для человечества, создают информационные поводы, культурные программы и событийный ряд для различных целевых групп туристов, формируют притягательные бренды.

Используя специфические ресурсы и практики, музей истории Таная и музей минералов могут воздействовать на развитие позитивного образа территории Таная, способствовать формированию местных брендов, привлекающих туристов, инвесторов и исследователей. Музеи должны не просто стать визитной карточкой и одним из основных имиджевых ресурсов, но и активно включиться в разработку программ регионального развития, позиционирования и продвижения территории, конструирования ее образов и популяризации историко-культурного наследия.

Финансовую основу для создания, а в дальнейшем и экономическую поддержку для содержания музеев планировалось взять из спонсорства. Кузбасская холдинговая компания «Сибирский Деловой Союз» является владельцем данного курорта, а так же заказчиком проекта по созданию музеев. Но впрочем разработка концепции заказ

был отменен, а спонсорство не реализовано. Такая ситуация так же может послужить примером проблемы по созданию ведомственных музеев, т.к. имеется огромный культурный, историче-

ский, краеведческий, научный и туристический потенциал, который можно было реализовать в создании вышеприведенных музеев на территории курорта «Танай» в Кузбассе.

Литература

1. Сырыгин, Д. С. Комплексная программа мероприятий для развития внутреннего туризма на территории курорта «Танай»: дипл. работа / Д. С. Сырыгин. – Кемерово, КемГУКИ, 2015. – 78 с.
2. Как обеспечить неприкосновенность коллекций ведомственных музеев [Электронный ресурс]: сайт. — Издательский Дом «Панорама». — Режим доступа: <http://www.panor.ru/upload/iblock/f49/f49dd79451309a4edb7009d4e57435df.pdf> — Загл. с экрана.
3. Развитие ведомственных музеев обсудят на конференции в Мурманске [Электронный ресурс]: сайт. — РИА Новости., — М., 2014 — ., — Режим доступа: <http://ria.ru/culture/20150702/1108634740.html> — Загл. с экрана.
4. Федеральный закон от 26 мая 1996 г. N 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Каталог документов информационного банка «ГАРАНТ.РУ» [Электронный ресурс]: информационно-правовой портал. — Электрон. дан., 2014. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/123168/>. — Загл. с экрана.

References

1. Syrygin, D. S., Kompleksnaya programma meropriyatiy dlya razvitiya vnutrennego turizma na territorii kurorta «Tanay» [Package programme of events for the development of domestic tourism at the resort «Tanay»]. Diplomnaya rabota [Graduation work]. — Kemerovo. 2015. — p. 78. (In Russ.).
2. Kak obespechit neprikosnovennost kollekcij vedomstvennyh muzeev [How to produce the collections' imunity of departmental museums]. Sait. Izdatelskiy dom «Panorama» [Site, Publishing house «Panorama»]. Access mode: <http://www.panor.ru/upload/iblock/f49/f49dd79451309a4edb7009d4e57435df.pdf>
3. Razvitie vedomstvennyh muzeev obsudyat na konferencii v Murmansk [Development of departmental museums is discussed at the conference in Murmansk]. Sait. RIA Novosti [Site, RIA News]. 2014. Access mode: <http://ria.ru/culture/20150702/1108634740.html>
4. Federalnyi zakon ot 26 maya 1996 g. N 54 — FZ «O Muzeinom fonde Rossiyskoy Federacii i muzeyah v Rossiyskoy Federacii» [Federal law, 05.26.1996, N 54-FZ on «Museum Fund of the Russian Federation and Museums in the Russian Federation»]. Katalog dokumentov informacionnogo banka «GARANT.RU» [Documentary catalogue of informational bank «GARANT.RU»]. — 2014. Access mode: <http://base.garant.ru/123168/>

УДК 902.342

ПРОБЛЕМЫ МУЗЕФИКАЦИИ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Каплунов Валерий Александрович,

заслуженный работник культуры РФ, директор ГАУК КО Музей-заповедник «Томская Писаница» (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: mztp@bk.ru

Покровская Анна Федоровна,

кандидат культурологии, заместитель директора по науке ГАУК КО Музей-заповедник «Томская Писаница», старший преподаватель кафедры музейного дела Кемеровского государственного института культуры (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: aspaf@mail.ru

Евдокимова Мария Александровна,

младший научный сотрудник музея-заповедника «Томская Писаница», студентка 4 курса кафедры музейного дела Кемеровского государственного института культуры (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: evdokimova.marya@mail.ru

Данная статья представляет собой обзор научной литературы, посвященной проблеме музеефикации археологического наследия на территории России. Авторы анализируют работы, освещающие

методы сохранения и популяризации археологических памятников. Приведены взгляды российских исследователей на определение места памятника археологии в современном обществе.

Ключевые слова: музеефикация памятников археологии, археологический музей-заповедник, культурное наследие

THE PROBLEM OF MUSEUMIFICATION OF MONUMENTS OF ARCHEOLOGY IN THE WORKS OF RUSSIAN RESEARCHERS

Kaplunov Valeriy Aleksandrovich,

Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Director of the Museum-preserve «Tomskaya Pisanitsa» (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: mztpt@bk.ru

Pokrovskaja Anna Fedorovna,

Candidate of Culturology, deputy director for science of the Museum-preserve «Tomskaya Pisanitsa», a Senior Lecturer of Department of Museology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: aspaf@mail.ru

Evdokimova Marya Aleksandrovna,

Junior Researcher of the Museum-preserve «Tomskaya Pisanitsa», 4th year student of the Department of Museology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: evdokimova.marya@mail.ru

This article is a review of the scientific literature on the problem of museification of the archeological heritage in Russia. The authors analyze the scientific researches, illuminating the methods of preservation and popularization of archaeological monuments. The views of researchers on designation role and place of archaeological monument in modern society are presented.

Keywords: museumification of archaeological monuments, archaeological museum-preserve, cultural heritage

Проблеме музеефикации археологических памятников в России посвящено большое количество работ, особого внимания среди которых заслуживает обобщающая монография Медведя А. Н. «Музеефикация памятников археологии в России (прошлое и настоящее)». В ней автор рассматривает различные подходы к проблеме музеефикации археологических памятников, а также анализирует практический опыт сохранения археологического наследия в России с первой половины XIX в. до начала 80-х гг. XX в. Автор конкретизирует определение «памятник археологии как музейный предмет», уточняет типологию археологических памятников. Исследователь предлагает сместить акцент от «памятник археологии — объект исследования», к «памятник археологии — объект охраны и ресурс воспитания человека» [16].

А. Н. Медведь в своей монографии опирается на различные публикации по данной теме, так он рассматривает методы и принципы организации археологического музея-заповедника, предложенные Булатовым Н. М. в статье «Принципы организации археологических музеев-заповедников». В ней обосновываются важные положения о музеефикации памятника по месту его расположения (в ином случае перевезенный объект становится музейным экспонатом), организации заповедной

зоны вокруг памятника или группы памятников как обязательного условия музеефикации. Булатов Н. М. определяет критерии отбора памятника для показа: историческая ценность, степень сохранности, доступность для посещения, а также типы музеефицируемых памятников. По мнению Медведя А. Н., интересной представляется мысль автора о необходимости создания в музее-заповеднике междисциплинарной экспедиции, включающей в себя реставраторов, археологов и музейных работников. Медведь А. Н. подчёркивает, что, как показала практика, деятельность таких групп при музеефикации архитектурно-археологических комплексов Пантикапея и Херсонеса оказалась весьма эффективной [16].

А. Н. Медведь особо выделил то, что Булатов настаивает на обособлении, «специализации» археологических музеев-заповедников, что, по его мнению, позволило бы превратить их в самостоятельные научно-производственные центры. Медведь А. Н. утверждает, что в этом случае подобные музеи могли бы распространять свою деятельность на другие регионы страны [16].

Проанализировав статью Булатова Н. М. «Опыт музеефикации археологических (каменных) остатков на территории РСФСР», Медведь А. Н. отмечает что, рассматривая несколько музеефицированных археологических памятников (Довмонтов город

в Пскове, Болагарское городище, Танаис), автор на их примере выявляет некоторые недостатки, присущие археологическим заповедникам вообще. По мнению Медведя А. Н., недостатки эти носят как объективный характер (например, «полукоткрытый» показ археологического памятника способствует его сохранности, но снижает степень эмоционального воздействия посетителя), так и субъективный. Отмечена неудачная, с точки зрения Булатова, музеефикация Довмонтова города, так как показ очертаний древних сооружений, выложенных современными кладками, не является показом подлинных древних зданий. Обеспокоенность автора статьи вызывает и не всегда научно обоснованное воссоздание на территории заповедника «Танаис» сооружений-реконструкций [16].

Интерес Медведя А. Н. вызвала статья известного археолога Бадера О. Н. «Музеефикация археологических памятников». В данной работе автор, рассматривая несколько проектов музеефикации памятников археологии, выделяет четыре типа археологических заповедников: 1. Города а) с каменными стенами и зданиями; б) с сырцовыми постройками; в) древнерусские и болгарские города с земляными укреплениями 2. Древние поселения и погребения а) эпохи палеолита б) других эпох 3. Пещеры, скалистые навесы и ниши а) древние обиталища б) святилища 4. Наскальные рисунки. Признается, что «наиболее целесообразна такая музеефикация на территории крупных населенных пунктов или рядом с ними. Именно в этих условиях памятникам часто угрожает разрушение. В данной статье типология археологических музеев под открытым небом не совсем точная, т. к. многие памятники могут состоять не из одного материала, так считает Медведь А. Н. [16].

А. Н. Медведь предполагает, что необходимость увеличения числа археологических музеев-заповедников стала очевидной после проведения в Ереване в 1980 г. Всесоюзной конференции «Проблемы охраны памятников археологии в населенных местах». Общим проблемам организации археологического музея заповедника в условиях города был посвящен доклад Шелова Д. Б. «Экспозиция памятников археологии в условиях городской застройки», прочитанный на этой конференции. Автор предлагал ряд мер, необходимых для создания и работы такого музея, главными из которых являются: «вычленение территории заповедника из сферы городской застройки; создание защитных сооружений — павильонов, навесов, водоотводов; определение охранной зоны вокруг заповедника и режима застройки с целью органического сочетания заповедника и его построек с окружающим городским пейзажем». Другой путь — консервация памятников археологии на месте их обнаружения. Предлагается включение отдельных памятников в современный пейзаж, в современные построй-

ки с ограниченным экспонированием их внутри зданий [16].

А. Н. Медведь считает, что попыткой обобщить опыт работ некоторых археологических музеев-заповедников может служить обзорная работа Федорова-Давыдова Г. А. и Булатова Н. М. «Археологические музеи-заповедники (проблемы и перспективы)», опубликованная в 1987 г. Авторами выделены типы музеефицированных археологических памятников: комплексы археологических памятников; отдельные объекты; археологические памятники, расположенные в пределах крупных историко-архитектурных комплексов. Также определены проблемы, с которыми приходится сталкиваться при создании музеев-заповедников: дальнейшая конкретизация критериев отбора памятников для музеефикации (научная ценность, сохранность, доступность для обзора, гарантии для защиты музеефицированных комплексов); методов музеефикации памятников; способов закрепления подлинных остатков после очистки их от земли [16].

А. Н. Медведь рассматривает статью Куратова А. А. «Археологические скансены в СССР», в которой представлена информация о различных археологических заповедниках на территории СССР, рассматриваются проблемы реконструкции и музеефикации каменных лабиринтов на Соловецких островах. Определяются задачи сохранения и использования «археологических скансенов», среди которых: 1) вычленение главных критериев отбора памятников для музеефикации; 2) обоснование основных методов в создании скансенов (среди них обращает внимание пункт, предусматривающий перенос памятников из мест обнаружения на специальную территорию — мера, допустимая лишь в самых крайних случаях); 3) эффективное использование археологических скансенов в научно-просветительской и познавательно-воспитательной работе. По мнению Медведя А. Н., термин «археологический скансен», применяемый автором, не совсем удачен, так как под «скансеном» понимается музей, созданный на основе памятников, свезенных из мест бытования на специально отведенную территорию [16].

Ряд других работ освещает проблему музеефикации археологических памятников. Каулен М. Е. считает единственным способом включения археологического памятника в современную культуру его музеефикация [5]. Автор выделяет несколько типов объектов: археологические памятники (городища, селища, стоянки, могильники, оросительные системы, производственно-ремесленные комплексы), археологические объекты (отдельные сооружения), археологические находки, наскальные изображения. Также описывает различные подходы к музеефикации археологических памятников и объектов.

Рассматривая опыт создания музеев на основе археологических памятников, Данильченко И. В. в статье «Причины и процесс создания музеев-заповедников в СССР (на материалах Костромской и Ярославской областей)» отмечает, что появлению музеев-заповедников в советское время послужило ряд причин: рост международного и отечественного туризма, требовавший реставрации и сохранения памятников; для должного идеологического воспитания требовался централизованный контроль над культурно просветительской работой музеев; улучшение благосостояния граждан (музейных работников) [2].

Статья «Опыт организации археологического заповедника «Танаис» Шелова Д. Б. посвящена проблемам сохранения городища Танаис и функционированию на его основе музея-заповедника «Танаис». Продемонстрирован принцип организации его создания, ошибки и проблемы, с которыми пришлось столкнуться [17].

А. М. Кулемзин в своей работе «Восьмое чудо Кузбасса. Шестаковский музей-заповедник: концепция создания и развития», предложил ряд рекомендаций по музеефикации Шестаковского комплекса путем создания музея-заповедника и его дальнейшего развития: представлена структура, этапы создания и развития музея-заповедника [9].

Проблемам сохранения историко-культурного наследия и музеефикации археологических памятников посвящено более 50 публикаций Мартынова А. И., среди которых такие работы, как «Проблема сохранения и использования археологического наследия России»; «Современные проблемы использования памятников историко-культурного наследия»; «О концепции современного отношения к природно-археологическим ландшафтам Южной Сибири»; «Музеефикация памятников историко-культурного наследия и исторических мест — проблема национальная»; «Об одной современной национальной проблеме России»; «Археологические объекты как ресурс современного общества» и др [8; 10–14]. В своих трудах ученый указывает на противоречие между большим количеством объектов историко-культурного наследия на территории России и незначительным числом археологических музеев-заповедников. Среди причин отставания России в создании музеев-заповедников в природной среде автор называет факторы идеологического и экономического характера, отмечает, что археологическая наука видит свою роль только в изучении археологических памятников путем их раскопок.

Особый вклад Мартынова А. И. в теорию и практику современного музееведения заключается в теоретическом обосновании и создании первого в России многопрофильного культурного комплекса — музея-заповедника «Томская Писаница»,

созданного на основе археологического памятника федерального значения «Писаницы» (Томская писаница). В связи с этим интерес представляет статья Мартыновой Г. С.¹ и Мартынова А. И. «Три «жизни» Томской писаницы» [15]. В ней авторы прослеживают изменения функций памятника древнего наскального искусства на протяжении нескольких тысячелетий: от древнего святилища до создания на его основе многопрофильного музея-заповедника. Как справедливо отмечают А. В. Киселев и Е. А. Ковешникова в статье «Музейная триада академика А. И. Мартынова (к 80-летию ученого, учителя, коллеги), музей-заповедник «Томская Писаница» — «детище» академика А. И. Мартынова стал своего рода явлением в культуре Сибири и России, новым словом в музейном деле, расширившим традиционные представления о музее. Анатолий Иванович Мартынов и в настоящее время продолжает трудиться в «Томской Писанице» — он является главным научным сотрудником музея-заповедника [7].

Рассмотрел вопрос о создании Кузбасских экомузеев как разновидности этнографического музея Бедин В. И. в своей статье «Музеефикация памятников наскального искусства и новые направления в музейном строительстве». Он уделит внимание музеефикации уникального памятника наскального искусства — Томской писаницы и созданию на его основе музея-заповедника. Автором были выделены два новых направления в развитии музея-заповедника. Во-первых, здесь впервые памятник наскального искусства рассматривается и преподносится посетителям в единстве с природой, т. е. как явление природно-историческое. Во-вторых, создаются музейные зоны [1].

Вопросам музеефикации памятников археологического наследия посвящена статья Каплунова В. А. и Мартынова А. И. «Современные проблемы музеефикации памятников археологического наследия», опубликованная в сборнике материалов конференции «Музей и вопросы сохранения, изучения и использования культурного наследия», которая проходила в г. Кызыл в 2014 г. В статье авторы поднимают проблему отношения археологической науки к памятникам лишь как к объектам изучения путем раскопок и рассматривают различные способы современного использования археологического наследия [4].

А. Б. Шухободский в своей диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук «Статус памятника истории и культуры в современной России» сформулировал определения «культурной ценности» и «памятника истории и культуры». Под «культурной ценностью» пони-

1. Галина Семеновна Мартынова, кандидат исторических наук, директор музея-заповедника «Томская Писаница» в период его становления: с 1991 по 2004 гг.

мается определенный культурный объект, который, находясь в обладании частного лица, группы лиц или государства, представляется ценностью для широкого круга субъектов и (или) социальных групп (сословий, корпораций, религиозных конфессий, классов, наций или всего человечества). «Памятником истории и культуры» («объектом культурного наследия») является специфический вид недвижимой «культурной ценности», зарегистрированной государством в списках, своде или реестре в установленном законом порядке. Автор уделил особое внимание различиям между движимыми и недвижимыми «культурными ценностями» [18,7].

Выявлено, что «объекты археологического наследия» являются отдельным феноменом, так как они могут обладать как признаками движимости, так и недвижимости, что выделяет их в ряду «памятников истории и культуры». Это и ещё ряд специфических свойств придает им особый статус. Причем недвижимые объекты археологии должны быть признаны «объектами культурного наследия», а движимые музейными предметами [9,7].

Ряд авторов предлагает такую форму сохранения и презентации археологического наследия, как создание музейных и археологических парков. Так Дробышев А. Н., автор диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии «Музейный парк как форма презентации археологического наследия», обосновывает соединение историко-культурного наследия и богатого природного ландшафта в музейный парк [3].

Автор на основе анализа различных работ по теме, выделяет следующие принципы музеефикации археологических объектов: сохранность, научная достоверность реконструкции, единство с окружающим природным ландшафтом, повторная аккультурация.

Ю. В. Кирюшина в работе «Археологические парки в системе культурного наследия России» рассматривает одну из наименее распространенных в России форм сохранения археологического наследия посредством организации археологических парков. По мнению автора, в отличие от археологического музея-заповедника, в архео-

логическом парке памятники могут дополняться этнографической экспозицией, современными реконструкциями древних сооружений. Здесь сочетается сохранение и изучение археологического наследия с наследием природным. Исследователь анализирует опыт музеефикации таких памятников, как «Архаим», «Томская Писаница», «Перекресток миров» путем создания музеев-заповедников [6]. Таким образом, автор описывает опыт создания и работы музеев-заповедников как учреждений культуры, призванных сохранять и популяризировать историко-культурное наследие в комплексе: археологические памятники, объекты этнографии и природы. Такие музеи-заповедники Ю. В. Кирюшина называет «археологические парки». Однако таких определений, как «музейный парк», «археологический парк» в нормативных документах не существует, что создает определенную терминологическую путаницу.

На основе анализа различных подходов к проблеме сохранения археологического наследия, можно сделать вывод о том, что археологический памятник в современном обществе рассматривается как:

1. Археологический памятник — памятник культуры: основная задача общества — сохранение физического состояния и безопасность.

2. Археологический памятник — объект активного научного изучения.

3. Археологический памятник — экономический ресурс развития территории, связанный с отраслью туризма.

В заключение следует отметить, что, несмотря на большое количество работ культурологов и археологов по проблеме музеефикации археологических памятников, на сегодняшний день имеется единственная обобщающая работа Медведя А. Н. «Музеефикация памятников археологии в России (прошлое и настоящее)», опубликованная в 2004 г. Кроме того, автор детально рассматривает только средневековые памятники, находящиеся на территории России. Таким образом, остается актуальной проблема сохранения и публичного представления археологического наследия, как достояния общества.

Литература

1. Бедин, В. И. Музеефикация памятников наскального искусства и новые направления в музейном строительстве / В. И. Бедин // Наскальное искусство Азии: Тезисы докладов Международной конференции «Наскальное искусство Азии» (изучение, сохранение, использование). — Кемерово, Кузбассвузиздат, 1995. — Выпуск 1. — С. 7—8.
2. Данильченко, И. В. Причины и процесс создания музеев-заповедников в СССР (на материалах Костромской и Ярославской областей) / И. В. Данильченко // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2014. — № 5. — Т. 20. — С. 85—88.
3. Дробышев, А. Н. Музейный парк как форма презентации археологического наследия: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. культурологии (24.00.03) / Дробышев Андрей Николаевич. — Тюмень, 2011.

4. Каплунов, В. А., Мартынов, А. И. Современные проблемы музеефикации памятников археологического наследия / В. А. Каплунов, А. И. Мартынов // Музей и вопросы сохранения, изучения и использования культурного наследия: Материалы научно-практической конференции (с международным участием), посвященной 85-летию основания Национального музея Республики Тыва. — Новосибирск, 2014. — С. 208—211.
5. Каулен, М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России / М. Е. Каулен. — М.: Этерна, 2012. — 421 с.
6. Кирюшина, Ю. В. Археологические парки в системе культурного наследия России / Ю. В. Кирюшина // Известия Алтайского государственного университета. — 2010. — № 1—2. — С. 138—141.
7. Киселев, А. В., Ковешникова, Е. А. Музейная триада академика А. И. Мартынова (к 80-летию ученого, учителя, коллеги) / А. В. Киселев, Е. А. Ковешникова // Вестник Томского государственного университета Культурология и искусствоведение. — 2013. — № 2 (10) — С. 47—55.
8. Ковешникова, Е. А., Мартынов, А. И. Об одной современной национальной проблеме России / Е. А. Ковешникова, А. И. Мартынов // Музееведение и историко-культурное наследие. — Кемерово: Изд. КемГУКИ, 2006. — С. 73—81.
9. Кулемзин, А. М. Восьмое чудо Кузбасса. Шестаковский музей-заповедник: концепция создания и развития: методическое пособие / А. М. Кулемзин — Кемерово: КемГУКИ, 2015. — 106 с.
10. Мартынов, А. И. Археологические объекты как ресурс современного общества / А. И. Мартынов // III Северный археологический конгресс. 8—13 ноября 2013 г. Екатеринбург-Ханты-Мансийск, 2010. — С. 330-333.
11. Мартынов, А. И. Музеефикация памятников историко-культурного наследия и исторических мест — проблема национальная / А. И. Мартынов // II Сев. Археологический конгресс. Екатеринбург — Ханты-Мансийск, 2006. — С. 278—280.
12. Мартынов, А. И. О концепции современного отношения к природно-археологическим ландшафтам Южной Сибири / А. И. Мартынов // Мониторинг археологического наследия и земельный кадастр. — М., 2002. — С. 190—192.
13. Мартынов, А. И. Проблема сохранения и использования археологического наследия России / А. И. Мартынов // Роль научных учреждений и музеев в деле сохранения, популяризации и использования культурного наследия народов Сибири. — Омск, 2001. — С. 27—37.
14. Мартынов, А. И. Современные проблемы использования памятников историко-культурного наследия / А. И. Мартынов // Проблемы сохранения и музеефикации памятников историко-культурного наследия в природной среде. — Кемерово, 2002. — С. 8—13.
15. Мартынова, Г. С., Мартынов, А. И. Три «жизни» Томской писаницы / Г. С. Мартынова, А. И. Мартынов // Музей и наука: к 35-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. — Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. — С. 181—188.
16. Медведь, А. Н. Музеефикация памятников археологии в России (прошлое и настоящее) / А. Н. Медведь — М.: Издательство «ГНОМ и Д», 2004. — 80 с.
17. Шелов, Д. Б. Опыт организации археологического заповедника «Танаис» / Д. Б. Шелов // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. — М., 1974.
18. Шухободский, А. Б. Статус памятника истории и культуры в современной России: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. фил. наук (24.00.01) / Шухободский Александр Борисович. — Санкт-Петербург, 2012.

References

1. Bedin, V. I. Muzeefikatsiya pamyatnikov naskal'nogo iskusstva i novye napravleniya v muzeynom stroitel'stve [Museumification of Rock Art monuments' and new trends of the museum construction] Naskal' — noe iskusstvo Azii. [Rock art of Asia]. — 1995. pp. 7—8 (In Russ.).
2. Danil'chenko, I. V. Prichiny i protsess sozdaniya muzeev-zapovednikov v SSSR (na materialakh Kostromskoy i Yaroslavskoy oblastey) [The causes and the process of creating conservation areas in the USSR (on materials of Kostroma and Yaroslavl regions)]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. [Bulletin of the Kostroma state University. N. A. Nekrasov.] 2014. pp. 85—88. (In Russ.).
3. Drobyshev, A. N. Muzeyny park kak forma prezentatsii arkheologicheskogo naslediya: dis. na soisk. uchen.step. kand. kul'turologii (24.00.03) 2011. [Museum Park as a form of presentation of archaeological heritage] (In Russ.).
4. Kaplunov, V. A., Martynov, A. I. Sovremennyye problemy muzeefikatsii pamyatnikov arkheologicheskogo naslediya [Modern problems of museification of monuments of the archaeological heritage] Muzey i voprosy sokhraneniya, izucheniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem), posvyashchennoy 85-letiyu osnovaniya Natsional'nogo muzeya Respubliki Tyva. [The Museum and the conservation, study and use of cultural heritage: materials of the scientific-practical conference (with international participation) dedicated to the 85th anniversary of the founding of the National Museum of Tuva Republic]. — Novosibirsk, 2014. — pp. 208—211 (In Russ.).

5. Kaulen, M. E. Muzeefikatsiya istoriko-kul'turnogo naslediya Rossii [The museumification of historical and cultural heritage of Russia]. — 2012. — pp.421 (In Russ.).
6. Kiryushina, Yu. V. Arkheologicheskie parki v sisteme kul'turnogo naslediya Rossii [Archaeological parks in the system of Russian cultural heritage]. Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. [News of Altai State University]. — 2010. — pp. 138—141 (In Russ.).
7. Kiselev, A. V., Koveshnikova, E. A. Muzeynaya triada akademika A. I. Martynova (k 80-letiyu uchenogo, uchitelya, kollegi) [Museum triad of the academician A. I. Martynov (to the 80th anniversary of the scientist, teachers, colleagues)] Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Kul'turologiya i iskusstvovedenie. [Bulletin of the Tomsk state University of Culture and art studies]/ — 2013. — № 2 (10). — pp. 47—55 (In Russ.).
8. Koveshnikova, E. A., Martynov, A. I. Ob odnoy sovremennoy natsional'noy probleme Rossii [About a national problem of modern Russia] Muzeevedenie i istoriko-kul'turnoe nasledie. [Museology and historical-cultural heritage]. — Kemerovo.; Izd. KemGUKI, 2006. — pp. 73—81. (In Russ.).
9. Kulemzin, A. M. Vos'moe chudo Kuzbassa. Shestakovskiy muzey-zapovednik: kontseptsiya sozdaniya i razvitiya [The eighth wonder of Kuzbass. The Shestakovo Museum-preserve: the concept of creation and development]. — 2015 (In Russ.).
10. Martynov, A. I. Arkheologicheskie ob»ekty kak resurs sovremennoy obshchestva [Archaeological sites as a resource of modern society] III Severnyy arkheologicheskiy kongress. 8—13 noyabrya 2013 g. Ekaterinburg-Khanty-Mansiysk [III Northern archaeological Congress. 8—13 November 2013, Ekaterinburg-Khanty-Mansiysk]. — 2010. — pp. 330—333. (In Russ.).
11. Martynov, A. I. Muzeefikatsiya pamyatnikov istoriko-kul'turnogo naslediya i istoricheskikh mest — problema natsional'naya [The museumification of monuments of historical and cultural heritage and historic places — national] II Sev. Arkheologicheskiy kongress. Ekaterinburg — Khanty-Mansiysk [II North. Archaeological Congress. Yekaterinburg — Khanty-Mansiysk]. — 2006. — pp. 278—280. (In Russ.).
12. Martynov, A. I. O kontseptsii sovremennoy otnosheniya k prirodno-arkheologicheskim landshaftam Yuzhnoy Sibiri [About concepts of modern natural and archaeological landscapes of southern Siberia] Monitoring arkheologicheskogo naslediya i zemel'nyy kadastr. [Monitoring of the archaeological heritage and land cadastre]. — M., 2002. — pp. 190—192. (In Russ.).
13. Martynov, A. I. Problema sokhraneniya i ispol'zovaniya arkheologicheskogo naslediya Rossii [The problem of preservation and use of archeological heritage of Russia] Rol' nauchnykh uchrezhdeniy i muzeev v dele sokhraneniya, populyarizatsii i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya narodov Sibiri. [The role of scientific institutions and museums in the preservation, promotion and use of cultural heritage of the peoples of Siberia]. — Omsk, 2001. — pp. 27—37. (In Russ.).
14. Martynov, A. I. Sovremennye problemy ispol'zovaniya pamyatnikov istoriko-kul'turnogo naslediya [Modern problems of usage of monuments of historical and cultural heritage] Problemy sokhraneniya i muzeefikatsii pamyatnikov istoriko-kul'turnogo naslediya v prirodnoy srede. [Problems of preservation and museumification of monuments of historical and cultural heritage in a natural environment.]. — Kemerovo, 2002. — pp. 8—13. (In Russ.).
15. Martynova, G. S. Martynov, A. I. Tri «zhizni» Tomskoy pisanitsy [Three «lives» of the Tomskaya Pisanitsa] Muzey i nauka: k 35-letiyu muzeya «Arkheologiya, etnografiya i ekologiya Sibiri» Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. [Museum and science: to the 35th anniversary of the Museum «Archaeology, Ethnography and ecology of Siberia» of the Kemerovo state University]. — Kemerovo, 2011. — pp. 181—188. (In Russ.).
16. Medved', A. N. Muzeefikatsiya pamyatnikov arkheologii v Rossii (proshloe i nastoyashchee). [The museumification of archaeological monuments in Russia (past and present)]. — 2004. — p. 80 (In Russ.).
17. Shelov, D. B. Opyt organizatsii arkheologicheskogo zapovednika «Tanais» [The experience of the organization of the archaeological Museum «Tanais»]. Voprosy okhrany, klassifikatsii i ispol'zovaniya arkheologicheskikh pamyatnikov. [Questions of security, classification and use of archaeological sites]. — 1974 (In Russ.).
18. Shukhobodskiy, A. B. Status pamyatnika istorii i kul'tury v sovremennoy Rossii: dis. na soisk. uchen. step. kand. fil. nauk [The status of a monument of history and culture in modern Russia]. — 2012 (In Russ.).

ИСТОРИЯ. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 930.26

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАСКОПОК КУЗНЕЦКОЙ
КОМПЛЕКСНОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
В ФОНДАХ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»***Илюшин Андрей Михайлович,*

д.и.н., профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева (Кемерово, Российская Федерация).

E-mail: ilushin1963@mail.ru

В широкий научный оборот вводится информация о результатах раскопок на территории Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области кургана №4 на курганной группе Солнечный-1. Материалы этих раскопок хранятся в фондах музея-заповедника «Томская Писаница». Новая информация призвана пополнить копилку археологических материалов по периоду развитого средневековья Кузнецкой котловины и более полноценно использовать их в различных проектах и экспозициях музея-заповедника «Томская Писаница». Цель статьи состоит в том, чтобы начать научную публикацию материалов археологических раскопок курганной группы Солнечный-1. В статье описаны история и результаты обследования этого памятника, путем классификации систематизируются культурные артефакты, исследуются вопросы их хронологии и этнокультурной принадлежности. При исследовании археологических материалов были использованы описательный, сравнительный и статистический методы анализа вещественных источников. В ходе исследования материалы раскопок кургана №4 на курганной группе Солнечный-1 были подвергнуты типологической классификации по набору элементов погребального обряда и находок предметов материальной культуры. Выделенные 20 типов были подвергнуты процедуре сравнительного анализа с опубликованными ранее аналогичными материалами погребальных памятников Кузнецкой котловины и сопредельных территорий для определения степени близости, хронологии и этнокультурной принадлежности. Сравнительный и статистический анализ показал, что курган №4 курганной группы Солнечный-1 по совокупности выделенных типов наиболее близок курганному могильнику XIII—XIV вв. Торопово-1 расположенному неподалеку в долине реки Касьмы. Суммарная корреляция дат приведенных аналогий позволила сделать вывод о том, что широкой датой сооружения кургана №4 можно считать XII—XIII вв., а более узко можно датировать началом или первой половиной XIII в. При определении этнокультурной принадлежности объекта делается вывод о том, что курганная группа Солнечный-1 представляет собой остатки, открытого в 1927 году А. Т. Кузнецовой, курганного могильника Новокамышенка, который был датирован XII — началом XIII вв. и отнесен к шандинской археологической культуре тюркоязычных кочевников развитого средневековья Кузнецкой котловины.

Ключевые слова: Курганная группа Солнечный-1, курган №4, ров, погребение, находки, тип, аналогия, развитое средневековье, кочевники

**ARCHAEOLOGICAL MATERIALS FROM EXCAVATION OF KUZNETSK
COMPLEX ARHEOLOGO-ETNOGRAFICHESKOY OF EXPEDITION IN
FUNDS OF THE MEMORIAL ESTATE «TOMSKAYA PISANITSA»***Ilyushin Andrey Mikhailovich,*

the doctor of historical sciences, professor of department of history, philosophy and social sciences of the Kuzbass state technical university of T. F. Gorbachev (Kemerovo, Russian Federation).

E-mail: ilushin1963@mail.ru

Information on results of excavation in the territory of the Leninsk-Kuznetsk region of the Kemerovo region of a barrow № 4 on kurganny group Solnechny-1 is introduced into wide scientific circulation. Materials of this excavation are stored in funds of the memorial estate «Tomsk Pisanitsa». New information is urged to fill up a moneybox of archaeological materials on the period of the developed Middle Ages of Kuznetsk Depression and more fully to use them in various projects and expositions of the memorial estate «Tomsk Pisanitsa». The purpose of article consists in beginning the scientific publication of materials of archeological excavations of kurganny group Solnechny-1. In article the history and results of inspection of this monument are described, by classification cultural artifacts are systematized, questions of their chronology and ethnocultural accessory are investigated. At research of archaeological materials descriptive, comparative and statistical methods of the analysis of material sources were used. During research materials of excavation of a barrow № 4 on kurganny group Solnechny-1 were subjected to typological classification by a set of elements of a funeral ceremony and finds of subjects of material culture. The allocated 20 types were subjected to procedure of the comparative analysis with the published earlier similar materials of funeral monuments of Kuznetsk Depression and adjacent territories for definition of degree of proximity, chronology and ethnocultural accessory. The comparative and statistical analysis showed that the barrow № 4 of kurganny Solnechny-1 group on set of the allocated types is closest to a kurganny burial ground of the XIII—XIV centuries to Toropovo-1 located nearby in the valley of the river of Kasma. Total correlation of dates of the given analogies allowed to draw a conclusion that as wide date of a construction of a barrow № 4 it is possible to consider the XII—XIII centuries, and it is possible to date the beginning or the first half of the XIII century more narrowly. When determining ethnocultural accessory of object the conclusion that the kurganny group Solnechny-1 represents the remains is drawn, the opened in 1927 for A. T. Kuznetsova, kurganny burial ground of Novokamyshevk which was dated by XII — the beginning of the XIII centuries and is referred to shandinsky archaeological culture of Turkic-speaking nomads of the developed Middle Ages of Kuznetsk Depression.

Keywords: Kurganny group Solnechny-1, a barrow № 4, a ditch, burial, finds, type, analogy, the developed Middle Ages, nomads

Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция Гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева (ККАЭЭ ГНЦ КузГТУ), по договору о научном сотрудничестве, после научной и камеральной обработки передала на хранение в фонды музея — заповедника «Томская Писаница» научный отчет и материалы раскопок 2005 года на курганной группе Солнечный-1. Эти артефакты представляют собой полноценный вещественный источник по истории и культуре региона периода развитого средневековья. Наиболее зрелищные и ценные предметы из коллекции находок частично выставлены на сайте, иллюстрирующем археологические фонды музея-заповедника, но в широкий научный оборот информация не введена. Цель настоящей статьи начать научную публикацию этих материалов, что позволит использовать их широкой научной аудитории в исследовательской деятельности и на более высоком качественном уровне задействовать их в различных проектах и экспозициях музея-заповедника «Томская Писаница». Для этого дадим характеристику погребального памятника, опишем и систематизируем материалы раскопок кургана № 4, исследуем вопросы датировки и этнокультурной принадлежности этого комплекса.

Курганный комплекс Солнечный-1 располагался в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области на ЮВ окраине поселка Солнечный, рядом с автомагистралью соединяющей г. Ленинск-Кузнецкий и село Подгорное, на пустыре, используемом

под выпас скота и, частично, сенокос (рис. 1). Памятник был открыт и обследован в 1995 году А. М. Илюшиным [4, с. 63—64; 15, с. 330]. На момент открытия курганная группа состояла из четырех курганов, представляющих собой округлые, сильно задернованные земляные насыпи, которые были оконтурены рвами разных размеров. Курганы располагались цепочкой по линии ЮЮВ — ССЗ на расстоянии 140 м. При обследовании памятника в насыпях курганов № 1 и № 4 были зафиксированы следы целенаправленных разрушений. В восточной части насыпи кургана № 1 была зафиксирована траншея по ширине лезвия бульдозера, а в центральной части насыпи кургана № 4 были зафиксированы следы грабительского перекопа, совершенного приблизительно в 1993—1994 годах, которые по форме были похожи на подчетыреугольный шурф размерами 3,5×2 м, длинной осью ориентированный по линии З — В. Площадь памятника приблизительно составляла 0,798 га. По морфологическим признакам памятник предположительно был датирован эпохой средневековья. В 1995 году памятник был картографирован, состояние было охарактеризовано как близкое к аварийному. Территорию памятника было рекомендовано перевести в разряд земель историко-культурного назначения и провести раскопки аварийных объектов [16, с. 27—29, рис. 74—76].

В конце марта 2005 года в ГНЦ КузГТУ обратилось руководство шахты «Костромовская» с просьбой о проведении экстренных раскопок этого памятника, который оказался в створе

строительного карьера железной дороги ст. Егорово — шахта «Костромовская». Выехав на место строительства, в начале апреля 2005 года мы обнаружили, что памятник находится на грани полного уничтожения в связи с рытьем карьера для прокладки железнодорожного полотна. Рвы, окружающие насыпи курганов № 1 и № 2, уже были частично разрушены, а насыпи и рвы курганов № 3 и № 4 находились в зоне технической дороги, отвалов, склада щебня и по плану строительства тоже должны были быть уничтожены (рис. 2). Необходимость проведения экстренных аварийных раскопок была налицо, которые были начаты ККАЭЭ ГНЦ КузГТУ сразу же после выдачи Открытого листа. В результате аварийных исследований курганов №№ 1—4 курганной группы Солнечный-1 весной 2005 года этот памятник был полностью раскопан [7, с. 6—23].

Методика раскопок была обусловлена аварийным состоянием памятника и экстренностью проведения раскопок ограниченным числом специалистов. Раскопки проводились по общепринятой методике, но с учетом современного состояния и особенностей исследуемого объекта, с частичным использованием техники (бульдозер, погрузчик и скрепер). Первоначально была осуществлена разметка раскопа каждого кургана и нивелирование его поверхности от нулевого уровня. За нулевой уровень бралась самая высокая точка курганной насыпи. Этот показатель для каждого объекта использовался на всем протяжении его раскопок. Затем разбирались при помощи техники и вручную южная (курганы № 2, № 3 и № 4) или восточная (курган № 1) часть насыпи кургана. Это позволяло определить контуры рва, окружающего курган, скорректировать разметку площади раскопа и отодвинуть отвалы за его пределы. После чего проводилась зачистка разреза курганных насыпей и материка на южной (курганы № 2, № 3 и № 4) или восточной (курган № 1) части раскопа. После фиксации на чертежах и фото разрезов курганных насыпей и сопутствующих сооружений при помощи техники и вручную разбирались северная (курганы № 2, № 3 и № 4) или западная (курган № 1) часть курганной насыпи и зачищалась северная (курганы № 2, № 3 и № 4) или западная (курган № 1) часть раскопа. После этого проводилась зачистка материка на всей площади раскопа каждого объекта с фиксацией различных конструкций и сооружений, которые затем раскапывались по слоям. Все стадии раскопок, выявленные конструкции и сооружения, артефакты фиксировались на чертежах, схемах и фото.

Исследуемый в настоящей работе курган № 4 располагался в ЮЮВ части памятника (рис. 2). До начала раскопок курган представлял собой округлую, сильно задернованную и оплывшую земляную насыпь диаметром 11,98 м и высотой

0,78 м. Курган был потревожен грабительским раскопом, след от которого в форме округлой воронки диаметром 2,5 м и глубиной 0,30 м фиксировался в центре земляной насыпи (рис. 3).

Использование методики раскопок позволило выявить, что курганная земляная насыпь располагалась в ЗЮЗ части сакрального пространства, оконтуренного рвом подчетыреугольной формы с заovalенными углами. В процессе раскопок насыпи кургана и зачистки пространства, оконтуренного рвом, и выборки заполнения рва были выявлены первоначальные размеры погребальных сооружений и зафиксированы следы ритуальной тризны. Насыпь кургана на 1,15 м возвышалась над уровнем материка (светло-серый суглинок) и состояла из слоя дерна 0,15—0,25 м, под которым была зафиксирована прослойка из светло-серой материковой глины в форме округлой линзы диаметром 11,15 м и толщиной 0,12—0,62 м, под которой располагались слой чернозема 0,17—0,27 м и погребенной почвы (смешанный слой чернозема и светло-серого суглинка) 0,07—0,12 м. На разрезе насыпи в центральной части зафиксирован грабительский перекоп, который прослеживается от дерна до материка (рис. 3).

Ров длинной осью был ориентирован по линии ЗЮЗ — ВСВ. Его внешние и внутренние размеры составляют 17,05×14,70 м и 15,54×13,75 м, а ширина и глубина от материка 0,6—1,5 м и 0,30—0,75 м. В СВ части рва был зафиксирован небольшой перешеек шириной 1,05 м, представляющий собой вход в сакральное пространство. В южной части рва на глубине 1,90 м была обнаружена лопатка животного (лошади), а в восточной части рва на глубине 1,74 м был найден фрагмент венчика керамического сосуда (рис. 3; 5, 5). В процессе разборки насыпи кургана, зачистки материка и заполнения рва был выявлен единый комплекс сооружений, состоящий из одной могилы, деревянного столба и перешейка рва, образующие цепочку по линии ЗЮЗ — ВСВ (рис. 3).

Деревянный столб № 1 располагался под СВ полой насыпи кургана в 2 м на ВСВ от могилы 1. Деревянный столб диаметром 0,23 м на 0,08 м возвышался над материком и на 0,35 м был углублен в материк (рис. 3).

Могилы 1 располагалась под насыпью кургана, в центральной части, на глубине 1,90 м и представляет собой подверженное частичному разрушению грызунами погребение в грунтовой яме взрослого человека, скорее, женщины переходного возраста *juvenis* — *adultus* 22—23 года (определение выполнено в кабинете антропологии Томского государственного университета к.и.н. М. П. Рыкун) (рис. 3; 4). Могильная яма на 0,75 м углублена в материк и имеет форму овала размерами 2,19×0,98 м, который длинной осью ориентирован по линии ЗЮЗ — ВСВ. Заполнение могилы представляло собой чернозем и светло-серую материковую

глину. В процессе выборки заполнения в западной части могилы на глубине 1,53 м была обнаружена бронзовая кольцевая серьга. После выборки всего заполнения на дне могилы на глубине 1,80–1,90 м было зафиксировано захоронение взрослого человека (молодая женщина) в вытянутом положении на спине ориентированное головой на ВСВ. Около северной стенки могилы на глубине 1,89 м был зафиксирован фрагмент деревянной доски. С левой стороны погребенной и между ног, близ коленного сустава, на глубине 1,90 м были зафиксированы позвонки разных травоядных животных (лошадь и овца). В СВ части могилы рядом с черепом на глубине 1,80 м была найдена вторая бронзовая кольцевая серьга, а между ребер и рядом с правой берцовой костью на глубине 1,90 м были найдены фрагмент бронзового зеркала и миниатюрного железного кинжала (рис. 4; 5, 1–4).

Опубликованные материалы можно систематизировать на уровне классификации типов-признаков (элементов) погребального обряда и предметов материальной культуры.

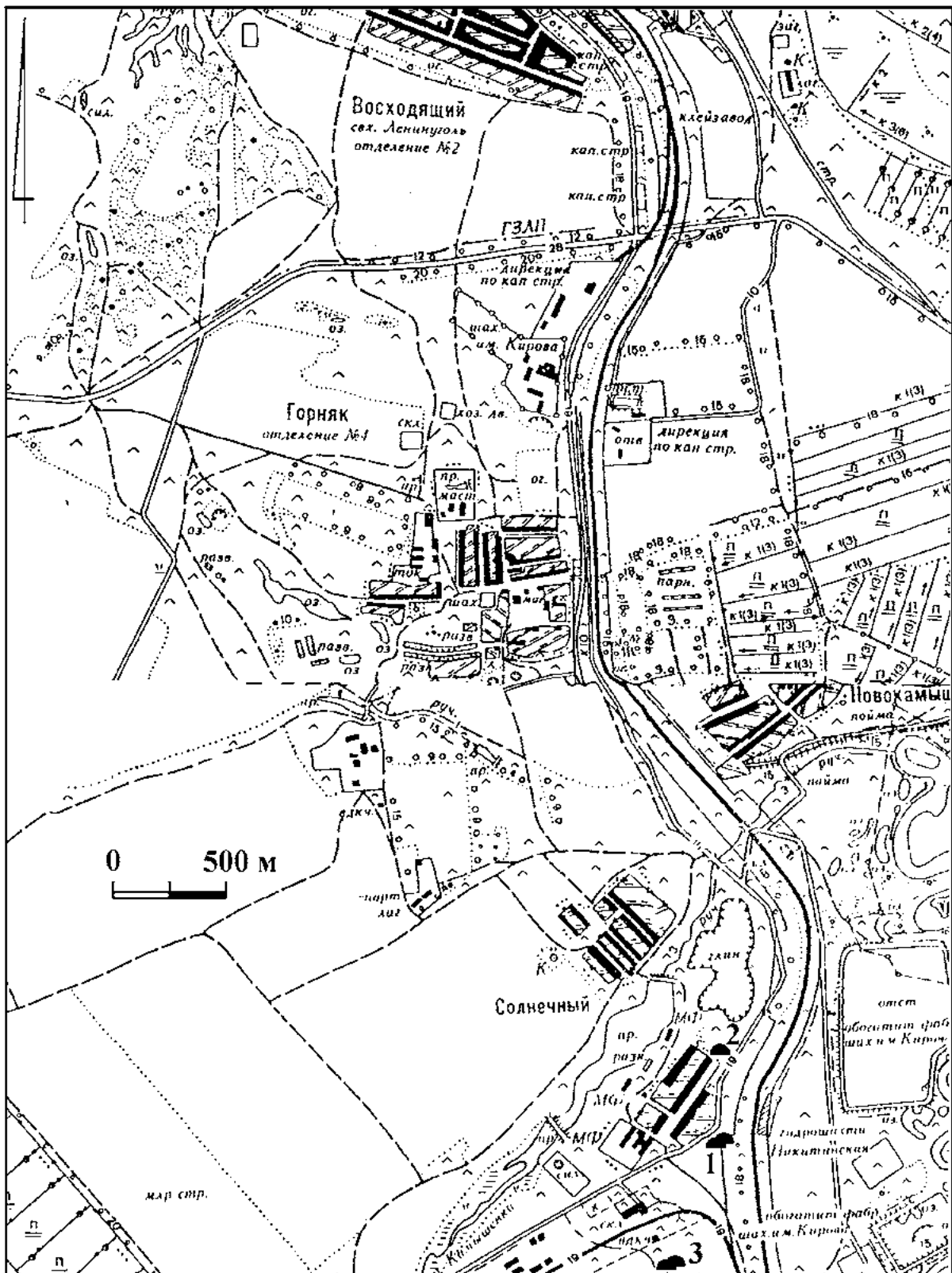
Среди элементов погребального обряда на уровне памятник и объект по разным группам можно выделить 7 типов-признаков: расположению объектов на площади памятника цепочкой; расположению памятника на возвышенности в пределах поймы; округлая курганная земляная насыпь диаметром не более 12 м; ров подчетыреугольной формы, длинной осью вытянутый по линии ЗЮЗ — ВСВ с ритуальной площадкой; наличие лопатки лошади во рву; наличие в курганной насыпи деревянного столба; наличие во рву керамической посуды. На уровне погребения среди разных групп выделяются еще 9 типов-признаков: ингумация взрослого человека на спине в вытянутом положении; захоронение в грунтовой яме, углубленной в материк; без дополнительных конструкций над могилой; фрагмент дерева без определения конструкции на дне могилы; ориентация могилы длинной осью по линии ЗЮЗ — ВСВ; ориентация погребения головой на ВСВ; наличие в могиле предметов вооружения, быта и украшения.

Предметы, найденные при раскопках, по своему предназначению относятся к четырем категориям — вооружение, украшения, предметы быта и керамическая посуда. Из предметов вооружения найден фрагмент кинжала (рис. 5, 4), который относится к группе железные, прямые, линзовидные, а по размерам и отсутствию перекрестья к типу маленькие без перекрестья. Украшения представлены серьгами (рис. 5, 1, 2), которые по материалу изготовления относятся к группе бронзовые, а по форме к типу кольчатые. К предметам быта относится фрагмент бронзового зеркала (рис. 5, 3), который относится к группе бронзовые, а по форме к типу круглые «без бортиков». Фрагмент венчика керамического сосуда, найденного во рву (рис. 5, 5), по профилю относится к типу

прямые, по способу нанесения орнамента типу резные, по элементам орнамента к типу резные линии, а по мотивам орнамента к типу наклонное расположение элементов.

Для относительной датировки кургана № 4 необходимо провести аналогии классифицированным артефактам по опубликованным материалам раскопанных археологических памятников в Кузнецкой котловине и на сопредельных территориях, которые уже были датированы авторами этих исследований. Из 16 классифицированных типов-признаков (элементов) погребального обряда 15 имеют аналогии на курганном могильнике Торопово-1 (XIII–XIV вв.), 14 — на курганном могильнике Ишаново (конец XII–XIII вв.), 12 — на курганной группе Конево (рубеж XII–XIII вв.), 10 — на курганном могильнике Беково (XI–XII вв.), 8 — на одиночном кургане Шабаново-9 (XII–XIII вв.), и 6 — на курганном могильнике Шанда (XI–XII вв.). Из числа находок близкие аналогии бронзовым кольчатым серьгам (рис. 5, 1, 2) в Кузнецкой котловине известны на погребальных памятниках Шанда (XI–XII вв.), Торопово-1 (XIII–XIV вв.) и Шабаново-9 (XII–XIII вв.) [3, рис. 34, 3, 4; 37, 1, 2; 5, рис. 10, 1, 2; 35, 2, 4; 10, рис. 3, 5, 8]. Анализ эволюции этого типа серег в Кузнецкой котловине позволил сделать вывод о том, что традиция изготовления проволочных кольчатых серег появилась в раннем и продолжала развитие в развитом средневековье [11, с. 121]. Аналогии фрагменту маленького железного кинжала без перекрестья (рис. 5, 4) в Кузнецкой котловине известны на погребальных памятниках Торопово-1 (XIII–XIV вв.), Конево (рубеж XII–XIII вв.) и Ишаново (конец XII–XIII вв.) [5, рис. 35, 6; 42, 2; 52, 6; 56, 1; 12, рис. 40, 3; 13, рис. 78, 1]. На сопредельных территориях Алтайского и Новосибирского Приобья аналогичные изделия известны на погребальных памятниках, датированных рубежом I–II тыс. и первыми веками II тыс. [1, с. 247, рис. 3, 3; 2, с. 79–81, рис. 66, 8; 15, с. 21, 26–27, 31, 104, рис. 41, 6; 63, 14; 82, 19; 212, 11–13; 16, с. 72, 76, 98, 144, 154, 159, рис. 6, 4; 33, 2; 154, 1; с. 277, 281–283, рис. 15, 3; 45, 1; 53, 5; 70, 1]. Фрагмент бронзового круглого зеркала «без бортиков» (рис. 5, 3) на территории Кузнецкой котловины имеет аналогию на погребальном памятнике Торопово-1 (XIII–XIV вв.) [5, с. 68, рис. 35, 1].

Суммарная корреляция дат этих аналогий на хронологической шкале развитого средневековья указывает на то, что наибольшее их количество (54) зафиксировано в XIII в., в XII в. — 44, в XI и XIV вв. — 17. Это позволяет сделать вывод о том, что широкой датой сооружения кургана № 4 можно считать XII–XIII вв., а более узко можно датировать началом или первой половиной XIII в. В пользу более узкой даты свидетельствует тот факт, что максимальное количество аналогий 17

Археологические памятники:

- 1 - курганный группа Солнечный-1
- 2 - одиночный курган Солнечный-2
- 3 - курганный группа Солнечный-3

Рис. 1. Карта с обозначением месторасположения комплекса археологических памятников рядом с поселком Солнечный

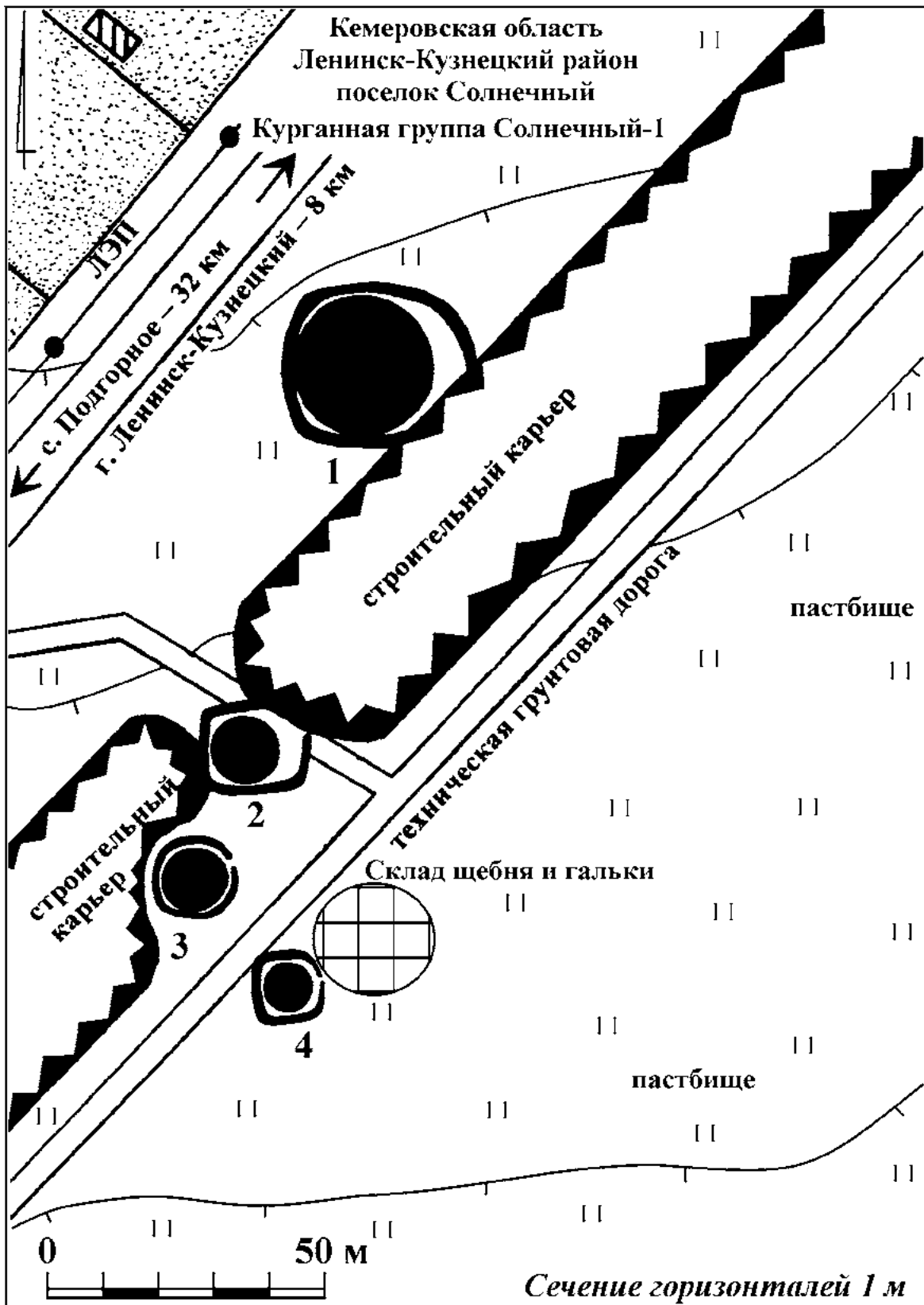

Рис. 2. План-схема курганной группы Солнечный-1

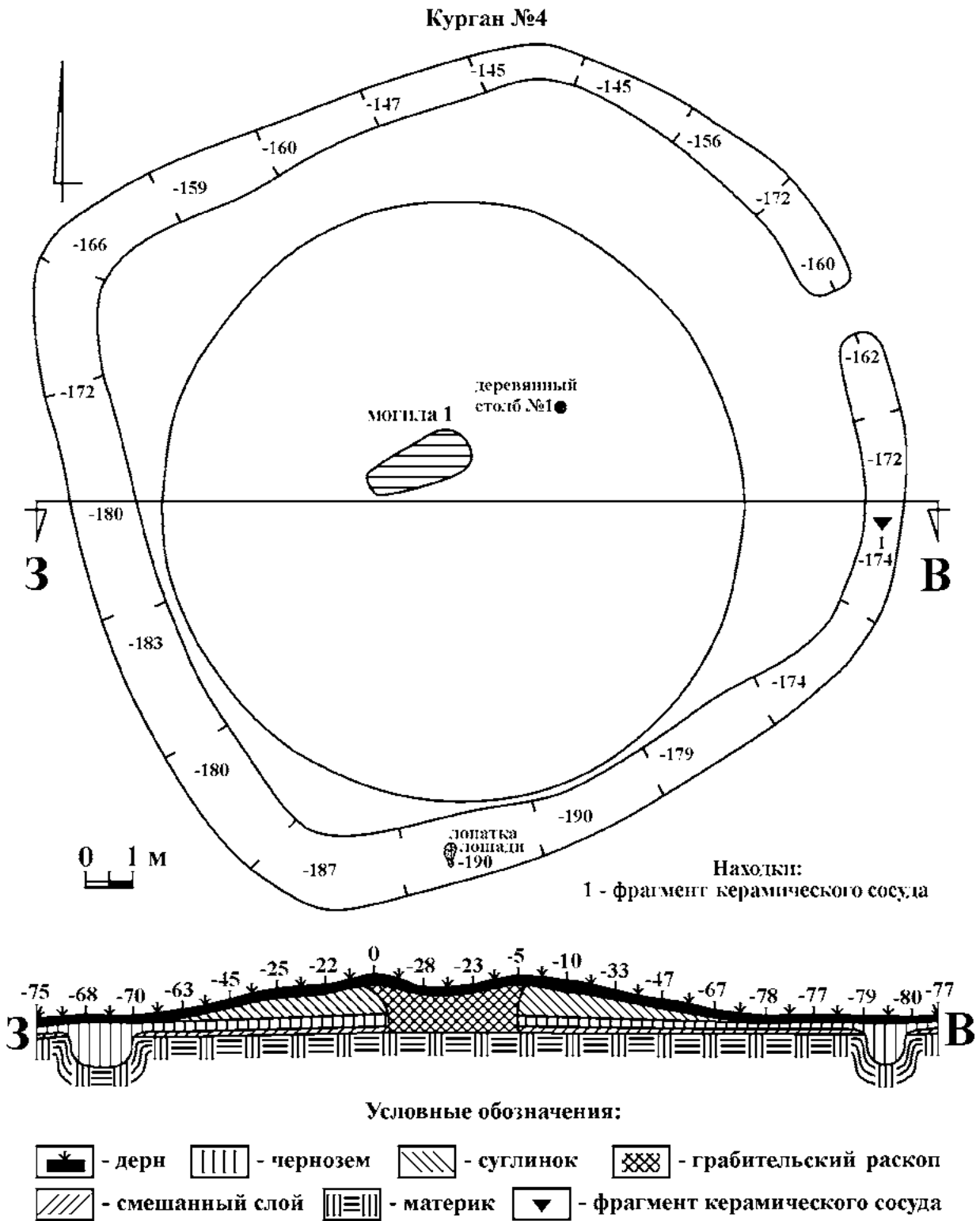

Рис. 3. Курганная группа Солнечный — 1. Курган №4.
План и разрез насыпи

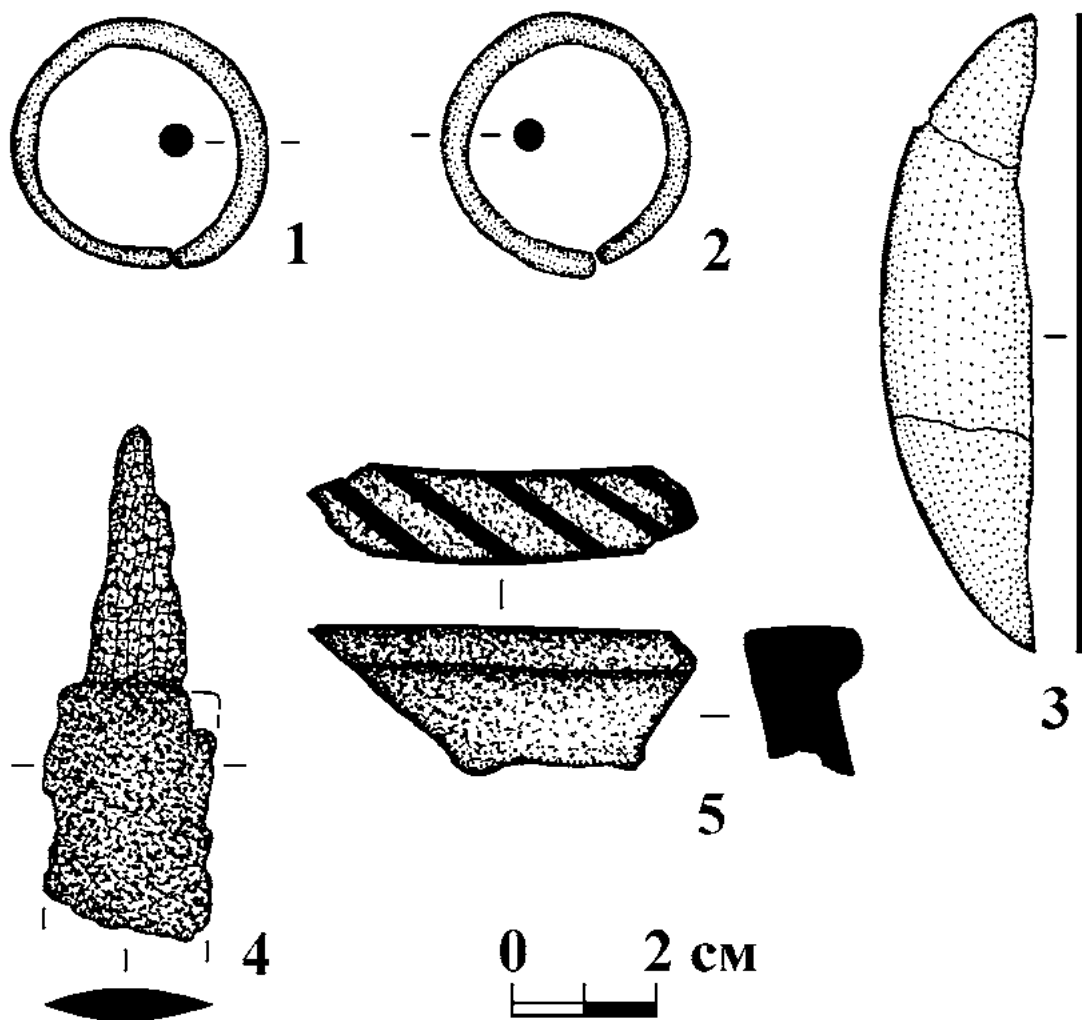

Рис. 5. Курганная группа Солнечный — 1. Курган № 4.
Находки из могилы 1 (1–4) и рва (5)

из 20 (85% сходства) зафиксировано на курганном могильнике Торопово-1 (XIII–XIV вв.).

После проведения аварийных раскопок ККАЭЭ курганной группы Солнечный-1 и сравнения результатов предшествующих и последующих археологических разведок в окрестностях пос. Солнечный (рис. 1) нами был сделан вывод, что выявленные и обследованные погребальные памятники (одиночные курганы Солнечный, Солнечный-2 и курганная группа Солнечный-1, Солнечный-3) представляют собой остатки открытого в 1927 году крупного курганного могильника Новокамышенка, подвергнутого сильному разрушению под воздействием антропогенного фактора [4, с. 23; 9, с. 100–103; 14, с. 56–60]. По описанию геолога А. Т. Кузнецовой, которая открыла этот памятник, курганный могильник располагался на мысовидной террасе, возвышающейся над поймой р. Ини, образуемой у устья левого притока р. Камышеной и был вытянут цепочкой на расстоянии более 1 км с Ю на С с небольшим смещением [17, р.

74–95]. А. Т. Кузнецова не только описала этот памятник, но и раскопала на нем три кургана, в каждом из них было исследовано по одной могиле. Материалы этих раскопок были переданы на хранение в Эрмитаж (коллекция ГЭ № 5959), а в 1930 году опубликованы автором раскопок в Хельсинки на немецком языке в издании «Древности Центральной Азии», которая датировала их VII–VIII вв. [17, р. 74–95]. Материалы, хранящиеся в Эрмитаже, были нами исследованы и вторично опубликованы с привлечением новой базы данных, что позволило датировать памятник в 2008 году XII — началом XIII вв. и повторно более обосновано отнести его к шандинской археологической культуре тюркоязычных кочевников Кузнецкой котловины [6, с. 39, 120–126; 8, с. 160–184]. Этнокультурная принадлежность, а также широкая и узкая хронология кургана № 4 не противоречит датировке и этнокультурной интерпретации всего памятника, на котором курганная группа Солнечный-1 располагалась в северной части. Все

это позволяет отнести курган №4 на курганной группе Солнечный-1 к шандинской археологической культуре тюркоязычных кочевников развитого средневековья (восточные кипчаки) в Кузнецкой котловине.

Литература

1. Абдулганеев, М. Т., Горбунов, В. В., Казаков, А. А. Новые могильники второй половины I тысячелетия н.э. в урочище Ближние Елбаны / М. Т. Абдулганеев, В. В. Горбунов, А. А. Казаков // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. — Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. — С. 243—252.
2. Горбунов, В. В. Военное дело населения Алтая в III—XIV вв. Наступательное вооружение (оружие) / В. В. Горбунов. — Барнаул: Изд-во АГУ, 2006. — Часть II — 232 с.
3. Илюшин, А. М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат / А. М. Илюшин. — Кемерово: Кузбассвуиздат, 1993. — 116 с.
4. Илюшин, А. М. Отчет о полевых археологических исследованиях Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 1995 году / А. М. Илюшин. — Кемерово, 1995. — 363 с.
5. Илюшин, А. М. Население Кузнецкой котловины в период развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1) / А. М. Илюшин. — Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999. — 208 с.
6. Илюшин А. М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья / А. М. Илюшин. — Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2005. — 240 с.
7. Илюшин, А. М. Отчет об аварийных археологических раскопках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2005 году / А. М. Илюшин. — Кемерово, 2006. — 268 с.
8. Илюшин, А. М. Курганные могильники Камысла и Новокамышенка (по материалам раскопок А. Т. Кузнецовой в 1927 году) / А. М. Илюшин // Археология Степной Евразии. — Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2008. — С. 160—184.
9. Илюшин, А. М. Уничтожение историко-культурного наследия Кузбасса в процессе промышленного строительства (на примере курганного могильника Новокамышенка) / А. М. Илюшин // Безопасность жизнедеятельности предприятий в промышленно развитых регионах: Матер. VIII Междунар. науч.-практ. конф. — Кемерово: КузГТУ, 2009. — Т. 2. — С. 100—103.
10. Илюшин, А. М. К вопросу о кыпчакском компоненте в культуре средневекового населения Кузнецкой котловины (по материалам раскопок Шабаново 9) / А. М. Илюшин // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2010. — № 1. — С. 97—106.
11. Илюшин, А. М. Серьги у средневекового населения Кузнецкой котловины / А. М. Илюшин // Историко-культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения и охраны памятников археологии). — Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. — Вып. III. — С. 119—122.
12. Илюшин, А. М. Курганы поздних кочевников близ устья Ура / А. М. Илюшин. — Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2012. — 188 с.
13. Илюшин, А. М. Курганы кыштымов в долине Ура / А. М. Илюшин. — Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2014. — 216 с.
14. Илюшин, А. М. Раскопки одиночного кургана Солнечный-2 / А. М. Илюшин // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г.: археология, этнография, устная история: матер. X междунар. науч.-практ. конф. г. Барнаул, 22—23 апреля 2015 г. — Барнаул: АлтГПУ, 2015. — Вып. 10. — С. 56—60.
15. Илюшин, А. М., Сулейменов, М. Г., Борисов, В. А., Ковалевский, С. А., Роговских, В. С., Маркова, Е. В. Кузнецкая археолого-этнографическая экспедиция / А. М. Илюшин, М. Г. Сулейменов, В. А. Борисов, С. А. Ковалевский, В. С. Роговских, Е. В. Маркова // Археологические открытия 1995 года. — М.: ИА РАН, 1996. — С. 329—331.
16. Илюшин, А. М., Сулейменов, М. Г., Ковалевский, С. А. Отчет об охранных археологических исследованиях Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции на территории Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области в 1995 году / А. М. Илюшин, М. Г. Сулейменов, С. А. Ковалевский. — Кемерово, 1995. — 59 с.
17. Могильников, В. А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX—XI веках / В. А. Могильников. — М.: Наука, 2002. — 362 с.
18. Савинов, Д. Г., Новиков, А. В., Росляков, С. Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (Басандайская культура) / Д. Г. Савинов, А. В. Новиков, С. Г. Росляков. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. — 424 с.
19. Kuznesova, A. Altertumer aus dem Tal der mittleren Inja // ESA, V. Helsinki, 1930. — P. 74—95.

References

1. Abdulganeev, M. T., Gorbunov, V. V., Kazakov, A. A. Novye mogil'niki vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e. v urochishche Blizhnie Elbany [New cemeteries of the second half of I Millennium BC in the tract Near Albany] Voennoe delo i srednevekovaya arkheologiya Tsentral'noy Azii. [Military and medieval archaeology of Central Asia]. — Кемерово: Kuzbassvuzizdat, 1995. — pp. 243—252. (In Russ.).

2. Gorbunov, V. V. Voennoe delo naseleniya Altaya v III—XIV vv. Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie) [Military population of Altai during the III—XIV centuries. Offensive weapons (weapons)]. — Barnaul: Publishing house of ASU, 2006. — Part II. — p. 232. (In Russ.).
3. Ilyushin, A. M. Kurgany srednevekovykh kochevnikov doliny reki Bachat [Tumulus of medieval nomads of the valley of the river Bachat]. — Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1993. — 116 p. (In Russ.).
4. Ilyushin, A. M. Otchet o polevykh arkheologicheskikh issledovaniyakh Kuznetskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii v 1995 godu [The Report of the field archaeological researches of the Kuznetsk complex archaeological-ethnographic expedition in 1995]. — Kemerovo, 1995. — 363 p. (In Russ.).
5. Ilyushin, A. M. Naselenie Kuznetskoy kotloviny v period razvitogo srednevekov'ya (po materialam raskopok kurgannogo mogil'nika Toropovo-1). [The Population of the Kuznetsk basin in the period of developed middle ages (on materials of excavations in the burial mounds of Toropovo-1)]. — Kemerovo: Izd-vo KuzGTU, 1999. — 208 p. (In Russ.).
6. Ilyushin A. M. Etnokul'turnaya istoriya Kuznetskoy kotloviny v epokhu srednevekov'ya. [Ethno-cultural history of the Kuznetsk hollow during middle ages]. — Kemerovo: Izd-vo KuzGTU, 2005. — 240 p. (In Russ.).
7. Ilyushin, A. M. Otchet ob avariynykh arkheologicheskikh raskopkakh Kuznetskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii v 2005 godu. [Report on emergency archaeological excavations of the Kuznetsk complex archaeological-ethnographic expedition in 2005]. — Kemerovo, 2006. — 268 p. (In Russ.).
8. Ilyushin, A. M. Kurgannye mogil'niki Kamysla i Novokamyshenka (po materialam raskopok A. T. Kuznetsovoy v 1927 godu) [Burial mounds of Camila and Novokamenka (on materials of excavations A. T. Kuznetsova in 1927)] Arkheologiya Stepnoy Evrazii. [Archeology of Steppe Eurasia]. — Kemerovo: Izd-vo KuzGTU, 2008. — p. 160—184. (In Russ.).
9. Ilyushin, A. M. Unichtozhenie istoriko-kul'turnogo naslediya Kuzbassa v protsesse promyshlennogo stroitel'stva (na primere kurgannogo mogil'nika Novokamyshenka). [The Destruction of historical and cultural heritage of Kuzbass in the process of industrial construction (on the example of the burial mounds Novokamenka)]. Bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti predpriyatiy v promyshlennno razvitykh regionakh: Mater. VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Life Safety companies in the industrialized regions: Mater. VIII Intern. scientific.-practical. Conf. Vol. 2.]. — Kemerovo: KuzGTU, 2009. — p. 100—103. (In Russ.).
10. Ilyushin, A. M. K voprosu o kypchaskom componente v kul'ture srednevekovogo naseleniya Kuznetskoy kotloviny (po materialam raskopok Shabanovo 9). [On the Kipchak component in the culture of the medieval population of the Kuznetsk depression (on materials of excavations of Shabanova 9)]. Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii. [Bulletin of archaeology, anthropology and Ethnography]. — 2010. — no. 1. — p. 97—106. (In Russ.).
11. Ilyushin, A. M. Ser'gi u srednevekovogo naseleniya Kuznetskoy kotloviny. [Earrings from the medieval population of the Kuznetsk basin] Istoriko-kul'turnoe nasledie Kuzbassa (aktual'nye problemy izucheniya i okhrany pamyatnikov arkheologii). [Historical and cultural heritage of Kuzbass (actual problems of study and conservation of archaeological monuments)]. — Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011. — Vol. III. — p. 119—122. (In Russ.).
12. Ilyushin, A. M. Kurgany pozdnykh kochevnikov bliz ust'ya Ura. [The mounds of the later nomads near the mouth Hurray]. — Kemerovo: Izd-vo KuzGTU, 2012. — 188 p. (In Russ.).
13. Ilyushin, A. M. Kurgany kyshtymov v doline Ura. [Kyshtymov mounds in the valley of Ur. — Kemerovo: Izd-vo KuzGTU, 2014. — 216 p. (In Russ.).
14. Ilyushin, A. M. Raskopki odinochnogo kurgana Solnechnyy-2 [Excavation of a single mound of sun-2]. Polevye issledovaniya v Priirtysh'e, Verkhnem Priob'e i na Altae. 2014 g.: arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya: mater. X mezhdunar. nauch.-prakt. konf. g. Barnaul, 22—23 aprelya 2015 g. [Field research in Irtysh, the Upper Ob and Altai. 2014: archaeology, Ethnography, oral history. Vol. 10: mater. X Intern. scientific.-practical. Conf. Barnaul, April 22—23, 2015]. — Barnaul: AltGTU, 2015. — p. 56—60. (In Russ.).
15. Ilyushin, A. M., Suleymenov, M. G., Borisov, V. A., Kovalevskiy, S. A., Rogovskikh, V. S., Markova, E. V. Kuznetskaya arkheologo-etnograficheskaya ekspeditsiya. [Kuznetsk archaeological-ethnographic expedition]. Arkheologicheskie otkrytiya 1995 goda. [Archaeological discoveries of 1995]. — M.: IA RAS, 1996. — p. 329—331. (In Russ.).
16. Ilyushin, A. M., Suleymenov, M. G., Kovalevskiy, S. A. Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniyakh Kuznetskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii na territorii Leninsk-Kuznetskogo rayona Kemerovskoy oblasti v 1995 godu [Report on conservation archaeological researches of the Kuznetsk complex archaeological-ethnographic expedition on the territory of Leninsk-Kuznetsk region of Kemerovo region in 1995]. — Kemerovo, 1995. — 59 p. (In Russ.).
17. Mogil'nikov, V. A. Kochevniki severo-zapadnykh predgoriy Altaya v IX—XI vekakh. [Nomads of the North-Western foothills of the Altai mountains in IX—XI centuries]. — M.: Nauka, 2002. — 362 p. (In Russ.).
18. Savinov, D. G., Novikov, A. V., Roslyakov, S. G. Verkhnee Priob'e na rubezhe epokh (Basandayskaya kul'tura). [The upper Ob at the turn of the eras (Barsandayka culture)]. — Novosibirsk: Publishing house of SB RAS iaat, 2008. — 424 p. (In Russ.).
19. Kuznecova, A. Altertumer aus dem Tal der mittleren Inja [Altertumer from the valley of the middle Inja]. ESA, V. Helsinki, 1930. — P. 74—95. (In Finland)/

УДК: 902/904

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА ЮГЕ НИЖНЕГО ПРИТОМЬЯ В 2015 ГОДУ

Публикация выполнена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-11-42008 «Периодизация археологических древностей юга Нижнего Притомья», а также в рамках соглашения № 8 от 1.06.2015 г. с Департаментом образования и науки Кемеровской области о поддержке гуманитарных научных исследований.

Марочкин Алексей Геннадьевич,

к.и.н., старший научный сотрудник лаборатории археологии Института экологии человека СО РАН (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: comcon@yandex.ru

Юракова Алена Юрьевна,

младший научный сотрудник лаборатории археологии Института экологии человека СО РАН, лаборант научно-исследовательского отдела Кемеровского государственного университета (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: yurakova_al@mail.ru

Щербакова Алена Викторовна,

магистрант кафедры археологии ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: sherbackova.al@yandex.ru

Плац Иван Андреевич,

магистрант кафедры археологии ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: ivanplac@yandex.ru

Фальман Ангелина Вячеславовна,

магистрант кафедры археологии ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: falmanlina@mail.ru

Конончук Константин Владимирович,

старший научный сотрудник, заведующий научно-экспозиционным отделом Музея-заповедника «Томская Писаница», магистрант кафедры археологии ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: konstantinkonon@mail.ru

Веретенников Алексей Васильевич,

студент 4 курса факультета истории и международных отношений ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: veretennikov862@mail.com

Актуальность раскопок памятников юга Нижнего Притомья обусловлена крайне слабой археологической изученностью района и необходимостью получения новых источников для решения задач, связанных с построением и уточнением культурно-хронологических схем.

Целью настоящей статьи выступает унифицированное описание и оперативное введение в научный оборот материалов раскопок поселений Ивановка 1, Ивановка 2 и Долгая 2, продолженных в 2015 г.

В процессе исследований применялись такие археологические методы, как геоморфологический и стратиграфический анализы почвенных напластований и связанных с ними культурных горизонтов, анализ планиграфических закономерностей в распределении разновременных конструкций и артефактов, типолого-морфологический анализ древней керамики и предметов орудийного набора.

Результаты раскопок включают данные о культурно-хронологических комплексах на исследуемых поселениях. Материалы памятника Ивановка 1 включают культурно-хронологические комплексы русско-советского времени, эпохи Средневековья (керамика релкинской или лачиновской культуры), начала развитой бронзы (гребенчато-ямочный керамический комплекс), ранней бронзы (керамика крохалева культуры, остатки каменных выкладок подпрямоугольной формы, заготовки и готовые изделия из камня, фрагменты керамических бронзолитейных форм). Находки древней керамики и предметов каменной индустрии на поселении Ивановка 2 подтверждают ранее сделанные выводы

о связи памятника с комплексом крохалевской культуры эпохи ранней бронзы, но отдельные каменные орудия из нижних горизонтов слоя могут быть датированы каменным веком. Находки на поселении Долгая 2 дополняют сведения о наличии на памятнике производственной площадки крохалевской культуры эпохи ранней бронзы, а также о поздненеолитических и Средневековых комплексах юга Нижнего Притомья.

Ключевые слова: археологические раскопки, древние поселения, ранняя бронза, развитая бронза, Средневековье, археология русского времени, юг Нижнего Притомья, Кузнецкая Котловина.

THE EXCAVATION OF SITES IN THE SOUTH OF THE LOWER TOM REGION IN 2015

Marochkin Aleksey Gennadievich,

Candidate of History, Research Associate at the Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: comcon@yandex.ru

Yurakova Alena Yurievna,

junior Research Associate at the Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: yurakova_al@mail.ru

Shcherbakova Alena Viktorovna,

graduate student at the Department of Archaeology, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: sherbackova.al@yandex.ru

Plats Ivan Andreevich,

graduate student at the Department of Archaeology, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ivanplac@yandex.ru

Falman Angelina Vyacheslavovna,

graduate student at the Department of Archaeology, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: falmanlina@mail.ru

Kononchuk Konstantin Vladimirovich,

senior Research Associate, Head of the Division of Scientific Work and Expositions of Museum-Preserve «Tomskaya Pisanitsa», graduate student at the Department of Archaeology, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: konstantinkonon@mail.ru

Veretennikov Aleksey Vasilievich,

4th year student of the faculty of history, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: veretennikov862@mail.com

The relevance of the excavation of the sites in south of the Lower Tom' region caused by extremely weak archaeological knowledge base of this area and necessity to obtain new sources for solving the problems, associated with construction and correction of culture-chronological schemes.

The purpose of this article is unified description and rapid introduction of the materials from the Ivanovka 1, 2 and Dolgaya 2 settlements' excavation, continued in 2015, into scientific circulation.

During the research was applied such methods as geomorphological and stratigraphic analyzes of soil layers and related cultural horizons, the analyze of planigraphic regularities in distribution of multi-temporal constructions and artifacts, the typology and morphology analyze of ancient ceramics and stone tools.

The excavations results contain the data about culture-chronological complexes from investigated settlements. The materials from Ivanovka 1 settlement include the culture-chronological complexes of Russian-Soviet period, the Middle Ages (Relka or Lachinovo cultures ceramics), the beginning of the Middle Bronze Age (comb-patching ceramic complex), the Early Bronze Age (ceramics, remains of stone masonries, stone tools and its preforms, fragments of ceramic bronze casting forms of Krokhalievka culture). Finds of ancient ceramics and stone industry tools from Ivanovka 2 settlement confirm previous conclusions about site's relation with the complex of Krokhalievka culture of the Early Bronze Age, but some stone tools from lower horizons of the culture layer might be dated to the Stone Age. Finds from Dolgaya 2 settlement are

supplement the information about the presence of production site of Krokhalievka culture of the Early Bronze Age, the Late Neolithic and medieval complexes of south of the Lower Tom' region.

Keywords: archaeological excavation, ancient sites, Early Bronze Age, Middle Bronze Age, Middle Ages, archeology of Russian period, South of Lower Tom' region, Kuznetsk Basin.

В 2015 г. Нижнетомским отрядом Кузбасской археологической экспедиции были продолжены исследования поселенческих комплексов Ивановка 1, Ивановка 2, Долгая 2 на юге Нижнего Притомья (Яшкинский район Кемеровской области). В работах приняли участие специалисты из Лаборатории археологии Института экологии человека СО РАН, КеМГУ, музея-заповедника «Томская Писаница», а также студенты Кемеровского государственного университета и Кемеровского государственного института культуры и искусств. На базе отряда была проведена археологическая практика учащихся Кемеровского городского классического лицея.

В процессе исследований применялись такие археологические методы, как геоморфологический и стратиграфический анализы почвенных напластований и связанных с ними культурных горизонтов, анализ планиграфических закономерностей в распределении разновременных конструкций и артефактов, типолого-морфологический анализ древней керамики и предметов орудийного набора. Результаты существенно дополняют корпус источников как по археологии юга Нижнего Притомья в целом, так и формируют источники по наименее изученным периодам древней и средневековой истории Кузнецкой

котловины. В задачи настоящей статьи входит краткая характеристика полученных материалов и введение их в научный оборот.

I. Раскопки поселения Ивановка 1.

Поселение Ивановка 1 расположено на первой надпойменной террасе правого берега р. Томь, в 4,5 км ниже по течению от Томской писаницы.

С 2013 г. ведутся планомерные раскопки памятника, в результате которых обозначены культурно-хронологические комплексы русско-советского времени, раннего средневековья, раннего железного века, ранней и развитой бронзы [5; 6].

Раскоп 2015 г. включал 85 м², вскрытых к северу и востоку от раскопа 2013–2014 гг., т. е. как вдоль края террасы, так и в её глубину (рис. 1, 1).

Стратиграфия данных участков памятника подтверждает ранее сделанные наблюдения о доминировании визуально однородных гумусированных суглинков в качестве культурно-вмещающих горизонтов, и тяжелых желтых суглинков в качестве «материкового» подстилающего слоя. Частные случаи осложнения культурного слоя связано с остатками конструкций русско-советского времени и периода ранней — начала развитой бронзы (рис. 1, 2 в цв. вкл.) (табл. 1).

Таблица 1

Ивановка 1. Стратиграфия.

Профиль			Характеристика слоев									
Имя	Категория	Длина (м)	Слой № 1 Дерн		Слой № 2 Переотложенный дерн		Слой № 3 Гумус		Слой № 4 Взаимопроникновение культурного слоя и «материка»		Слой № 5 Жёлтый суглинок	
			мощн от (м)	мощн до (м)	мощн от (м)	мощн до (м)	мощн от (м)	мощн до (м)	мощн от (м)	мощн до (м)	мощн от (м)	мощн до (м)
			З'-К'/3	зап. стенка	3	0,01	0,02	0	0	0,13	0,19	0,04
К'/3-17	сев. стенка	15	0,01	0,02	0,01	0,06	0,13	0,23	0,01	0,07	0	0
А'/2 - 3'	юж. стенка	5	0,02	0,04	0,01	0,03	0,15	0,34	0,02	0,1	0	0
3'/А'-Д'	зап. стенка	5	0,01	0,04	0,01	0,02	0,3	0,4	0	0	0,01	0,13
3'-2/Д	сев. стенка	5	0,02	0,04	0,01	0,03	0,13	0,39	0,01	0,06	0,01	0,12
К'-3'/17	бровка	3	0,02	0,03	0	0	0,11	0,17	0	0	0	0
К'-3'/9	бровка	3	0,02	0,03	0	0	0,12	0,16	0	0	0	0

К'-З'/22	вост. стенка	3	0,03	0,05	0	0	0,17	0,25	0	0	0	0
З'/22-18	юж. стенка	5	0,02	0,03	0	0	0,01	0,26	0	0	0	0
К'/18-22	сев. стенка	5	0,01	0,03	0	0	0,23	0,3	0	0	0,01	0,04

Полученные материалы группируются по культурно-хронологическим комплексам следующим образом.

Комплекс русско-советского времени (XIX — первая половина XX века) представлен 17 фрагментами как минимум от 3 керамических сосудов, из которых 11 фрагментов тулова, 5 венчиков и 1 фрагмент дна. Фрагменты покрыты глазурью (рис. 4, 14). Фрагменты сосредоточены в верхних горизонтах культурного слоя. К этому же времени относятся три монеты (1948 г., 1952 г., 1953 г.) (рис. 2, 36—38), и железное острие, образованное из скрученных спиралью металлических полос, с ушком на верхнем конце (рис. 2, 39).

Комплекс эпохи средневековья (VIII—IX вв. н. э.) представлен фрагментами двух керамических сосудов.

Сосуд 1 представлен 2 фрагментами венчика, волнообразный срез которых украшен вдавлениями косо поставленной лопаточки. Поверхность сосуда покрыта вдавлениями параболической формы (рис. 2, 12).

Сосуд 2 представлен 6 фрагментами тулова, украшенных наклепными витыми бордюрами (рис. 2, 13).

Единичность и фрагментарность полученной керамики не позволяет однозначно судить о её культурной принадлежности, но гипотетически её можно отнести к ранее выделенному [5, с. 176—177] на памятнике комплексу лачиновской (релкинской по Л. А. Чиндиной) культуры [1; 12, с. 48—49].

Гребенчато-ямочная керамика первого этапа развитой бронзы (пер. пол. II тыс. до н. э.) представлена тремя фрагментами от одного сосуда (1 венчик и 2 тулова), орнаментированного гребенчатыми оттисками, образующими косую сетку, и горизонтальным рядом ямочных вдавлений (рис. 2, 4, 5). По имеющимся фрагментам установить форму сосуда невозможно.

Единичность фрагментов подобной керамики диссонирует с результатами раскопок прошлых лет, судя по которым гребенчато-ямочный комплекс выступал одним из основных для памятника. Возможно, в данном случае мы имеем дело с планиграфической локализацией находок этого времени исключительно у края террасы.

Комплекс крохалевской культуры ранней-начала развитой бронзы (конец III — начало II тыс. до н. э.) включает остатки керамической посуды, остатки глиняных предметов бронзолитейного производства, предметы каменной индустрии, остатки конструкций в виде галечных

выкладок. Материалы этого времени наиболее многочисленны в раскопе 2015 года, что требует их подробного описания:

Всего зафиксированы четыре скопления галечных валунов, представляющие собой элементы древней производственной площадки. Приведенная в статье нумерация соответствует общей сквозной нумерации подобных объектов, зафиксированных на памятнике за все годы раскопок.

Каменная кладка № 5. Кладка подпрямоугольной формы, представлена скоплением 145 галечных валунов, размерами 0,70 м × 1,30 м (рис. 1, 5-б). Некоторые из камней расколоты, но лежат вместе. Скопление залегало в один слой мощностью 5—10 см в гумусированном суглинке на границе с материковой поверхностью. Под кладкой обнаружен небольшой участок с прокаленной почвой, переходящий в яму с фрагментами литейных форм и глиняных сердечников для отливки втульчатых орудий (рис. 1, 3, 4). Вблизи кладки обнаружены фрагменты керамической посуды крохалевской культуры.

Каменная кладка № 6. Кладка неправильной формы, представлена скоплением 65 различных камней, вытянутым по оси С-Ю, длиной до 2,5 м (рис. 1, 5-а). Скопление залегало в слое гумусированного суглинка на основании материковой поверхности. В кладке обнаружено 7 фрагментов керамического сосуда крохалевской культуры и многочисленные предметы из камня, а также фрагмент сгоревшего дерева.

Каменная кладка № 7. Кладка представлена скоплением овальной формы из 64 галечных валунов разного размера. Размер кладки — 1,1 м × 1,2 м. Расположена в слое гумусированного суглинка на основании материковой поверхности. В кладке обнаружены нуклеусы и отщепы.

Каменная кладка № 8. Объект представлен компактным скоплением 54 галечных валунов разных размеров, уходящим в стенку раскопа, что не позволяет определить точную форму и размеры кладки. Залегало скопление в слое гумусированного суглинка на материковой поверхности. Находок не обнаружено.

Керамика этого комплекса представлена 95 фрагментами как минимум от четырех разных сосудов, в т. ч. 11 венчиков и 84 фрагмента тулова. Сосуды баночной формы. Все фрагменты с внешней и внутренней стороны покрыты так называемыми «псевдотекстильными» отпечатками. Среди элементов орнамента встречаются ямочные вдавления, «жемчужник», оттиски лопа-

точки. На многих фрагментах с обратной стороны сохранились следы нагара (рис. 2, 9).

Предметы каменной индустрии представлены такими категориями, как пренуклеусы (7 экз.), желваки и нуклеусы (29 экз.) (рис. 2, 17, 20, 21), отбойники (12 экз.), первичные сколы (29 экз.), отщепы (477 экз.) (рис. 2, 33, 34), пластины (14 экз.) (рис. 2, 18, 29, 30, 31), заготовки орудий (12 экз.), бифас (1 экз.), наконечники стрел (3 экз.) (рис. 2, 24, 25, 26), скребки (7 экз.) (рис. 2, 22, 23), фрагменты шлифованного орудия (2 экз.). Стратиграфически предметы каменной индустрии тяготеют к нижним горизонтам культурного слоя, что позволяет отнести большинство из них к периоду ранней бронзы. Планиграфическая локализация большей части предметов, в том числе подавляющего большинства нуклеусов, отщепов и заготовок была связана с каменными выкладками, что подтверждает их взаимосвязь в рамках производственной площадки крохалевского населения в период ранней бронзы.

II. Раскопки поселения Ивановка 2

Поселение на краю первой надпойменной террасы правого берега р. Томь, в 4,3 км к ЮЗ от Томской писаницы. Памятник обнаружен и изучен рекогносцировочным раскопом в 2014 г. По материалам разведки поселение было предварительно датировано ранней — началом развитой бронзы с наличием единичных находок позднего Средневековья [10]. Раскопки продолжены в 2015 году, когда с целью уточнения стратиграфической ситуации был заложен раскоп площадью 10 м², продолжающий изученную площадь в южном направлении, по направлению к краю террасы.

Визуальные стратиграфические наблюдения подтверждают ранее выявленную ситуацию, когда основными слоями выступают мощные пачки гумусированных темно-серых суглинков и желтых подстилающих суглинков (табл. 2.). Вместе с тем, в отличие от ситуации 2014 года в отчетный период зафиксировано наличие культуровмещающих горизонтов в кровле желтого суглинка.

Таблица 2

Ивановка 2. Стратиграфия

Профиль			Характеристика слоев					
Имя	Категория	Длина (м)	Слой №1		Слой №2		Слой №3 Жёлтый суглинок	
			мощн от (м)	мощн до (м)	мощн от (м)	мощн до (м)	мощн от (м)	мощн до (м)
Д'-А'/1	западная стенка	5	0,02	0,04	0,21	0,32	0,05	0,09
Д'/2-1	южная стенка	2	0,01	0,03	0,2	0,24	0,03	0,07
А'-Д'/2	восточная стенка	5	0,02	0,04	0,21	0,27	0,05	0,13

Полученная при раскопках керамика немногочисленна, и обнаружена только в слое гумуса. Она представлена 3 фрагментами тулова, на одном из которых нанесены характерные для крохалевской культуры «псевдотекстильные» отпечатки (рис. 2, 16).

Гораздо более представительна коллекция предметов каменной индустрии: 51 отщеп, 7 нуклеусов, 2 желвака, 2 скребка, 1 скол, 1 пластина (рис. 2, 16, 19, 32, 35). Такое количество каменных предметов, в первую очередь продуктов и отходов первичного расщепления, позволяет предположить наличие на поселении рабочей площадки по обработке камня. Датировка большей части каменных изделий может быть древнее крохалевской керамики, т.к. они залегают ощутимо ниже последней, и стратиграфически связаны с кровлей желтого суглинка.

Таким образом, результаты исследований 2015 г. подтвердили наличие на памятнике комплекса крохалевской культуры, но в тоже время ставят вопрос о выделении хронологического комплекса, связанного с каменным веком. Гру-

бый, подчеркнуто макролитический характер некоторых предметов сближает их с материалами верхнего палеолита бассейна р. Томи, но подобной датировке противоречит общие геоморфологические характеристики местонахождения, и в первую очередь его связь с невысокой первой террасой [8]. Решение данной проблемы возможно только в ходе дальнейших раскопок памятника.

III. Поселение Долгая 2

Памятник расположен в 35 м к югу от Новоромановской писаницы через р. Долгая [9]. Первые сведения о наличии памятника приведены в монографии И. В. Ковтуна [7], но эта предварительная публикация основывалась на единичных предметах из подъемных сборов В. С. Горяева. Рекогносцировочный раскоп, заложенный в 2009 г., определил атрибуцию местонахождения как поселения периода ранней бронзы. Плановые раскопки на памятнике начаты в 2014 г., когда были вскрыты 47 м², и изучены следы площадки по изготовлению каменных орудий, связанной

с населением крохалевской культуры ранней бронзы [6].

В 2015 году на памятнике Долгая 2 было вскрыто 17 м². Исследован участок, прилегающий к раскопу предыдущего года с северной и восточной сторон. Завершено изучение конструкции

с ямой № 3, начатое в 2014 г., выявлена нижняя (северная) часть производственной площадки с каменными кладками. Стратиграфическая ситуация соответствует ранее сделанным наблюдениям (рис. 1, 7; табл. 3).

Табл. 3

Долгая 2. Стратиграфия

Профиль			Характеристика слоев											
Имя	Категория	Длина (м)	Слой №1 Дерн		Слой № 2 Гумусированный суглинок серо-черного цвета		Слой № 3 Суглинок красно-желтого цвета		Слой № 4 Ортзанд (прослойки)		Слой № 5 Плотная глина светлого-желтого цвета («материк»)		Слой № 6. Переотложенный грунт из раскопов предыдущих лет	
			мощн от (м)	мощн до (м)	мощн от (м)	мощн до (м)	мощн от (м)	мощн до (м)	мощн от (м)	мощн до (м)	мощн от (м)	мощн до (м)	мощн от (м)	мощн до (м)
A/1	западная стенка	2	0,02	0,04	0,1	0,18	0,18	0,4	0,01	0,01				
A/1-2'	северная стенка	4,5	0,02	0,05	0,08	0,18	0,12	0,32				0	0,12	
A-Г/2'	восточная стенка	9	0	0,14	0	0,15	0,04	0,44	0,01	0,01				
Г/2'-1	южная стенка	2,5	0,02	0,06	0,06	0,12	0,06	0,52						

Керамическая посуда из коллекции 2015 г. представлена несколькими культурно-хронологическими группами.

Комплекс эпохи Средневековья представлен 7 фрагментами (4 венчика, 3 — тулова), принадлежащими 5 сосудам.

Сосуд 1 состоит из 1 фрагмента тулова, орнаментированного рядами неглубоких округлых ямок, а также частыми вертикальными наклонными оттисками широкого 5-зубого штампа.

Сосуд 2 представлен 2 фрагментами венчика и 1 фрагментом тулова. Срез венчика прямой, немного скошен вовнутрь. Орнамент зоны венчика состоит из двойного ряда мелких наколов по устью и расположенных ниже двух рядов «жемчужин». (рис. 2, 10, 11).

Сосуд 3 представлен 1 фрагментом венчика. Срез уплощен. Лицевая поверхность венчика орнаментирована вытянутыми приостренными валиками. По устью был нанесен ряд из мелких округлых ямок.

Сосуд 4 состоит из 1 фрагмента тулова, орнаментированного тремя вертикальными прочерченными линиями.

Сосуд 5 представлен 1 фрагментом венчика, орнаментированного «жемчужником» по устью.

Комплекс крохалевской культуры включает фрагменты нескольких плоскодонных сосудов баночной формы с ложнотекстильным декором — 40 экз, из которых 39 тулов и 1 фрагмент дна. Псевдотекстильные отпечатки покрывают как лицевую, так и внутреннюю поверхности фрагментов. Выделяется несколько типов декоративных участков: 1) участки с разнонаправленными продолговатыми отпечатками; 2) участки с однонаправленными параллельными линиями овальных отпечатков; 3) участки с параллельными рядами прямоугольных отпечатков; 4) участки с рядами «шагающего» многозубого штампа, нанесенными поверх псевдотекстильного декора (рис. 2, 7, 8). Точное количество банок установить сложно.

ными продолговатыми отпечатками; 2) участки с однонаправленными параллельными линиями овальных отпечатков; 3) участки с параллельными рядами прямоугольных отпечатков; 4) участки с рядами «шагающего» многозубого штампа, нанесенными поверх псевдотекстильного декора (рис. 2, 7, 8). Точное количество банок установить сложно.

Комплекс позднего неолита-энеолита (?) представлен 9 фрагментами от двух сосудов (2 венчика и 7 фрагментов тулова), орнаментированных накольчатыми и прочерченными узорами.

Сосуд 1—2 фрагмента венчика и 6 фрагментов тулова. Профиль венчика прямой, срез имеет округлую форму, декорирован гладкими овальными наклонными оттисками. Орнамент состоит из прямых горизонтальных поясов ямочных вдавлений округлой формы и линий разреженных гладких наколов; под срезом расположена прочерченная волнистая линия. На внешней и внутренней поверхностях фрагментов фиксируются небольшие участки с нагаром (рис. 2, 1—3).

Сосуд 2—1 фрагмент тулова. Сохранился участок орнамента из параллельных наклонных оттисков длинного зубчатого штампа. Один из горизонтальных изломов фрагмента имеет гладкий рельеф в виде зигзага — вероятно, являясь позитивом ленточного спая.

Морфология и орнаментальный декор данной группы позволяет соотнести её с комплексами кипринско-ирбинско-новокусовского культурного массива, имевшего распространение в Новосибирском и Томском Приобье в конце V — начале IV тыс. до н.э.

Важнейшим результатом раскопок стало получение данных о конструктивных особенностях и археологическом контексте остатков нескольких древних сооружений.

Яма № 3. Юго-западная часть ямы выявлена в 2014 г., в ходе работ 2015 года изучение продолжено. Зафиксирована на фоне «материкового» слоя светло-желтой глины в виде подовального гумусированного пятна размерами 1,9×0,55 м, вытянутого по линии ЮЗ-СВ. Пятно ямы было перекрыто кладкой, состоящей из гальки крупных и средних размеров, а также нескольких сланцевых плит. Площадь залегания камней из кладки превышала размеры пятна, составляя ок. 2,3×0,7 м, глубина занимала верхнюю часть (0,1 м) заполнения ямы. С южной стороны, соответствующей более высокому участку естественного склона, стенка ямы отвесная, глубина достигает 0,4 м; северная стенка более пологая, имеет небольшой выступ шириной 0,2 м, глубина ямы здесь составляет 0,1—0,25 м. На уровне каменного перекрытия найдены многочисленные фрагменты угольков и 2 отщепы. В заполнении ямы обнаружены первичные сколы (9 экз.), отщепы (4 экз.), желвак (1 экз.), фрагмент абразива из песчаника и 1 глиняный спек.

Каменная кладка № 3 (восточный участок). В восточной части раскопа (кв. А/2') выявлены остатки каменных кладок, по всей видимости, являющихся продолжением зафиксированной в 2014 г. кладки № 3. Южная часть доисследованного участка включает фрагменты сланцевых плит и гальки различного размера, северная часть — исключительно фрагменты сланцевых плит. Общие известные размеры кладки № 3, вытянутой по линии склона с ЮВ на СЗ, составляют ≈2,5×1,2 м.

На северном (нижнем) участке производственной площадки (кв. А/1—1') обнаружены остатки двух кладок (№ 4 и № 5) и одной ямы — № 9. В верхних горизонтах слоя красно-желтого суглинка залегали разрозненные переотложенные элементы конструкций — отдельные плиты, крупные и мелкие гальки; в нижних горизонтах, на уровне границы с материковым слоем, очертания кладок выявлены наиболее отчетливо. На площади 1,5×0,7 м между кладками № 4 и № 5 залегали скопления мелких фрагментов костей, угольков, отщепы, первичные сколы, несколько фрагментов керамики крохалевской культуры. На участке близ кладки № 5 и ямы № 10, а также в ее заполнении, зафиксировано два скопления крупных фрагментов от нескольких крохалевских сосудов.

Каменная кладка № 4 зафиксирована в северо-восточной части раскопа (кв. А/1'). Состоит из крупных сланцевых плит, уложенных на участке площадью 1,3×1 м. Форма кладки не имеет выраженных геометрических очертаний (рис. 1, б-а). Непосредственно у северо-восточной стороны кладки обнаружено скопление из восьми галечных отбойников (рис. 8).

Каменная кладка № 5 залегала в кв. А/1 (северо-западный участок раскопа). Размеры — 1×0,7 м, небольшая вытянутость фиксируется по линии ЮВ-СЗ. Состоит из крупных и мелких фрагментов сланцевых плит и гальки различного размера (рис. 1, б-б).

Яма № 9 зафиксирована в виде гумусированного пятна размерами ≈2,2×0,5 м, вытянутого по направлению ЮЮВ-ССЗ, частично уходящего в северо-западный угол раскопа. Глубина — до 0,18 м. В заполнении ямы обнаружены фрагменты крохалевской керамики (18 экз.) и глиняный спек (рис. 1, б-в).

Описанные объекты являются конструктивными элементами производственной площадки, основная часть которой была исследована в полевом сезоне 2014 г. В составе комплекса выявлены центральная сланцево-галечная кладка с очагом, остатки хозяйственных и столбовых ям, прокалы, остатки глиняной обмазки. Надежно установлена принадлежность площадки комплексу крохалевской культуры.

Предметы каменной индустрии из коллекции 2015 г., по всей видимости, также большей своей частью связаны с производственным комплексом эпохи ранней бронзы. Обнаружены желваки (3 экз.), заготовка остроконечника (1 экз.), ложило (1 экз.), наконечник стрелы (1 экз.), отбойники (8 экз.), отщепы (37 экз.), первичные сколы (17 экз.), скребок (1 экз.). Не исключено, что часть изделий при дальнейшем накоплении сведений о планиграфии и стратиграфии памятника может быть датирована периодом позднего неолита-энеолита.

Суммируя сказанное, отметим важность полученных результатов для археологического изучения юга Нижнего Притомья. Планомерные раскопки поселенческих памятников, с учетом обнаружения и исследования разновременных комплексов, формируют базу для периодизации древностей юга Нижнего Притомья.

Первый опыт такой периодизации был принят нами на материалах уникального поселенческого и культового памятника Долгая 1, исследованного в 2008—2012 годах [2; 3; 4]. Работы 2013—2015 гг. на памятниках Долгая 2, Ивановка 1 и Ивановка 2, Синеречка 1 и Синеречка 2, расположенных на различных участках юга Нижнего Притомья, существенно уточнили первоначальную схему, дополнив её комплексами Средневековья, финальных периодов раннего железного века и русского времени [6; 11].

Главным результатом раскопок 2015 г. является накопление данных о хозяйственно-производственной деятельности населения юга Нижнего Притомья на рубеже III—II тыс. до н.э. Полученные на нижнетомских памятниках материалы крохалевской культуры во многом уникальны, и на современном этапе качественно необходимы

для решения проблем археологии ранней бронзы
всего Верхнеобского региона.

Литература

1. Бобров, В. В., Новгородченкова, И. В. К проблеме валиковой керамики Притомья / В. В. Бобров, И. В. Новгородченкова // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Тезисы докладов областной научной конференции по разделам «Скифо-сибирская культурно-историческая общность»; «Раннее и позднее средневековье». — Омск: Изд-во ОмГУ, 1987. — С. 156—159.
2. Бобров, В. В., Ковтун, И. В., Марочкин, А. Г. Археологические комплексы в Нижнетомском очаге наскального искусства / В. В. Бобров, И. В. Ковтун, А. Г. Марочкин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. — Т. XV. — С. 214—219.
3. Бобров, В. В., Марочкин, А. Г. Раскопки у Новоромановской писаницы (южные районы Нижнего Притомья) / В. В. Бобров, А. Г. Марочкин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. — Т. XVI. — С. 149—153.
4. Бобров, В. В., Марочкин, А. Г., Юракова, А. Ю. Исследования стоянки Долгая-1 на юге Нижнего Притомья (предварительные итоги) / В. В. Бобров, А. Г. Марочкин, А. Ю. Юракова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. — Т. 18. — С. 170—174.
5. Бобров, В. В., Марочкин, А. Г., Юракова, А. Ю., Панкратова, Л. В., Конончук, К. В. Поселение Ивановка-1 на юге Нижнего Притомья / В. В. Бобров, А. Г. Марочкин, А. Ю. Юракова, Л. В. Панкратова, К. В. Конончук // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. — Т. XIX. — С. 175—179.
6. Бобров, В. В., Марочкин, А. Г., Юракова, А. Ю., Панкратова, Л. В., Конончук, К. В., Щербакова, А. В. Новые материалы ранней — начала развитой бронзы на поселениях Нижнего Притомья / В. В. Бобров, А. Г. Марочкин, А. Ю. Юракова, Л. В. Панкратова, К. В. Конончук // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. — Т. XX. — С. 108—111.
7. Ковтун, И. В. Петроглифы Висящего Камня и хронология томских писаниц / И. В. Ковтун. — Кемерово: Кузбассвуиздат, 1993. — 140 с.
8. Маркин, С. В. Палеолитические памятники бассейна реки Томи / С. В. Маркин. — М: Наука, 1986. — 176 с.
9. Марочкин, А. Г., Герман, П. В. К археологической карте южных районов Нижнего Притомья / А. Г. Марочкин, П. В. Герман // Историко-культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения и охраны памятников археологии). — Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. — Вып. III. — С. 78—86.
10. Марочкин, А. Г., Юракова, А. Ю., Конончук, К. В., Щербакова, А. В., Плац, И. А., Фальман, А. В., Сизев, А. С. Разведочные изыскания Нижнетомского отряда КАЭ в 2014 г. / А. Г. Марочкин, А. Ю. Юракова, К. В. Конончук, А. В. Щербакова, И. А. Плац, А. В. Фальман, А. С. Сизев // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2014 г. / Под ред. А. Н. Глушкова. Кем: Изд-во ИЭЧ СО РАН, 2014. — Вып. 6. — С. 130—134.
11. Панкратова, Л. В., Марочкин, А. Г., Юракова, А. Ю. Культурный комплекс кулайской культуры в Кузнецком Притомье / Л. В. Панкратова, А. Г. Марочкин, А. Ю. Юракова // Вестник Томского государственного университета. История. — Томск: Изд-во ТГУ, 2014. — № 3 (29). — С. 108—115.
12. Чиндина, Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура) / Л. А. Чиндина. — Томск: Изд-во ТГУ, 1991. — 184 с.

References

1. Bobrov, V. V., Novgorodchenkova, I. V. K probleme valikovoy keramiki Pritomya. [To problem of roll (valikova) ceramics of Tom region]. Istoricheskie chteniya pamyati M. P. Gryaznova. Tezisyi dokladov oblastnoy nauchnoy konferentsii po razdelam «Skifo-sibirskaya kulturno-istoricheskaya obschnost»; «Ranee i pozdnee srednevekov». — Omsk, 1987. — pp. 156—159. (In Russ.).
2. Bobrov, V. V., Kovtun, I. V., Marochkin, A. G. Arheologicheskie kompleksy v Nizhnetomskom ochage naskalnogo iskusstva [Archaeological complexes in Nizhnetomsk hearth rock art]. Problemyi arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnyih territoriy. [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. — Novosibirsk, IAET SO RAN Publ., 2009. — vol. XV. — pp. 214—219. (In Russ.).
3. Bobrov, V. V., Marochkin, A. G. Raskopki u Novoromanovskoy pisanitsy (yuzhnyie rayonyi Nizhnego Pritomya). [Excavations at Novoromanovskaya Pisanitsa (South of Tom Region)]. Problemyi arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnyih territoriy [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. — Novosibirsk, IAET SO RAN Publ., 2010. — vol. XVI. — pp. 149—153. (In Russ.).
4. Bobrov, V. V., Marochkin, A. G., Yurakova, A. Yu. Issledovaniya stoyanki Dolgaya-1 na yuge Nizhnego Pritomya (predvaritelnyie itogi) [Exploring of Dolgaya 1 site on South of Tom Region (early results)]. Problemyi arheologii,

- etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. — Novosibirsk, IAE SO RAN, 2012. — vol. XVIII. — pp. 170—174. (In Russ.).
5. Bobrov, V. V., Marochkin, A. G., Yurakova, A. Yu., Pankratova, L. V., Kononchuk K. V. Poselenie Ivanovka-1 na yuge Nizhnego Pritomya. [Ivanovka 1 site on South of Tom Region]. Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. — Novosibirsk, IAE SO RAN, 2013. — vol. XIX. — pp. 175—179. (In Russ.).
 6. Bobrov, V. V., Marochkin, A. G., Yurakova, A. Yu., Pankratova, L. V., Kononchuk, K. V., Scherbakova, A. V. Novyye materialy ranney — nachala razvitoy bronzy na poseleniyah Nizhnego Pritomya. [New materials of early — middle Bronze Age on sites of Lower Tom Region]. Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy. [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. — Novosibirsk, IAE SO RAN, 2014. — vol. XX. — pp. 108—111. (In Russ.).
 7. Kovtun, I. V. Petroglify Visyashego Kamnya i hronologiya tomskikh pisanits [Petroglyphs Hanging Stone and chronology of Tomsk petroglyphs]. — Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 1993. — 140 p. (In Russ.).
 8. Markin, S. V. Paleoliticheskie pamyatniki basseyna reki Tomi. [Paleolithic monuments of Tom Region]. — Science Pibl., 1986. — 176 p. (In Russ.).
 9. Marochkin, A. G., German, P. V. K arheologicheskoy karte yuzhnykh rayonov Nizhnego Pritomya. [To archaeological map of South Lower Tom region]. Istoriko-kulturnoe nasledie Kuzbassa (aktualnyye problemy izucheniya i ohrany pamyatnikov arheologii). [Historical and cultural legacy of Kuzbass (Hot topics of study and protection of archeological monuments)]. — Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2011. — Vol. III. — pp. 78—86. (In Russ.).
 10. Marochkin, A. G., Yurakova, A. Yu., Kononchuk, K. V., Scherbakova, A. V., Plats, I. A., Falman, A. V., Sizev, A. S. Razvedochnyye izyiskaniya Nizhnetomskogo otryada KAE v 2014 g. [Reconnaissance of the Lower Tom River Team of the Kuzbass archaeological mission in 2014]. Materialy nauchnoy sessii IECh SO RAN 2014 g. [Materials of scientific session of Institute of ecology men]. — Kemerovo, 2014. — Vol. 6. — pp. 130—134. (In Russ.).
 11. Pankratova, L. V., Marochkin, A. G., Yurakova, A. Yu. Kultovyy kompleks kulayskoy kultury v Kuznetskom Pritime. [Cult complex of Kulai culture in Kuznetskiy Prityome]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. [Messenger of Tomsk State University]. — Tomsk, 2014. — vol. 3 (29). — pp. 108—115. (In Russ.).
 12. Chindina, L. A. Istoriya Srednego Priobya v epohu rannego srednevekovya (Ryolinskaya kultura) [History of Middle Ob Region in Epoch of Early Middle Age (Ryolka culture)]. - Tomsk, 1991. - 184 p. (In Russ.).

УДК: 902/904

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ 2015 Г. В ЮЖНЫХ РАЙОНАХ НИЖНЕГО ПРИТОМЬЯ

Публикация выполнена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-11-42008 «Периодизация археологических древностей юга Нижнего Притомья», а также в рамках соглашения № 8 от 1.06.2015 г. с Департаментом образования и науки Кемеровской области о поддержке гуманитарных научных исследований.

Марочкин Алексей Геннадиевич,

к.и.н., старший научный сотрудник лаборатории археологии Института экологии человека СО РАН (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: comcon@yandex.ru

Плац Иван Андреевич,

магистрант кафедры археологии ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: ivanplac@yandex.ru

Конончук Константин Владимирович,

старший научный сотрудник, заведующий научно-экспозиционным отделом Музея-заповедника «Томская Писаница», магистрант кафедры археологии ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: konstantinkonon@mail.ru

Планомерный и целенаправленный поиск археологических памятников остается одной из самых актуальных задач российской археологии, особенно для слабоизученных районов, к каковым по-прежнему относится юг Нижнего Притомья. Решение этой задачи выступает базовым условием

для формирования корпуса археологических источников по изучению широкого спектра проблем древних и средневековых обществ.

Цель статьи заключается во введении в научный оборот материалов, полученных при разведочных изысканиях 2015 года на юге Нижнего Притомья.

Исследования проводились с применением анализа геоморфологической ситуации различных участков правобережья и левобережья р. Томь, с использованием метода подъемных сборов, с выяснением стратиграфии почвенных напластований и выявлением культурного слоя посредством локальных земляных работ, с последующим типолого-морфологическим и сравнительным анализом полученных артефактов.

Результаты разведочных изысканий включают обнаружение двух ранее неизвестных поселенческих памятников – Пача IV и Писаная III. Локальные земляные работы на поселении Пача IV выявили наличие двух культурных горизонтов, характеризующих хроностратиграфическую ситуацию. Верхний горизонт связан с функционированием поселения эпохи раннего средневековья, а нижний маркирует освоение площади памятника населением бронзового века. Обнаружение поселения Писаная III является результатом целенаправленного поиска археологических местонахождений в непосредственной близости от Томской Писаницы. Рекогносцировочные раскопки на этом памятнике выявили наличие культурного горизонта позднего неолита-ранней бронзы, перекрытого мощными напластованиями культурного слоя русско-советского времени.

Проведенные исследования существенно дополняют археологическую карту правобережья Нижнего Притомья, и подтверждают перспективность дальнейших изысканий.

Ключевые слова: археологические разведки, поселение Пача IV, поселение Писаная III, неолит, эпоха бронзы, эпоха Средневековья, юг Нижнего Притомья.

THE RESULTS OF THE ARCHAEOLOGICAL RECONNAISSANCE IN THE SOUTH OF LOWER-TOM REGION IN 2015

Marochkin Aleksey Gennadievich,

Candidate of History, Senior Researcher at the Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: comcon@yandex.ru

Plats Ivan Andreevich,

graduate student at the Department of Archaeology, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ivanplac@yandex.ru

Kononchuk Konstantin Vladimirovich,

Senior Researcher, Head of the Department of Scientific Work and Expositions of Museum-Preserve «Tomskaya Pisanitsa», graduate student at the Department of Archaeology, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: konstantinkonon@mail.ru

Systematic and purposeful search of archaeological sites is one of the most urgent tasks of the Russian archeology, especially in insufficiently explored areas, the south of Lower-Tom region still belonging to such. Solution of this task is the basic condition for formation of corpus of archaeological sources for research in a wide range of problems of ancient and medieval societies.

The purpose of the article is to provide the reader some information on materials obtained during reconnaissance research in the south of Lower-Tom region in 2015.

The investigations were conducted using geomorphological analysis of the situation in different sites of the right and left banks of the river Tom, using the method of lifting collection, with the explanation of stratigraphy and the identification of the cultural layer through local excavation, followed by typological-morphological and comparative analysis of the artifacts.

The results of the reconnaissance research include the discovery of two previously unknown settlement sites - Pacha IV and Pisanaya III. Local earthworks on the settlement Pacha IV revealed the presence of two cultural horizons that characterize chronostratigraphic situation. The upper horizon is related to the functioning of the Early Middle Ages's settlement. The lower horizon marks the presence of the population of the Bronze Age. The discovery of settlement Pisanaya III is the result of a purposeful search of archaeological sites in the vicinity of Museum-Preserve «Tomskaya Pisanitsa». Reconnaissance excavations on this site

have revealed the existence of a cultural horizon of the Late Neolithic-Early Bronze Age, overlain by thick stratum of the Russian-Soviet period.

The research complements the archaeological map of the right bank of the Lower-Tom region and confirms the promising outlook for further investigations.

Keywords: archaeological reconnaissance, settlement Pacha IV, settlement Pisanaya III, Neolithic, Bronze Age, Middle Ages, the south of Lower-Tom region.

Планомерный и целенаправленный поиск археологических памятников остается одной из самых актуальных задач российской археологии, и решение этой задачи выступает базовым условием для формирования корпуса археологических источников по изучению широкого спектра проблем древних и средневековых обществ. Особенно актуальны разведочные изыскания в районах, не изученных или малоизученных в археологическом плане. Один из таких районов остается юг Нижнего Притомья, т.е. участок р. Томи между г. Кемерово и административной границей Томской и Кемеровской областей. В предыдущих работах нами уже отмечался дисбаланс по степени археологической изученности между югом Нижнего Притомья и сопредельными районами, а также нелогичность концентрации исследовательского внимания на нижнетомских петроглифах при почти полном незнании их археологического окружения [4, с. 86-91].

Разведки в данном районе проводились неоднократно на протяжении 1970-2000-х гг. Следует отметить, вклад В.В. Боброва, В.Н. Добжанского, А.С. Васютина, А.М. Коротаева, Ю.В. Ширина, И.В. Ковтуна, П.В. Германа [3, с. 389-392; 5, с. 78-86; 9, с. 4-75]. Однако, несмотря на положительные результаты этих изысканий, они по большей части были спорадическими и кратковременными, что не могло не сказаться на их эффективности. Счастливым исключением в данном случае стали масштабные изыскания экспедиции музея-заповедника «Томская Писаница», проведенные под руководством И.В. Ковтуна в 1990-1991 гг. Памятники, обнаруженные в эти годы, составляют не менее трети от числа всех известных в данном районе местонахождений. К сожалению, резкое сокращение финансирования в результате внутривосточного кризиса 1990-х гг. привело к приостановке археологических изысканий в данном районе на длительное время.

Современный этап в археологическом изучении рассматриваемой территории связан с работами Нижнетомского отряда Кузбасской археологической экспедиции Института экологии человека СО РАН. Силами отряда и привлеченных специалистов из КемГУ, ТГПУ и МЗ «Томская Писаница» с 2007 г. по настоящее время проводятся планомерные раскопки поселенческих и погребальных памятников правобережной части юга Нижнего Притомья (см. статью в данном номере), а также масштабный поиск ранее неизвестных археологических местонахождений. Результатом

рекогносцировочных работ 2007-2014 гг. стало обнаружение четырех курганных могильников, одного городища эпохи Средневековья, четырех многослойных поселений эпохи бронзы, одного поселения эпохи раннего железа и одного поселенческого памятника периода первоначального освоения Нижнего Притомья русским населением [4, с. 86-91; 5, с. 78-86; 7, с. 130-134; 8, с. 113-115].

В 2015 году был предпринят поиск археологических памятников на участке правого берега р. Томь от д. Писаной до п. Пача, на участке левого берега р. Томь от бывшей д. Усть-Писаная до д. Колбиха, а также в долине р. Писаной (правый приток р. Томи). Изыскания производились с применением традиционных методов археологической разведки (анализ геоморфологической ситуации, осмотр обнажений, рекогносцировочные раскопы, стратиграфические наблюдения и т.д.). К сожалению, поиск в левобережной части маршрута оказался безрезультатным, как и поиск в удаленных от устья участках долины р. Писаная. Вместе с тем, в правобережной части разведывательного маршрута удалось выявить два ранее неизвестных поселенческих памятника Пача IV и Писаная III, а также получить предварительные данные об их стратиграфии и культурно-хронологической принадлежности. Целью предлагаемой статьи является публикация полученных результатов.

Поселение Пача IV

В окрестностях с. Пача Яшкинского района Кемеровской области известны три поселенческих местонахождения, обнаруженных в начале 1990-х гг. И.В. Ковтуном, и датированных преимущественно ранней бронзой. В соответствии с общими принципами номенклатуры наименований археологических памятников, обнаруженное в 2015 г. поселение получило название по ближайшему населенному пункту, с присвоением очередного порядкового номера.

Поселение Пача IV обнаружено в месте впадения в р. Томь её правого притока р. Пача. Памятник расположен в пределах прямой видимости от одноименного села, в 250 м к ВЮВ через р. Пача. Местонахождение связано с мысовидным участком, образованным первой надпойменной террасой р. Томь (высота до 8 м) и руслом р. Пача (рис. 1, 1). В свое современное состояние мыс свободен от древесных насаждений, за исключением молодого березово-осинового древостоя и зарослей ивняка на периферийных участках.

Поверхность памятника задернована, но несет следы сильной антропогенной нагрузки – грунтовые дороги, следы планирования поверхности техникой, западины от построек.

Южный и юго-западный участки памятника, идущие вдоль берега р. Томь, повреждены больше. На северном участке нарушения ограничены грунтовой дорогой.

В юго-западной части поселения, на краю террасы зафиксированы пять западин от построек (рис.1, 1). Четыре западины (№ 1-4), округлые в плане, являются, вероятно, остатками хозяйственных сооружений русского времени, размеры их не превышают 4 м в диаметре. Западина № 5, овальная в плане, вполне возможно может принадлежать жилищу эпохи Средневековья. Размеры её составляют 21х9 м, глубина – до 1 м.

Для определения стратиграфии памятника и выяснения культурно-хронологической принадлежности западин было заложено два рекогносцировочных раскопа, а также предпринят сбор подъемного материала.

Раскоп № 1 площадью 3 м² разбит в 6 метрах к западу от западины № 5.

Стратиграфия раскопа № 1 представлен несколькими слоями (рис.1, 2-5):

- 1) дерн (0,04-0,06 м);
- 2) темно-серый гумусированный суглинок с включениями мелкой гальки (до 0,75 м);
- 3) галечная линза, а также зафиксированные на этом же уровне остатки открытого кострища (до 0,1 м);
- 4) черно-коричневый гумусированный суглинок (более метра).

Обнаружить характерный для данной местности суглинок желто-коричневого цвета, часто рассматриваемый в качестве «материкового» слоя так и не удалось, т.к. раскопки остановлены на глубине 2,3 м. Происхождение галечной линзы, видимо, связано с периодом повышения уровня воды в р. Томь в определённые исторические периоды. Судя по стратиграфии раскопа, памятник имеет как минимум два одновременных культурных горизонта.

Верхний горизонт представлен комплексом раннего Средневековья (VI-VIII вв. н.э.), материалы которого залегали на глубине до 0,3 м от современной дневной поверхности. Комплекс представлен следующими материалами:

- 1) Фрагменты керамической посуды без орнамента – 36 экз.
- 2) Фрагменты тулов и венчиков керамических сосудов с орнаментом из оттисков гребенчатого штампа и т.н. горизонтальных налипных валиков – 5 экз.
- 3) Фрагментированные кости животных – 29 экз.

Датирующей особенностью комплекса выступают морфология сосудов (уплощенный и ско-

шенный наружу срез венчиков, раздутое тулово) и применение налипных валиков в орнаментальном декоре. Это сближает комплекс с поселениями лачиновской культуры раннего средневековья, выделенной по материалам Среднего Притомья.

Нижний горизонт предварительно можно связать с периодом ранней бронзы, но немногочисленность материалов делает эту атрибуцию весьма условной. Материалы этого комплекса залегали на глубине до 1 м, т.е. непосредственно связаны с уровнем галечной прослойки. Представлен следующими находками:

- 1) Фрагменты керамической посуды без орнамента – 36 экз.
- 2) Фрагменты тулов и венчиков керамических сосудов с орнаментом из оттисков гребенчатого штампа, горизонтальных прочерченных линий и мелкого «жемчужника» – 10 экз.
- 3) Один кусок ошлакованной керамической массы.
- 4) Фрагментированные кости животных – 19 экз.

Фрагментарность керамической посуды не позволяет однозначно судить о культурно-хронологической принадлежности комплекса, и его отнесение к эпохе бронзы имеет предварительный характер.

Перед рекультивацией в раскопе № 1 был произведен отбор палинологических образцов почвы. Образцы отбирались через 10 см, на профиле глубиной 2,3 м. Отбором образцов руководила доктор биологических наук, профессор А.В. Заушинцева.

Раскоп № 2, также площадью 3 м², заложен в 50 м к северу от западины № 5 с целью найти границы распространения памятника. Стратиграфическая ситуация на этом участке существенно отличалась от описанной выше (рис.1, 6-9). Она представлена следующими слоями:

- 1) дерн (0,04-0,06 м);
- 2) темно-серый гумусированный суглинок с включениями мелкой гальки и сгнивших щепок (до 0,8 м);
- 3) суглинок желто-коричневого цвета (более 0,2 м: раскопки остановлены на глубине 1 м). В этом слое удалось зафиксировать скопление древесных угольков вместе с костями животных, что не позволяет считать его т.н. «материковым» горизонтом.

Наличие в желто-коричневом суглинке углей и костей животных, имеющих следы термической обработки, косвенно свидетельствует о двухслойности памятника и на этом участке, но все-таки достоверно культурные остатки зафиксированы в слое № 2, на глубине до 0,3 м, и представлены они также материалами эпохи раннего Средневековья. Находки этого времени представлены в раскопе № 2 следующими предметами:

- 1) Фрагменты керамической посуды без орнамента – 7 экз.

2) Фрагменты тулов и венчиков керамических сосудов с орнаментом из горизонтальных налпных валиков – 2 экз.

3) Аморфные куски керамических спеков – 8 экз..

4) Фрагментированные кости животных – 16 экз.

Несколько фрагментов предположительно принадлежать сосуду-тиглю. Это, а также большое количество керамических спеков, выступает косвенными признаками металлургического производства.

Наконец, был предпринят сбор подъемных материалов на одном из участков террасы, разрушенной грунтовой дорогой. Участок расположен в 90 м к юго-востоку от раскопа № 1 (рис. 1, 1). Осмотр участка также выявил наличие насыщенного культурного слоя раннего Средневековья на глубине 0,15–0,3 м. Обнаружены следующие предметы:

1) Фрагменты керамической посуды без орнамента – 13 экз.

2) Фрагменты тулов и венчиков керамических сосудов с орнаментом из горизонтальных налпных валиков – 1 экз.

Таким образом, следует говорить о мощном поселенческом слое эпохи раннего Средневековья, зафиксированном на площади не менее 500 м², что делает памятник Пача IV чрезвычайно перспективным в плане планомерных раскопок. Многослойность памятника особенно выражена у края террасы.

Поселение Писаная III

В настоящий момент известно два археологических местонахождения, название которых определено близостью к р. Писаная (правый приток р. Томи) и одноименной д. Писаная. Памятник Писаная I, расположенный на берегу р. Томь в 1,1 км к СЗ от устья р. Писаная, представляет собой поселение ирменской культуры эпохи поздней бронзы, и полностью раскопан И.В. Ковтуном в начале 1990-х гг. [1, с. 214–219]. Местонахождение Писаная II, расположенное непосредственно в черте д. Писаная, связано с материалами русско-советского времени и известно по сборам П.В. Германа [5, с. 78–86]. Соответственно, обнаруженный нами в 2015 г. памятник получил наименование Писаная III.

Памятник расположен на террасе правого берега р. Писаная, в 600 м к северо-востоку от её устья. Терраса надпойменная, высотой относительно русла до 6–8 м, покрыта частым осиново-березовым древостоем и различными кустарниками. В настоящее время терраса разрезана на две неравные части автомобильной дорогой Кемерово – Яшкино.

Участок к северо-востоку от трассы занят редкими могилами кладбища д. Писаная (не функционирует) и полуразрушенными современными постройками неизвестного назначения. Участок к юго-западу от трассы, непосредственно примыкающий к р. Писаной, имеет несколько западин от домов русского времени. По воспоминаниям местных жителей, на этом участке вплоть до 1960–1970 гг. стояли дома д. Писаной (в настоящее время занимает только левобережную часть), а также строения лагеря КузПИ. Здесь был заложен рекогносцировочный шурф площадью 1 м².

Стратиграфия террасы представлена следующими слоями:

1) дерн – до 0,03 м;

2) черный гумусированный суглинок – до 0,6 м;

3) темно-серая гумусированная супесь, по консистенции близкая лессовым отложениям свыше 0,4 м (истинная мощность не известна).

Черный гумусированный суглинок по сути является культурным слоем русско-советского времени. Он чрезвычайно насыщен фрагментами глиняной посуды, шифера, стекла, различными металлическими изделиями. С этим же временем связаны следы столбов с частично сохранившейся древесиной, забутовка из галечника и сланца, кирпичи, куски бетона.

Слой № 3, по всей видимости, имеет естественный генезис, но включает горизонт, насыщенный предметами каменной индустрии. Горизонт имеет мощность до 0,1 м, и залегает на глубине 0,7–0,8 м от современной дневной поверхности. Находки из этого горизонта найдены на всей площади раскопа, кроме его северо-западной части, нарушенной остатками конструкции русско-советского времени.

Обнаружены следующие предметы:

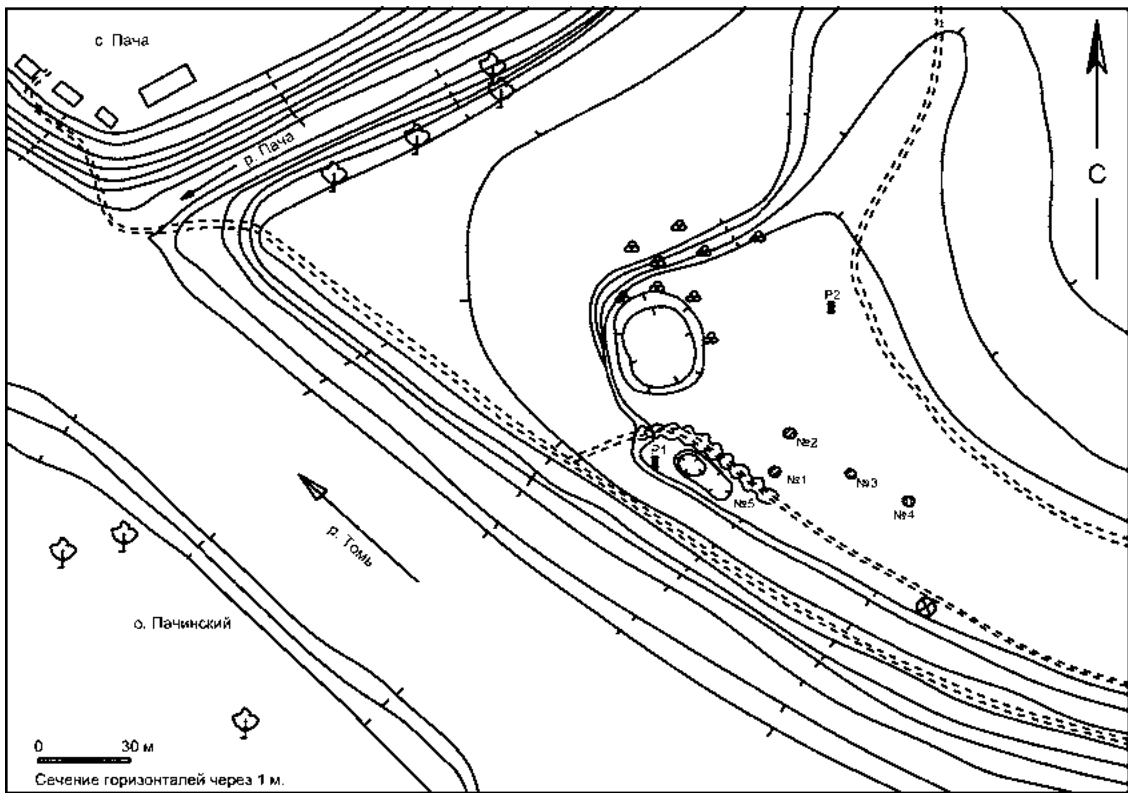
1) Отщепы – 25 экз. Залегали двумя скоплениями в юго-западной (№1 – 21 экз.) и восточной (№2 – 4 экз.) частях раскопа. Все отщепы небольших размеров, случайной форы, без признаков вторичной подработки.

2) Обушок орудия-бифаса из окремненного песчаника (рис. 2, 1/№3; рис. 3, 9).

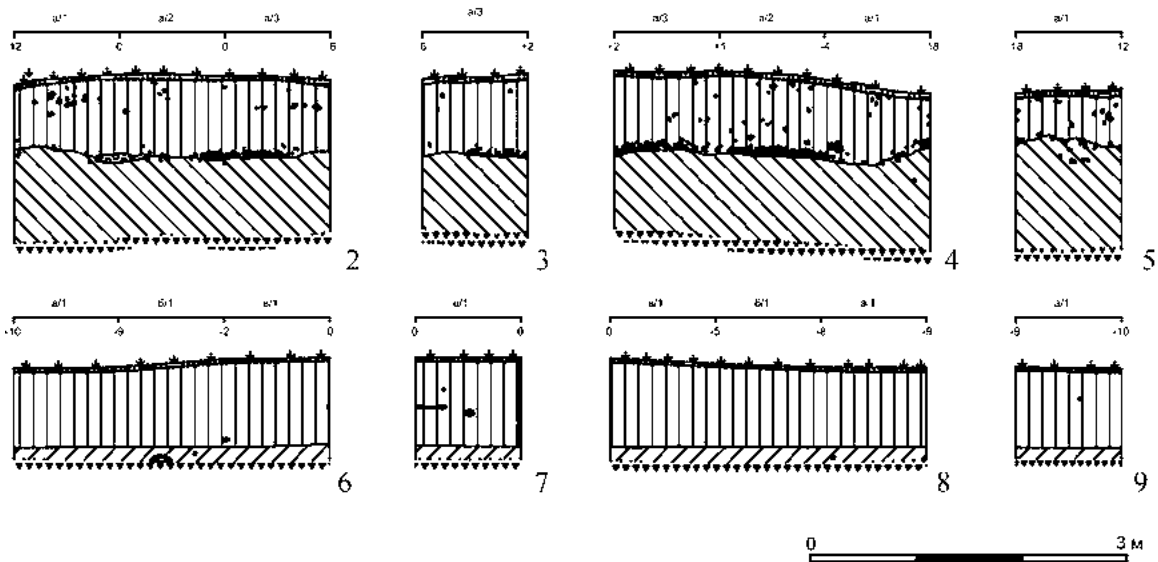
3) Фрагмент крупного скребка из окремненного песчаника (рис. 2, 1/№ 4; рис. 3, 8).

4) Фрагмент ножа-бифаса из окремненного песчаника, оформленный с одной стороны покрывающей струйчатой ретушью, а с другой – мелкой краевой ретушью по периметру лезвия (рис. 2, 1/№ 5; рис. 3, 10).

К сожалению, отсутствие керамики среди находок данного горизонта не позволяет однозначно судить о его культурно-хронологической принадлежности. Вместе с тем, отщеповый характер индустрии, наличие относительно крупных бифасов и крупных скребков случайной формы сближают полученный комплекс с материалами позднего неолита и ранней бронзы, полученными на других

- западины
- лиственные деревья
- разведочные шурфы
- кустарник
- проселочная дорога
- овраг
- место сбора подъемного материала

- современная дневная поверхность
- дерн
- темно-серый гумусированный суглинок
- черно-коричневый суглинок
- прокаленная почва
- желто-коричневый суглинок
- галька
- продолжение предыдущего слоя

Рис. 1. Поселение Пача IV. 1 – топоситуационный план; 2-5 – профили стенок раскопа № 1 (2 – западная стенка, 3 – северная стенка, 4 – восточная стенка, 5 – южная стенка); 6-9 – профили стенок раскопа № 2 (6-западная стенка, 7 – северная стенка, 8 – восточная стенка, 9 – южная стенка).
Объяснения в легенде и в тексте.

поселенческих памятниках юга Нижнего Притомья [2, с. 175-179; 6, с. 189-201]. Это позволяет предварительно выделить на памятнике Писаная III поселенческий комплекс IV – III тыс. до н.э.

Подводя итоги, обозначим несколько основных моментов.

Первое, отрицательные результаты поиска археологических местонахождений в левобережной части Нижнего Притомья косвенно свидетельствует об отличной, по сравнению с правым берегом, закономерности в их расположении. Возможно, это требует отказа от первоочередных поисков собственно в прибрежной части первой надпойменной террасы, и сосредоточения внимания на пространствах второй и третьей надпойменной террас. Похожая проблема и с поисками в долинах правобережных малых притоков р. Томи. По сути, они представляют собой горнотаежные ландшафты, что крайне затрудняет поиски, и требует выработки новых подходов.

Второе, обнаружение поселения Пача IV открывает новые перспективы для изучения средневековых обществ Кузнецкой котловины. Плановое изучение этого памятника, в условиях зафиксированной насыщенности культурного слоя на столь обширной площади, может существенно дополнить источники по раннему Средневековью

юга Нижнего Притомья, и дать почву для сравнения с синхронными комплексами Среднего и Нижнего Притомья.

Третье, хроностратиграфия культурных горизонтов поселения Пача IV формирует качественно новый в данном районе источник для корреляции данных археологической периодизации и палеоклиматических циклов. Особенно многообещающим в данном случае представляется привлечение метода споро-пыльцевого анализа.

Четвертое, ранний комплекс поселения Писаная III может существенно дополнить источники по периодам позднего неолита и ранней бронзы. Расположение памятника в близости Томской Писаницы предопределяет необходимость на нем более масштабных раскопок, в рамках выяснения археологического контекста петроглифических комплексов р. Томи.

Пятое, дальнейшие исследования на памятнике Писаная III могут дать обильный археологический материал русского времени. Сама д. Писаная относится к самым старинным русским поселениям Притомья, и раскопки на её территории могут существенно скорректировать представления о материальной культуре первых русских насельников Кузнецкой котловины.

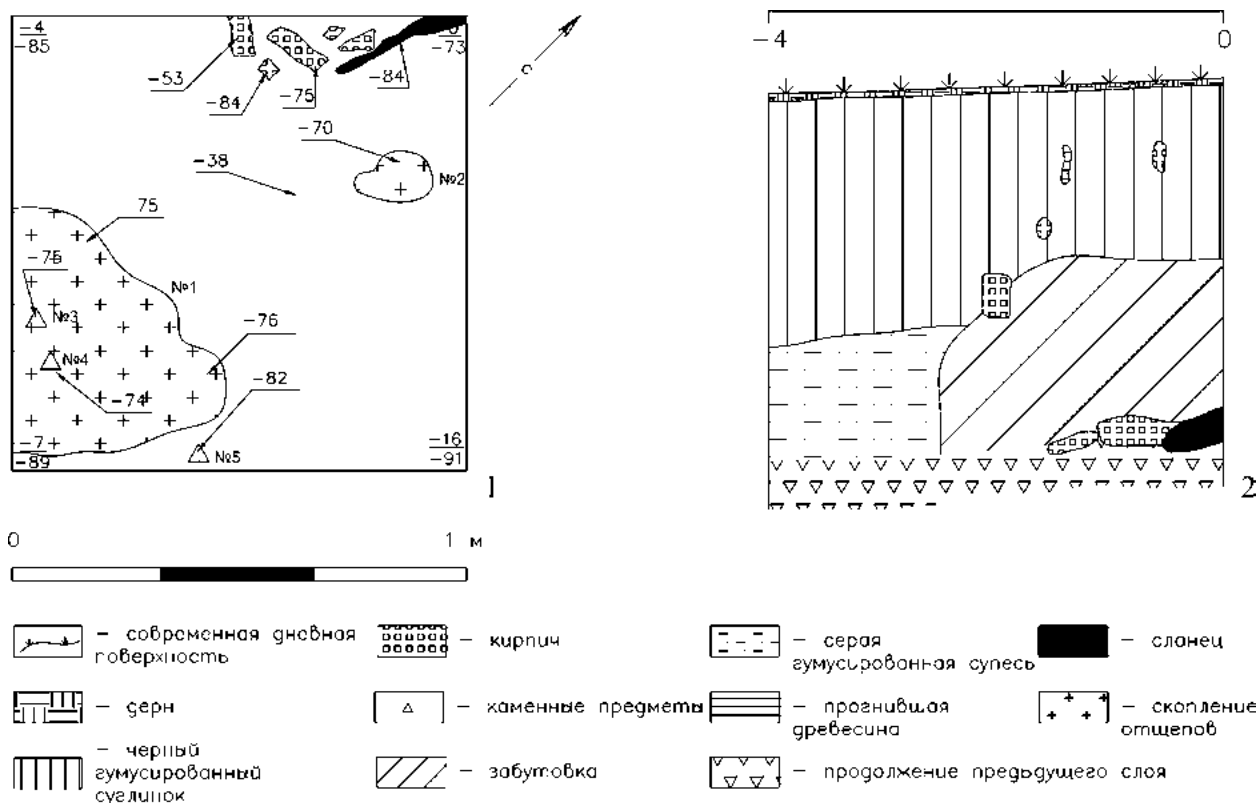

Рис. 2. Памятник Писаная III. 1 – план рекогносцировочного раскопа; 2 – профиль северо-восточной стенки. Объяснения в легенде и в тексте.

Литература

1. Бобров, В. В., Ковтун, И. В., Марочкин, А. Г. Археологические комплексы в Нижнетомском очаге наскального искусства / В. В. Бобров, И. В. Ковтун, А. Г. Марочкин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 214-219.
2. Бобров, В. В., Марочкин, А. Г., Юракова, А. Ю., Панкратова Л. В., Конончук, К. В. Поселение Ивановка 1 на юге Нижнего Притомья / В. В. Бобров, А. Г. Марочкин, А. Ю. Юракова, Л. В. Панкратова, К. В. Конончук // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. 19. – С. 175-179.
3. Кулемзин, А. М. Археологическое наследие Яшкинского района / А. М. Кулемзин // Труды Кузбасской комплексной экспедиции. – Кемерово: Изд-во Института угля и углехимии СО РАН, 2004. – Т. 1. – С. 389-392.
4. Марочкин, А. Г. О связи петроглифических комплексов Нижнего Притомья с близлежащими археологическими памятниками / А. Г. Марочкин // Археологические микрорайоны Северной Евразии: Материалы научной конференции. – Омск: Изд-во «Апельсин», 2009. – С. 86-91.
5. Марочкин, А. Г., Герман, П. В. К археологической карте южных районов Нижнего Притомья / А. Г. Марочкин, П. В. Герман // Историко-культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения и охраны памятников археологии). – Кемерово: Кузбассвуиздат. 2011. – Вып. III. – С. 78-86.
6. Марочкин, А. Г., Юракова, А. Ю. Материалы неолита-энеолита стоянки Долгая-1 (южные районы Нижнего Притомья) / А. Г. Марочкин, А. Ю. Юракова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2014. – Т. 13. – № 3. – С. 189-201.
7. Марочкин, А. Г., Юракова, А. Ю., Конончук, К. В., Щербакова, А. В., Плац, И. А., Фальман, А. В., Сизев, А. С. Разведочные изыскания Нижнетомского отряда Кузбасской археологической экспедиции в 2014 г. / А. Г. Марочкин, А. Ю. Юракова, К. В. Конончук, А. В. Щербакова, И. А. Плац, А. В. Фальман, А. С. Сизев, // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2014 года. – Кемерово, 2014. – Вып. 6. – С. 130-134.
8. Марочкин, А. Г., Юракова, А. Ю., Сизев, А. С., Щербакова А. В., Плац, И. А. Результаты исследований Нижнетомского отряда Кузбасской археологической экспедиции в 2012 г. / А. Г. Марочкин, А. Ю. Юракова, А. С. Сизев, А. В. Щербакова, И. А. Плац, // Сборник научных трудов ИЭЧ СО РАН. – Кемерово, 2012. – С. 113-115.
9. Ширин, Ю. В. Археологические разведки на р. Томи / Ю. В. Ширин // Из кузнецкой старины. – Новокузнецк: ООО «Лотус-Пресс». – 2015. – Вып. 6. – С. 4-75.

References

1. Bobrov, V. V., Kovtun, I. V., Marochkin, A. G. Arkheologicheskie komplekсы v Nizhnetomskom ochage naskal'nogo iskusstva. [The archaeological complex in Lower-Tom center of rock art]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii – Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories. – Novosibirsk, 2009. – vol. XV. – pp. 214–219. (In Russ.).
2. Bobrov, V. V., Marochkin, A. G., Yurakova, A. Yu., Pankratova, L. V., Kononchuk, K. V. Poselenie Ivanovka 1 nayuge Nizhnego Pritom'ya. [Settlement Ivanovka 1 in the south of Lower-Tom region]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territory – Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories. – Novosibirsk, 2013. – vol. XIX. – pp. 175–179. (In Russ.).
3. Kulemzin, A. M. Arkheologicheskoe nasledie Yashkinskogo rayona. [The archaeological heritage of Yashkinsky District]. Trudy Kuzbasskoy kompleksnoy ekspeditsii – Proceedings of the Kuzbass complex expedition. – Kemerovo, 2004. – vol. I. – pp. 389–392. (In Russ.).
4. Marochkin, A. G. O svyazi petroglificheskikh kompleksov Nizhnego Pritom'ya s blizlezhashchimi arkheologicheskimi pamyatnikami. [About the connection petroglyphic complexes Lower-Tom region with the nearby archaeological sites]. Arkheologicheskie mikrorayony Severnoy Evrazii: Materialy nauchnoy konferentsii – Archaeological districts of Northern Eurasia: Proceedings of the conference. – Omsk, 2009. – pp. 86–91. (In Russ.).
5. Marochkin, A. G., German, P. V. K arkheologicheskoy karte yuzhnykh rayonov Nizhnego Pritom'ya. [By the archaeological map of the southern regions of Lower-Tom region]. Istoriko-kyl'turnoe nasledie Kyzbassa (aktual'nye problem izucheniya i okhrany pamyatnikov arkheologii – Historical and cultural heritage of Kuzbass (topical problems of research and preservation of archaeological sites). – Kemerovo, 2011. – vol. 3. – pp. 78–86. (In Russ.).
6. Marochkin, A. G., Yurakova, A. Yu. Materialy neolita-eneolita stoyanki Dolgaya-1 (yuzhnye rayony Nizhnego Pritom'ya) [Materials Neolithic-Eneolithic Dolgaya-1 camp (the south of Lower-Tom region)]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology. – Novosibirsk, 2014. – № 3. – pp. 189–201. (In Russ.).
7. Marochkin, A. G., Jurakova, A. Ju., Kononchuk, K. V., Shherbakova, A. V., Plac I. A., Fal'man, A. V., Sizev, A. S. Razvedochnye izyskaniya Nizhnetomskogo otryada Kuzbasskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 2014 g. [Exploratory research Nizhnetomsky squad of Kuzbass archaeological expedition in 2014]. Material ynauchnoy sessii IECh SO

- RAN 2013 goda - Materials of scientific session of the IHE of the SB RAS 2014. - Kemerovo, 2014. - vol. 6. - pp. 130-134. (In Russ.).
8. Marochkin, A. G., Jurakova, A. Ju., Sizev, A. S., Shherbakova, A. V., Plac, I.A. Rezul'taty issledovaniy Nizhnetomskogo otryada Kuzbasskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 2012 g. [Research results of Nizhneomsky squad of Kuzbass archaeological expedition in 2012]. Sbornik nauchnykh trudov IECh SO RAN - Collection of scientific papers IHE of the SB RAS. - Kemerovo, 2012. - pp. 113-115. (In Russ.).
 9. Shirin, Yu. V. Arkheologicheskie razvedki na r. Tomi. [Archaeological reconnaissance near the river Tom]. Iz kuznetskoy stariny – From Kuznetsk antiquity. - Novokuznetsk, 2015. - vol. 6. - pp. 4-75. (In Russ.).

УДК 902/904

ДРЕВНЕЙШИЕ НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Работа выполнена по гранту РГНФ № 13-21-08002м

Миклашевич Елена Александровна,

ст. преподаватель кафедры археологии, Кемеровский государственный университет (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

В статье анализируются проблемы изучения изображений, относящихся к самому раннему пласту наскального искусства Минусинской котловины; представлены некоторые результаты полевых исследований, проведенных автором на памятниках Оглахты, Усть-Туба, Суханиха, Майдашинская писаница; обозначены перспективные направления дальнейших исследований. Культурно-хронологическая атрибуция древнейших петроглифов региона до сих пор не ясна (они, несомненно, древнее эпохи бронзы, но насколько древнее – неизвестно) и представляет одну из актуальных проблем южно-сибирской археологии. Автор считает, что к решению проблемы можно приблизиться путем пополнения источниковой базы новыми данными. Их можно получить в результате проведения целенаправленных полевых и камеральных исследований, таких как: выявление новых памятников и новых плоскостей на уже известных; уточнение опубликованных копий (детали, композиционные связи, последовательность перекрывания и т.д.); реконструкция утраченных объектов по музейно-архивным материалам; систематизация и классификация, сравнительный стилистический анализ; исследование техники нанесения изображений, включая трасологический анализ и определение инструментов, которыми наносились петроглифы; палеозоологический анализ (изображенные животные относятся к вымершим или изменившим ареал видам); выявление антропоморфных персонажей, связанных с каждой группой изображений животных; геоморфологический анализ склонов с плоскостями; и др.

Ключевые слова: наскальное искусство, древнейшие петроглифы, Минусинская котловина

THE EARLIEST ROCK ART IMAGERY OF THE MINUSINSK BASIN: RESEARCH PROBLEMS AND PERSPECTIVES

Miklashevich Elena Alexandrovna,

senior lecturer, Archaeology Department, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

The paper analyzes problems in studying the earliest stratum in rock art of the Minusinsk basin; presents some results of recent field investigation conducted by the author at the sites of Oglahy, Ust'-Tuba, Sukhanikha, Maidashi; indicates perspectives for further research. Cultural-chronological attribution of the earliest petroglyphs of this region is still unclear (they are certainly older than the Bronze Age, but we do not know how older), and this is one of the acute problems in Siberian archaeology. The author supposes that the only way to solve the problem is accumulation and generation of new data (both the facts and their interpretation). To obtain these data we have to carry out purposeful field and laboratory investigations, such as: revealing new sites and new panels at known sites; revision of the published copies (significant details, composition relations, sequence of superimpositions, etc.); reconstruction of the lost objects using

museum collections and archival materials; systematization and classification, comparative stylistic analysis; the study of technology of rendering images, including traseological analysis; palaeozoological analysis (depicted animals are extinct or changed their habitat species); identification of anthropomorphous figures associated with each group of zoomorphic images; geomorphologic analysis of slopes with planes; etc.

Keywords: rock art, earliest petroglyphs, Minusinsk basin

В наскальном искусстве Минусинской котловины с большой степенью достоверности установлена культурно-хронологическая атрибуция многих стилистических групп изображений от эпохи ранней бронзы до этнографической современности, так как для этого имеются достаточно надежные основания в виде изобразительных источников (мелкая пластика, рисунки на плитах и предметах) из закрытых датированных комплексов. Пласт наскального искусства, предшествующего ранней бронзе, выделяется тоже уверенно, но только по стилистическим отличиям от более поздних изображений. Атрибуция его до сих пор не ясна и является одной из актуальнейших проблем южно-сибирской археологии. Все исследователи едины во мнении, что это самые ранние наскальные изображения в регионе, но по вопросу о том, к какому именно периоду они относятся, придерживаются разных точек зрения. Традиционно древнейшие изображения относят к эпохе камня, предположительно неолита, «не исключая и их верхнепалеолитического возраста» [14, с. 190–193; 9, с. 118–121; 12, с. 53–55]. Высказаны предположения о том, что они могут относиться к афанасьевской культуре эпохи энеолита [10; 4]. Отыскиваются аналогии им даже в искусстве эпохи бронзы [5]. Однако приходится признать, что на данном этапе с уверенностью мы можем говорить лишь о том, что эти изображения древнее окуневской культуры. Ни у сторонников отнесения их к каменному веку, ни у тех, кто предполагает их принадлежность афанасьевской культуре, неспоримых аргументов пока нет.

Пласт древнейших наскальных изображений далеко не однороден; ни стилистически, ни иконографически. В нем присутствуют явно более древние изображения так называемого минусинского стиля [8; 14, с. 190–193] (именно по их поводу высказаны вышеприведенные мнения о датировке); возможно более поздние (стилистически тяготеющие к искусству окуневской культуры) изображения так называемого ангарского стиля [там же]; а также группа (сама по себе довольно неоднородная), обладающая признаками как первой, так и второй. Изображения последней группы заметно преобладают количественно по сравнению с классическими «минусинскими» и «ангарскими», демонстрируют довольно устойчивый набор собственных стилистических и иконографических признаков, и поэтому вряд ли могут рассматриваться только как эклектичная «комбинация элементов минусинской и ангарской традиции» [8, с. 271] или как переход от

минусинских изображений к ангарским [12, с. 56, 57]. Пока неясно, как эта группа изображений соотносится с минусинским стилем: сменяет ли его хронологически или это разные художественные манеры одного периода? Не ясно и то, есть ли временной разрыв между «минусинскими» и «ангарскими» изображениями, и если есть, насколько он значителен? Для решения этих вопросов исследование всех групп следует проводить только в совокупности, объединив их под условным названием «древнейшие наскальные изображения Минусинской котловины».

У изображений всех трех групп много общего. Они, как правило, встречаются на одних и тех же памятниках и часто на одних и тех же плоскостях. Подавляющее большинство их связано с береговыми скалами; многие находятся на высоко расположенных неприступных плоскостях (во время создания этих изображений к ним были доступные подходы по нижележащим ярусам скального массива, но за тысячелетия произошли сильные изменения геологического характера, и нижние ярусы отслоились и разрушились). При всех стилистических различиях изображения объединяет реализм в передаче образов, прекрасное знание натуры изображаемых животных и умение передать наиболее характерные видовые признаки, высокий художественный уровень исполнения рисунков. Сходным является и репертуар образов, хотя можно отметить преобладание оленя среди «минусинских» изображений, быка и лошади – среди «переходных», лося – среди «ангарских».

В наибольшем количестве и разнообразии изображения древнейшего пласта представлены на таких памятниках, как Шалаболино, Оглахты и Тепсей/Усть-Туба; есть они также на скалах Моисеихи, Суханихи, Черемушного Лога, Георгиевской, Боярского хребта, Каратага; были, но не дошли до наших дней, на Майдашинской и Туранской писаницах; единичные образы встречаются на некоторых других местонахождениях.

Дискуссия о возрасте этих изображений основывается на весьма представительной базе опубликованных источников [4; 9; 10; 11; 12; 14; 15; 16; 17; и др.]. Однако сейчас становится очевидно, что этого материала совершенно недостаточно для решения проблемы. В первую очередь, представление изображений в виде черно-белых прорисовок – иногда довольно обобщенных, иногда слишком уменьшенных, очень часто без композиционного контекста – не позволяет выявить необходимые для исследования детали (последовательность перебивания, различия

или сходство в технике, иконографические и стилистические особенности, композиционные связи и т.п.). Во-вторых, опубликовано далеко не все (не все памятники и не все изображения на опубликованных памятниках). Необходимы новые данные: как накопление фактического материала, так и его исследование. Современные возможности документирования и представления наскального искусства, а также междисциплинарный подход к его анализу, открывают, на наш взгляд, новые перспективы для изучения и атрибуции изображений древнейшего пласта в наскальном искусстве Минусинской котловины. Основные задачи полевых и камеральных исследований на данном этапе представляются нам следующим образом: поиск новых памятников и выявление новых плоскостей на уже известных; уточнение ранее опубликованных копий на основе полевых исследований (для сохранившихся объектов) и привлечения архивных данных (для утраченных); реконструкция утраченных, но известных по музейным коллекциям и архивным материалам изображений; создание полной базы данных по всем объектам (фотографии, графические воспроизведения и др. виды документации); систематизация и классификация материала, сравнительный стилистический анализ; исследование технологических особенностей нанесения изображений; палеозоологический анализ зооморфных образов; выявление антропоморфных образов, связанных с каждой группой изображений животных; геоморфологический анализ склонов; петрографический анализ скального субстрата; и др.

Особенность изучения изображений древнейшего пласта Минусинской котловины состоит в том, что абсолютное большинство их связано с береговыми скалами рек Тубы и Енисея (ныне Красноярского водохранилища), вследствие чего очень значительная часть либо совсем утрачена (после наполнения водохранилища в начале 1970-х гг.), либо находится под водой, иногда появляясь при понижении ее уровня. Другая, тоже значительная, часть, как уже говорилось, находится высоко на скалах, ставших со временем труднодоступными. Некоторые памятники утрачены вследствие выломки камня на строительные нужды. Трудно себе представить, сколько изображений погребло за тысячелетия по естественным причинам; но масштаб потерь вследствие антропогенных процессов в XX веке можно примерно оценить благодаря тому, что имеются результаты деятельности (фотографии, эстампажи, рисунки, прорисовки) исследователей конца XIX – XX вв. Поэтому пополнение и верификация источниковой базы проводится по двум основным направлениям: сбор и систематизация материалов музейных коллекций и фотоархивов с целью реконструкции утраченных изображений; полевые изыскания (в том числе, поиск петроглифов с воды с использованием

бинокля) и документирование с применением специальной фототехники (полноматричная камера и при необходимости длиннофокусный объектив, позволяющие получать изображения высокого разрешения для дальнейшей камеральной обработки). На памятниках, расположенных на берегах вне зоны затопления, могут быть выявлены новые изображения или уточнены ранее известные в результате расчистки плоскостей от заносов и осыпей [2; и др.].

Основными музейно-архивными источниками для изучения и реконструкции изображений древнейшего пласта являются: 1) Коллекции эстампажей А.В. Адрианова (рис. 1), сделанных им в 1904, 1907 и 1909 гг. на писаницах Оглахты, Тепсей, Суханиха, Майдашинская, Туранская, Шалаболинская, Потрошиловская, Копенская. Они хранятся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамере) в Санкт-Петербурге и в настоящее время практически полностью оцифрованы. 2) Негативы и отпечатки фотографий, сделанные А.В. Адриановым на тех же памятниках. Хранятся тоже в МАЭ и в Музее археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. 3) Фотографии Я.А. Шера, сделанные в 1960-х гг. при исследовании памятников Оглахты, Тепсей/Усть-Губа, Суханиха, Черемушный Лог перед затоплением водохранилища. Хранятся в Архиве ИИМК РАН в Санкт-Петербурге и в Фотоархиве Музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Эта большая коллекция высококачественных черно-белых фотографий имеет огромное значение для реконструкции утраченных петроглифов. Есть и другие музейно-архивные материалы, копии и фотографии других исследователей, а также материалы наших собственных многолетних полевых исследований.

Помимо выявления, оцифровки и обработки музейно-архивных материалов, нами осуществляется целенаправленный поиск и документирование изображений древнейшего пласта на таких памятниках как Оглахты (несколько местонахождений в рамках большого комплекса) (рис. 2; 3: 1; 7), Суханиха (рис. 3: 2), Моисеиха (Потрошиловская писаница), Майдашинская писаница (рис. 4: 1; 5: 2), Усть-Губа (рис. 5: 1; 6). Документирование ранее выявленных изображений осуществляется сейчас на новом уровне с помощью современных цифровых технологий, что существенно повышает степень детализации и точности их графических воспроизведений. Выявлено также довольно много новых изображений, плоскостей и даже целое местонахождение в пределах известных комплексов наскального искусства.

В горном массиве Оглахты (левый берег Енисея), где известно более десятка местонахождений наскального искусства, изображения древнейшего пласта представлены в нескольких из них. На

юго-западных склонах массива на местонахождениях Оглахты IV и VI с помощью современных технологий документирования уточнены копии ранее выявленных плоскостей (рис. 2: 1–4). На восточном склоне (вдоль береговой линии) документированы плоскости местонахождений Оглахты I и VII, находящиеся выше уровня затопления; обнаружено несколько новых плоскостей на известном местонахождении Оглахты II; открыто новое местонахождение Оглахты IX, давшее целую серию прекрасных образцов наскального искусства древнейшего пласта [7]. Среди них изображения оленей (рис. 3: 1), дикого быка (бизона?), горных баранов (?) и лосей, выполненных в классическом минусинском стиле; они были обнаружены на затопленных скалах при понижении уровня воды. На более высоких ярусах склона, выше уровня затопления, найдены отдельные фигуры дикой лошади и лося, а также композиция с изображениями лосей, быка и противостоящих горных баранов (?), выполненных с удивительным мастерством (рис. 2: 5). Наиболее близкие соответствия им можно найти на скалах Шалаболинской писаницы, где петроглифы этой стилистической группы представлены в очень большом количестве. Столь реалистические изображения баранов и «геральдическая позиция» ранее среди древнейших петроглифов не встречались.

Новые материалы были получены и при исследовании известных местонахождений Усть-Туба I и III [15] на скалах горы Тепсей на правом берегу р. Тубы в месте ее впадения в Енисей. Петроглифы Усть-Тубы I сосредоточены на верхних ярусах склона и, как выяснилось, затоплению не подвергались. Но они находятся в очень неудовлетворительном состоянии из-за естественного разрушения скального массива, на расслаивающихся, труднодоступных блоках. Помимо фотофиксации известных [15, pl. 30, 32] плоскостей, была выявлена новая с крупными изображениями быков, отличающимися удивительным мастерством и тщательностью выбивки (рис. 5: 1). Петроглифы Усть-Тубы III большей частью затоплены водохранилищем, многие из них утрачены. Однако несколько многофигурных композиций и одиночных изображений, находившихся на высоко расположенных неприступных скалах, остались выше уровня затопления. Теперь их стало возможно документировать с помощью длиннофокусного объектива, с воды, находясь в лодке. На одной из обнаруженных композиций (рис. 6: 1) в технике выбивки выполнены фигуры лосей, косуль, горных баранов, быка, дикой лошади, демонстрирующие отличающуюся от ранее известных художественную манеру. Наибольший интерес вызывает то, что среди них просматриваются эскизы и полные фигуры, выполненные в технике шлифовки и гравировки, в частности пара горных козлов,

стоящих «хвост к хвосту» (рис. 6: 2). Эта техника среди древнейших изображений нам ранее не встречалась (за несколькими исключениями на Шалаболинской писанице).

Майдашинская писаница находится на правом берегу Енисея под Минусинском (вне зоны водохранилища). Некогда это был большой памятник, в том числе и с петроглифами древнейшего пласта, но он почти полностью утрачен в результате выломки камня. Сохранилось лишь несколько плоскостей (их нам показал Н.В. Леонтьев, за что выражаем ему искреннюю благодарность). В процессе документирования на них выявлены фигуры козрогов (или подобных животных), выполненные в классическом минусинском стиле (этот образ ранее не был отмечен в репертуаре изображений данного стиля), а также изображения быков, оленей и других животных. Есть также более десятка лодок. Пассажиры на одних изображены схематично в виде черточек, на других же показаны необычным образом: в виде «кеглеобразных» фигур с большими круглыми головами. Похожие антропоморфные фигуры с прямоугольными контурными «туловищами» изображены в ряд, но без лодки (рис. 4: 1). Подобные персонажи зафиксированы нами впервые. Они пересекаются с линиями фигуры животного в минусинском стиле. И хотя достоверно последовательность перекрытия установить не удалось из-за сильной выветренности камня, но скорее всего антропоморфные фигуры выполнены раньше изображения животного. В связи с этим, хотелось бы еще раз подчеркнуть значимость архивных фотоматериалов. Среди опубликованных изображений древнейшего пласта подобных «кеглеобразных» фигур мы не видим, но, как оказалось, это связано лишь с условностью передачи петроглифов в виде черно-белых прорисовок. Похожие фигуры на самом деле есть среди петроглифов Усть-Тубы, но на опубликованных в мелком масштабе с обобщенными контурами прорисовках [15, pl. 55: 46] они просто не распознаются. Зато на великолепной макрофотографии, сделанной Я.А. Шером в целях изучения техники выполнения рисунков (рис. 4: 2), эти фигуры с круглыми головами видны совершенно отчетливо. Они тоже перекрыты зооморфным изображением; кроме того, на фотографии хорошо видны различия в пикетаже антропоморфных фигур и перекрывающего их животного, и даже гравированные линии.

Изучение технологических особенностей – одно из важнейших направлений в исследовании древнейших изображений Минусинской котловины. Разумеется, в первую очередь, нас интересует вопрос, выполнены ли они только каменными инструментами, или же есть следы использования металлических. Конечно, полностью проблему датировки и это не решит, так как каменные инструменты вполне могли использоваться для

выбивки изображений на скалах и в эпоху палеометалла; а в случае обнаружения единичных следов металлических орудий нельзя исключать возможность подновления с их помощью изображений каменного века в более поздние эпохи. Тем не менее, изучение следов инструментов совершенно необходимо для полноценного изучения наскального искусства ранних этапов; но оно должно быть систематическим и опираться на очень представительные серии образцов, причем с разных памятников. Экспериментально-трассологические исследования древнейших изображений уже проводились на Шалаболинской писанице [1; 3], однако результаты их носят пока неоднозначный характер. Трассологический анализ изображений минусинского стиля продолжен Л.В. Зоткиной на местонахождениях Оглахты IV, VI, IX и Суханиха I.

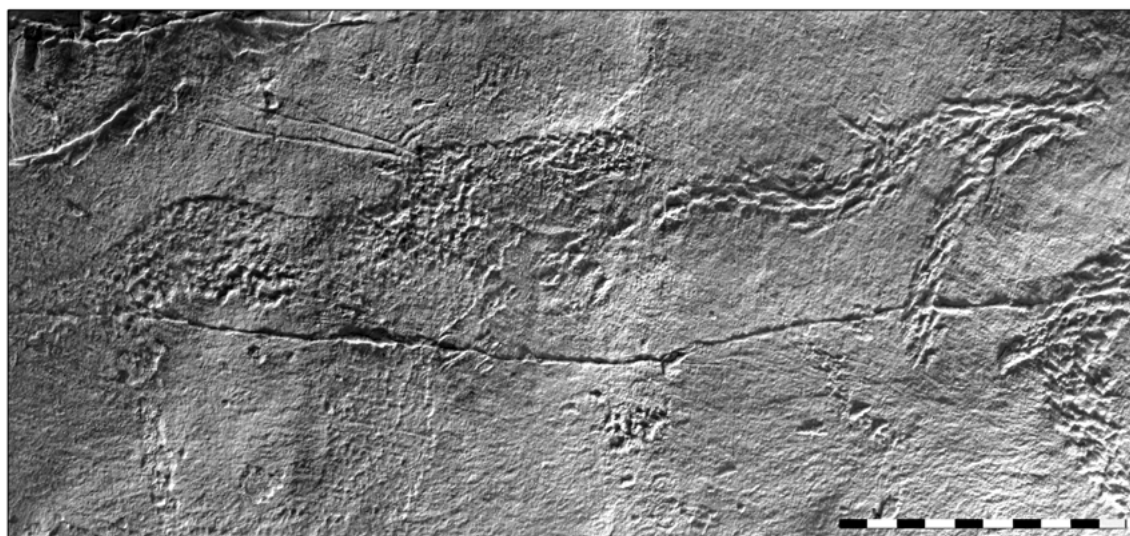
Надо отметить, что возможности исследования технологических особенностей пикетажа связаны не только с определением материала орудия. Они могут помочь, например, сравнить, одинаковы ли или принципиально различны технические приемы создания изображений, перекрывающих одно другое, или стилистически сходных изображений на разных памятниках, или изображений, нанесенных на одну плоскость и представляющихся нам единой композицией, и т. д. Не менее существенно и то, что технологические характеристики так же важны при создании образа в наскальном искусстве, как стилистико-иконографические. Изображения древнейшего пласта в особенности демонстрируют мастерское владение разнообразными техниками пикетажа: продуманное изменение направления ударов, вариации в форме, частоте и глубине выбоин, подработка линии контура – эти и другие приемы совершенно определенно добавляют изображениям объема, реалистичности, динамизма, экспрессии и красоты.

Как выясняется, для выполнения изображений древнейшего пласта использовался не только пикетаж, но и другие техники нанесения наскальных рисунков. Выявлены и гравированные, и шлифованные изображения (рис. 6: 2). Использовался прием шлифовки по выбивке (рис. 5: 2). Известны случаи комбинирования техник, например, гравированные или шлифованные рога или ноги в сочетании с пикетажем корпуса и головы животного (рис. 1: 1; 6: 2). Более того, сохранились даже выполненные краской рисунки. Их, конечно, известно очень мало (по тафономическим причинам), но все же серия продолжает пополняться. Выполненные краской контурные фигуры животных, иногда с вертикальными линиями внутри корпуса, перекрываемые выбитыми изображениями древнейшего пласта, обнаружены на памятниках Тепсей I [13, вкл. рис. 1], Суханиха I, Шалаболино, Оглахты I (рис. 7: 1), Оглахты VII (рис. 7: 2). Красной краской поверх выбивки прокрашена пасть кабана на

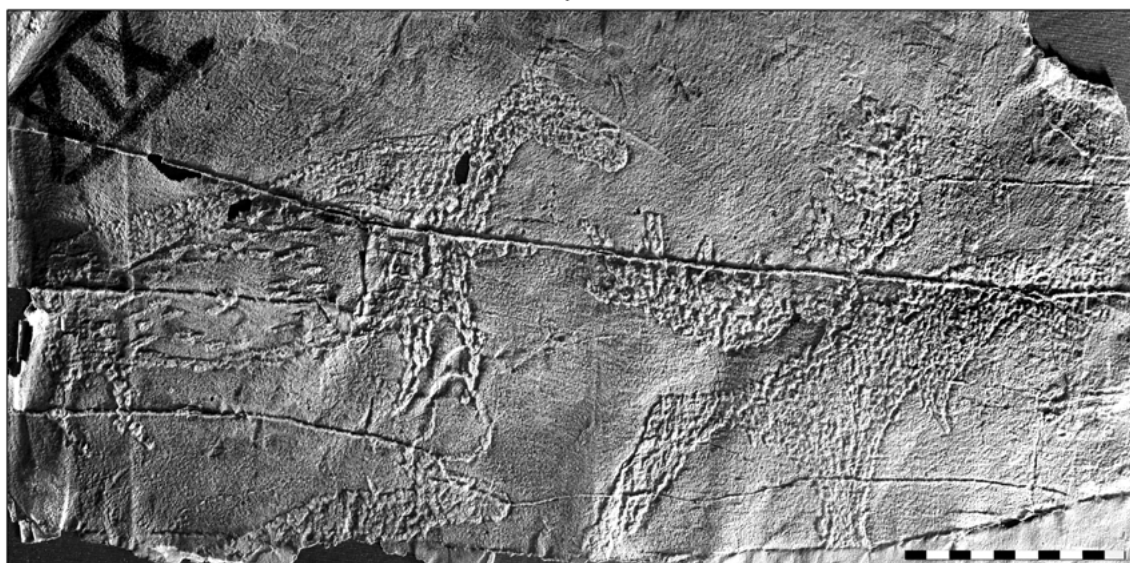
памятнике Оглахты VII (рис. 7: 3). Несомненно, в древности выполненных краской изображений было не меньше, чем выбитых, однако лишь очень небольшая часть их дошла до наших дней. Нам представляется, что на открытых поверхностях скал смогли за тысячелетия сохраниться лишь те из них, которые успели до исчезновения покрыться тонким слоем кальцитового натека. Характерно, что одно из таких изображений на памятнике Оглахты I сохраняется даже на плоскости, которая долгое время находилась под водой и сейчас периодически затапливается (рис. 7: 1). Вряд ли в таких «минерализованных» рисунках могут быть обнаружены следы органического связующего, которые позволили бы установить датировку, однако анализ состава краски в любом случае представлял бы интерес.

Одним из перспективных направлений исследований, является, по нашему мнению, палеозоологическое. Дело в том, что основные персонажи в древнейшем наскальном искусстве Минусинской котловины – животные. Причем такие, которые в настоящее время на этой территории практически не обитают или вообще вымерли как вид. К вымершим животным относятся дикая лошадь (видимо, даже нескольких видов, так как их изображения имеют существенные морфологические различия), первобытный бык-тур и бизон. Изменили свой ареал (сейчас в местах расположения рассматриваемых памятников наскального искусства не обитают) такие животные, как лось, архар/снежный баран (?), горный козел (?), кабан и медведь. Имеются также единичные «странные» изображения копытных, которые не идентифицируются с известными видами. При этом благородный олень и косуля, фигуры которых часто встречаются среди древнейших петроглифов, до сих пор водятся в этих местах. Несомненно, присутствие на скалах образов вымерших и изменивших ареал животных свидетельствует о том, что некогда на этой территории был другой биоценоз, другая экосистема, другой ландшафт, другой климат. Можно предположить, что палеозоология, палеоклиматологии и др. науки смогут установить, для какого именно периода было характерно такое сочетание видов крупных млекопитающих, и тем самым помогут определить возраст древнейшего пласта петроглифов Минусинской котловины.

Как уже говорилось, есть и другие направления исследований, которые могут дать какие-то ключи к атрибуции рассматриваемого пласта. Это и выявление антропоморфных персонажей, которых можно было бы соотнести (если они вообще соотносятся) с соответствующими группами зооморфных образов. В том числе мы имеем в виду «пассажиры» лодок, изображения которых часто встречаются в композициях с фигурами животных древнейшего пласта, но пока не совсем уверенно могут быть ассоциированы с той или

1

2

3

Рис. 1. Эстампажи (бумажные оттиски) А.В. Адрианова с утраченных в настоящее время петроглифов: 1 – Оглахты I; 2 – Усть-Туба III; 3 – Майдашинская писаница. МАЭ РАН. Фото: А.К. Солодейников.

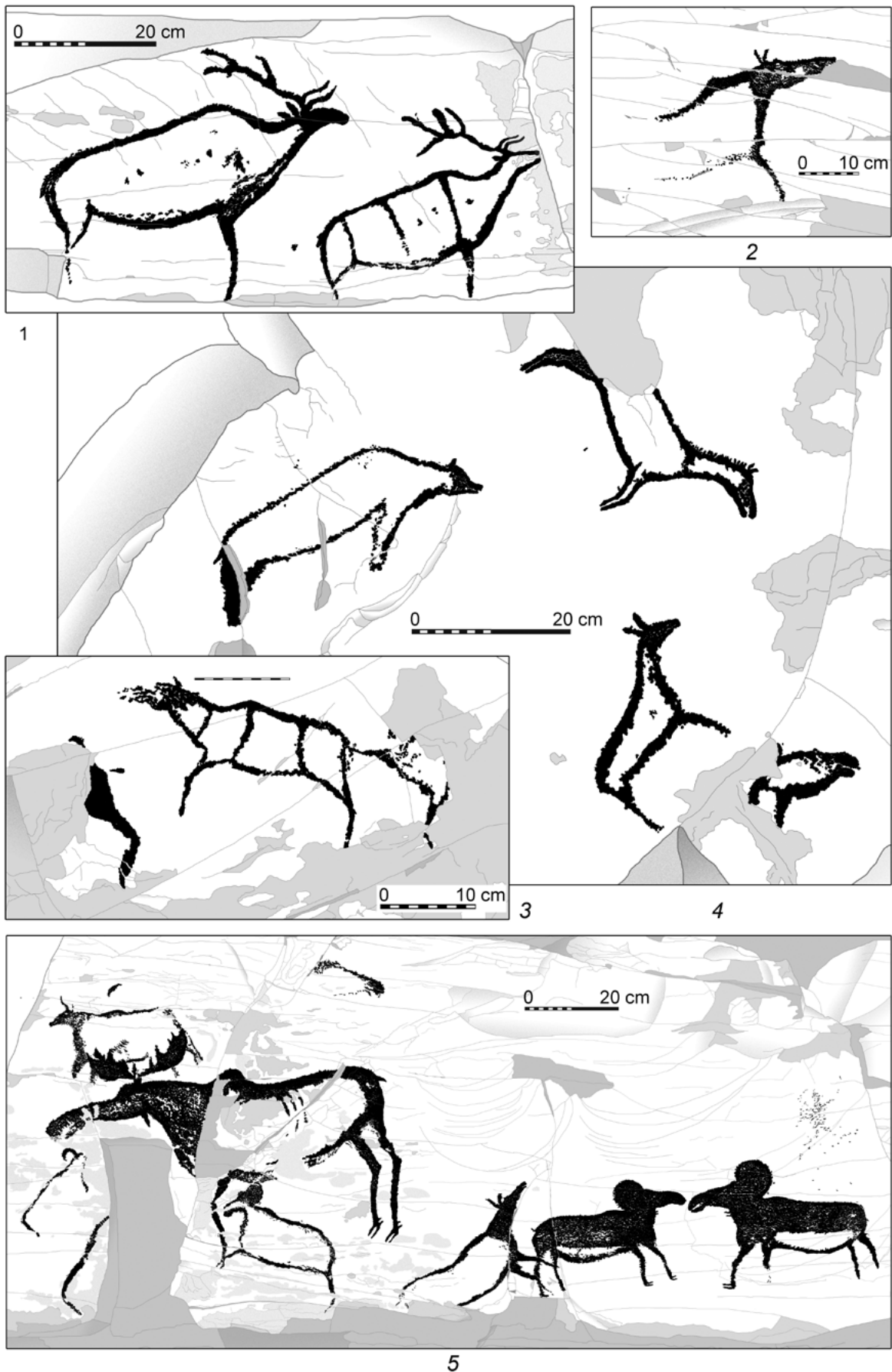
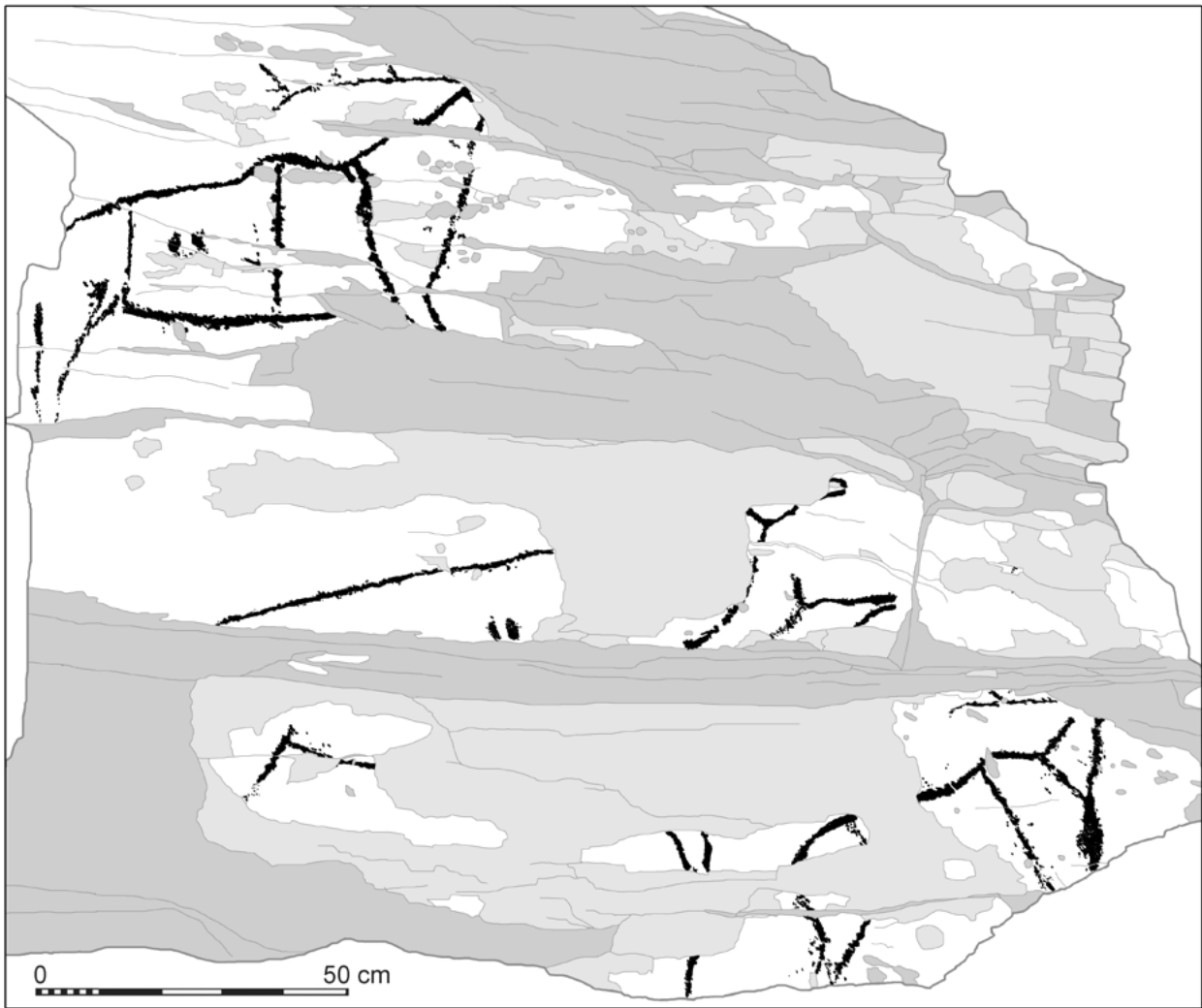
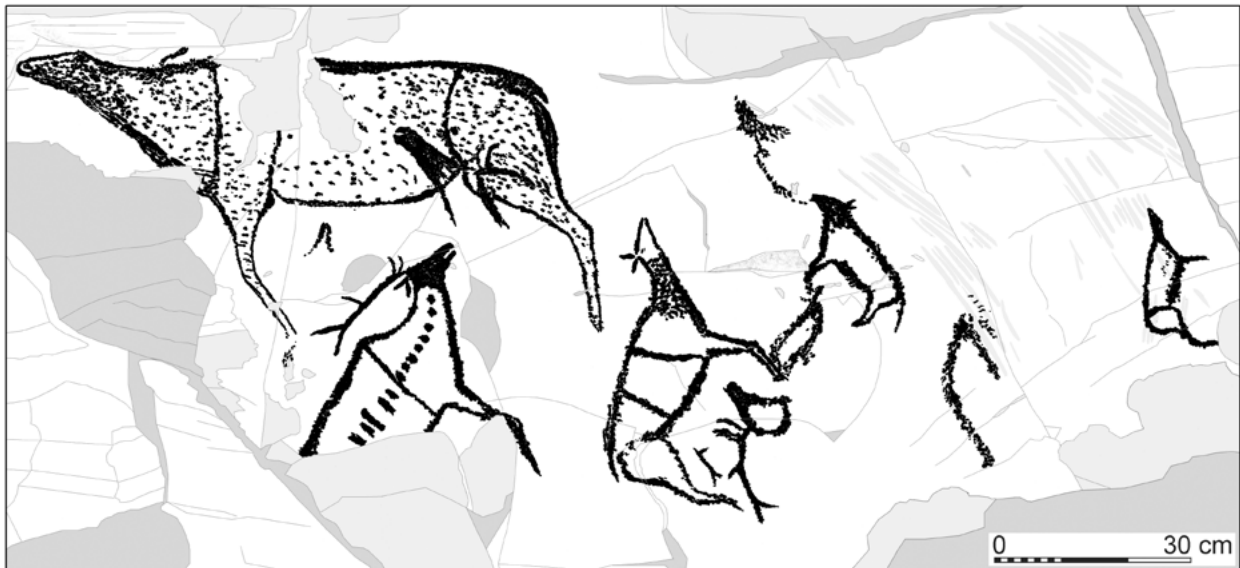

Рис. 2. Петроглифы древнейшего пласта: 1, 2 – Оглахты IV; 3, 4 – Оглахты VI; 5 – Оглахты IX. Прорисовки автора.

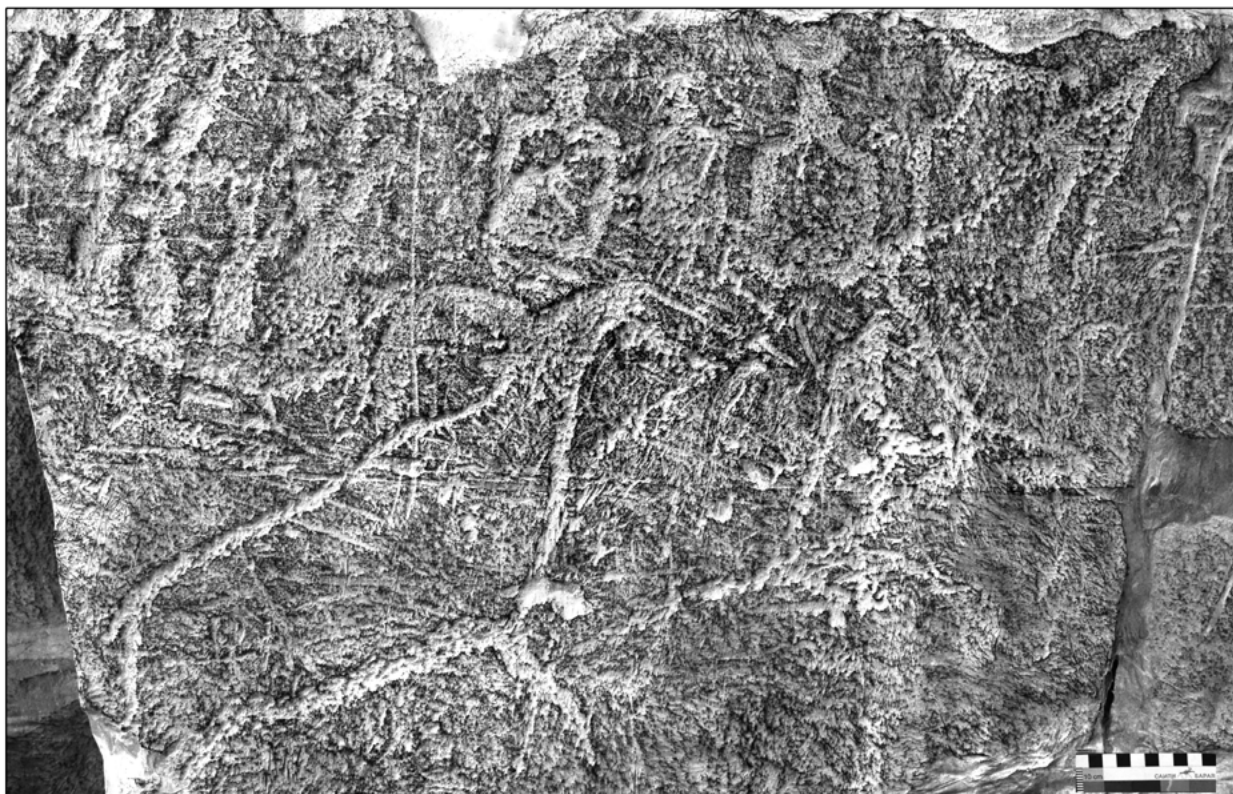

1

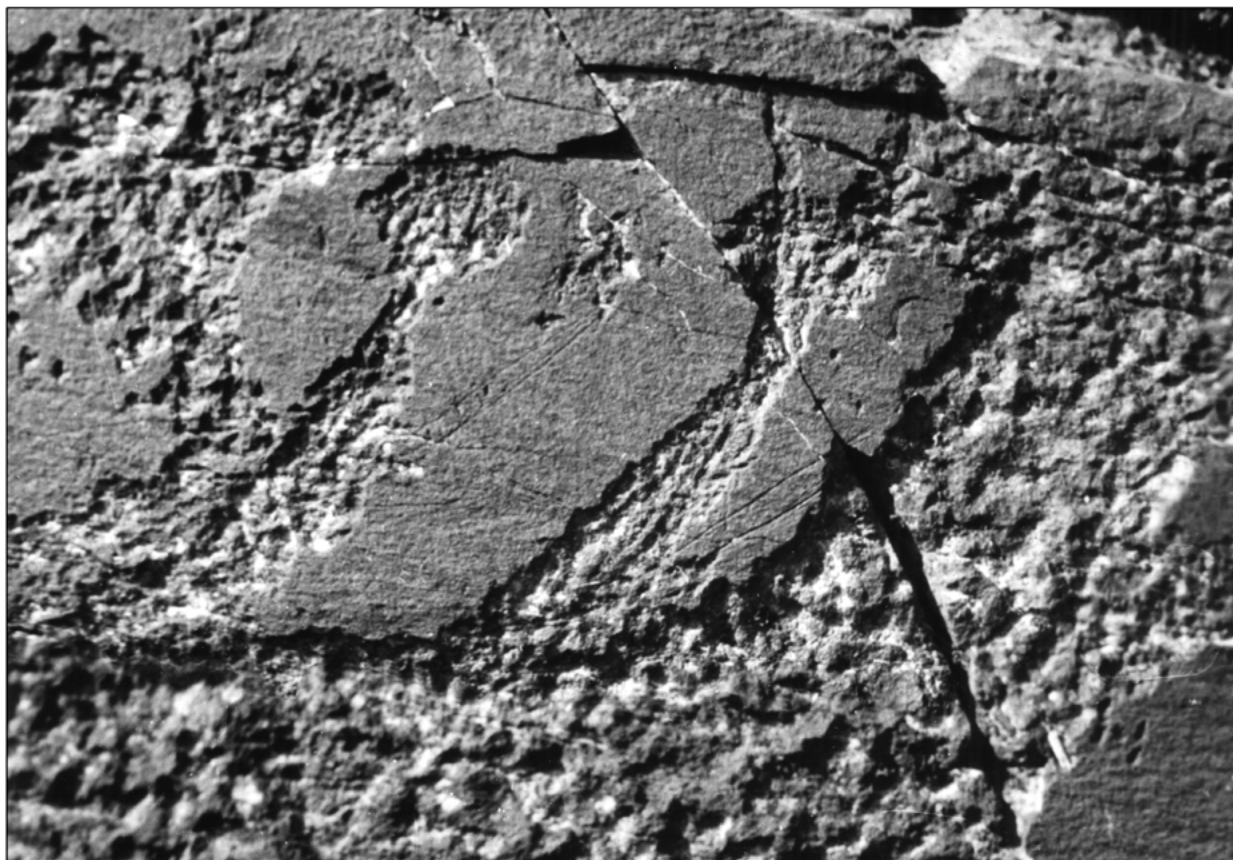

2

Рис. 3. Петроглифы древнейшего пласта: 1 – Оглахты IX; 2 – Суханиха I. Прорисовки автора.

1

2

Рис. 4. 1 – Майдашинская писаница, микалентная копия. 2 – Усть-Туба III, фрагмент плоскости 46.
Фото: Я.А. Шер. Фотоархив КМАЭЭС, № 4.

1

2

Рис. 5. 1 – Усть-Туба 1. 2 – Майдашинская писаница. Фото: Л.Л. Бове.

иной стилистической группой последних. Это и изучение геоморфологии склонов гор, на которых расположены плоскости с древнейшими изображениями. Их местоположение по большей части сильно отличается от плоскостей с более поздними наскальными рисунками. Как показали исследования, проведенные на Шишкинской писанице в Восточной Сибири [6], данные геологии и геоморфологии могут быть вполне успешно применены

для подтверждения или отрицания той или иной датировки наскальных изображений, полученной археологическими методами, особенно когда речь идет о тысячелетиях. Вполне вероятно, что со временем появятся и другие возможности. А пока наша главная задача – пополнение корпуса древнейших наскальных изображений, тщательное документирование и систематизация.

Литература

1. Гиря, Е. Ю., Дроздов, Н. И., Дэвлет, Е. Г., Макулов, В. И. О работах по трасологическому изучению петроглифов Шалаболино / Е. Ю. Гиря, Н. И. Дроздов, Е. Г. Дэвлет, В. И. Макулов // Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы). Т. 2. (Труды САИПИ.). - Кемерово, 2011. - Вып. VIII. - С. 201–207.
2. Заика А. Л., Дроздов Н. И. Новые петроглифы Шалаболинской писаницы / А. Л. Заика, Н. И. Дроздов // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. - М.: ИА РАН, 2008. - Т. III. - С. 28–30.
3. Зоткина, Л. В., Техтереков, А. С., Харевич, В. М., Плиссон, Х. Экспериментальное изучение технологий в наскальном искусстве Минусинской котловины: виды пикетажа и инструментария / Л. В. Зоткина, А. С. Техтереков, В. М. Харевич, Х. Плиссон // Археология, этнография и антропология Евразии. - 2014. - № 1 (57). - С. 55–65.
4. Есин, Ю. Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины / Ю. Н. Есин // Афанасьевский сборник. - Барнаул: Азбука, 2010. - С. 53–73.
5. Ковтун, И. В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии / И. В. Ковтун. - Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. - 184 с.
6. Мельникова, Л. В., Николаев, В. С., Демьянович, Н. И. Шишкинская писаница. Природные условия формирования плоскостей, основные сюжеты и датировка, семантика древних образов и объекта в целом / Л. В. Мельникова, В. С. Николаев, Н. И. Демьянович. - Иркутск: Институт земной коры СО РАН, 2012. - Т. 2. - 288 с.
7. Миклашевич, Е. А., Бове, Л. Л., Зоткина, Л. В., Солодейников, А. К., Техтереков, А. С. Исследование петроглифов древнейшего пласта на береговых скалах Оглахты в 2014 г. / Е. А. Миклашевич, Л. Л. Бове, Л. В. Зоткина, А. К. Солодейников, А. С. Техтереков // Вестник КемГУ. - Т. 3. 2015. - № 1 (61). - С. 55–65.
8. Подольский, Н. Л. О принципах датировки наскальных изображений / Н. Л. Подольский // Советская археология. - 1973. - № 3. - С. 265–275.
9. Пяткин, Б. Н., Мартынов, А. И. Шалаболинские петроглифы / Б. Н. Пяткин, А. И. Мартынов. - Красноярск: КГПУ, 1985. - 192 с.
10. Русакова, И. Д. К вопросу о хронологии древнейших петроглифов Минусинской котловины / И. Д. Русакова // Мир наскального искусства. - М.: ИА РАН, 2005. - С. 214–218.
11. Семенов, В. А., Килуновская, М. Е., Красниенко, С. В., Субботин, А. В. Петроглифы Каратага и горы Кедровой (Шарыповский район Красноярского края) / В. А. Семенов, М. Е. Килуновская, С. В. Красниенко, А. В. Субботин. - СПб.: ИИМК РАН, 2000. - 104 с.
12. Советова, О. С., Миклашевич, Е. А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов / О. С. Советова, Е. А. Миклашевич // Археология, этнография и музейное дело. - Кемерово: КемГУ, 1999. - С. 47–74.
13. Советова, О. С., Мухарева, А. Н., Аболонкова, И. В. Местонахождение Тепсей I: история изучения и современное состояние // Археология Южной Сибири. К 80-летию А.И. Мартынова / О. С. Советова, А. Н. Мухарева, И. В. Аболонкова. - Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. - Вып. 26. - С. 77–90.
14. Шер, Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии / Я. А. Шер. - М.: Наука, 1980. - 328 с.
15. Blednova, N., Francfort, H.-P., Legtchilo, N., Martin, L., Sacchi D., Sher J., Smirnov D., Soleilhavoup, F., Vidal, P. Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule No. 2. Sibérie du Sud 2. - Paris: Diffusion de Boccard, 1995. - 246 p.
16. Sher, J. A., Blednova, N., Legchilo, N., Smirnov, D. Oglakhty I–III (Russie, Khakassie). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule No. 1: Sibérie du Sud 1. - Paris: Diffusion de Boccard, 1994. - 156 p.
17. Sher, J., Savinov, D., Legtchilo, N., Sher, M. Cheremushny Log, Ust'-Kulog; Steles de Khakassie. des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule. - Paris, 1999. - N 4. - 128 p.
18. Solodeynikov, A. Research on the recordings of rock paintings in the Kapova Cave (Ural) // International Newsletter on Rock Art. - 2005. - N 43. - P. 10–14.

References

1. Girya, E. Y., Drozdov, N. I., Devlet, E. G., Makulov, V. I. O rabotakh po trasologicheskomu izucheniyu petroglifov Shalabolino. [On the traceological analysis of petroglyphs from Shalabolino]. Naskal'noe iskusstvo v sovremennom obshchestve (k 290-letiyu nauchnogo otkrytiya Tomskoy pisanitsy). [Rock art in modern society (on the 290th anniversary of the discovery of Tomskaya Pisanitsa)]. Vol. 2 (Occasional SAPAR publications. Vol. VIII). - Kemerovo, 2011. - p. 201–207. (in Rus.).
2. Zaika, A. L., Drozdov, N. I. Novye petroglify Shalabolinskoj pisanicy. [New petroglyphs of Shalabolino rock art site]. Trudy II (XVIII) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda v Suzdale [Proceedings of the II (XVIII) Russian Archaeological Meeting in Suzdal']. - Vol. III. Moscow, 2008. - P. 28–30 (in Rus.).
3. Zotkina, L. V., Tekhterekov, A. S., Kharevich, V. M., Plisson, H. Eksperimental'noe izuchenie tekhnologiy v naskal'nom iskusstve Minusinskoj kotloviny: vidy piketazha i instrumentariya. [An experimental study of percussion technologies in the Minusinsk Basin: percussion and tool types]. Arkeologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia]. - 42 (1). - 2014. - p. 55–65. (in Rus.).
4. Esin, Ju. N. Problemy vydeleniya izobrazhenij afanas'evskoj kul'tury v naskal'nom iskusstve Minusinskoj kotloviny. [Problems of detaching images of the Afanasjevo culture in rock art of the Minusinsk Basin. Afanas'evskij sbornik [Afanasjevo Book of papers]]. - Barnaul, 2010. - p. 53–73 (in Rus.).
5. Kovtun, I. V. Izobrazitel'nye tradicii epohi bronzy Central'noj i Severo-Zapadnoj Azii. [Art traditions of the Bronze Age in Central and North-West Asia]. - Novosibirsk, 2001. - 184 p. (in Rus.).
6. Melnikova, L. V., Nikolaev, V. S., Demyanovich, N. I. Shishkinskaya pisanitsa. Prirodnye usloviya formirovaniya ploskostey, osnovnye syuzhety i datirovka, semantika drevnikh obrazov i ob'ekta v tselom. [Shishkin Pisanitsa. The natural conditions of formation of planes, the main subjects and Dating, semantics of ancient images and the object as a whole]. - Vol. 2. Irkutsk, 2012. - 288 p. (in Rus.).
7. Miklashevich, E. A., Bove, L. L., Zotkina, L. B., Solodeynikov, A. K., Tekhterekov, A. S. Issledovanie petroglifov drevneyshego plasta na beregovykh skalakh Oglakhty v 2014 g. [Investigation of the most ancient petroglyphs on the coastal rocks of Oglakhty (Khakasia) in 2014]. Vestnik KemGU. [Bulletin of Kemerovo State University]. - T. 3. - 2015. - № 1 (61). - p. 55–65 (in Rus.).
8. Podol'skij, N. L. O principah datirovki naskal'nyh izobrazhenij. [About principles of rock art dating]. Sovetskaya Archeologia [Soviet Archaeology]. - 1973. - N 3. - p. 265–275 (in Rus.).
9. Pjatkin, B. N., Martynov, A. I. Shalabolinskie petroglify [Shalabolino petroglyphs]. - Krasnojarsk, 1985. - 192 p. (in Rus.).
10. Rusakova, I. D. K voprosu o hronologii drevnejshih petroglifov Minusinskoj kotloviny. [Concerning the problem of dating the earliest petroglyphs of the Minusinsk basin]. Mir naskal'nogo iskusstva. [The World of Rock Art]. - Moscow, 2005. - p. 214–218 (in Rus.).
11. Semenov, V. A., Kilunovskaya, M. E., Krasnienko, S. V., Soubbotin, A. V. Petroglify Karataga i gory Kedrovoy (Sharypovskiy rayon Krasnoyarskogo kraja) [Petroglyphs of Karatag and Kedrovaya Mountain (Sharypovo district of Krasnoyarsk area)]. - SPb., 2000. - 104 p. (in Rus.).
12. Sovetova, O. S., Miklashevich, E. A. Hronologicheskie i stilisticheskie osobennosti sredneenisejskih petroglifov. [Chronological and stylistical peculiarities of the Middle Yenisei petroglyphs]. Arheologija, etnografija i muzejnoe delo. [Archaeology, Ethnography and Museology]. - Kemerovo, 1999. - p. 47–74 (in Rus.).
13. Sovetova, O. S., Mukhareva, A. N., Abolonkova, I. V. Mestonahozhdenie Tepsej I: istorija izuchenija i sovremennoe sostojanie. [Rock art site of Tepsey I: history of investigation and modern state]. Arheologija Juzhnoj Sibiri [Archaeology of South Siberia]. - Kemerovo, 2012. - Vol. 26. - p. 77–90 (in Rus.).
14. Sher, J. A. Petroglify Srednej i Central'noj Azii [Petroglyphs of Middle and Central Asia]. - Moscow, 1980. - 328 p. (in Rus.).
15. Blednova, N., Francfort, H.-P., Legtchilo, N., Martin, L., Sacchi, D., Sher, J., Smirnov, D., Soleilhavoup, F., Vidal, P. Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule No. 2. Sibérie du Sud 2. - Paris: Diffusion de Boccard, 1995. - 246 p. (In French).
16. Sher, J. A., Blednova, N., Legchilo, N., Smirnov, D. Oglakhty I–III (Russie, Khakassie). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule No. 1: Sibérie du Sud 1. - Paris: Diffusion de Boccard, 1994. - 156 p. (In French).
17. Sher, J., Savinov, D., Legtchilo, N., Sher, M. Cheremushny Log, Ust'-Kulog; Steles de Khakassie. des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule. Paris: Diffusion de Boccard, 1999. - N 4. - 128 p. (In French).
18. Solodeynikov, A. Research on the recordings of rock paintings in the Kapova Cave (Ural) // International Newsletter on Rock Art. - 2005. - N 43. - p.10–14.

Список сокращений

ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук

ИАЭт СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук

КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет
КемГУ – Кемеровский государственный университет
КМАЭЭ – Музей «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
САИПИ – Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства

УДК 902/904

ГРАВИРОВАННЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ СЕРЕДИНЫ I ТЫС. Н.Э. НА СЕВЕРЕ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ (проект № 15-31-01271а2 «Комплексное изучение наскальных изображений эпохи раннего средневековья на памятниках Алтае-Саянского региона и Монголии»).

Мухарева Анна Николаевна,

к.и.н., доцент кафедры археологии Кемеровского государственного университета (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: mukhareva@mail.ru

В статье представлены некоторые результаты полевых исследований петроглифов на горе Маяк (она же гора Яновская), расположенной на левом берегу Енисея в Новоселовском районе Красноярского края. В ходе документирования этого памятника, начатого в 2015 г., были выявлены новые наскальные изображения, среди которых заслуживает внимание сцена охоты, выполненная в технике гравировки на одной из плоскостей горы. Учитывая стилистические особенности изображений и аналогии среди петроглифов расположенного рядом комплекса памятников наскального искусства Улазы, композицию можно датировать эпохой раннего средневековья и соотносить с населением, испытывавшим определенное влияние таштыкской изобразительной традиции.

Ключевые слова: петроглифы, раннесредневековые наскальные изображения, Минусинская котловина.

ENGRAVED DEPICTION OF THE MIDDLE OF 1ST MILLENNIUM AD THE NORTH MINUSINSK BASIN

Mukhareva Anna Nikolaevna,

Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Archaeology, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: mukhareva@mail.ru

The article presents some of the results of field studies of petroglyphs on the Mayak mountain (it also Yanovskaya mountain), situated on the left bank of the Yenisei River in the Novoselovskyy district of the Krasnoyarsk region. In the documentation of the monument, which began in 2015, revealed new rock carvings, among which deserves the attention of a hunting scene, made in the art of engraving on one of the planes mountain. Given the stylistic features of images and analogies among petroglyphs adjacent complex of monuments of rock art Ulazy, the composition can be dated to the early Middle Ages, and to correlate with the population, have experienced some impact Tashtyk pictorial tradition.

Keywords: petroglyphs, early medieval rock art, Minusinsk Basin.

Памятники наскального искусства, расположенные на севере Минусинской котловины, одними из первых привлекли внимание исследователей. Во время Первой академической экспедиции Д.Г. Мессершмидта 18 февраля 1722 г. крашенные рисунки на утесе Городовая стена напротив старого с. Новоселово были скопированы художником экспедиции К. Шульманом и вошли в научную литературу как Новоселовская писаница. Упоминания об изображениях на скалах, известных в этой местности, встречаются в работах середины и второй половины XIX столетия (М. Кастрен, Н.И. Попов, И.Т. Савенков и др.), после чего возобновление интереса к памятникам севера Минусинской котловины происходит лишь в 60-е гг. XX века в связи с подготовкой ложа будущего водохранилища

ратуру как Новоселовская писаница. Упоминания об изображениях на скалах, известных в этой местности, встречаются в работах середины и второй половины XIX столетия (М. Кастрен, Н.И. Попов, И.Т. Савенков и др.), после чего возобновление интереса к памятникам севера Минусинской котловины происходит лишь в 60-е гг. XX века в связи с подготовкой ложа будущего водохранилища

(обзор истории изучения наскальных рисунков Новоселовского района Красноярского края см.: Журавков, Заика, 2006). Многие из памятников наскального искусства, зафиксированные здесь в те годы, ныне затоплены водами Красноярского водохранилища. Между тем, на скальных выходах небольших гор, расположенных чуть дальше от береговой линии, можно обнаружить петроглифы, не представленные в научной литературе. Один из таких памятников расположен поблизости от современного районного центра с. Новоселово на горе Яновской, называемой местными жителями Маяк. Поскольку местное название данной горы уже вошло в научную литературу, представляется целесообразным в дальнейшем придериваться именно его.

Гора с петроглифами находится на левом берегу Енисея, севернее п. Новоселово, на расстоянии около 1 км от него. Одна дорога, ведущая из села к памятнику, проходит через глубокий овраг и тянется вдоль береговой линии, другая – по вершине горы. Будучи относительно небольшой, гора выделяется на местности как наиболее высокая точка, а на ее вершине установлен геодезический знак. На весьма крутых восточном и южном склонах несколькими ярусами расположены скальные обнажения. В значительной степени плоскости, удобные для нанесения рисунков, разрушены, а у подножия горы в нескольких местах имеются скопления крупных блоков камней, вероятно, упавших сверху.

Упоминания о том, что на горе Маяк есть петроглифы, неоднократно встречаются в научной литературе (Боковенко, Леонтьев, 1985; Заика и др., 2004, с. 256; и др.). Однако, насколько нам известно, эти рисунки подробно не описывались и не публиковались. Впервые обследование местонахождения осуществили Н.В. Леонтьев и Н.А. Боковенко (Петроглифический отряд Средне-Енисейской экспедиции ЛОИА АН СССР) в ходе разведочных работ летом 1983 г. (Боковенко, 1983, с. 5). Исследователями были зафиксированы «две грани с рисунками на среднем (2) ярусе, обращенном на восток, к Енисею» (Там же, с. 6).

Повторное обследование памятника было предпринято экспедицией Лаборатории археологии КГПУ под руководством А.Л. Заики в октябре 2004 г., в ходе которого были выявлены изображения на южном и восточном склонах горы (Заика и др., 2004, с. 256). К сожалению, результаты этих исследований также остались неопубликованными.

Нами разведочные работы на горе Маяк были выполнены в июне 2013 г., а в 2015 г. начато документирование петроглифов этого памятника. К настоящему времени выявлено несколько плоскостей с выбитыми и гравированными изображениями, расположенных на восточном и юго-восточном

склонах. Большая их часть, очевидно, была создана в середине I тыс. н.э.

Среди рисунков горы Маяк привлекает внимание сцена охоты двух конных всадников на копытное животное, зафиксированная в отчете Н.А. Боковенко (Боковенко, 1983, рис. 10, 11). Выполнена она на расположенном у самой земли длинном скальном выходе высотой 44 см и длиной 174 см (измерения сделаны по центру плоскости). Изображения находятся в верхней правой части грани, ориентированной на ЮЮВ (аз. 145°), выполнены тонкими гравированными линиями и по цвету не отличаются от скальной поверхности. Сохранность плоскости удовлетворительная, над ней уцелел небольшой естественный навес, предотвращающий попадание дождевых вод, тем не менее, по всей ее площади имеются трещины, из-за которых верхняя часть гравированной сцены прослеживается значительно хуже. Фигура первого всадника заштрихована, в его руке изображен лук. Судя по посадке всадника, его нога упирается в стремя. Идентичными изобразительными приемами передан второй всадник, хотя контуры седока сохранились несколько хуже. Наличие лука у второго всадника проследить не удалось.

Лошади под седоками изображены стремительно скачущими. Передняя нога одного из коней подогнута в характерной для таштыкского изобразительного стиля манере, тогда как ноги других животных – коня под вторым всадником и убегающего копытного – раскинуты в разные стороны, чем напоминают эталонные древнетюркские рисунки. В целом сцена динамична, наполнена движением, пропорции и позы фигур отличаются реалистичностью. Фигуры композиции довольно крупные, не перекрывают друг друга и, вероятно, были нанесены на скалу одновременно.

Гравированной композиции на горе Маяк имеются аналогии в петроглифах комплекса Улазы, расположенного на противоположном берегу Красноярского водохранилища. Выполненные в технике выбивки, но в идентичной изобразительной манере, всадники на лошадях, преследующие копытных, часто встречаются на плоскостях различных пунктов этого комплекса. Как и улазинские, всадники горы Маяк могут быть датированы эпохой раннего средневековья и соотношены с населением, испытывавшим определенное влияние таштыкской изобразительной традиции.

Думается, что дальнейшее документирование наскальных изображений на горе Маяк позволит пополнить репертуар раннесредневекового творчества населения региона новыми персонажами и продвинуться в вопросе идентификации петроглифов региона с конкретными группами населения.

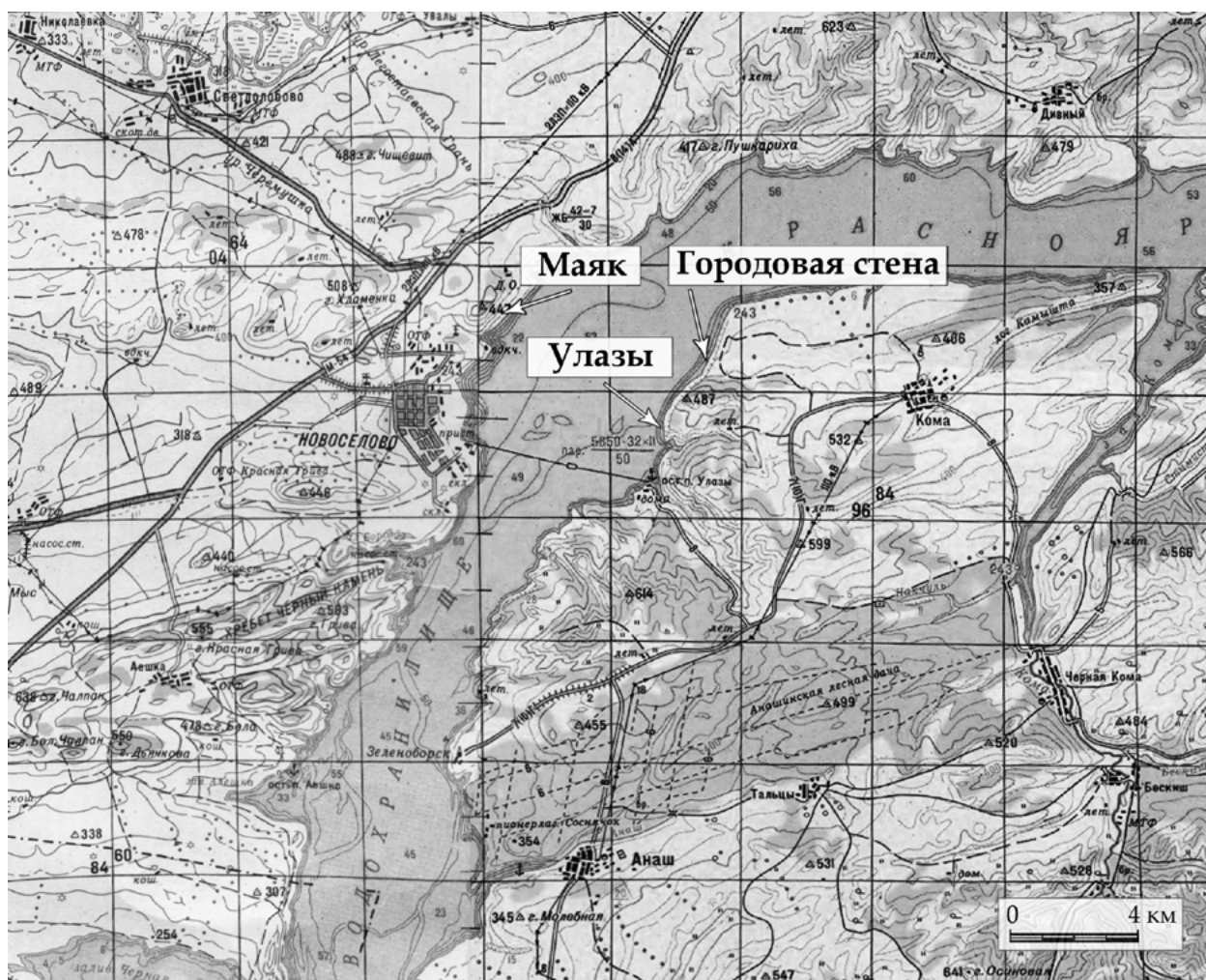

Рис. 1. Расположение горы Маяк на карте в контексте памятников наскального искусства Улазы и Городовая стена.

Рис. 2. Гора Маяк, вид с юго-востока. Стрелка указывает на местонахождение плоскости со сценой охоты.

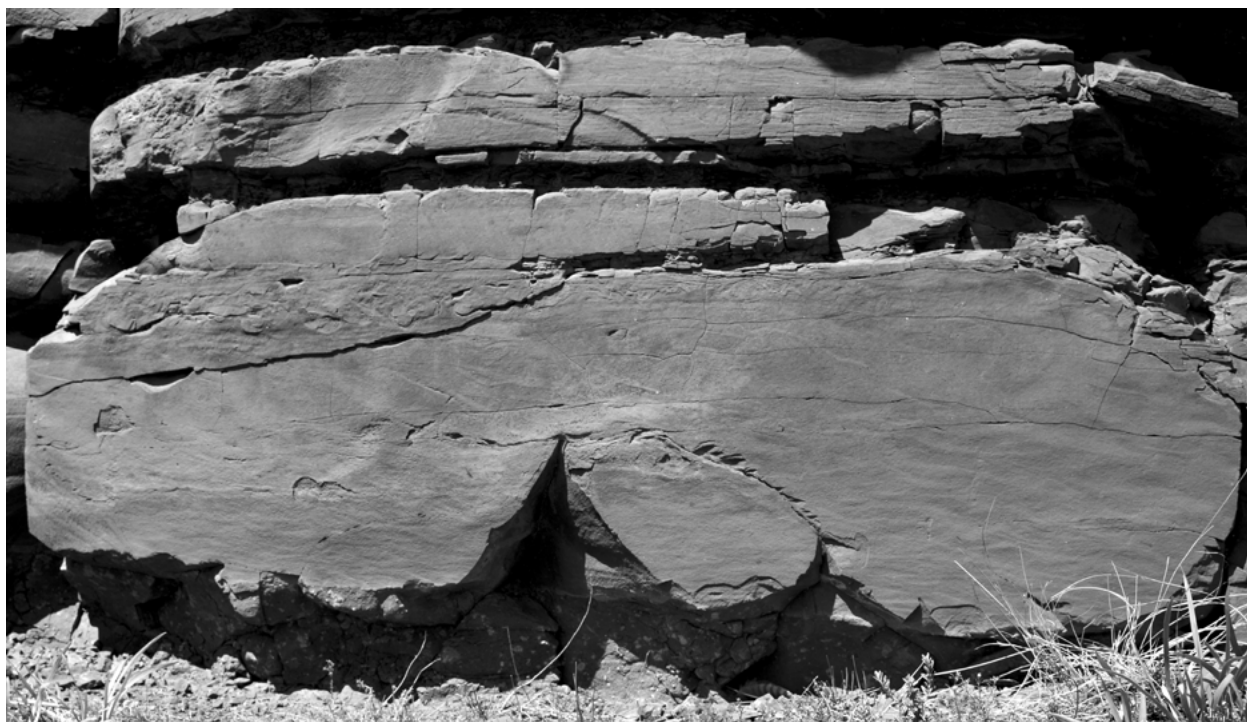

Рис. 3. Плоскость с изображением сцены охоты, общий вид.

Рис. 4. Сцена охоты, прорисовка.

Рис. 5. Фрагмент композиции с изображением первого всадника.

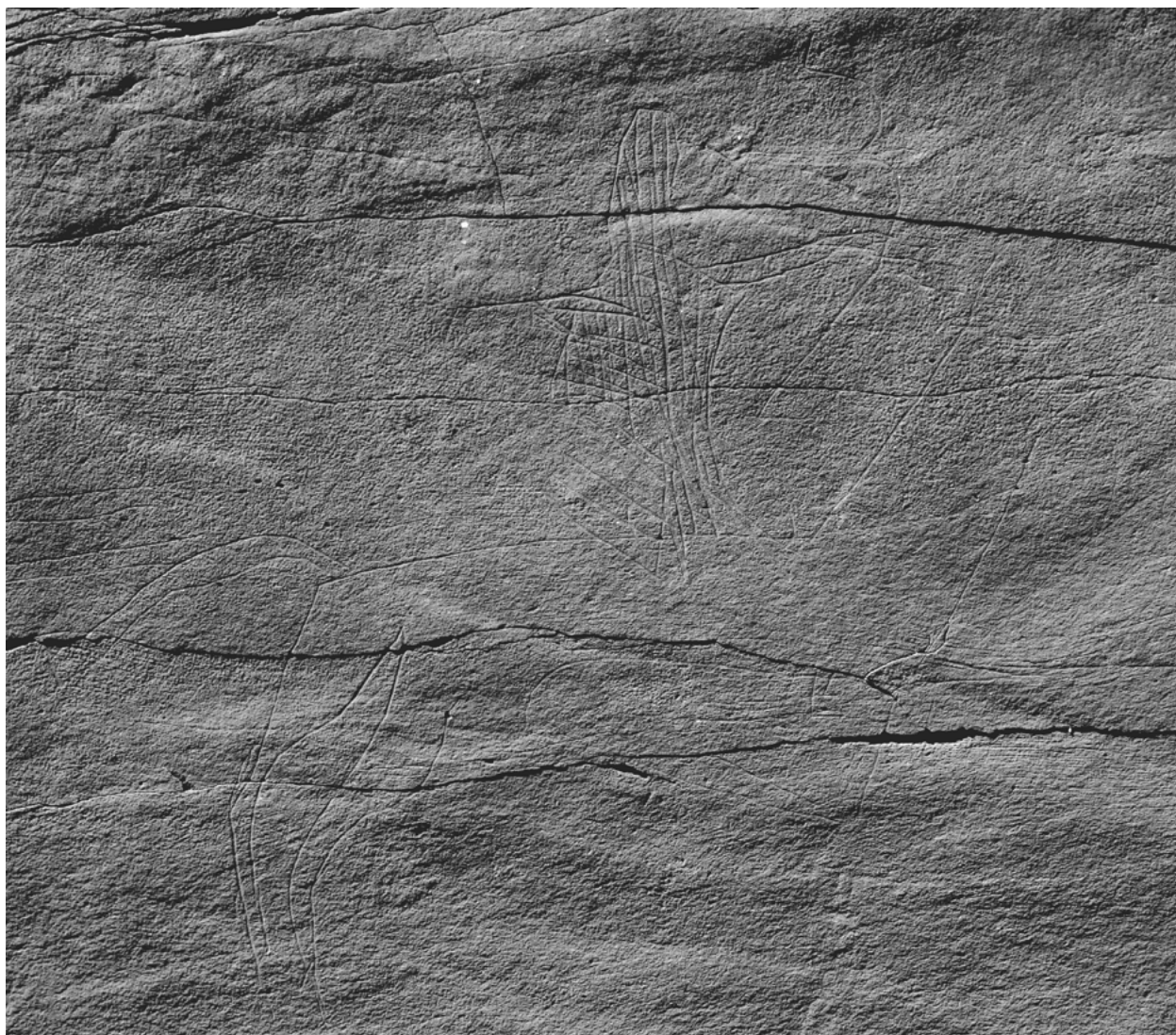

Рис. 6. Фрагмент композиции с изображением первого всадника

Источники и литература

1. Боковенко, Н. А. Отчет об обследовании петроглифов в Новоселовском, Краснотуранском районах Красноярского края и в Хакасской АО в 1983 году / Н. А. Боковенко. – Ленинград, 1984. – 49 л. // Научно-отраслевой архив ИА РАН, Р-1, № 10103.
2. Боковенко, Н. А., Леонтьев, Н. В. Обследование петроглифов на юге Красноярского края / Н. А. Боковенко, Н. В. Леонтьев // АО 1983 года. – М.: Наука, 1985. – С. 192.
3. Журавков, С. П., Заика, А. Л. История изучения наскальных рисунков Новоселовского района Красноярского края / С. П. Журавков, А. Л. Заика // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – Красноярск: Изд-во КГПУ, 2006. – № 3. – С. 172–176.
4. Заика, А. Л., Дроздов, Н. И., Березовский, А. П., Кержаев, А. М. Археологические исследования на севере Минусинской котловины (предварительное сообщение) / А. Л. Заика, Н. И. Дроздов, А. П. Березовский, А. М. Кержаев // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. – С. 255–256.

References

1. Bokovenko, N. A. Otchet ob obsledovanii petroglifov v Novoselovskom, Krasnoturanskom rayonah Krasnoyarskogo kraja i v Hakasskoy AO v 1983 godu. [The report on the survey petroglyphs Novoselovsky, Krasnoturansky district of the Krasnoyarsk region and Khakassia in 1983]. - Leningrad, 1984, l. 49. Nauchno-otrasievoy arhiv IA RAN. [Research and Industry archive IA RAS], P-1, no 10103. (In Russ.).

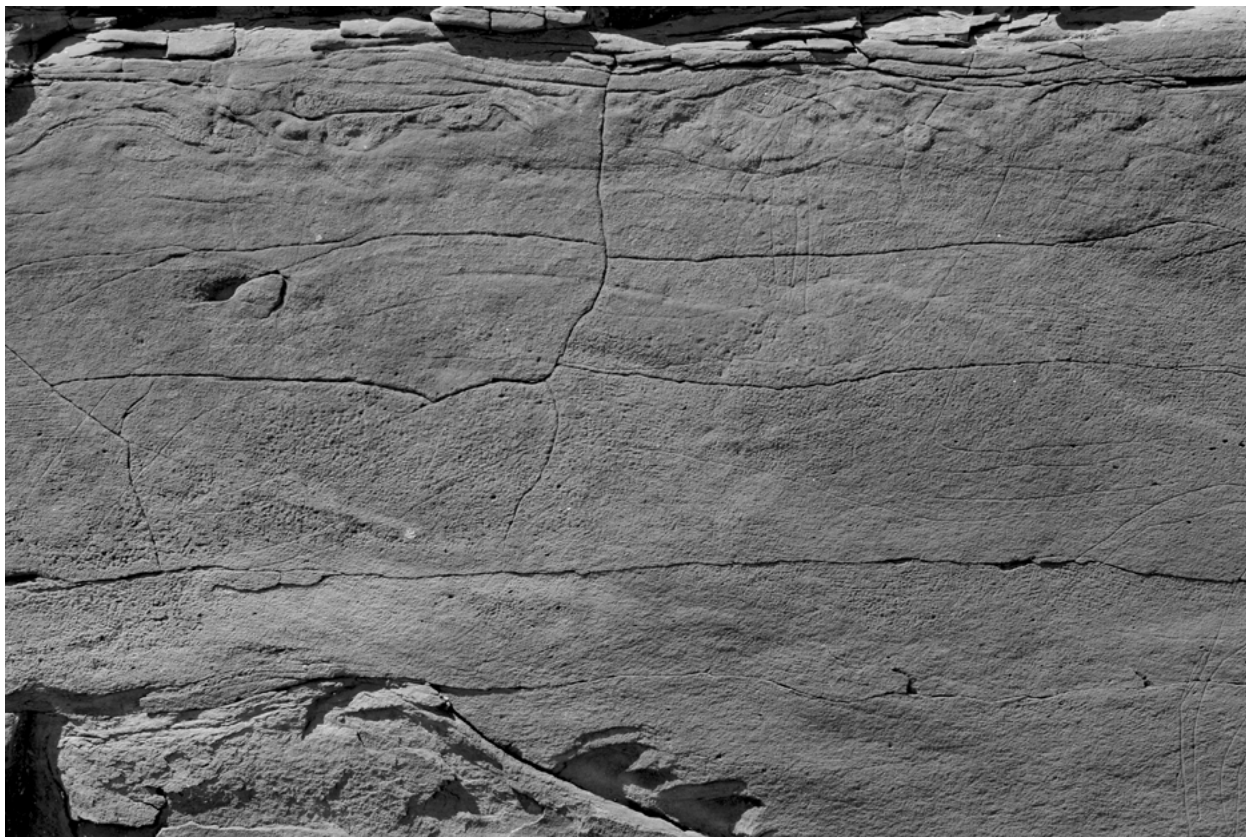

Рис. 7. Фрагмент композиции с изображением второго всадника

2. Bokovenko, N. A., Leont'ev, N. V. *Obsledovanie petroglifov na yuge Krasnoyarskogo kraya*. [Examination of petroglyphs in the south of the Krasnoyarsk region]. AO 1983 goda. [Archaeological Discoveries in 1983]. - M.: Nauka [Science], 1985. - p. 192. (In Russ.).
3. Zhuravkov, S. P., Zaika, A. L. *Istoriya izucheniya naskal'nykh risunkov Novoselovskogo raiona Krasnoyarskogo kraya*. [The history of studying petroglyphs Novoselovo district of the Krasnoyarsk region]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva*. [Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafieva]. - Krasnoyarsk: Izd-vo KGPU, 2006. - no 3, pp. 172-176. (In Russ.).
4. Zaika, A. L., Drozdov, N. I., Berezovsky, A. P., Kerzhaev, A. M. *Arheologicheskie issledovaniya na severe Minusinskoy kotloviny (predvaritelnoe soobshchenie)*. [Archaeological research in the north Minusinsk Basin (Preliminary Report)]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy*. [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. - Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2004. - pp. 255-256. (In Russ.).

УДК 902/904

ПЛОСКОСТЬ 8 ТОМСКОЙ ПИСАНИЦЫ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Русакова Ирина Дмитриевна, к.и.н.,

научный консультант музея-заповедника «Томская Писаница», научный сотрудник лаборатории археологии Института экологии человека СО РАН (Кемерово, Российская Федерация).

Email: mirnes@mail.ru

С введением в научный оборот новых графических и фотоматериалов по петроглифам Томской писаницы появилась возможность проследить, какие изменения произошли с древними рисунками со времени первых публикаций.

В настоящей статье анализируется состояние петроглифов плоскости 8 (по современной нумерации), где зафиксирована наибольшая концентрация петроглифов и имеется большое количество палимпсестов. Приводятся имеющиеся в настоящее время прорисовки и фотографии рисунков плоскости, которые сравниваются с современной прорисовкой, выполненной на основе микалентного эстампажа и многочисленных фотографий. Выводы: площадь утрат на плоскости 8 превышает площадь сохранившихся фрагментов древней скальной поверхности с изображениями. Значительные повреждения плоскость получила в XX веке, как в результате влияния природных факторов, так и вследствие большого количества современных граффити. Серьёзные утраты появились на плоскости из-за попытки уничтожить современные надписи с помощью электроинструмента, в ходе чего была утрачена и часть древних рисунков. Несмотря на это, удалось обнаружить новые изображения, ранее не известные. В настоящее время назрела необходимость повторной публикации петроглифов Томской писаницы в целом.

Ключевые слова: Томская писаница, петроглифы, наскальное искусство, реставрация, сохранность, повреждения, подновления, прорисовки.

PLANE 8 TOMSKAYA PISANITSA: THE MODERN STATE

Rusakova, Irina Dmitriyevna, Candidate of History,

scientific Consultant of the Museum-preserve «Tomskaya Pisanitsa», Researcher at the Laboratory of Archaeology of the Institute of Ecology, SB RAS (Kemerovo, Russian Federation).

E-mail: rusakova_irina@ako.ru

With the introduction of new graphical materials and photographs of Tomskaya Pisanitsa's petroglyphs we have opportunity to see what changes have ancient drawings from first publication time. This article examines the shape of petroglyphs of plane 8 (in modern numbering), which have the greatest concentration of petroglyphs and large number of palimpsests. The author compares modern drawing of petroglyphs with earlier photos and sketches. The conclusions are: area of disturbances is more than area of ancient surfaces with petroglyphs. The large disturbances get plane 8 in the 20th century. The causative factors are natural factors, large number of modern inscriptions and the attempt to destroy the modern inscriptions. Despite the great disturbances we found new interesting petroglyphs. Currently there is a need to new publication of Tomskaya Pisanitsa's petroglyphs.

Keywords: Tomskaya Pisanitsa, petroglyphs, rock art, restoration, preservation, disturbances.

Из всех плоскостей Томской писаницы больше всего изображений в древности было нанесено на плоскость 8 площадью 1,8 на 5 м (плоскость 7 по нумерации Окладникова, Мартынова [14, с. 24]) (фото 1). Но их сохранность значительно хуже, чем на других плоскостях памятника. Причин этому несколько – трещин, сколов, много участков с отслаивающейся скальной коркой. Однако сильнее всего петроглифы пострадали от антропогенного воздействия. Плоскость вся испещрена современными надписями, которые часто выбивались очень

глубоко прямо по древним рисункам. Особенно большой ущерб памятнику был нанесен в 1953 году, когда вандалы выбили в центре плоскости крупное изображение якоря вместе с датой. В процессе выбивки отслоились большие участки скальной поверхности вместе с петроглифами. Через 10 лет, вероятно, в дату была внесена корректировка, цифра «5» была исправлена на «6», что привело к новым утратам (цв. вкл. фото 2).

И ещё один вид антропогенного вмешательства, в результате которого были серьёзно повреждены древние рисунки в нижней части плоскости: в

1966-1967 годах была предпринята попытка ликвидировать современные надписи. С помощью электронаждака и других металлических инструментов были срезаны или сбиты целые участки плоскости, на которых находились автографы посетителей памятника XIX-XX веков [7, с. 59]. И хотя авторы публикации пишут, что группой «реставраторов» «было решено не трогать сами изображения» [Там же], вместе с современными надписями были уничтожены и древние рисунки, находившиеся под ними. Такое варварское вмешательство можно объяснить только некомпетентностью проводивших «реставрацию» людей, которые, возможно, просто не увидели петроглифы. Больше всего следов такой «реставрации» приходится именно на плоскость 8. Срезанные участки скалы отчетливо выделялись на фоне патины черного цвета, которой покрыта нижняя часть скальных выходов (цв. вкл. фото 3; 5, 1).

В 1994 году была предпринята еще одна попытка непрофессиональной «реставрации» писаницы: на некоторые участки скалы, чтобы «замаскировать» современные надписи и «восполнить» утраты, была нанесена полимерная пластиковочная масса. Этот факт не отражен ни в одном из документов, он остался лишь в личных воспоминаниях сотрудников музея «Томская Писаница» и на фотографиях. И опять больше всего пострадала плоскость 8: пластиковочная масса была нанесена на центральную часть изображения якоря. Спустя короткое время эта масса оплыла и дала белесые натеки, еще более усугубив и без того безрадостную картину сохранности плоскости (цв. вкл. фото 3).

В 2005-2007 годах специалистами Московского государственного научно-исследовательского института реставрации были проведены работы по искусственной патинизации участков, на которых в 1966-1967 годах с помощью металлических инструментов была удалена скальная корка. Таким образом, были замаскированы неэстетичные светлые пятна, которые сильно нарушали аутентичность памятника (цв. вкл. фото 4; 5, 2). В результате вид нижней части плоскости 8 приблизился к виду, запечатленному на фото в 1910-1912 гг. (фото 6). Кроме того, в 2005 году сотрудники ГосНИИреставрации осторожно удалили пластиковочную массу с изображения якоря и провели искусственную патинизацию освобожденного участка (цв. вкл. фото 2) [1, с. 9; рис. 6; 7].

В настоящее время на плоскости 8 площадь повреждений и утрат превышает площадь сохранившихся древних участков с изображениями (рис. 1). Но и по дошедшим до нас фрагментам можно видеть, насколько высокой была здесь концентрация петроглифов, – гораздо выше, чем на других плоскостях памятника.

Древние рисунки сравнительно легко «читаются» только в верхней левой и верхней правой

частях плоскости. В нижней части они покрыты интенсивной патиной черного цвета, нанесены не всегда глубокой выбивкой; здесь имеется множество палимпсестов, а также отдельных, нечитаемых сегодня линий. Поэтому их выявление и копирование представляет большую сложность. Во время первого сплошного обследования памятника в 1964 году на плоскости 8 (у Окладникова, Мартынова плоскость 7) было скопировано 63 древних изображения [14, с. 6; 96-117; рис. 191-254]. В основе применявшейся техники копирования (в подавляющем большинстве это был перевод изображений на полупрозрачную кальку) лежало, прежде всего, визуальное восприятие. При такой технике качество работы во многом зависит от освещения плоскости, от опыта исследователя, от других субъективных и объективных факторов. В отличие от прорисовок большинства древних рисунков писаницы, прорисовки многих петроглифов плоскости 8 оказались очень неудачными и порой весьма отдаленно напоминают оригиналы (рис. 6-11). Многие прорисовки древних рисунков плоскости сегодня даже невозможно идентифицировать и найти их «прототипы» (например, изображения 193-196; 199; 201; 203; 206-210; 218-222; 223; 225; 231-235; 238; 239; 245-252; 254) [14, с. 98-116]. Вероятно, не получилось у исследователей сделать и полную прорисовку этой плоскости, тогда как полные прорисовки других плоскостей в публикации имеются [14, вклейки].

В начале 2000-х годов сотрудниками музея-заповедника «Томская Писаница» было проведено микалентное эстампирование плоскости 8. Кроме этого, в течение нескольких лет в разное время года и в разное время суток проводилась фотофиксация изображений на цифровую технику. Нужно отметить, что микалентная копия и фотографии петроглифов по отдельности не позволяют выявить все изображения на этой плоскости. И только сверка эстампажа с фотокопиями дала возможность «вытянуть» и выполнить прорисовки практически всех сохранившихся до наших дней изображений плоскости 8 (рис. 1-5).

В настоящее время здесь насчитывается как минимум пятьдесят восемь фигур лосей, семь изображений неопределенных животных, двенадцать антропоморфных персонажей, четыре личины, фигуры медведя и птицы, всего 83 рисунка. При подсчете мы не учитывали рисунки, сохранившиеся в небольших фрагментах (ноги или части туловища) и не позволяющие их идентифицировать. Менее 10 процентов петроглифов сохранились сравнительно полно, они лишь незначительно повреждены небольшими трещинами и сколами. Все остальные изображения имеют обширные утраты (рис. 1-5).

Много изображений, которые представляют собой только голову лося. Причём некоторые из них были парциальными изначально, а не

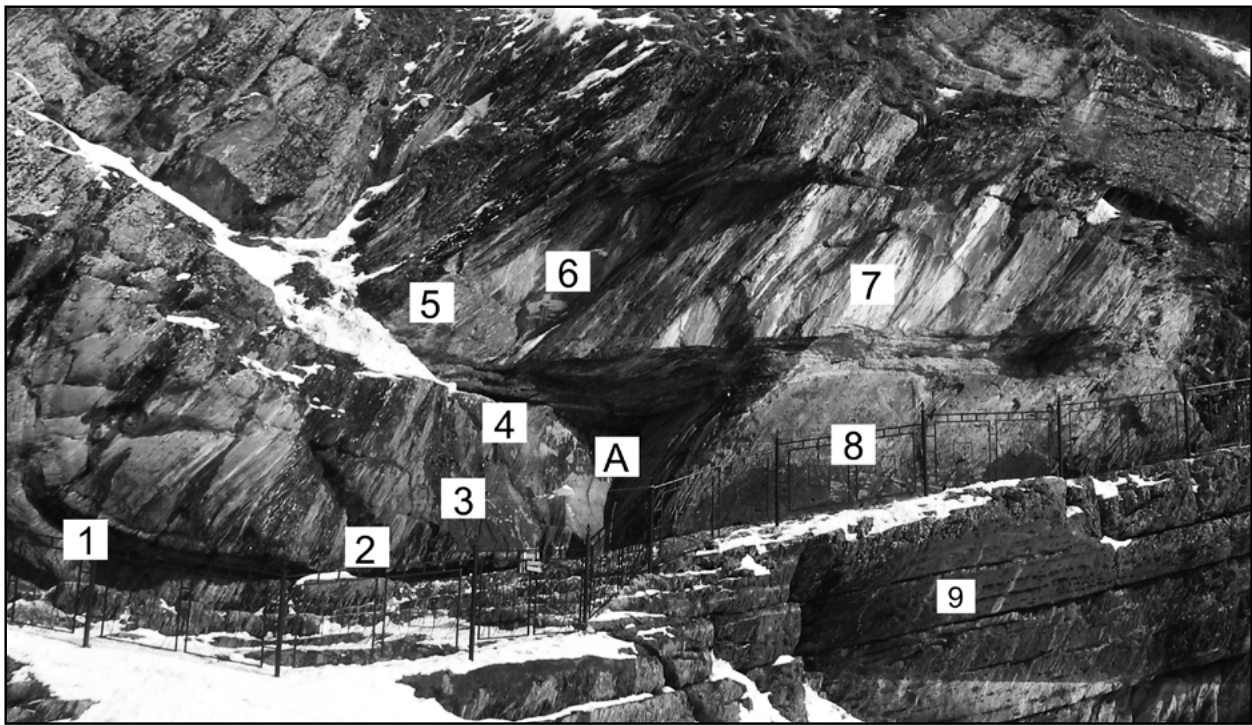

Фото 1. Томская писаница: современная нумерация плоскостей (1-8 – плоскости с древними изображениями, А – подтреугольная ниша между плоскостями 3 и 8, не имеющая петроглифов).

утратили туловище в результате естественного или антропогенного воздействия. Это отчасти может быть обусловлено тем, что к моменту их нанесения на скальной поверхности было уже мало свободного пространства (рис.2-5).

На плоскости большое количество палимпсестов, больше, чем на других плоскостях памятника, имеются различия в технике нанесения петроглифов, различается цвет патины изображений. Это говорит о неоднократном использовании данного участка скальной поверхности для нанесения рисунков. При этом стиль большинства изображений один и тот же, что позволяет сделать вывод об их принадлежности к одной археологической эпохе.

Древние рисунки на плоскости 8, как и на других плоскостях, неоднократно подновлялись. Об этом уже отмечалось ранее [8, с. 134; 15, с. 109-115]. Следует подчеркнуть, что зафиксированных фактов подновления больше всего на плоскости 8.

Пatina изображений варьирует от светло-серо-зеленого (естественного цвета скальной породы), до красновато-коричневого и черного, в зависимости от места расположения рисунка на плоскости, имеющей различную патину в своей верхней и нижней частях.

В последние годы были введены в научный оборот новые графические и фотодокументы по истории исследования Томской писаницы [2; 4; 9; 11; 12; 13]. С учётом опубликованных ранее зарисовок XVIII – XIX вв. [7; 14], в нашем распоряжении сегодня есть целая серия документов, зафиксировавших Томскую писаницу на протяжении около трехсот лет. Это дает нам

возможность проследить состояние памятника на данном хронологическом отрезке. И если по зарисовкам плоскостей писаницы, выполненным в XVIII–XIX вв., мы можем делать лишь общие выводы по сохранности петроглифов, то фотографии начала – первой половины XX века, а также публикация памятника 1972 года дают очень ценный материал для сравнения состояния петроглифов фактически на протяжении столетия.

Анализ зарисовок Томской писаницы, сделанных разными исследователями, мы уже приводили ранее [4; 15]. В данной статье рассмотрим фотоматериалы, касающиеся плоскости 8.

В фондах МАЭС ТГУ хранятся фотографии Томской писаницы А.В. Адрианова и В.В. Сапожникова, выполненные на стеклянных пластинах предположительно в 1910 – 1912 годах [9, рис. 30–33; 13, рис. 1-7, 9, 15, 16; 2, с. 113, табл. 56-66]. Сканирование этих пластин с высоким разрешением дало возможность при большом увеличении на компьютере разглядеть многие петроглифы памятника. К великому сожалению, из всех фотоконий, обнаруженных в фондах МАЭС ТГУ, фронтально по отношению к плоскостям были сделаны лишь несколько, и они не охватывают всех изображений. На одном из таких фронтальных кадров представлена правая часть плоскости 8, что позволило нам сделать прорисовку изображений по этой фотографии (фото 7; рис. 12, 1) и сравнить ее с прорисовкой современного микалентного эстампажа.

Еще одна серия фотографий Томской писаницы была сделана несколько раньше – в 1906

году – Н.Я. Овчинниковым. Прорисовки с этих фотографий фрагментов трех плоскостей были опубликованы в 1910 году, среди них и прорисовка фрагмента правой части плоскости 8 [10, табл. 3]. И хотя здесь показано лишь несколько изображений, да и то неполных, тем не менее, и эта прорисовка дает материал для сравнения.

В 1940 году несколько фотографий Томской писаницы сделал Н.А.Чернышёв, в то время заместитель директора Томского краеведческого музея по научно-экспозиционной части. Он был участником археологической экспедиции, «... организованной Томским краеведческим музеем, Томским педагогическим институтом совместно со Сталинским и Кемеровским музеями, при содействии Томского Государственного университета»

[2, с. 127]. Сегодня опубликованы фотографии плоскостей 3, 5 и 8 (по современной нумерации) [Там же, табл. 68-70]. Древние рисунки перед фотофиксацией для наглядности были обведены и закрашены мелом (?). Качество фотографий невысокое, но по ним также можно сделать некоторые выводы о сохранности петроглифов.

И конечно, для анализа сохранности рисунков во времени были использованы прорисовки 1964 года, опубликованные в монографии «Сокровища томских писаниц» [14, рис. 191-254].

По фотографиям плоскости 8, выполненным в 1910-1912 годах и фотографиям Н.А. Чернышёва мы видим, что уже к середине XX века степень разрушенности скалы была достаточно высокой, большую площадь занимали трещины и сколы

Фото 6. Фотография плоскостей 7 и 8. Начало XX в. (по И.В. Ковтуну, 2013, табл. 61).

Фото 7. Фотография правой верхней части плоскости 8. Начало XX в. (по И. В. Ковтуну, 2013 г., табл. 60).

(фото 7-9). Кроме того, за небольшой промежуток времени между началом века и 1940 годом антропогенное воздействие на скалу было довольно значительным. Так, например, в правой нижней части плоскости появилась крупная выбитая надпись. На фотографии 1940 года видны буквы «Глотов Н» и цифры «36» (фото 9). Позднее эта надпись, в свою очередь, также была подвержена антропогенному воздействию: сначала сверху нее был выбит якорь, а затем, вероятно, во время попытки «реставрации» в 1966-67 годах верхняя часть букв была забита глубокими ударами металлического инструмента с плоским острым рабочим краем. На фотографии 2003 года это хорошо видно (фото 3). Таким образом, и современные граффити тоже уже имеют свою историю. Понятно, что в результате неоднократного вмешательства древние изображения на этом участке были сильно повреждены (рис. 4).

В целом за последние сто лет были нанесены повреждения подавляющему большинству петроглифов плоскости.

Например, изображению лося с рогами в виде солнечных лучей в правой верхней части древнего панно. Оно привлекает внимание посетителей скалы одним из первых, т.к. достаточно крупное и отчетливо выделяется на фоне естественной патины. Поэтому эта фигура присутствует практически на всех зарисовках и фотографиях, начиная с XVIII века (цв. вкл. фото 2; фото 7; рис. 1; 4).

Судя по фотографии начала XX в., а также по прорисовке с фотографии Н.Я. Овчинникова, в то время сохранность фигуры была еще практически полной: видны лишь небольшие естественные утраты в районе лопатки и верхней части крупа и трещина, проходящая через рога и туловище (фото 7; рис. 12). На фото 1940 года мы видим, что в результате отслоения скальной корки утрачен уже и верхний задний контур фигуры (фото 9). В настоящее время отслоившийся участок еще более увеличился, и контур крупа животного полностью утрачен (рис. 13, 2). Рога лося и в начале XX века, и в 1940 году были ещё целыми (фото 7; 9; рис. 13, 1). Сейчас они повреждены сколом, который явно

был произведен людьми с помощью какого-то, скорее всего, металлического, предмета (рис. 13, 2).

Кроме того, на фото начала XX века видно, что изображение подновлялось путем прорезывания контура острым предметом. Причем прорезы были сделаны поверх естественного скола, повредившего штриховку туловища. В настоящее время следы подновления видны и поверх утраты в районе крупа животного. Линии подновления в районе живота и ног выходят за контуры фигуры (фото 7; рис. 13, 1). На обеих передних ногах на фото начала XX века отчетливо видны по три «пальца», а в настоящее время на одной из ног «пальцев» уже четыре. То есть изображение лося подвергалось подновлению и «подрисовыванию» неоднократно, и до, и после 1910-1912 гг.

Подобным образом подновлены по контуру и другие хорошо различимые крупные фигуры лосей (рис. 1; 2). Подновление выполнено инструментом с острым рабочим краем в своеобразной технике. Создается впечатление, что местами это даже не прорезы, а пропилены, настолько глубоки линии со следами тонких полос вдоль всего контура подновления. О времени этих подновлений можно говорить лишь предположительно. Насколько можно проследить по имеющимся сегодня в распоряжении исследователей копиям и зарисовкам Томской писаницы, некоторым таким подновлениям по меньшей мере двести лет [15, с. 115], и на фотографии начала XX века они уже хорошо видны (фото 7; рис. 12, 1).

Фигура антропоморфного персонажа с «нимбом» вокруг головы в правой части плоскости до 1940 года была практически полной, за исключением правой верхней части «нимба» и фрагмента головы (фото 7; 9; рис. 15, 1). К настоящему времени утрачены: полностью голова и вся верхняя часть «нимба», практически полностью одна рука, нижняя часть ног (рис. 15, 2). Отслоение скальной корки вместе с частью рисунка произошло, по всей видимости, в результате нанесения на скалу изображения якоря, которое, помимо антропоморфной фигуры, повредило или даже уничтожило и другие древние петроглифы.

Так, от фигуры шагающего вправо, широко раскинувшего ноги лося сохранилась только задняя часть туловища с ногами: на фотографиях начала века и 1940 года хорошо видно, что изображение еще почти полное, поврежденное лишь трещинами (фото 7; 9; рис. 13, 3, 4). От головы другого лося сохранились только уши (рис. 4; 12, 1; 14). Также был уничтожен один глаз неоконтуренной личины (?), располагавшейся справа от ног антропоморфного персонажа с нимбом (рис. 15, 3, 4).

Сильно пострадали изображения и от других «автографов» наших современников. На фотографии Н.А. Чернышева видна частично обведенная мелом (?) фигура лося, повернувшего голову назад. Голова вместе с глазом на фотографии практически

цела (фото 8). В настоящее время от изображения головы сохранилась только передняя часть. Глаз утрачен в результате отслоения скальной корки при выбивке современного «автографа» (рис. 1; 5).

К сожалению, сравнивая современное состояние плоскости с фотографиями первой половины XX века, мы видим, что идет и естественное её разрушение. На некоторых участках за 70-100 лет площади утрат в результате расширения трещин, сколов, отслаивания скальной корки увеличились. Это видно, например, по изображению «личины на ножках» (рис. 15, 5, 6).

Если верить прорисовкам 1964 года, то с тех пор из-за трещин и сколов увеличилась площадь разрушений и в левой верхней части плоскости: в процессе отслаивания скальной корки была повреждена часть головы одного лося, уничтожены передняя часть головы и верхняя часть ушей другого (рис. 10).

Также мы можем видеть, какой урон нанесла «реставрация» путем удаления скальной поверхности с помощью электронаждака. Она была проведена уже после копирования петроглифов в 1964 году [14, с. 6; 7, с. 59]. И хотя прорисовки древних рисунков плоскости 8 в 1964 году были выполнены недостаточно корректно, некоторые из них дают нам возможность увидеть, каким было изображение до того, как частично или полностью было уничтожено «реставрацией». Особенно пострадала нижняя часть древнего панно. Так, например, голова и грудь фигуры одного из лосей до 1966-1967 годов были целы (рис. 17); в настоящее время нижняя часть головы вместе с «серьгой» и грудь животного утрачены; одна нога уничтожена и остальные повреждены в результате среза электронаждаком. То же самое произошло и с фигурой неопределенного животного с удлинённой головой и орнаментированным поперечными полосами туловищем. На прорисовке 1964 года изображение показано практически целым; в настоящее время уши (?) и грудь изображения утрачены в результате среза электронаждаком, задняя часть туловища уничтожена естественным сколом (рис. 7). Гипертрофированные рога козла на прорисовке 1964 года – на самом деле ноги копытного животного, расположенного выше описанной фигуры и также поврежденного современной выбивкой и попыткой её уничтожить с помощью электроинструмента (рис. 7).

Серьезно повреждено «реставрацией» антропоморфное изображение в нижней части плоскости 8 (рис. 8, 2). На прорисовке 1964 года мы видим, что это почти полная фигура, частично перекрытая другим изображением. Голова показана контурно в виде овала, туловище выполнено силуэтом, сохранившаяся рука согнута в локте, приподнята почти перпендикулярно туловищу и опущена кистью вниз (рис. 8, 1). В результате «реставрации» 1966–67 годов торс фигуры, голова и рука были

Фото 9. Фотография правой части плоскости 8, сделанная Н.А. Чернышевым в 1940 г. (по И.В. Ковтуну, 2013, табл. 68).

уничтожены. Сохранилась только нижняя часть туловища с ногами, расставленными в стороны в виде перевернутой буквы V, и фаллосом. Нижняя часть ног также попала под срез (рис. 8, 1). Также, вероятно, была уничтожена и голова какого-то животного (?), которая присутствует на прорисовке 1964 года левее и ниже антропоморфной фигуры (рис. 8).

Особый интерес представляет сравнение прорисовки фигур 212-214 (по нумерации Окладникова, Мартынова), выполненной в 1964 году, до проведённой в 1966-1967 годах «реставрации», и современной прорисовкой этих фигур (рис. 9). Центральная часть небольшой композиции из трех антропоморфных существ и находящейся между ними головы лося (?) была уничтожена в результате среза скальной поверхности электронаждаком, а также попыткой «забить» современную надпись с помощью инструмента с плоским острым рабочим краем (рис. 9, 2; фото 4). Из-за этой утраты в настоящее время соотнесение линий ног с антропоморфными изображениями является очень проблематичным, и в более ранней публикации мы приводим только верхние части двух фигур [5, рис. 21, 7]. Сравнение с прорисовкой 1964 года позволило более полно увидеть изображения. У одного из них, расположенного слева по отношению к зрителю, вокруг головы очерчена овальная линия. От макушки (?) вверх поднимаются три тонких

прочерченных луча, которые продолжают вверх за линией «нимба». Сохранились остатки двух расставленных в стороны рук и часть туловища. Под утратой видны две согнутые в коленях ноги. Возможно, этот персонаж стоит на лыжах, которые показаны в виде прямой выбитой линии. У второй антропоморфной фигуры голова показана в виде округлого пятна, от которого вверх поднимаются две прямые линии, концы которых утрачены в результате скола. В стороны от головы отходят еще две линии, которые слегка закругляются вверх. Одна из этих линий утрачена в результате скола, другая перекрыта другим антропоморфным изображением. Видна линия шеи и самая верхняя часть туловища. У этого рогатого персонажа также частично сохранились согнутые в коленях ноги (рис. 9). От третьей антропоморфной фигуры до сегодняшнего дня сохранилась лишь верхняя часть. Голова окружена овальной линией, отходящей от шеи. Две прямые руки расставлены в стороны. Широкая линия в правой нижней части туловища, скорее всего, не относится к данной фигуре, т.к. выполнена в другой технике. Это изображение перекрывает изображение рогатого персонажа (рис. 9, 2).

К сожалению, на основе имеющихся в нашем распоряжении материалов мы не можем проанализировать состояние всех древних изображений плоскости. Но с помощью этих материалов мы

видим, какой непоправимый ущерб был нанесен памятнику человеком всего за 100 лет. С другой стороны, с помощью этих документов, а также прорисовок 1964 года нам удалось обнаружить новые интереснейшие изображения, ранее не известные. Интерпретация некоторых из них уже

приводилась [3; 6], а в целом в настоящее время назрела необходимость повторной полной публикации петроглифов Томской писаницы, которая даст новое представление об этом замечательном памятнике древнего наскального искусства.

Источники и литература

1. Отчет по договору № 40/05 от 01 июня 2005 года с музеем-заповедником «Томская Писаница». Часть 1. Консервационные работы на памятнике наскального искусства Томская писаница. Государственный научно-исследовательский институт реставрации. - Москва, 2005.
2. Ковтун, И. В. Письмагора (История открытия и исследований: 1630-1956 гг.) / И. В. Ковтун. - Кемерово: Азия-Принт, 2013. - 159 с.
3. Ковтун И. В. Шепот духов (Этнолингвокультурные очерки мифологии томских писаниц) / И. В. Ковтун. - Кемерово: Азия-Принт, 2014. - 171 с.
4. Ковтун, И. В., Русакова, И. Д. Рисунок Томской писаницы И. Х. Беркгана / И. В. Ковтун, И. Д. Русакова // Материалы научной сессии Института экологии человека СО РАН. - Кемерово, 2012. - Вып. 4. - С. 77-81.
5. Ковтун, И. В., Русакова, И. Д. Тутальская писаница / И. В. Ковтун, И. Д. Русакова // Теория и практика археологических исследований. - Барнаул: Изд-во АГУ, 2013. - №1 (7). - С. 5-32.
6. Ковтун, И. В., Русакова, И. Д. Рогатые лоси томских писаниц / И. В. Ковтун, И. Д. Русакова // Вестник Кемеровского государственного университета. - Т. 1. - Кемерово, 2014. - № 4. - С. 39-43.
7. Мартынова, Г. С., Покровская, А. Ф. Исследователи Томской писаницы / Г.С. Мартынова, А. Ф. Покровская. - Кемерово: «Фирма Полиграф», 2000. - 68 с.
8. Миклашевич, Е. А. К изучению техники нанесения изображений Томской писаницы / Е. А. Миклашевич // Историко-культурное наследие Кузбасса. - Кемерово, 2011. - Вып. III. - С. 132-155.
9. Миклашевич, Е. А., Ожередов, Ю. И. Фотографии сибирских писаниц в наследии А. В. Адрианова / Е. А. Миклашевич, Ю. И. Ожередов // Тропюю тысячелетий. - Кемерово, 2008. - С. 156-187.
10. Овчинников, Н. О «писаных» камнях в Томском уезде / Н. О. Овчинников // Алтайский сборник. - Барнаул: Издание Алтайского Под-Отдела Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического общества, 1910. - С. 1-6.
11. Ожередов, Ю. И. Томская писаница унтер-шихмейстера Ивана Смирнова / Ю. И. Ожередов // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. - Кемерово, 2011. - Т. 1. - С. 77-91.
12. Ожередов, Ю. И., Ковтун, И. В. «Описание камня называемого Писаного» Ивана Смирнова / Ю. И. Ожередов, И. В. Ковтун // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. - Томск, 2010. - С. 226-229.
13. Ожередов, Ю. И., Миклашевич, Е. А. Томская писаница на фотографиях начала XX в. из Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета / Ю. И. Ожередов, Е. А. Миклашевич // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. - Кемерово, 2011. -Т. 1. - С. 102-110.
14. Окладников, А. П., Мартынов, А. И. Сокровища томских писаниц / А. П. Окладников, А. И. Мартынов. - М.: Искусство, 1972. - 255 с.
15. Русакова, И. Д. Томская писаница: некоторые выводы об изменениях, которым подвергались петроглифы памятника во времени / И. Д. Русакова // Археология Южной Сибири. Сборник научных трудов, посвященный 80-летию со дня рождения Анатолия Ивановича Мартынова. - Кемерово, 2012. - Вып. 26. - С. 109-115.

References

1. Otchet po dogovoru № 40/05 ot 01 iyunya 2005 goda s muzeem-zapovednikom «Tomskaya Pisanitsa». Chast' 1. Konservatsionnye raboty na pamyatnike naskal'nogo iskusstva Tomskaya pisanitsa. [Report on agreement № 40/05 from June 1, 2005 with Museum-reserve «Tomskaya Pisanitsa». Part 1. Conservation work on the monument of rock art Tomskaya pisanitsa]. Gosudarstvennyy nauchno-issledovatel'skiy institute restavratsii. [State research Institute of restoration]. - Moskva, 2005. (In Russ.).
2. Kovtun, I. V. Pis'magora (Istoriya otkrytiya i issledovaniy: 1630-1956 gg.) [Pis'magora (The history of discovery and researches: 1630-1956)]. - Kemerovo: publisher Aziya-Print. - 2013. - 159 p. (In Russ.)

Рис. 1. Прорисовка петроглифов плоскости 8. 2013-2015 гг.

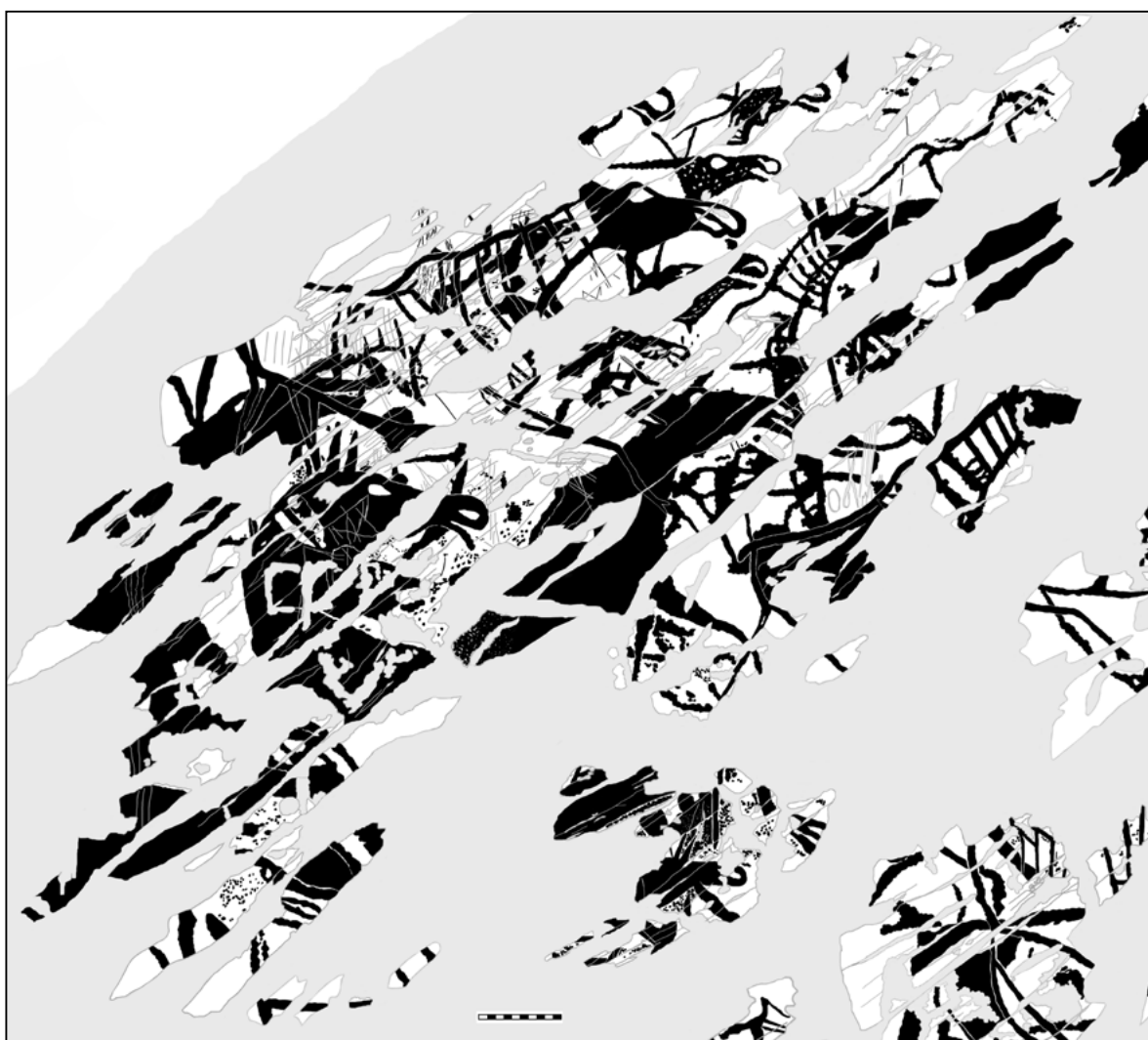

Рис. 2. Левая верхняя часть плоскости 8 Томской писаницы. Прорисовка 2013-2015 гг.

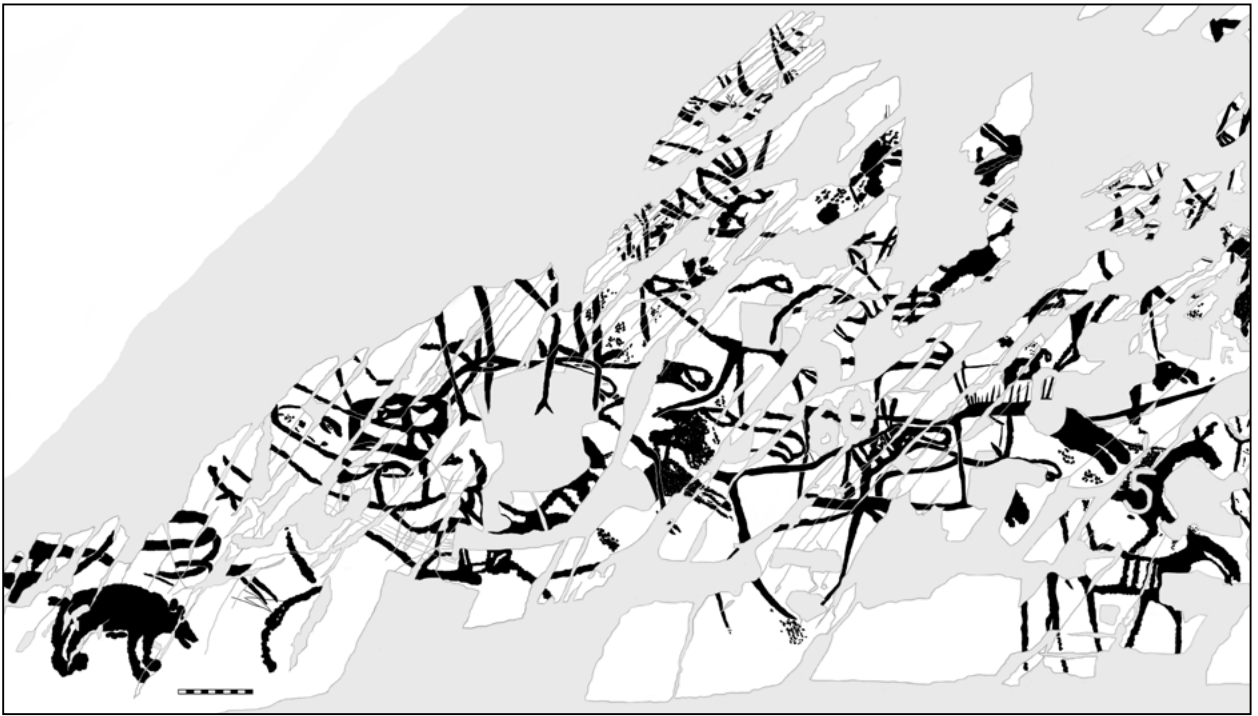

Рис. 3. Левая нижняя часть плоскости 8 Томской писаницы. Прорисовка 2013-2015 гг.

Рис. 4. Правая верхняя часть плоскости 8 Томской писаницы. Прорисовка 2013-2015 гг.

Рис. 5. Правая нижняя часть плоскости 8 Томской писаницы. Прорисовка 2013 – 2015 гг.

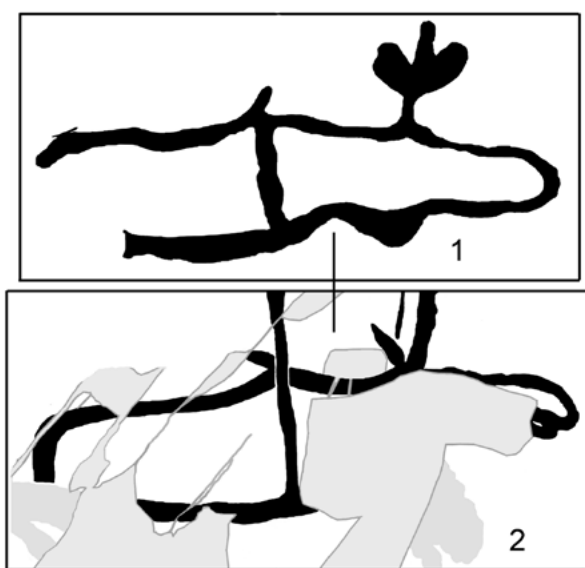

Рис. 6. Прорисовки изображения лося: 1 – по Окладникову А.П., Мартынову А.И., рис. 200; 2 – прорисовка 2013-2015 гг.

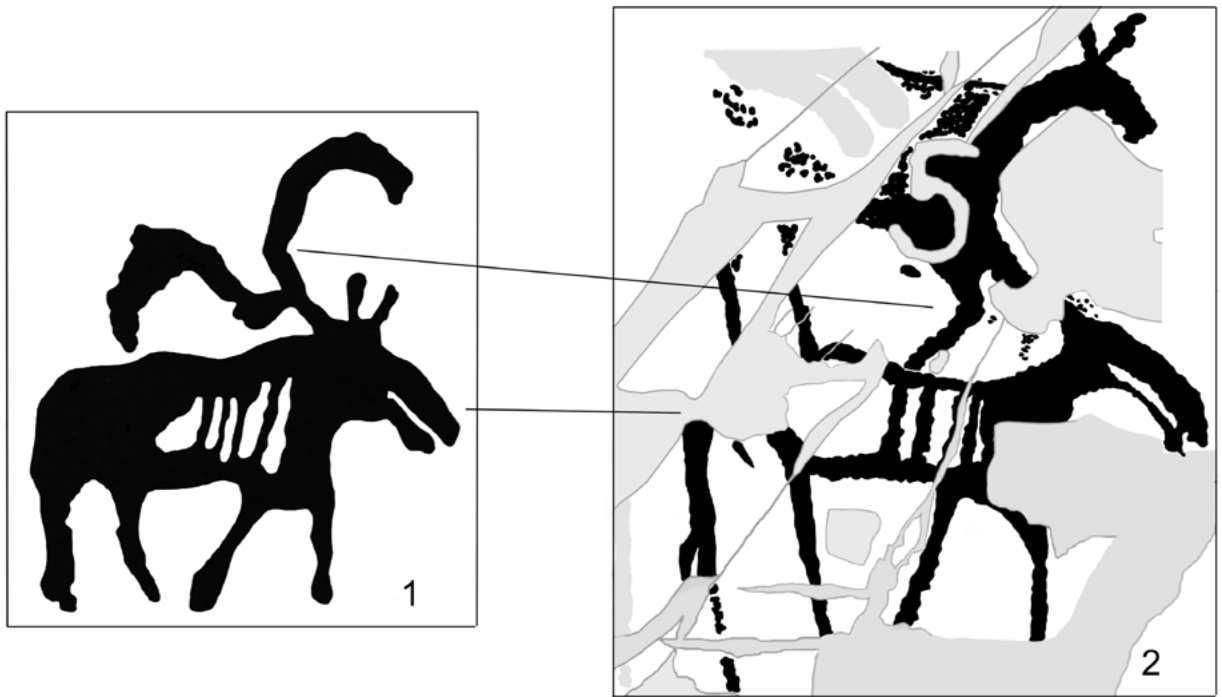

Рис. 7.1 – прорисовка 1964 г. (по Окладникову А.П., Мартынову А.И., рис. 202);
2 – прорисовка 2013-2015 гг.

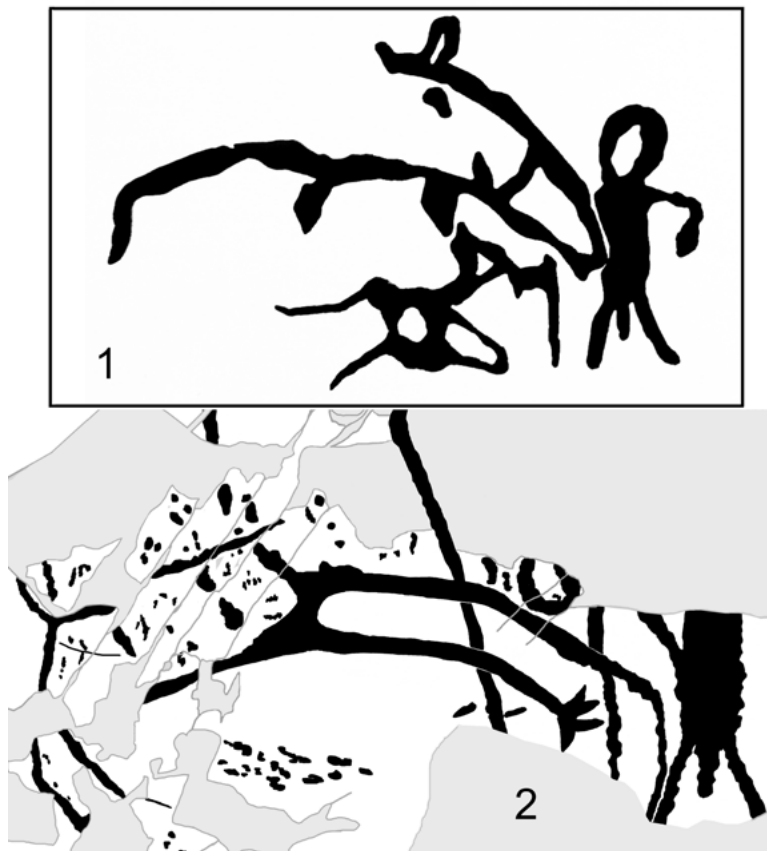

Рис. 8.1 – прорисовка 1964 г. (по Окладникову А.П., Мартынову А.И., рис. 204, 205);
2 – прорисовка 2013-2015 гг.

Рис. 9.1 – прорисовка 1964 г.
(по Окладникову А.П., Мартынову А.И.,
рис.212 – 214); 2 – прорисовка 2013-2015 гг.

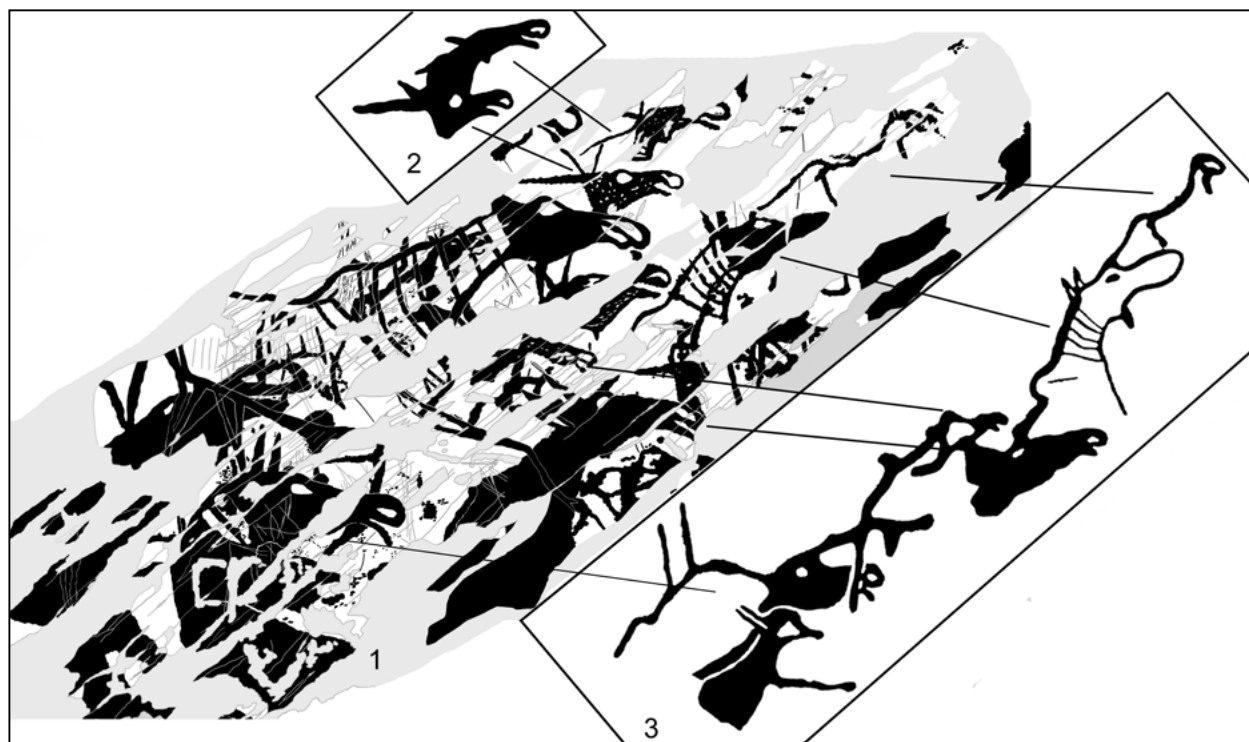
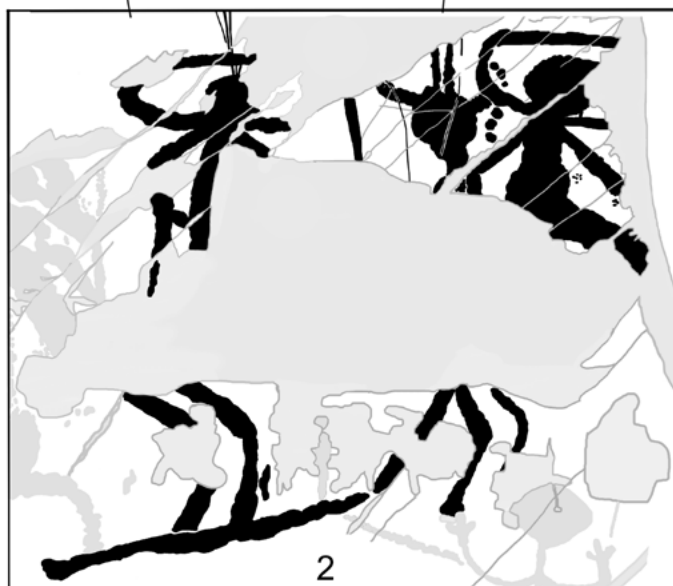

Рис. 10.1 – прорисовка фрагмента плоскости 2013-2015 гг.;
2; 3 – прорисовки 1964 г. (по Окладникову А.П., Мартынову А.И., рис.226-230).

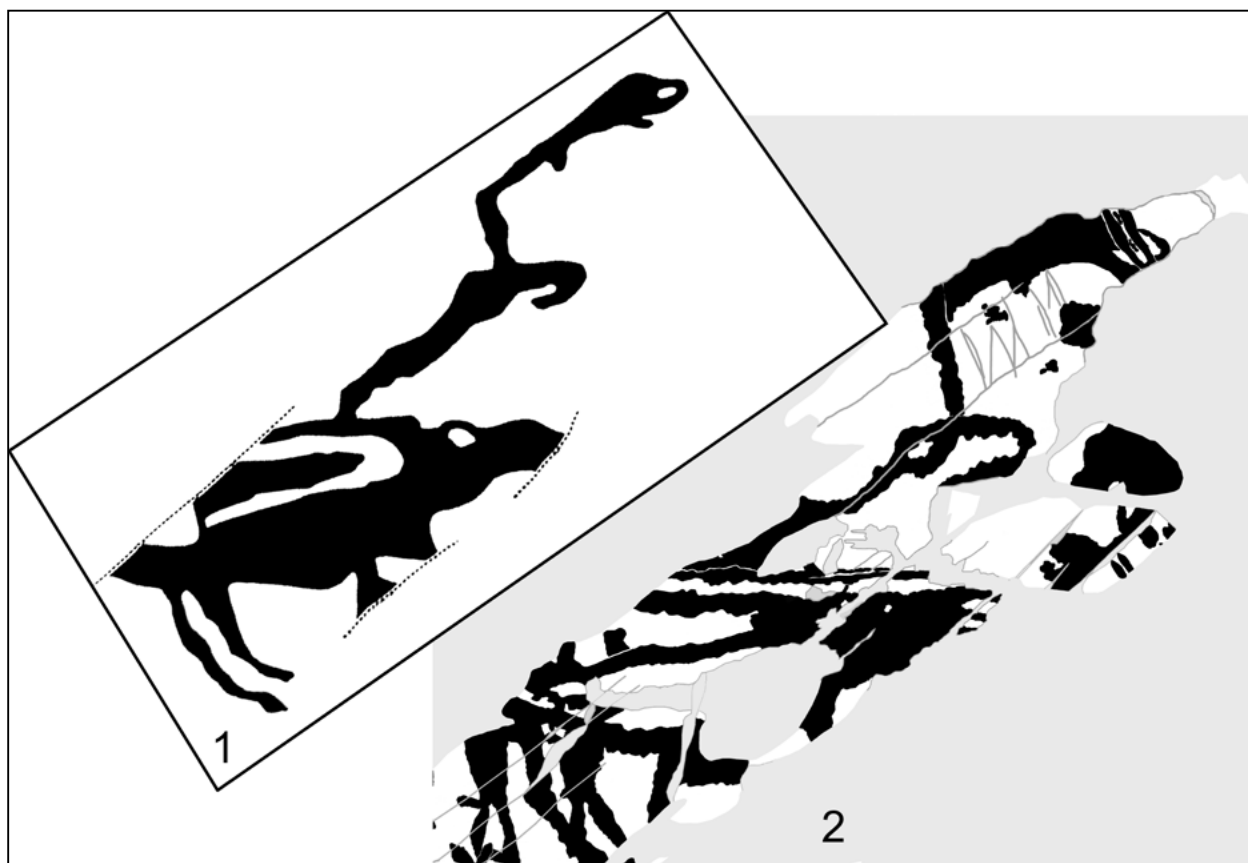

Рис. 11.1 – прорисовка 1964 г. (по Окладникову А.П., Мартынову А.И., рис.237);
2 – прорисовка 2013-2015 гг.

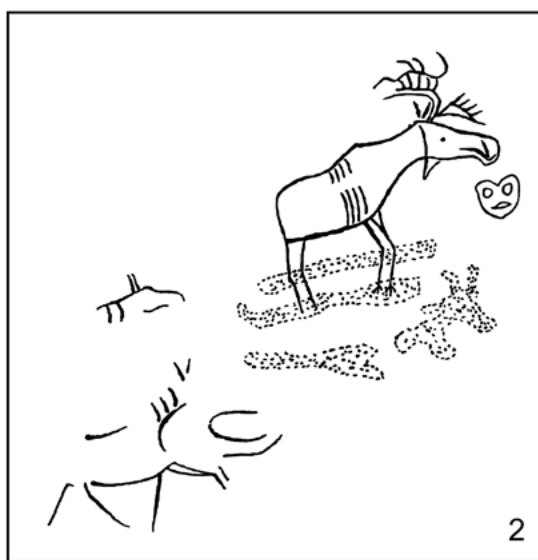

Рис. 12.1 – прорисовка петроглифов с фотографии начала XX века;
2 – прорисовка с фотографии Н. Я. Овчинникова.

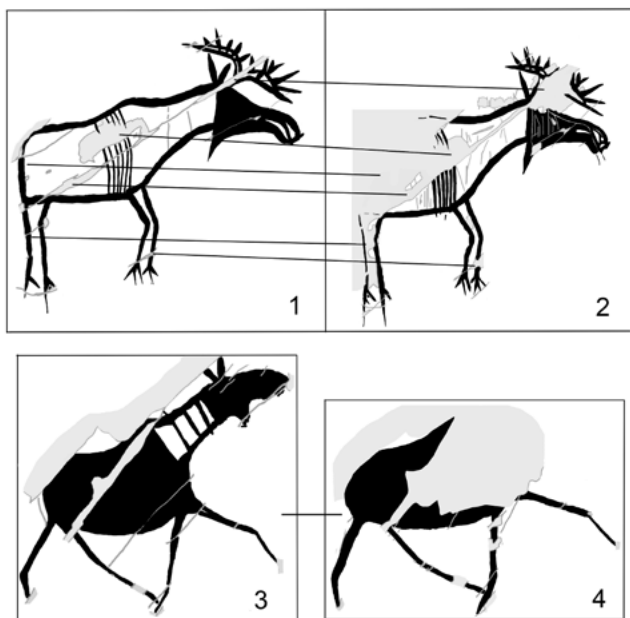

Рис. 13.1 – прорисовка изображения лося с фотографии начала XX века; 2 – прорисовка 2013 – 2015 гг.; 3 – прорисовка изображения лося с фотографии начала XX века; 4 – прорисовка 2013-2015 гг.

Рис. 14.1 – фрагмент прорисовки 2013-2015 гг.; 2 – фрагмент прорисовки с фотографии начала XX века.

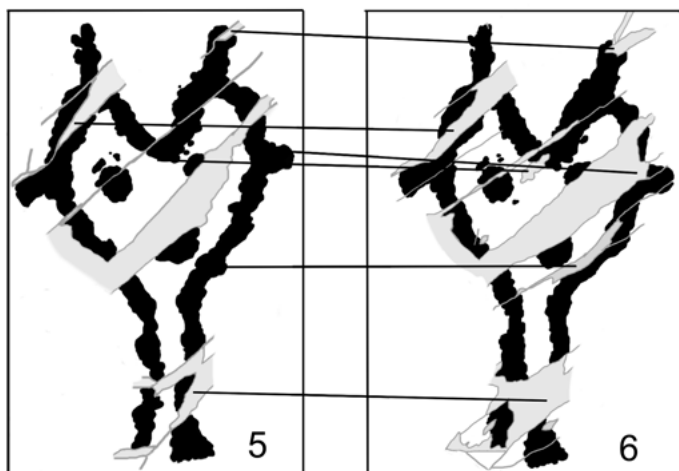
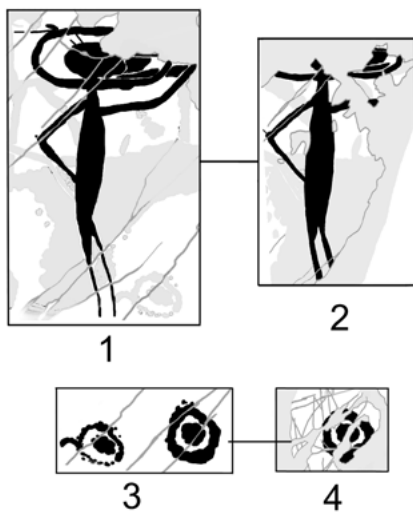

Рис. 15.1 – прорисовка антропоморфной фигуры с фотографии начала XX века; 2 – прорисовка 2013-2015 гг.; 3 – прорисовка неоконтурной личины (?) с фотографии начала XX века; 4 – прорисовка 2013-2015 гг.; 5 – прорисовка личины «на ножках» с фотографии начала XX века; 6 – прорисовка 2013-2015 гг.

3. Kovtun, I. V. Shepot dukhov (Etnolingvo kul'turnye ocherki mifologii tomskikh pisanits). [Whispering spirits (Ethnolinguistically essays on the mythology of Tomsk petroglyphs)]. - Kemerovo: publisher Aziya-Print. - 2014. - 171 p. (InRuss.).
4. Kovtun, I.V., Rusakova, I. D. Risunok Tomskoy pisanitsy I. Kh. Berkghana. [I. Kh. Berkghan's picture of Tomskaya pisanitsa]. Materialy nauchnoy sessii Instituta ekologii cheloveka SO RAN. [Materials of the scientific session of the Institute of human ecology of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences]. - Kemerovo, 2012. - no. 4. - pp. 77-81. (InRuss.).
5. Kovtun, I. V., Rusakova, I. D. Tural'skaya pisanitsa [Tural'skaya pisanitsa]. Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy [Theory and practice of archaeological researches]. - Barnaul: publisher of Altai state University. - 2013. - no 1. (7). - pp. 5-32.
6. Kovtun, I. V., Rusakova, I. D. Rogatyie losi tomskikh pisanits [Horny elks of Tom' river's Rock art sites]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. [Bulletin of Kemerovo state University]. - Kemerovo. - Vol. 1. - N 4. - pp. 39-43. (InRuss.).
7. Martynova, G. S., Pokrovskaya, A. F. Issledovateli Tomskoy pisanitsy [Researchers of Tomskaya Pisanitsa]. - Kemerovo: publisher «Firma Poligraf». - 2000. - 68 p. (In Russ.).
8. Miklashevich, E. A. K izucheniyu tekhniki naneseniya izobrazheniy Tomskoy pisanitsy [To investigation of drawing's technique of Tomskaya Pisanitsa images] Istoriko-kul'turnoe nasledie Kuzbassa [Historical and cultural heritage of Kuzbass]. - Kemerovo, 2011. - no. III. - pp. 132-155. (In Russ.).
9. Miklashevich, E. A., Ozheredov, Yu. I. Fotografii sibirskikh pisanits v nasledii A.V. Adrianova. [Photos Siberian petroglyphs in the legacy of A. V. Adrianov]. Tropoyu tysyacheletiy. [On trail of millennia]. - Kemerovo, 2008. - pp. 156-187. (In Russ.).
10. Ovchinnikov, N. O «pisanykh» kamnyakh v Tomskom uезде. [About «painted» rocks in the Tomsk district]. Altayskiy sbornik. [Altai miscellany]. - Barnaul: publication of the Altai sub-Division West Siberian division of Imperial Russian Geographical society. - 1910. - pp. 1-6. (In Russ.).
11. Ozheredov, Yu. I. Tomskaya pisanitsa untyer-shikhmeystera Ivana Smirnova. Naskal'noe iskusstvo v sovremennom obshchestve. K 290-letiyu nauchnogo otkrytiya Tomskoy pisanitsy. [Rock art in modern society. On 290th anniversary of discovery of Tomskaya Pisanitsa]. - Kemerovo. - 2011. - Vol. 1. - pp. 77-91. (In Russ.).
12. Ozheredov, Yu. I., Kovtun, I. V. «Opisanie kamnya nazyvaemogo Pisanogo» Ivana Smirnova. [Description of rock called «painted» of Ivan Smirnov]. Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy [Culture as a system in historical context: the Experience of West-Siberian archaeological and ethnographic meetings]. - Tomsk, 2010. - pp. 226-229. (In Russ.).
13. Ozheredov, Yu. I., Miklashevich, E. A. Tomskaya pisanitsa na fotografiyakh nachala XX v. iz Muzeya arkheologii i etnografii Sibiri Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. [Tomskaya pisanitsa on the photographs of the early twentieth century from the Museum of archaeology and Ethnography of Siberia at Tomsk state University]. Naskal'noe iskusstvo v sovremennom obshchestve. K 290-letiyu nauchnogo otkrytiya Tomskoy pisanitsy. [Rock art in modern society. On 290th anniversary of discovery of Tomskaya Pisanitsa]. - Kemerovo, 2011. - Vol. 1. pp. 102-110. (In Russ.).
14. Okladnikov, A. P., Martynov, A. I. Sokrovishcha tomskikh pisanits. [Treasures of Tom' petroglyphs]. - M.: publisher Art. - 1972. - 255 p. (In Russ.).
15. Rusakova, I. D. Tomskaya pisanitsa: nekotorye vyvody ob izmeneniyakh, kotorym podvergalis' petroglify pamyatnika vo vremeni. [Tomskaya pisanitsa: some conclusions about the changes of the petroglyphs of monument by which they experienced in time]. Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri. Sbornik nauchnykh trudov, posvyashchenny 80-letiyu so dnyarozhdeniya Anatoliya Ivanovicha Martynova. [Archeology of southern Siberia. Miscellany of scientific works, devoted to the 80 anniversary since the birth of Anatoly Ivanovich Martynov]. - Kemerovo, 2012. - Vol. 26. - pp. 109-115. (In Russ.).

УДК 902/904

НОВЫЕ ПЕТРОГЛИФЫ ТЕПСЕЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2012–2015 ГГ.)

Советова Ольга Сергеевна, д.и.н.

профессор кафедры археологии, Кемеровский государственный университет, президент Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства (САИПИ) (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: olgasovetova@yandex.ru

Аболонкова Ирина Васильевна,

аспирант кафедры археологии, Кемеровский государственный университет, член САИПИ (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: abolonirina@mail.ru

Талягина Мария Александровна,

магистрант 1-го года обучения, Кемеровский государственный университет, член САИПИ (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: talyagina.maria@yandex.ru

Шишкина Ольга Олеговна,

студентка 4-го курса, Кемеровский государственный университет, член САИПИ (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: haruki.yoko@yandex.ru

Авторы статьи обращаются к результатам исследований 2012–2015 гг. петроглифов Тепсейского археологического микрорайона. Тщательные ежегодные разведки, расчистка плоскостей от лишайников, применение современных возможностей фотодокументирования позволили выявить значительное количество ранее неизвестных изображений в разных пунктах памятника: на Тепсее I, II, III, V. Выявлены новые пункты изображений: на горном хребте, у основания которого расположена древняя каменоломня, между пунктами I и II, в правой части Волчьего лога и др., а также исследованы изображения на плитах оград тагарских курганов, расположенных у подножия горы. Обнаружены совершенно новые сюжеты и образы, в том числе с конями (среди них «господин коней») и всадниками, роженица, лодки и др. Техника нанесения изображений также различная: выбивка, выбивка с элементами шлифовывания, гравировка. Хронологически новые петроглифы разнообразны: наиболее ранние выполнены в минусинском стиле, поздние относятся к этнографическому времени. Таким образом, были расширены представления не только об уже известных петроглифах, но и о масштабах этого памятника наскального искусства в целом.

Ключевые слова: петроглифы, Минусинская котловина, Тепсейский археологический микрорайон.

NEW PETROGLYPHS ON TEPSEY (RESULTS OF THE 2012–2015)

Sovetova Olga Sergeevna,

Doctor of History, Professor at the Department of Archaeology, Kemerovo State University. President of SAPAR (Siberian Association of Pre-Historic Art Researchers) (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: olgasovetova@yandex.ru

Abolonkova Irina Vasilievna,

post-graduate student at the Department of Archaeology, Kemerovo State University. Member of SAPAR (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: abolonirina@mail.ru

Talyagina Marya Aleksandrovna,

Master's Degree student at the Department of Archaeology, Kemerovo State University. Member of SAPAR (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: talyagina.maria@yandex.ru

Shishkina Olga Olegovna,

student 4th year, Kemerovo State University. Member of SAPAR (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: haruki.yoko@yandex.ru

The authors refer to the results of research 2012–2015 years of petroglyphs of Tepsey archaeological micro-region. Annual reconnaissance, clearing the plans from lichen, inclusion in the scope of the study petroglyphs on the rocks of Tagar mounds (kurgans) under the mountain Tepsey and application methods photo documentation are revealed a lot of new pictures at several of the monument: Tepsey I, II, III, V and we found new items with petroglyphs. The petroglyphic images in Tepsey are varied: plots with horses and chariots (among them is the story with “horse’s lord”), a woman in labor, “sun-characters”, boats etc. The earliest petroglyphs were depicted in the Minusinsk style, the latest – to ethnographic time. The petroglyphs were made by various techniques. Analysis of new images discovers the new sides of this archeological complex.

Keywords: Tepsey archaeological micro-region, petroglyphs, Minusinsk Basin.

Археологические объекты Тепсейского археологического микрорайона (могильники, поселения, петроглифы) интересуют археологов уже на протяжении более пятидесяти лет. При создании здесь ложа будущего Красноярского водохранилища раскопки на надпойменной террасе под горой Тепсей проводились в 1960–70-хх гг. сотрудниками Красноярской экспедиции ЛОИА АН СССР, под руководством М.П. Грязнова [4, с. 3–6]. Ими были получены многочисленные разновременные материалы – великолепные таштыкские плакетки с гравированными рисунками, металлические, костяные и деревянные предметы, знаменитые погребальные маски, керамика и др. В те же годы отдельное внимание было уделено наскальным рисункам, которыми занимался Каменский отряд Красноярской АЭ под руководством Я.А. Шера [27, с. 145–147]. Эти исследования позволили получить представление об огромном массиве рисунков, расположенных в логах и на разных ярусах горы, как со стороны Енисея, так и Тубы. Позднее часть этих рисунков была опубликована, в том числе и во французском издании [28]. Позднее здесь работали специалисты из Кемерова [20], помимо изучения петроглифов, на протяжении ряда лет проводившие мониторинг за состоянием рисунков, находящихся в зоне затопления [7, с. 28–29; рис. 15; 16], а также исследователи из Красноярска [29, р. 118–155], Абакана, Минусинска, Санкт-Петербурга и других научных центров. Так, С.В. Панковой была открыта, скопирована и опубликована гравированная сцена таштыкского времени из пункта Тепсей II [9]. Д. Г. Савинов, а позднее Е.А. Миклашевич опубликовали несколько рисунков с одного из курганных камней из пункта Т VII [13, рис. 2–1; 6, рис. 2: 2]. Несколько изображений, обнаруженных в могильниках, были введены в научный оборот Н.В. Боковенко и Э.Б. Вадецкой [1, рис. 2: 3; 3, рис. 1]. Таким образом, изобразительные источники гармонично дополняли представления по истории края, полученные в результате раскопок. Тем не менее, картина получалась несколько однобокой: основное внимание уделялось рисункам, которые были известны по сообщениям А.В. Адрианова, и, главным образом, тем, что входили в зону затопления, а также наиболее выразительным и доступным из других пунктов. Т.е. цельного представления о петроглифах так получено и не было. В последние годы кемеровские археологи продол-

жили начатые здесь в 1980-х гг. исследования и на протяжении 2012–2015 гг. проводили планомерную работу по документированию объектов наскального искусства Тепсея, существенно дополнили общее впечатление о памятнике. Прежде всего, разведки показали (Приносим искреннюю благодарность за многолетнюю бескорыстную помощь бывшим магистрантам кафедры археологии - магистрам истории П. Коренькову, Е. Сатиной, А. Юрченко, Ю. Ладыгиной, Э. Исмаиловой, И. Кузьмину, а также студентам-практикантам ФИиМО 2012-15 гг.), что петроглифы находятся не только в прибрежной части горы (с Енисейской, и Тубинской стороны), как на затопленных в настоящее время плоскостях, выявляемых при низком уровне воды в водохранилище, на самых высоких ярусах на всем протяжении от Енисейской до Тубинской стороны, но и на отдельных каменных выходах внутренних логов. С другой стороны, стало очевидно, что отдельного внимания заслуживают изображения на плитах оград тагарских курганов, расположенных у подножия горы. О наличии рисунков на камнях могильных конструкций упоминал еще М.П. Грязнов [4, с. 145–146], но систематическое исследование их было проведено только в последние годы [18, 23].

Тщательные ежегодные разведки, расчистка плоскостей от лишайников, включение в сферу исследования рисунков на камнях и плитах тагарских курганов, а также применение современных возможностей фотодокументирования позволили выявить значительное количество ранее неизвестных изображений в разных пунктах памятника, расширивших имеющиеся представления не только о сюжетах, образах, хронологии и технике нанесения рисунков, но и о масштабах этого памятника наскального искусства в целом.

1. В результате разведок были обнаружены как единичные плоскости с изображениями, так и новые скопления рисунков, неизвестные нам по публикациям или по исследованиям предшествующих лет. Так, в 2015 г. четыре новые плоскости были выявлены на горном хребте, у основания которого расположена древняя каменоломня. В основном здесь изображены зооморфные существа, но есть и несколько всадников (всадники – один из излюбленных мотивов петроглифов Тепсея). Все рисунки выполнены в технике выбивки. Животные показаны с двумя или четырьмя ногами,

длинным хвостом и длинными ушами. Следует отметить, что подходы к этим плоскостям (и их документирование) очень затруднены. Хронологическая атрибуция рисунков еще не завершена, но поскольку это местонахождение открывает новые перспективы для исследования, работа здесь будет продолжена.

Полной неожиданностью было открытие новых петроглифов в, казалось бы, хорошо обследованном Волчьем логу (Тепсей II) (нумерация пунктов по Я.А. Шеру) [15; 19; 21] в 2014 г. на правой стороне которого было выявлено новое скопление плоскостей с выбитыми и гравированными рисунками (около десяти). Среди них особого внимания заслуживает изображение оленя, выполненного в скифо-сибирском стиле (рис. 1). Уникальность изображению придает то, что из крупа оленя как бы «вырастает» голова другого оленя с почти вертикально поставленным изящным рогом [24, с. 85]. Здесь же обнаружены зооморфные изображения карасукского времени. На одной из плоскостей рисунки выбивались, очевидно, на протяжении длительного времени, т.к. помимо антропоморфного персонажа с каким-то предметом в руке типа шеста с раздвоенным наверху концом и изображением дерева (?), выполненных грубой выбивкой, более изящной в таштыкской манере выполнены фигуры коня и всадника. Здесь же имеются многочисленные гравированные линии. На отдельной горизонтальной плоскости найдено изображение птицы (куропатки?), выполненное мелкой точечной выбивкой. Прежде подобных изображений нам не встречалось, главным образом для наскального искусства Минусинской котловины характерны изображения хищных птиц и профильные изображения дроф.

И на левой стороне Волчьего лога (Т II), где находится основное скопление рисунков, на разных грядах и разных ярусах также выявлены еще не публиковавшиеся никем рисунки – выбитые и гравированные. Среди них: сцена с «роженицей», фигурой быка, расположенного вертикально, головой вверх, и, возможно, перевернутой лодки с пассажирами (?) [5, с. 295] (рис. 2). (Очевидно, эта плоскость была известна Я.А. Шеру, однако в публикацию его материалов из этой сцены попала только фигура быка (возможно из-за плотного темного лишайника, покрывавшего изображения). [28, рл. 17: 23.1].

Примечательна также сцена с «быками», расположенная на третьей гряде Волчьего лога, у одного из которых любопытный хвост хищника – удлинненный и закрученный на конце (рис. 3). По манере изображения он напоминает «кошек» известного Тепсейского фриза [12]. На этой плоскости имеется редкий для данного памятника палимпсест – изображение всадника на коне, изображенного в таштыкском стиле – с подогну-

той ногой, что указывает на доташтыкское время нанесения основной части изображений.

В разных частях Тепсея, в том числе и в пункте ТII зафиксированы многочисленные изображения всадников, среди которых выделяется мастерски выполненный рисунок, пополняющий серию всадников, выполненных в аналогичной манере, обнаруженных на соседних местонахождениях – на Усть-Тубе, Лынищенской писанице, на юго-западном склоне горы Моисеиха, Оглахтах [8, с. 42–50, табл. I, II, рис. 2, 3, 12] (рис. 4). Фигура реалистична, детализирована, тщательно технически проработана, но, к сожалению, ее сохранность оставляет желать лучшего. Вопрос о датировке этой серии всадников остается открытым.

Впечатляющие результаты дали исследования, проведенные в разные полевые сезоны в пункте Тепсей I. Работа здесь проводится совместно с А.Н. Мухаревой [16], где также выявлены неизвестные ранее изображения и композиции, отсутствующие в публикациях Я.А. Шера: среди них фигуры животных, в том числе выразительные ранние изображения быков, лодки и др. Судьба одной из выявленных плоскостей с изображениями оказалась печальной (в публикации Я.А. Шера она приведена фрагментарно): в 2012 г. она была расчищена от камней и слоя земли, скрывавших основную часть изображений, отмыта от копоти (под ней рыбаки разводили костер) [16, рис. VIII], а затем закрыта от посторонних глаз каменными плитками. Но в 2015 г. при повторном осмотре выяснилось, что подход к ней закрыт – она оказалась замурована обрушившимися сверху огромными камнями.

Из новых пунктов можно назвать также небольшое скопление рисунков, расположенных между пунктами ТI и ТII ниже установленного современного деревянного креста. Здесь зафиксированы парциальное изображение лося и лодки, относящиеся к серии наиболее ранних изображений Тепсея.

На протяжении ряда лет также проводятся разведки ярусов в тех пунктах, которые у Я.А. Шера обозначены как Т III и Т IV. Здесь были зафиксированы наряду с известными и опубликованными изображениями и новые, в частности, изображения всадников, антропоморфные фигуры, знаки и тамги. Выявлены сцены с антропоморфными фигурами, с всадниками, зооморфными изображениями, знаками и др. Хронологический диапазон – от эпохи бронзы до этнографического времени.

Продолжаются поиски рисунков в самых высоких точках горы на всем протяжении от Енисея до Тубы. Там зафиксировано большое количество изображений, главным образом выбитых – среди них имеются ранние изображения, выполненные в минусинском стиле, тагарские человечки, этнографические кони, тамги и др. (рис. 5).

2. На протяжении ряда полевых сезонов проводится крупномасштабная расчистка плоскостей от лишайников, что позволило совершенно по-новому «увидеть» памятник [15]. Были «открыты» десятки плоскостей, на которых выявлены целые серии новых изображений, что позволяет пересмотреть и оценить как репертуар наскального искусства этого памятника в целом, так и его хронологическую составляющую.

Больше не приходится говорить о пункте ТП как о «бесперспективном» [27, с. 148]. Под слоем лишайников полностью или частично было скрыто огромное количество разнообразных и разновременных изображений. Среди них выразительные многофигурные сцены и одиночные изображения. Так, в непосредственной близости от каменного блока с известными по многочисленным публикациям разновременными рисунками животных, основная часть которых относится, вероятно, к эпохе бронзы [28, pl. 16; 38, Fig. 23a, 24; 20, рис. 2; и др.], на плоскости с положительным уклоном после расчистки толстого слоя лишайника была обнаружена ориентированная вверх непропорциональная фигура животного с небольшой головой, мощным овальным туловищем и перекрещенными передними ногами (бык?), выполненная крупными выбоинами [21, с. 102, рис. 1; 26]. Большой интерес представляют как датировка, так и семантика этого изображения, поскольку подобные фигуры с такой же ориентировкой встречаются и на других памятниках наскального искусства Минусинской котловины.

Интересные открытия ожидали нас и у так называемого «тепсейского фриза» [12]. В результате расчистки соседних от известной по публикациям плоскости с «кошками» каменных блоков, на почти пятнадцатиметровой ленте скальных выходов были выявлены новые изображения, которые позволили по-новому представить размеры и тематику этого фриза [15]. Всего здесь было зафиксировано 11 плоскостей по большей части с батальными сценами, причем противостоящие друг другу воины с оружием в руках изображены по-разному: одни худощавыми, другие толстыми. Здесь же выявлена сцена с персонажем удлиненных пропорций, ведущим табун коней («проводник» в иной мир?) [21, рис. 2]. Такое внимание к плоскостям, затянутым лишайником, расположенным по соседству с известными сценами, позволил нам выявить и серии новых рисунков на уже фиксированных ранее блоках, в частности, выявив и дополнив коллекцию сцен с конями, выполненными на Тепсее в особой манере: с узкой мордой, стоящими удлиненными ушами, с коробообразным корпусом при отсутствии талии, дугообразным хвостом. Нередко рядом с такими конями располагается антропоморфный персонаж, ведущий коня в поводу (вероятно, «господин коней», по Я.А. Шеру).

Расчистка позволила также пополнить серию изображений, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле, главным образом оленей.

К уникальным можно отнести расчищенную композицию со спиралями необычными антропоморфными персонажами, змеями, быком, относящуюся, вероятно, к эпохе бронзы.

В пункте TV с известной в литературе композицией с «великанами» [22, с. 173] были также найдены новые рисунки. Самой большой удачей можно считать выявленное справа от этой плоскости на отдельной грани под толстым слоем лишайника еще одной фигуры воина с булавой в руках и с «султаном» на голове. Очевидно, и на других гранях могли быть аналогичные рисунки, но, к сожалению, сохранность их очень плохая, хотя дальнейшая расчистка, возможно, может оказаться продуктивной.

3. Различные приемы фотофиксации и пост-обработки материалов (ночная фотосъемка, панорамная съемка, особенно актуальная для гравировок, метод пигментных карт и др.) также помогли обнаружить некоторые рисунки, а также уточнить детали ранее опубликованных петроглифов. Так, при обработке фотографий пункта Тепсей I по методу пигментных карт [25, с. 80-81] было выявлено красочное изображение быка. Перспективным оказался данный метод и при обработке фотографий плоскостей сплошь покрытых кальцитом. В пункте Тепсей II под слоем кальцита были обнаружены гравированные изображения животных.

4. Значительный пласт изображений удалось выявить благодаря тщательным многократным осмотрам скальных выходов в разное время суток, при разном освещении, благодаря чему значительно расширен пласт гравированных изображений Тепсея, фотодокументирование которых происходило как при наиболее комфортном солнечном свете, так и с использованием фотовспышки. Таким образом, открылся совершенно новый пласт рисунков, существенно изменивший наши представления о репертуаре наскального искусства Тепсея: выявлены уникальные гравированные изображения лыжника, антропоморфного персонажа в лодке, фигуры животных и др., а также зафиксированы гравированные детали у персонажей, выполненных в технике выбивки. К сожалению, нередко гравированные линии не складываются в конкретные фигуры.

5. С 2013 г. мы приступили также к документированию петроглифов на курганных камнях могильного поля под горой, существенно дополнив картину об изобразительном искусстве Тепсейского археологического района в целом. Здесь были применены те же методы исследования: разведки, расчистка камней от лишайников, фотодокументирование и др. В результате было индексировано около 60-ти камней с рисунками. В ходе разведок выявлены рисунки как на

отдельных плитах, зафиксированных в местах проводившихся здесь Красноярской и другими экспедициями раскопок (выброшенных из могил), так и на гранях курганных камней. К сожалению, в настоящее время не всегда удается четко проследить конструкции оград, так как многие камни были перемещены, сейчас сильно задернованы, заросли кустарником, часть просто исчезла в связи с размытием береговой линии или образовавшимися здесь оврагами. К тому же, особенно в пункте Тепсей VII (обозначение пунктов по М.П. Грязнову), где активно проходили археологические работы [4, с. 12], встречается множество отдельно лежащих плит разных размеров, которые вообще не вписываются в определенные конструкции. При низком уровне воды в водохранилище в мае 2015 г. нам удалось зафиксировать несколько камней с остатками выбивки непосредственно на берегу. Остатки конструкций едва выглядывали из-под слоя камней и песка, намывтых водой. Мы предположили, что это они могут относиться к пункту Тепсей I, где было кладбище преимущественно тесинского времени [4, с. 9]. Эти рисунки нигде ранее не фиксировались. А поскольку они сейчас почти полностью закрыты, о количестве и качестве рисунков нам пока практически неизвестно, за исключением одного из обнажившихся камней с изображениями дуг и других плохо читаемых фигур.

Множество камней на курганном поле было покрыто лишайником, некоторые почти полностью. Нами расчищено 38 из них. В результате расчистки «открылись» антропоморфные изображения, фигуры животных, тамги и множество гравировок. Следует отметить, что нередко особенно верхняя часть камня бывает фактически «съедена» лишайником, отчего изображения сильно повреждены и едва прослеживаются.

Уникальной находкой 2013 г. является отдельно лежащая плита (114 x 86 см) из пункта Тепсей VII, которая была полностью покрыта лишайником, изображения на ней не просматривались. После расчистки проявились выполненные очень слабой поверхностной выбивкой и затем частично шлифованные антропоморфные фигуры с «султанами» на головах, в сочетании с другими плохо выявляемыми абстрактными изображениями (плита, очевидно, относится к тесинскому времени). Из какого она кургана, нам выяснить пока не удалось.

Изображения на многих камнях нередко «уходят под землю», поэтому требуется дополнительная расчистка. Например, нам удалось полностью выявить изображения на камне в пункте Тепсей VIII, на котором многочисленные антропоморфные фигуры, расположенные хаотично, переплетаются друг с другом и с абстрактными фигурами, образуя некий «лабиринт» [18, рис. 2]. Подобные мотивы

были выявлены Д.Г. Савиновым при раскопках могильника тесинского времени Есино [14, с. 6-10].

Также из-под слоя земли и камней была извлечена массивная плита в пункте Тепсей XVI (тесинский склеп, по М.Н. Пшеницыной [11, с. 274-275]), вероятно, переиспользованная в тесинское время – взятая из близлежащего кургана подгорновского этапа тагарской культуры и разрушенного при сооружении склепа [4, с. 274-275]. На этой плите выявлены фигуры двух «клетчатых» коней [18, рис. 1], выполненных в той же манере, что и кони на скалах соседнего местонахождения Оглахты [17, рис. 12-15; табл. 8]. На разные грани этой плиты грубой и более изящной выбивкой, гравировкой нанесены изображения антропоморфных фигур, животных, знаков. В разное время в этом же пункте нами было выявлено 16 плит с рисунками (тогда как М.Н. Пшеницыной – 8; Б.Н. Пяткиным и Т.В. Николаевой – 9), что позволило получить практически полное представление о рисунках, нанесенных на камни тесинского склепа в разные исторические эпохи.

При документировании рисунков на камнях также использовалась цифровая съемка. С ее помощью удалось выявить многие невидимые простым глазом детали изображений. Так, в пункте Тепсей VIII, на известном по публикациям Д.Г. Савинова [13, рис. 2] и Е.А. Миклашевич камне [6, рис. 2:2], рисунки с двух граней которого ими были зафиксированы, обнаружены новые изображения на двух других гранях, чрезвычайно выветренные и практически не видимые глазом. Ночная фотосъемка позволила выявить фигуры всадника и лучников, оленей, дрофы и др.

Отдельное внимание уделялось гравированным изображениям, среди которых была исследована уникальная композиция с бегущими животными из пункта Тепсей VIII, среди которых реалистично выполненные медведь (?), кабан (?), бык и другие персонажи. В 2015 г. в нижней части камня удалось зафиксировать изображение животного в характерной для таштыкского искусства манере, что позволяет ставить вопрос о датировке всей сцены этой эпохой. Отметим, что хищники изображены с когтями и оскалившимися пастьями, что в какой-то степени сближает их с хищниками с таштыкских плакеток [4, с. 99, рис. 59], а фигура быка находит аналогии среди изображений на курганных камнях у с. Подкамень [10, рис. 15].

Исследования показали, что на камнях тагарских курганов рисунки наносились в хронологическом диапазоне от тагарской эпохи до этнографического времени. Наиболее популярными были антропоморфные изображения (лучники, всадники и фигуры с султанами на голове, часто без каких-либо сопроводительных предметов), фигуры животных (кони, олени, козлы и др.), тамги. Манера исполнения различна – от тщательно выполненных мелкой точечной выбивкой аккуратных

реалистичных фигур до грубо исполненных изображений, нереалистичных, непропорциональных. Гравировки также разнообразны – это и высокохудожественные, выполненные твердой рукой мастера изображения, либо просто прочерченный каскад линий, не складывающихся в какие-либо фигуры. Выявлено также несколько чрезвычайно заветренных прошлифованных изображений.

Таким образом, проведенные нами в 2012-2015 гг. исследования позволили значительно углубить, а порой и принципиально изменить представления о наскальном искусстве всего Тепсейского археологического микрорайона. Мы отдаем себе отчет в том, что «новое» – понятие относительное. В данном случае, говоря о «новых» рисунках, мы подразумеваем те из них, которые являются новыми для нас – т.е. это и те, которые найдены нами впервые и не обнаруженные по публикациям, а также и те, которые были известны нам раньше, но при современных возможностях документирования «открывшихся» по-новому. Нередко этому способствовала расчистка плоскостей от лишайников, которая порой меняла представления об

известной композиции. Качественная фотосъемка и последующая компьютерная обработка изображений позволили не только выявлять в них новые элементы, но и пересматривать их датировку и семантику. Дополнилась и картина о территории распространения изобразительных источников в рассматриваемом микрорайоне, так как помимо наскальных изображений, в поле зрения попали рисунки на курганных камнях (можно упомянуть также и курганы из Малинового лога, исследование которых продолжается), а также обнаружены новые пункты скопления петроглифов. Все это значительно увеличило численность известных теперь изображений, дополнило картину о репертуаре наскального искусства Тепсейского археологического микрорайона в целом, практический каждый хронологический пласт изображений пополнился новыми сюжетами, персонажами и изобразительными нюансами. Впереди еще много исследовательских задач, поскольку изучение рисунков горы Тепсей – одного из крупнейших памятников наскального искусства Минусинской котловины, – продолжается.

Литература

1. Боковенко, Н. А. К вопросу о датировке некоторых енисейских изображений всадников / Н. А. Боковенко // Скифо-сибирский мир: искусство и идеология. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 75-80.
2. Боковенко, Н. А. Обследование петроглифов на юге Красноярского края / Н. А. Боковенко, Н. В. Леонтьев // Археологические открытия 1983 г. – М.: Наука, 1985. – С. 192.
3. Вадецкая, Э. Б. Антропоморфное изображение на стенке ящика-гробика (по материалам раскопок таштыкского склепа 2 под горой Тепсей) / Э. Б. Вадецкая // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: ТД Всеросс. науч. конф. – Омск, 2000. – С. 15-17.
4. Грязнов, М. П. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / М. П. Грязнов, М. Н. Комарова, М. П. Завитухина, М. П. Пшеницына, Ю. С. Худяков, С. С. Миняев. – Новосибирск: Наука, 1979. – 167 с.
5. Ладыгина, Ю. М. О новом изображении «роженицы» с горы Тепсей / Ю. М. Ладыгина // Современные проблемы древних и традиционных культур народов Евразии: тез. докл. LIV регион. (X Всерос. с междунар. участием) археол.-этногр. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, посвящ. 130-летию открытия палеолита на Афонтовой горе и 100-летию первых раскопок памятников андронов. культуры (Красноярск, 25-28 марта 2014 г.). – Красноярск, 2014. – С. 295-297.
6. Миклашевич, Е. А. Исследование памятников наскального искусства Минусинской котловины в 2012–2013 годах / Е. А. Миклашевич // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии института археологии и этнографии СО РАН 2013 год. – Новосибирск: Изд-во ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 255–259.
7. Миклашевич, Е. А. Исследование наскального искусства Северной и Центральной Азии в 1995–1999 гг. / Е. А. Миклашевич // Труды САИПИ. – Кемерово: «Кузбассвуиздат», 2007. – Вып. 2. – 60 с.
8. Миклашевич, Е. А. Лынищенская писаница / Е. А. Миклашевич // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская. Лынищенская. Улазы III. Сосниха. Труды САИПИ. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. – Вып. X. – С. 28-56.
9. Панкова, С. В. Таштыкские гравировки на Тепсее / С. В. Панкова // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск, 2004. – Вып. 2. – С. 52–60.
10. Панкова, С. В. Изображения на курганных плитах у д. Подкамень на севере Хакасии / С. В. Панкова // Научное обозрение Саяно-Алтая. – Абакан, 2013. – Вып. 1. – С. 125–158.
11. Пшеницына, М. Н. Раскопки памятников тесинского этапа у горы Тепсей на Енисее / М. Н. Пшеницына, Е. Л. Немировская, В. Г. Ефимов // Археологические открытия 1977 года. – М.: Наука, 1978. – С. 274–275.
12. Пяткин, Б. Н. Новые петроглифы горы Бычихи (р. Сыда) / Б. Н. Пяткин, О. С. Черняева // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1986. – С. 85–88.

13. Савинов, Д. Г. К вопросу о хронологии и семантике изображений на плитах оград тагарских курганов (по материалам могильников у горы Туран) / Д. Г. Савинов // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Известия кафедры археологии. – Кемерово, 1976. – Вып. 8. – С. 57–73.
14. Савинов, Д. Г. Тесинские лабиринты (по материалам могильника Есино III) / Д. Г. Савинов // Древнее искусство Азии. Петроглифы. – Кемерово, 1995. – С. 6–10.
15. Советова, О. С. Загадки Тепсейского фриза (Тепсей II) / О. С. Советова, И. В. Аболонкова // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. – Вып. 26. – С. 91–102.
16. Советова, О. С. Местонахождение Тепсей I: История изучения и современное состояние / О. С. Советова, А. Н. Мухарева, И. В. Аболонкова // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. – Вып. 26. – С. 77–90.
17. Советова, О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы) / О. С. Советова. – Новосибирск: изд-во ИАиЭ СО РАН, 2005. – 140 с.
18. Советова, О. С. Изображения на плитах оград тагарских курганов (Тепсейский археологический комплекс) / О. С. Советова, О. О. Шишкина // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово: изд-во КемГУ, 2014. – № 3 (59). – С. 93–98.
19. Советова, О. С. Кони – звери / О. С. Советова // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – С. 276–279.
20. Советова, О. С. Петроглифы горы Тепсей / О. С. Советова // Древнее искусство Азии. Петроглифы. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. – С. 33–54.
21. Советова, О. С. Петроглифы Тепсейского археологического комплекса / О. С. Советова // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань: «Отечество», 2014. – Том IV. – С. 101–104.
22. Советова, О. С. Сюжеты с великанами на скалах Тепсея / О. С. Советова // Скифо-Сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск, 1987. – С. 173–176.
23. Советова, О. С. Тамги на плитах оград тагарских курганов под горой Тепсей / О. С. Советова, О. О. Шишкина // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово: изд-во КемГУ, 2015. – № 1 (61). – С. 88–93.
24. Советова, О. С. Тепсейские фантастические существа / О. С. Советова // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово: изд-во КемГУ, 2015. – № 1 (61). – С. 83–87.
25. Солодейников, А. К. Некоторые аспекты фотофиксации наскальных изображений / А. К. Солодейников // Вестник Кемеровского госуниверситета. – Кемерово, 2013. – № 3 (55). Т. 4. – С. 76–82.
26. Талягина, М. А. Некоторые итоги и перспективы расчистки плит от лишайников на Тепсее (пункт Тепсей II) / М. А. Талягина // Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей. Материалы IX (XLI) Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Кемерово, 2014. – Вып. 15. – С. 862–864.
27. Шер, Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии: монография / Я. А. Шер. – М.: Наука, 1980. – 328 с.
28. Blednova, N. Repertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale, Fascicule No. 2: Sibérie du sud 2: Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie) / N. Blednova, H.-P. Francfort, N. Legchilo [et al.]. – Paris, 1995. – 153 p.
29. Cave art of the Middle Enisey. – Zelenogorsk: Nonprofit institution «Fond «In remembrance of Reshetnev», 2007. – 224 p.
30. Francfor, H.-P., Sacchi D. Archeologieethistoire de l'art: Questions de chronologie, de style etd'interpretation // Arts Asiatiques. Annaies du muse`e national des Art asiatiques – Guimet et du muse`e Cernuschi. – T. XLVIII. – Extrait. – 1993. – p. 29–34.

References

1. Bokovenko N.A., K voprosu o datirovke nekotoryh eniseyskih izobrazheniy vsadnikov [On question in the dating of some Yenisei horsemen]. Skifo-sibirskiy mir: iskusstvo I ideologiya [Scythian-Siberian world: Art and Ideology]. 1987. pp. 75-80. (In Russ.).
2. Bokovenko N.A., Obsledovaniye petroglifov na yuge Krasnoyarskogo kraya [The Search of petroglyphs in the south of the Krasnoyarsk Territory]. Archeologicheskiye otkrytiya 1983 g. [Archaeological Discoveries in 1983]. 1985. p. 192. (In Russ.).
3. Cave art of the Middle Enisey. – Zelenogorsk: Nonprofit institution «Fond «In remembrance of Reshetnev», 2007. 224 p. (In Eng.).
4. Francfor H.-P., Sacchi D. Archeologieethistoire de l'art: Questions de chronologie, de style etd'interpretation [Archaeology and Art History: Timeline Questions to et`interprétation style]. Arts Asiatiques. Annaies du muse`e national des Art asiatiques [Asian Arts. Annals of the National Museum of Asian Art]. 1993. T. XLVIII. pp. 29–34. (In Franc.).

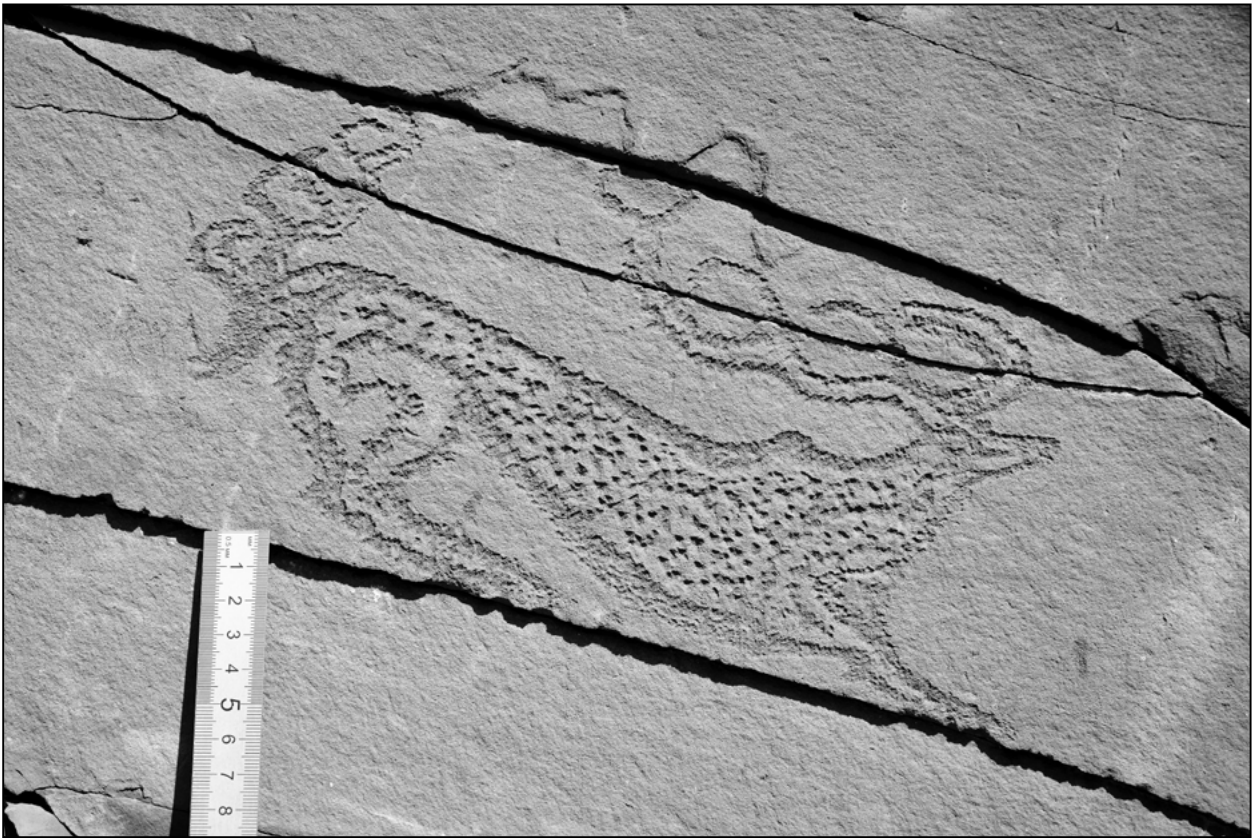

Рис.1. Изображение животного в скифо-сибирском стиле (правая сторона Волчьего лога)

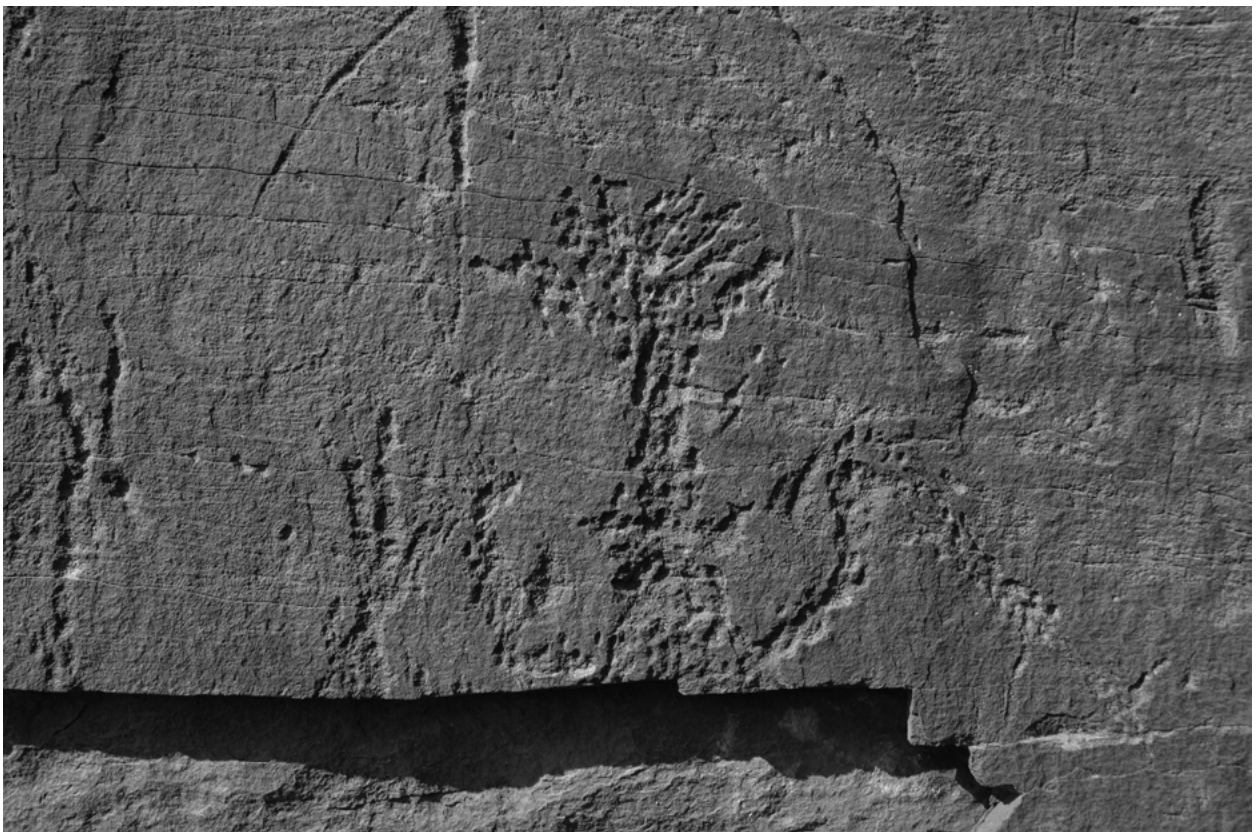

Рис. 2. Изображение роженицы (Тепсей II)

Рис. 3. Изображение быка (Тепсей II)

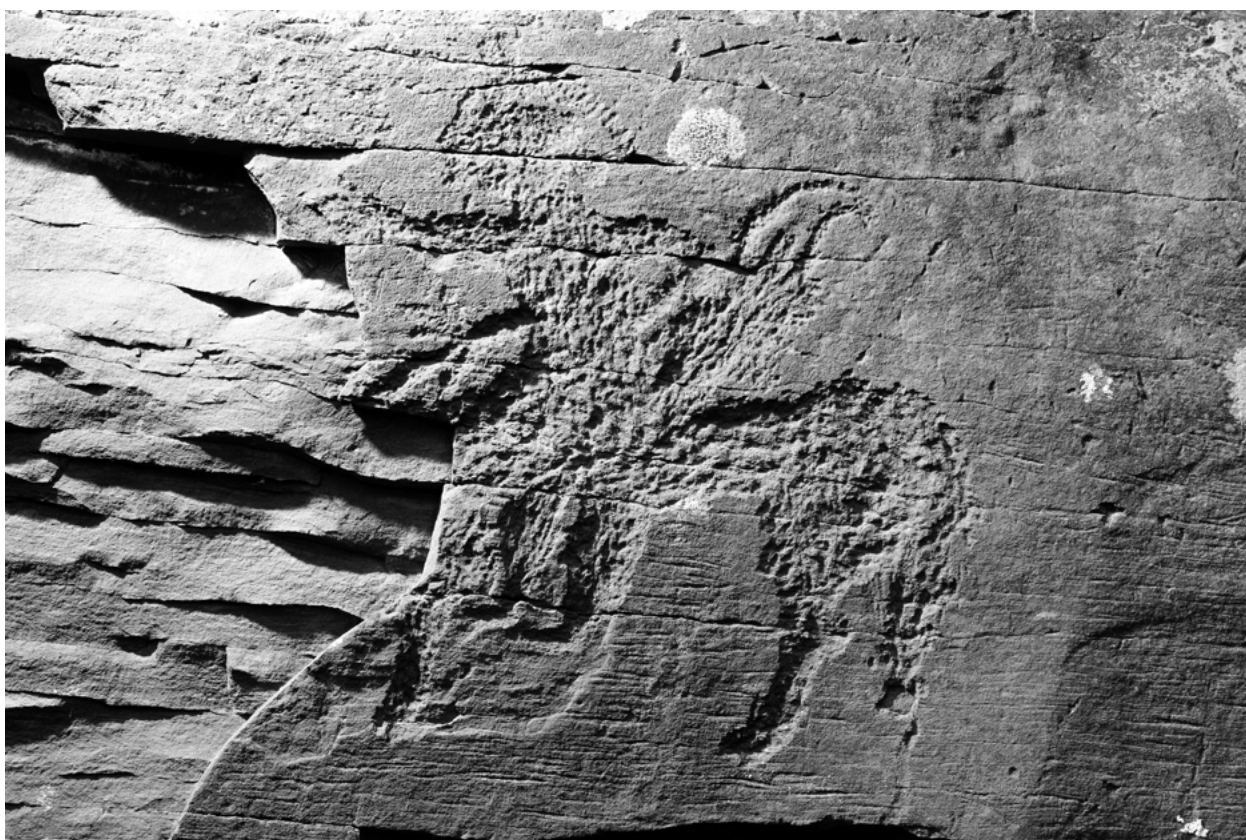

Рис. 4. Изображение всадника (Тепсей II)

Рис.5. Изображение животного в минусинском стиле с вершины Тепсея

5. Griaznov M. P., Komarova M. N., Zavitukhina M. P., Pshenitsyna M. P., Khudiakov Iu. S., Miniaev S. S. Kompleks arkheologicheskikh pamiatnikov u gory Tepsei na Enisee [Complex of archaeological sites by Tepsey mountain on the Yenisei]. 1979. 167 p. (In Russ.).
6. Lagygina Yu. M. O novom izobrazhenii "rozhenicy" s gory Tepsey [A new image of "a woman in labour" from the Tepsey]. Sovremennyye problem drevnih i traditsionnykh culture narodov Evrazii [Modern problems of the ancient and traditional cultures of the peoples of Eurasia]. 2014. pp. 295-297. (In Russ.).
7. Miklashevich E.A. Issledovanie pamiatnikov naskal'nogo iskusstva Minusinskoj kotloviny v 2012-2013 godakh [The Study of Rock Art Sites of the Minusinsk Hollow in 2012-2013]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Areas]. 2013. No. XIX. pp. 255-259. (In Russ.).
8. Miklashevich E.A. Issledovanie naskal'nogo iskusstva Severnoy i Central'noy Azii v 1995-1999 gg. [The Study of Rock Art of the North and Central Asia during 1995-1999]. Trudy SAIPI [SAPAR materials]. 2007. No. 2. 60 p. (In Russ.).
9. Miklashevich E.A. L'nischenskaya pisanitsa [L'nischenskaya pisanitsa]. Pamyatniki naskal'nogo iskusstva Minusinskoj kotloviny: Georgiyevskaya, L'nischenskaya, Ulazy III, Sosniha. Trudy SAIPI [The monuments of Rock Art of Minusinsk basin: Georgiyevskaya, L'nischenskaya, Ulazy III, Sosniha. SAPAR materials]. 2012. No. X. pp. 28-56. (In Russ.).
10. Pankova S. V. Tashtykskie gravirovki na Tepsee [Tashtyk engravings by Tepsey]. Arkheologiya i etnografiya Altaiia [Archaeology and ethnography of Altai]. Gorno-Altaiisk, 2004. No. 2. pp. 52 – 60. (In Russ.).
11. Pankova S. V. Izobrazheniia na kurgannykh plitakh u d. Podkamen' na severe Khakassii [Images on kurgan stones by Podkamen' village in the north of Khakassia]. Nauchnoe obozrenie Saiano-Altaiia [Scientific review of Sayan Altai]. 2013. No. 1. pp. 125-159. (In Russ.).
12. Pshenitsyna M.N., Nemirovskaya E.L., Efimov V.G. Raskopki pamyatnikov tesinskogo etapa u gory Tepsey na Enisee [Excavation sites of tesinskiy stage at the Tepsey on the Yenisei]. Archeologicheskiye otkrytiya 1977 g. [Archaeological Discoveries in 1977]. 1978. pp. 274-275. (In Russ.).
13. Piatkin B.N., Chern'ayeva O.S. Novye petroglify gory Bychihi (r. Syda) [New Petroglyphs in the Bychikha (r. Syda)]. Pam'atniki drevnih kul'tur Sibiri i Dal'nego Vostoka [The monuments the ancient cultures of Siberia and the Far East]. 1986. pp. 85-88. (In Russ.).
14. Savinov D. G. K vospory o khronologii i semantike izobrazhenij na plitakh ograd tagarskikh kurganov (po materialam mogil'nikov u gory Turan) [To the question of chronology and semantics of images on enclosure kerbs of Tagar kurgans (based on the materials of burials bu Turan mountain)]. Iuzhnaia Sibir' v skifo-sarmatskuiu epokhu. Izvestiia

Рис. 6. Расчищенный курганный камень из пункта Тенсей VIII (по М. П. Грязнову)

- kafedry arheologii [Southern Siberia in the Scythian-Sarmat epoch. Proceedings of the Department of Archaeology]. 1976. Issue. 8. pp. 57–73. (In Russ.).
15. Savinov D. G. Tesinskiye labirinty (po materialam mogil'nika Esino III) [Tesinskies labyrinths (based on materials burial ground the Esino III)]. Drevnee iskusstvo Azii. Petroglify [The ancient art of Asia. Petroglyphs]. 1995. pp. 6–10. (In Russ.).
 16. Sher Ia. A. Petroglify Srednei i Tsentral'noi Azii [Petroglyphs of the Central Asia]. 1980. 328 p. (In Russ.).
 17. Sovetova O.S., Abolonkova I.V. Zagadki Tepseyskogo friza (Tepsey II) [Mysteries of Tepseyskiy frieze (Tepsey II)]. Archeologiya Yuzhnoy Sibiri [Archaeology of South Siberia]. 2012. No. 26. pp. 91–102. (In Russ.).
 18. Sovetova O.S., Mukhareva A.N., Abolonkova I.V. Mestonakhozhdenie Tepsei I: istoriia izucheniia i sovremennoe sostoianie [Location of Tepsei I: History of Research and the Current State]. Arkheologiya Iuzhnoy Sibiri. K 80-letiiu A. I. Martynova [Archaeology of Southern Siberia. On the 80th Anniversary of A.I. Martynov]. 2012. Vol. 26. pp. 77–91. (In Russ.).
 19. Sovetova, O.S. Petroglify tagarskoy epohi na Enisee (syuzsety i obrazy) [Petroglyphs Tagar era on the Yenisei (plots and manners)]. 2005. 140 p. (In Russ.).
 20. Sovetova, O.S., Shishkina O.O. Izobrazheniya na plitah ograd tagarskih kurganov (Tepseyskiy arheologicheskiy kompleks) [Images on the Plates of Tagar Kurgans (Tepsey Archaeological Complex)]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvenogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]. 2014. No. № 3 (59). pp. 93–98. (In Russ.).
 21. Sovetova, O.S. Koni-zveri [Horses - Animals]. Sovremennyye resheniya aktual'nykh problem evraziyskoy arheologii [Modern decision of actual problems of Eurasian Archaeology]. 2013. pp. 276–279. (In Russ.).
 22. Sovetova O. S. Petroglify gory Tepsej [Petroglyphs of Tempey Mountain]. Drevnee iskusstvo Azii. Petroglify. [Ancient art of Asia. Petroglyphs]. 1995. pp. 33–54. (In Russ.).
 23. Sovetova O. S. Petroglify Tepseyskogo arheologicheskogo kompleksa [Petroglyphs of Tepsey Archaeological Complex]. Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arheologicheskogo syezda v Kazani [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan]. 2014. No. IV. pp. 101–104. (In Russ.).
 24. Sovetova O.S. Siuzhet s velikanami na skalakh Tepseia [The Plot with the Giants on the Rocks of Tepsei] Skifo-sibirskii mir: iskusstvo i ideologiya [Scythian-Siberian World: Art and Ideology]. 1987. pp. 173–176. (In Russ.).
 25. Sovetova, O.S., Shishkina O.O. Tamgi na plitah ograd tagarskih kurganov pod goroy Tepsey [Tamgs on the Plates of Tagar Kurgans under the mountain Tepsey]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvenogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]. 2015. No. 1 (61). pp. 88–93. (In Russ.).
 26. Sovetova O.S. Tepseyskie fantasticheskie sucshestva [Tepseyskie fantastic creatures]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvenogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]. 2015. No. 1 (61). pp. 83–87. (In Russ.).
 27. Solodeynikov A.K. Nekotorye aspekty fotofiksatsii naskal'nykh izobrazheniy [Some aspects of the photographic images of rock art]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvenogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]. 2013. No. 3 (55). pp. 76–82. (In Russ.).
 28. Blednova N. Francfort H.-P., Legchilo N. Repertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale, Fascicule No. 2: Sibérie du sud 2: Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie) [Repertoire Petroglyphs of Central Asia, N. Issue 2: South Siberia 2: Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russia, Khakassia)]. 1995. 153 p. (In Franc.).
 29. Talyagina M.A. Nekotorye itogi i perspektivy raschistki plit ot lishaynikov na Tepsee (punkt Tepsey II) [Some results and prospects of clearing plates from the lichen on Tepsey (item Tepsey II)]. Obrazovanie, nauka, innovatsii: vklad molodykh issledovateley. Materialy IX (XLI) Mezhdunarodnoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uch'onnykh [Education, science and innovation: the contribution of young researchers. Materials IX (XII) International conference of students, graduate students and young scientists]. 2014. No. 15. pp. 862–864. (In Russ.).
 30. Vadetskaia E. B. Antropomorfnoe izobrazhenie na stenke iashchika-grobika (po materialam raskopok tashtyyskogo sklepa 2 pod goroy Tepsej) [Antropomorphic image on the wall of the hearse (revealed in the excavations of Tashtyk Crypt 2 below Tepsey Mountain)]. Piatye istoricheskie chteniia pamiati Mikhaila Petrovicha Griaznova: Trudy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii [Fifth historical readings in memory of M. P. Griaznov: proceedings of all-Russia scientific conference]. 2000, pp. 15–17. (In Russ.).

ЭТНОГРАФИЯ

УДК: 94 (57).082

**НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ В РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ КОНЦА XIX ВЕКА ПО ДОКУМЕНТАМ ИЗ ФОНДОВ
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ****Орлова Елена Александровна,**

к.и.н., старший научный сотрудник научно-экспозиционного отдела Государственного автономного учреждения культуры Кемеровской области «Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница» (Кемерово, Российская Федерация).
E-mail: orlovaea42@gmail.com

Российская Федерация — многонациональная страна, на территории которой проживает несколько десятков коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Отношения между ними и Российским государством складывались по-разному на различных исторических этапах. И одним из важных аспектов данного взаимодействия является налоговая политика государства в отношении этих народов. Любая система налогообложения, как правило, строится на основе компромисса интересов государства и налогоплательщиков, поэтому рассмотрение документов, касающихся налоговых сборов с представителей коренных малочисленных народов, позволяет судить о том, насколько государство учитывало их интересы и способствовало или, наоборот, препятствовало сохранению их национальной идентичности. Актуальность изучения подобного вопроса объясняется тем, что в настоящее время проблема сохранения и актуализации культурного наследия коренных малочисленных народов приобрела особую остроту, и от государства требуется принятие неотложных мер по поддержке малочисленных этносов.

Цель данной статьи — выявить степень учёта интересов коренного населения Сибири Российским государством при осуществлении налоговой политики в конце XIX века. В качестве источниковой базы исследования были выбраны документы Мариинского окружного казначейства Томской губернской казённой палаты за 1856—1898 годы, хранящиеся в Государственном архиве Кемеровской области и позволяющие судить об уплате налогов представителями одного из аборигенных народов Сибири — чулымскими татарами.

Анализ архивных документов показал, что население ни одной из инородческих управ, где проживали чулымские татары, не было в состоянии выплачивать налоги государству вовремя и в полном размере. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в конце XIX века Российское государство не в полной мере учитывало интересы сибирских аборигенов, так как уровень налоговых платежей, несмотря на некоторое их снижение, всё равно оставался непосильным и вёл к обнищанию коренного населения Сибири.

Ключевые слова: коренные народы Сибири, чулымские татары, налоги, налоговая политика Российской империи

**TAXATION OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA IN THE RUSSIAN
EMPIRE IN THE LATE 1800S ACCORDING TO THE DOCUMENTS
AT THE KEMEROVO REGION STATE ARCHIVES****Orlova Elena Aleksandrovna,**

Ph.D. in History, Senior Researcher, State Autonomous Cultural Institution of Kemerovo region «Historical Cultural and Natural Museum-Reserve «Tomskaya Pisanitsa» (Kemerovo, Russian Federation).
E-mail: orlovaea42@gmail.com.

The Russian Federation is a multi-ethnic country, whose territory is home to several dozen of indigenous groups of the North, Siberia and the Far East. The relationship between the indigenous population and the Russian state was different throughout history. One of the important aspects of this interaction is how the

state imposes its taxation policy on the indigenous peoples. Any tax system is usually based on a compromise of the state's and the taxpayers' interests. Therefore, a close study of the documents related to the tax collection from the indigenous peoples determines whether the State took into account their interests and contributed to or, conversely, prevented the preservation of their national identity. The research addresses the issues of preservation and actualization of the cultural heritage of indigenous peoples that recently became crucial, and why the State is required to take urgent measures to support indigenous groups.

This article explores to what extent the Russian state considered the interests of the indigenous peoples of Siberia through the implementation of tax policy at the end of the 1800s. The research is based on the documents from the Mariinsky District Treasury of the Tomsk Governorate Treasury Chamber during the period from 1856—1898, stored at the Kemerovo Region State Archives and which contain information about taxes paid by the Chulym Tatars, one of the indigenous peoples of Siberia.

A close examination of archival documents revealed that none of the inorodtsy (indigenous peoples) areas, where the Chulym Tatars lived, was able to pay taxes to the state on time and in full. Thus, the study concludes that in the late 1800s, the Russian state did not fully take into account the interests of the indigenous peoples of Siberia, since the level of taxation, despite being reduced, still remained unbearably high and led to the impoverishment of the indigenous population of Siberia.

Keywords: Indigenous peoples of Siberia, Chulym Tatars, taxes, taxation policy of the Russian Empire.

В конце XIX века значительная часть территории Западной Сибири входила в состав Томской губернии. Образованная в 1806 году Томская губерния делилась на округа, из которых два — Кузнецкий и Мариинский в настоящее время составляют Кемеровскую область. В Государственном архиве Кемеровской области (ГАКО) в фонде Д-34 хранятся документы Мариинского окружного казначейства Томской губернской казённой палаты за 1856—1898 годы.

Казначейство занималось сбором налогов и различными выплатами. В его функции входили: сбор налогов с купцов за переход из гильдии в гильдию, за вступление в гильдейское купечество мещан и крестьян, за право вести торговлю; сбор налогов с крестьян, отправлявшихся на работу на золотые прииски и т.д. Кроме того, казначейство занималось сбором налогов с инородцев, в том числе ясака, для чего собирались сведения о количестве инородцев, их передвижениях и распределении на них ясака по утверждённым тарифам [5].

Следует отметить, что фонд Д-34 насчитывает более тысячи единиц хранения, но дел, касающихся сбора различных налоговых выплат с инородцев, немного, и они отражают ситуацию только за два года — 1881 и 1891. Данные дела представляют собой окладные листы денежных сборов, подлежащих платежу в Мариинское окружное казначейство. Платежи «представлялись» в казначейство следующими инородными управами — Тутальско-Чулымской, Мало-Каргачинской, Кизильдеевской первой половины, Кизильдеевской второй половины, Курчиковской и Корюковской. Инородная управа — это особое административно-фискальное образование, возникшее согласно «Уставу об управлении инородцев» (1822 г). В соответствии с «Уставом» «все обитающие в Сибири инородные племена, именуемые по ныне ясачными, по различному степени Гражданского их образования и по настоящему образу жизни,

разделяются на три главные разряда. В первой разряд включаются оседлые, то есть живущие в городах и селениях; во второй кочевые, занимающие определенные места по временам года переменяемые; в третий бродячие или ловцы, переходящие с одного места на другое по рекам и урочищам» [11].

В основу такого деления была положена степень близости аборигенного образа жизни к русскому, крестьянскому. Те этнические общности, которые в период проведения реформ оказались уже достаточно русифицированы, либо те, которые изначально жили в постоянных поселениях и не кочевали, составили категорию «оседлых инородных управ» [12, с. 108].

К осёдлым инородцам Мариинского округа относилось население Курчиковской и Корюковской управ. В правовом отношении оно приравнивалось к русским тяглым сословиям — государственным крестьянам и мещанам. Однако осёдлые инородцы освобождались от рекрутской повинности. За ними закреплялись земли, размер которых регламентировался законодательно.

Инородцы, проживавшие на территориях Тутальско-Чулымской, Мало-Каргачинской и обеих Кизильдеевских управ, согласно Уставу, относились к категории кочевых инородцев. Законодательно было установлено, что «кочевые инородцы составляют особенное сословие в равной степени с крестьянским, но отличное от онога в образе управления» [11]. Им предоставлялась свобода в выборе видов деятельности: земледелие, скотоводство, местный промысел и т.д., но на землях, принадлежащих роду.

Население всех перечисленных управ было представлено тюркскими аборигенами Сибири и, согласно данным Н. М. Ядринцева, составляло 2% от всего населения Мариинского округа [13, с. 108]. В соответствии с данными Первой всеобщей переписи населения на территории всех инородческих волостей Мариинского округа проживали чулым-

ские татары [7, т. 79, с. 16]. В книге С. К. Патканова «О приросте инородческого населения Сибири» говорится, что нередко в состав чулымских татар включали не только тюрков, но и «обруселых самоедов того же района, отделить которых от тюрков в настоящее время действительно нелегко» [6, с. 67]. Под «обруселыми самоедами», вероятнее всего, понимались кеты и селькупы.

После вхождения Сибири в состав России в XVI—XVII веках небольшая часть чулымцев была ассимилирована русскими, а также кызыльцами, обскими и томскими татарами. Начиная с этого времени численность чулымцев значительно колебалась — в XVII веке из-за набегов кыргызов она сократилась с 1040 до 830 человек, в начале XVIII века увеличилась примерно в два раза — до 1520 человек, к началу XIX века (1816) — до 3900 человек. К рассматриваемому периоду (1881 и 1891 годы) численность чулымцев составляла 4825 человек [8, с. 173].

Совместными собственниками земли, населённой сибирскими инородцами, являлись казна и императорский Кабинет. Последний взимал пушшиной и деньгами в свою пользу ясачную подать (ясак), ежегодно пополнявшую доходы Кабинета на 200 тысяч рублей серебром [4].

Поступившие в Кабинет меха впоследствии поступали на хранение в Кладовую № 2 Камерального отделения Кабинета Его Императорского Величества, в дальнейшем малоценные сорта реализовывались на ярмарках, более ценные продавались с аукциона в Петербурге или Лондоне. Лучшие меха шли на нужды царской фамилии.

Ясаком облагались «ревизские работники» — лица мужского пола от 18 до 50 лет, учтённые ревизией (переписью). Единицей налогового обложения служил род. В 1869—1887 годах ясачный оклад составлял от 1 руб. 15 коп. до 3 руб. 62 коп. с каждого работника. Разница в окладе определялась состоятельностью плательщика. Фактически при раскладке в улусных обществах оклад повышался, так как приходилось уплачивать за умерших и убывших после очередной ревизии [3, т. 3, с. 709].

Согласно «Уставу об управлении инородцев» существовала определённая градация сдаваемых в качестве ясака мехов. Вся мягкая рухлядь делилась на обыкновенную и дорогую. К обыкновенной относили соболя, красную лисицу, волка, белку и пр. На эти меха постоянную среднюю цену на деньги определяли «гражданские Губернаторы по соображении цен, существующих в Губернии, с утверждения местного Главного Управления», за исключением на каждые три года [11]. К дорогой рухляди относили шкурки чёрных и черно-бурых лисиц, которые оценивались «на деньги... в общих Окружных Присутствиях» [11].

В соответствии с окладными листами, кочевые инородцы Тутальско-Чулымской, Мало-Каргачин-

ской и обоих Кизельдеевских управ ясак платили пушшиной и деньгами. Ими «представлялась» в Мариинское окружное казначейство мягкая рухлядь (в виде шкурок «белодушчатых» лисиц, то есть рыжих с белой грудью), которую чиновники казначейства принимали в присутствии представителей Мариинского окружного полицейского управления. Полицейские чиновники сообщали казначейству так называемые справочные цены, по которым пушнина принималась в счёт ясака. В 1870—1890-е годы цена за одну белодушчатую лисицу составляла от 3 до 5 рублей [ГАКО. Ф. Д-34, оп. 1, дд. 457, 1074, 1367]. Согласно Уставу о податях 1842 года и последующих редакций, государственным комиссионерам запрещалось назначать цены, отличавшиеся от общеустановленной на ярмарке стоимости пушнины [9. 1842. С. 152].

В качестве примера уплаты ясака пушшиной и деньгами можно привести данные из окладного листа сборов с населения Мало-Каргачинской инородной волости. В волости насчитывалось 17 ревизских душ мужского пола, которым в 1881 году было назначено к платежу 37 руб. 34 коп. Из этой суммы на долю ясака приходилось 9 руб. 73 коп. оклада первой и второй половин, которые и были внесены мягкой рухлядью (первая половина) и пушшиной (на сумму 8 руб. 27 коп.) и деньгами (1 руб. 46 коп.) [ГАКО. Ф. Д-34, оп. 1, д. 1367]. Обратная ситуация наблюдалась в Тутальско-Чулымской инородной управе, где насчитывалось 207 ревизских душ. Из назначенных к уплате 236,50 руб. ясака пушшиной было уплачено только 60 руб. оклада первой половины. Вся остальная годовая сумма была внесена деньгами [ГАКО. Ф. Д-34, оп. 1, д. 1365]. Следует отметить, что Устав о податях предписывал вносить подати в уездные казначейства «в два срока в году: за первую половину году с начала января по 1 марта, а за вторую с октября по 1 января» [10. 1857. С. 12—13].

Меха как средство уплаты налоговых сборов использовались и теми чулымцами, которых государство относило к осёдлым. Так, в Корюковской инородной управе насчитывалось 173 ревизские души, подушной подати было назначено 280 руб. 26 коп. Из этой суммы 30 руб. были уплачены мягкой рухлядью [ГАКО. Ф. Д-34, оп. 1, д. 1366].

Помимо ясака с сибирских инородцев взыскивался ещё целый ряд сборов. Чулымцы из числа осёдлых инородцев (Курчиковская и Корюковская управы) платили не ясак, а оброчную подать. Оброчная подать по своей сути являлась арендным платежом государственных крестьян за пользование находившимися у них в наделе казёнными землями. И, как писал известный правовед С. И. Иловайский, «отличалась же от настоящей аренды оброчная подать тем, что она взималась не по количеству земли, а по душам» [2]. Размер её составлял 2 руб. 41 коп. с души [ГАКО. Ф. Д-34, оп. 1, дд. 1364, 1366].

Оседлые инородцы управ Мариинского округа платили в пользу государства подушную подать в размере 1 руб. 62 коп. с души, в то время как сумма подушной подати с кочевых инородцев была 32 коп. с души [ГАКО. Ф. Д-34, оп. 1, дд. 1365, 1367, 1374, 1375]. До 1832 г. размер подушной подати с кочевых инородцев составлял 44 коп.

Жители инородческих управ Мариинского округа обязаны были уплачивать также губернские и частные волостные сборы, поступления от которых шли в местные бюджеты.

Размер частных волостных сборов составлял 75,5 коп. с души, независимо от того, взимались они с оседлых или кочевых инородцев. Губернские сборы составляли 4 коп. с ревизской души у оседлых инородцев и 8 коп. с души у кочевых инородцев Мариинского округа [ГАКО. Ф. Д-34, оп. 1, дд. 1364, 1365, 1366, 1367, 1374, 1375].

Межевые сборы взимались только с оседлых в размере 3 коп. с ревизской души.

Помимо вышеперечисленных платежей чулымцы обязаны были выплачивать страховые сборы с частных строений (страховые сборы с общественных строений с них не взимались, хотя, согласно окладным листам, население Тутальско-Чулымской управы в 1881 г. выплатило по этой статье 1,62 руб.). Назначенная сумма страховых сборов с частных строений полностью была выплачена только Корюковской управой, вторая оседлая управа — Курчиковская смогла уплатить только оклад первой половины — 4 руб. 44 коп. Остальная сумма — 3 руб. 89 коп. была включена в состав уже имеющихся недоимок, размер которых достиг 7 руб. 49 коп. Четырьмя кочевыми управами страховые сборы с частных строений в 1881 г. не были уплачены вовсе.

В целом же, ни одна из инородческих управ Мариинского округа не смогла выплатить все назначенные сборы в полном объёме. Размеры недоимок колебались от 93 коп. с самой малочисленной Кизельдеевской управы первой половины (8 ревизских душ) до 183 руб. 61 коп. с Курчиковской управы (176 ревизских душ) [ГАКО. Ф. Д-34, оп. 1, дд. 1364, 1365, 1366, 1367, 1374, 1375]. В пересчёте на одну ревизскую душу недоимки составляли: Корюковская управа — 3 коп. с души, Кизельдеевская первая половина — 11 коп. с души, Мало-Каргачинская — 16 коп. с души, Кизельдеевская вторая половина — 51,5 коп. с души, Тутальско-Чулымская — 63,5 коп. с души и Курчиковская — 1 руб. 4 коп. с души.

Таким образом, недоимки представляли собой существенную проблему для инородческих управ и казначейства. Одним из путей решения этой проблемы являлось снижение размера податей, что и подтверждает окладной лист денежных сборов Курчиковской управы за 1891 г. (176 ревизских душ). Так, подушная подать составляла уже 1 руб. 46 коп. с души, а не 1 руб. 62 коп. как в 1881 г.

При том, что размер недоимки по данной подати достиг в 1891 г. уже 256 руб. 96 коп. Эту сумму населению управы удалось внести в казначейство, равно как и оклад первой половины — 128 руб. 48 коп. Выплатить оклад второй половины курчиковцы оказались не в состоянии, поэтому оклад второй половины — 128 руб. 48 коп. был записан в недоимки [ГАКО. Ф. Д-34, оп. 1, д. 1102].

Понизился и размер частных волостных сборов — с 75,5 коп. до 38 коп. Но и эта мера не исправила ситуацию — курчиковцы смогли уплатить только недоимки за предыдущий год (66 руб. 88 коп.), выплат же за 1891 г. в казначейство не поступило вовсе [ГАКО. Ф. Д-34, оп. 1, д. 1102].

Размер оброчной подати остался прежним — 2 руб. 41 коп. с ревизской души. По данному виду сборов к 1891 г. долг курчиковцев государству составил 222 руб. 13 коп. Назначено к выплате в 1891 г. им было 430 руб. 16 коп. Но из этой суммы было выплачено только 209 руб. 99 коп. оклада первой половины (2 руб. 9 коп. недоимок), оклад же второй половины — 218 руб. 8 коп. в казначейство не поступал [ГАКО. Ф. Д-34, оп. 1, д. 1102].

На уровне прошедших лет остался и межевой сбор — 3 коп. с души. В 1891 г. были уплачены только недоимки за прошлый год (5 руб. 28 коп.), 5 руб. 28 коп. за 1891 г. внесены не были [ГАКО. Ф. Д-34, оп. 1, д. 1102].

Из увеличившихся платежей стоит отметить губернский сбор — его размер вырос с 8 коп. до 15,5 коп. с души. Население данной управы к 1891 г. уже имело задолженность по губернским сборам в сумме 27 руб. 28 коп. В 1891 г. этот долг был погашен, но из назначенных к платежу в казначейство за 1891 г. 27 руб. 28 коп. не было внесено ни копейки, поэтому сумма недоимок снова составила 27 руб. 28 коп. [ГАКО. Ф. Д-34, оп. 1, д. 1102].

Таким образом, общая сумма недоимок с жителей Курчиковской инородной управы в 1891 г. увеличилась до 501 руб. 36 коп. Тогда как в 1881 г. она составляла 183 руб. 61 коп.

Подобную ситуацию можно объяснить тем, что сибирским аборигенам приходилось продавать продукты, полученные в результате охоты и собирательства русским купцам по ценам, намного отличавшимся от рыночных. Согласно данным Н. М. Ядринцева, «товар даётся инородцам обыкновенно в долг, причём инородец должен поставить орех или зверя по известной цене». Так, купцы покупали кедровый орех по 50—60 коп. за пуд при рыночной цене в 1 руб. 20 коп. — 1 руб. 50 коп. за пуд, а в неурожайные годы рыночная цена пуда орехов достигала 2 руб. 40 коп. Белок покупали по 3 коп. за шкурку при рыночной цене в 15—20 коп. Зато, например, фунт табака продавался коренному населению по 50 коп. вместо рыночных 15 коп. Цена пороха же доходила до 3 руб. за фунт [13, с. 123].

Н. М. Ядринцев отмечал, что в случае нарушения предварительной договорённости с купцом о поставке определённого количества ореха или пушнины сибирские аборигены должны были выплатить купцу компенсацию по ценам Ирбитской ярмарки — 1 руб. 20 коп. за пуд кедрового ореха, 17 коп за белку и т.д. Затем сумма долга пересчитывается в стоимость скота. «Когда приходится перелagать денежные счёты на скот, торговцу выгоднее оставить долг за инородцем и оставить скот для пастбища, но тогда скот счи-

тается купеческим, должник пасёт и кормит скот, приплод также идёт в пользу владельца» [13, с. 123]. Подобные махинации со стороны купцов вели к обнищанию коренного населения, которое оказывалось не в состоянии не только уплачивать долги кредиторам, но и платить налоги государству, чему мы находим документальное подтверждение в окладных листах денежных сборов с инородцев Мариинского округа, хранящихся в фондах Государственного архива Кемеровской области.

Источники и литература

1. ГАКО (Государственный архив Кемеровской области). Ф. Д-34, оп. 1, дд. 457, 1074, 1102, 1364, 1365, 1366, 1367, 1374, 1375.
2. Иловайский, С. И. Учебник финансового права. — Одесса, 1904 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc4396p0/instrum4397/item4409.html> (дата обращения 02.07.2015).
3. История Сибири с древнейших времён до наших дней: в 5-ти т. / гл. ред. А. П. Окладников, В. И. Шунков. — Л.: Наука, 1968—1969. — Т. 3. — 530 с.
4. Максимова, О. Д. Правовое регулирование общественных отношений якутов и Российской империи в XIX — начале XX века: дис.... канд. юрид. наук. МГУ им. М. В. Ломоносова, М., 1998 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/teoria-prava/pravovoe-regulirovanie-obwestvennyh-otnoshenij-jakutov-v-rossijskoj-imperii-v-xix.html> (дата обращения 30.06.2015).
5. Мариинское окружное казначейство Томской губернской казённой палаты. Г. Мариинск Томской области // Архивный фонд Кемеровской области [Электронный ресурс]. URL: <http://afond.kuzbassarchives.ru/index.php?act=fund&fund=1290> (дата обращения 25.06.2015).
6. Патканов, С. К. О приросте инородческого населения Сибири: Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен / С. К. Патканов. — СПб., 1911. — 208 с.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / сост. Центр. стат. ком. на основании местных подсчетных ведомостей; [предисл.: Н. Тройницкий]. — Санкт-Петербург: издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел: 1897—1905. — Т. 79. — Томская губерния. — 246 с.
8. Томилов, Н. А. Чулымские тюрки в конце XVI — первой четверти XIX вв. / Н. А. Томилов // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. — Томск, 1978. — С. 145—176.
9. Устав о податях // Свод законов Российской империи. — СПб.: Типография II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1842. — Т. V. — 621 с.
10. Устав о податях // Свод законов Российской империи. — СПб.: Типография II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1857. — Т. V. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.runivers.ru/bookreader/book388158/#page/18/mode/1up> (дата обращения 02.07.2015).
11. Устав об управлении инородцев от 22 июля 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи с 1849 г. — Т. 38. № 29. — С. 394—416 [Электронный ресурс]. URL: <http://old.iea.ras.ru/topic/law/law/law-r22071822.htm> (дата обращения 25.06.2015).
12. Шерстова, Л. И. Тюркоязычное население Томской губернии на рубеже XIX—XX вв.: административное устройство и этноконфессиональные процессы / Л. И. Шерстова // Вестник Томского государственного университета. — 2013. — № 369. — С. 108—110.
13. Ядринцев, Н. М. Отчет о поездке по поручению Западно-Сибирского отдела Императорского географического общества в Горный Алтай, к Телецкому озеру и в вершины Катуни, члена-сотрудника отдела Н. М. Ядринцева в 1880 году / Н. М. Ядринцев // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII — начала XX веков. — Барнаул: Алт. полигр. комбинат. — 2005. — Т. 2. — 2007. — С. 95—126. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.akunb.altlib.ru/files/elib/isY002.pdf> (дата обращения 25.06.2015).

References

1. KRST (Kemerovo Region State Archives). Fond D-34, opis 1, dela 457, 1074, 1102, 1364, 1365, 1366, 1367, 1374, 1375.
2. Povayskiy, S. I. Uchebnik finansovogo prava [Financial Law Textbook]. Odessa, 1904. (In Russ.). Accessed July 2, 2015. [Electronic Record]. Retrieved from: <http://www.allpravo.ru/library/doc4396p0/instrum4397/item4409.html>
3. Okladnikov, A. P., Shunkov V. I., eds. Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremën do nashikh dney [History of Siberia From Ancient Times to the Present Day]. 5 vols. — Leningrad: Nauka, 1968—1969, 3:530. (In Russ.).

4. Maksimova, O. D. Pravovoye regulirovaniye obshchestvennykh otnosheniy yakutov i Rossiyskoy imperii v XIX — nachale XX veka: dis.... kand. yurid. nauk [Legal Regulation of Public Relations of the Yakuts and the Russian Empire in the 1800s and early 1900s: PhD dissertation, Law]. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 1998. (In Russ.). Accessed June 30, 2015. [Electronic Record]. Retrieved from: <http://www.dslib.net/teoria-prava/pravovoe-regulirovanie-obwestvennyh-otnoshenij-jakutov-v-rossijskoj-imperii-v-xix.html>
5. Mariinskoye okruzhnoye kaznacheystvo Tomskoy gubernskoy kazënnoy palaty. G. Mariinsk Tomskoy oblasti [Mariinsky District Treasury of the Tomsk Governorate Treasury Chamber. Mariinsk city of the Tomsk Region]. — Kemerovo Region State Archives. Accessed June 25, 2015. [Electronic Record]. Retrieved from: <http://afond.kuzbassarchives.ru/index.php?act=fund&fund=1290>
6. Patkanov, S. K. O priroste inorodcheskogo naseleniya Sibiri: Statisticheskiye materialy dlya osveshcheniya voprosa o vymiranii pervobytnykh plemen. [About the Growth of the Indigenous Peoples of Siberia: Statistical Information Covering the Issue of Extinction of the Primitive Tribes]. Saint Petersburg, 1911. 208 p. (In Russ.).
7. Central Statistical Committee, Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. [First National Census of the Russian Empire in 1897.]. Compiled on the basis of local payroll. With an introduction by N. Troynitskiy. Saint Petersburg: Izdaniye Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del, 1897—1905. — Vol. 79. — Tomsk Governorate. — 246 p. (In Russ.).
8. Tomilov, N. A. Chulymskiye tyurki v kontse XVI — pervoy chetverti XIX vv [Chulym Turks from the Late 1500s to the First Quarter of the 1800s]. Problemy proiskhozhdeniya i etnicheskoy istorii tyurkskikh narodov Sibiri [Problems of Origin and Ethnic History of Turkic Peoples of Siberia]. — Tomsk, 1978. — pp. 145—176 (In Russ.).
9. Ustav o podatyakh [Tax Regulations]. Svod zakonov Rossiyskoy imperii [Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 5. Saint Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy ego imperatorskogo velichestva kantselyarii, 1842. — 621 p. (In Russ.).
10. Ustav o podatyakh [Tax Regulations]. Svod zakonov Rossiyskoy imperii [Code of Laws of the Russian Empire]. — Vol. 5. Saint Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy ego imperatorskogo velichestva kantselyarii, 1857. (In Russ.). Accessed July 2, 2015. [Electronic Record]. Retrieved from: <http://www.runivers.ru/bookreader/book388158/#page/18/mode/1up>.
11. Ustav ob upravlenii inorodtsev ot 22 iyulya 1822 g [Regulations of Indigenous Population of 1822]. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii s 1849 g [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire Since 1849]. — Vol. 38. no 29. pp. 394—416 (In Russ.). Accessed June 25, 2015. [Electronic Record]. Retrieved from: <http://old.iea.ras.ru/topic/law/law/law-r22071822.htm>.
12. Sherstova, L. I. Tyurkoyazychnoye naseleniye Tomskoy gubernii na rubezhe XIX—XX vv.: administrativnoye ustroystvo i etnokonfessional'nyye protsessy [Turkic-speaking population of Tomsk Governate in the Late 1800s and Early 1900s: Administrative Structure and Ethno-Confessional Processes]. — Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. no 369. pp. 108—110. (In Russ.).
13. Yadrintsev, N. M. Otchet o poyezdke po porucheniyu Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo geograficheskogo obshchestva v Gornyy Altay, k Teletskomu ozeru i v vershiny Katuni, chlena-sotrudnika otdela N. M. Yadrintseva v 1880 godu [The Report on the Visit to the Altai Mountains, Teletskoye Lake and to the Source of the Katun River on Behalf of the West-Siberian Department of the Imperial Geographical Society by its Member N. M. Yadrintsev in 1880]. Yadrintsev N. M. Altay v trudakh uchenykh i puteshestvennikov XVIII — nachala XX vekov [Altai in the Writings of Scholars and Travelers of the 1700s to early 1900s]. — Barnaul: Alt. poligr. kombinat. — 2005. — Vol. 2. — 2007. — pp. 95—126. (In Russ.). Accessed June 25, 2015. [Electronic Record]. Retrieved from: <http://www.akunb.altlib.ru/files/elib/isY002.pdf>

УДК 39

НАУЧНЫЙ ОТЧЕТ ЭКСПЕДИЦИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОТДЕЛА МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА» 1991

Скрябина Людмила Анатольевна,

к.и.н., ведущий научный сотрудник музея-заповедника «Томская Писаница» (Москва, Российская Федерация). E-mail: smila@rambler.ru

Мархель Анастасия Сергеевна,

младший научный сотрудник музея-заповедника «Томская Писаница», студентка 4 курса кафедры музейного дела Кемеровского государственного института культуры (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: marhel_anastas@mail.ru

В статье представлены результаты этнографического обследования русского населения Нижнего Притомья на основе научных отчетов и дневников экспедиции музея-заповедника «Томская Писаница». Целью экспедиции являлось выявление памятников народной архитектуры, сбор информации по материальной и духовной культуре, приобретение экспонатов в фонды музея-заповедника. Показано, что экспедиционные исследования являются важнейшей составной частью научной деятельности музея. Они проводятся с первых лет существования музея.

Ключевые слова: музей-заповедник «Томская Писаница», этнографические экспедиции, дневник экспедиции.

SCIENTIFIC REPORT ETHNOGRAPHIC DEPARTMENT'S EXPEDITION OF THE MUSEUM-PRESERVE «TOMSKAYA PISANITSA» 1991

Skryabina Lyudmila Anatolievna,

Candidate of History Science. The leading science member of the museum-preserve «Tomskaya Pisanitsa» (Moskov, Russian Federation). E-mail: smila@rambler.ru

Markhel Anastasiya Sergeevna,

Junior research of the museum-preserve «Tomskaya Pisanitsa». Student of 4th grade. Department of Museum Affairs (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: marhel_anastas@mail.ru

This article includes the results of ethnographic research of Russian people who lived in Lower Pritomie based on the scientific reports and diaries of open-air museum's expedition. The aim of the expedition was to identify the examples of folk architecture, to collect the information of the material and spiritual culture, the acquisition of the exhibits in the museum-preserve. It is shown that the field studies are the important part of the scientific activities of the museum. They were held since the first years of the museum's foundation.

Keywords: open-air museum «Tomskaya Pisanitsa», ethnographic research, the diary of expedition.

Время проведения экспедиции: 10–24 июля 1991 г.

Состав экспедиции: Скрябина Л. А. — начальник экспедиции, зам. директора по науке; Соловьева Е. Ю. — м.н.с. отдела фондов; Кока О. А., Хромова Т. Н., Бузилова О. В. — студенты 3 курса исторического факультета КемГУ.

Цель экспедиции — этнографическое обследование русского населения Нижнего Притомья: выявление памятников народной архитектуры, сбор информации по материальной и духовной культуре, приобретение экспонатов в фонды музея-заповедника.

Маршрут: д. Мохово, д. Воскресенка, с. Кулаково, д. Острог, д. Власково, д. Зырянка (Яшкинский район Кемеровской области), д. Пещерка, д. Хмельёвка, д. Подъяково (Кемеровский район), д. Колбиха (Юргинский район).

За время экспедиции обследовано 10 населенных пунктов, опрошено 25 информаторов (список прилагается).

Отчет составлен по материалам дневниковых записей, а также архивных и библиографических исследований.

I. ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБСЛЕДОВАННЫХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

Деревня Мохово

Деревня Мохово расположена на правом берегу р. Томи. По данным томского историка Н. Ф. Емельянова, Мохово было основано в 1659 г. конным казаком Кириллом Аргуновым [7, с. 35]. Историческая планировка селения – вытянутая (приречная) вдоль р. Томи и трех озер, протянувшихся по линии реки.

Из документа 1803 г., сохранившегося в Томском государственном архиве, известно, что в начале XIX в. в деревне жили приписные крестьяне Аргуновы, Вахрамеевы, Березовские и Божевы [4, л. 19 об – 21].

Согласно Списку населенных мест Томской губернии за 1859 г., в Мохово имелась православная часовня, числилось 20 дворов и 109 жителей [15, с. 12]. В 1894 г. официальная статистика фиксировала здесь 34 старожильческих хозяйства и 177 человек обоего пола. В деревне на тот момент имелось 3 дома-связи, 5 пятистенков и 27 изб. Средняя запашка равнялась 10, 5 дес. земли. [11, с. 66, 70].

В начале XX века, с 1907–1909 гг., численность населения в деревне Мохово значительно увеличилась за счет переселенцев из европейской части России. В 1911 году здесь было уже 64 двора и 549 жителей [17, с. 100–101]. Среди новопоселенцев преобладали выходцы из западных (белорусских) губерний. Новые жители, как правило, селились отдельно от сибиряков в «россейском крае». Их дворы составили новую улицу и проулок, получивший название «Прохоровка» (по имени первого переселенца, построившего там дом). Часть деревни, где проживали сибиряки, стала называться «чалдонским краем». Судя по рассказам информаторов, взаимоотношения между старожилами и переселенцами складывались по-разному. Со слов Елены Ефимовны Турлаковой (1914 г.р.), «чалдоны переселенцев не любили, дразнились, обзывали – «хохлы чернопятые» [1, л. 37]. В то же время Екатерина Гавриловна Лигачёва (1909 г.р.), рассказала, что ее родителей, приехавших в Мохово в 1907 г, сибиряки приняли хорошо. «Отец мой был мастеровой, шил шубы, мастерил кадки. Чалдоны его уважали и даже не отпустили дом строить на «россейской стороне. И величали родителей сибиряки не иначе, как Маринушка да Гаврилушка» [1, 32 об.].

Деревня относилась к приходу Кулаковской церкви во имя Святителя и Чудотворца Николая. Согласно Справочной книге Томской епархии в 1890 г. в Мохово был построен молельный дом [20, с. 168]. Наши информаторы называют его ча-

совней. «На часовне было два колокола: большой и маленький. В 1930-х годах часовню закрыли и вскоре раскатали по бревнам. Кованые решетки с окон часовни сейчас на здании совхозной конторы. Престольными праздниками в деревне были Михайлов и Ильин день» [1, л. 34 об. – 35].

На момент исследования в Мохово зафиксировано несколько пятистенков и крестовых домов конца XIX-начала XX в. В ограждении некоторых усадеб встречаются участки из плетня (фото 1, 2).

Усадьба дома-крестовика, где сейчас проживает Евдокия Калиновна Бульбенко, интересна тем, что в ней частично сохранена замкнутая застройка двора. Информатор живет в этом доме с 1968 г., утверждает, что он построен еще до революции. Во дворе сейчас расположены летняя кухня, сарай, навес и два амбара [1, л. 31].

Деревня Воскресенка

Деревня Воскресенка расположена в трех км. от Мохово, в сторону автомобильной трассы до с. Поломошное. В Списке населенных мест Томской губернии за 1911 год значится Воскресенка «за-селком» в 45 дворов, с населением из 246 человек [17, с. 48–49]. По свидетельству информаторов, здесь селились преимущественно переселенцы с Украины [1, лл. 35 об].

Земля для переселенческого участка была отрезана от земельных владений деревни Мохово. Это обстоятельство послужило причиной конфликтов между старожилами и новопоселенцами в первые годы после образования поселения [1, л. 36]. По воспоминаниям Алексея Ивановича Лигачёва (1911 г.р.), «деревня была длинная, тянулась почти на два километра» [1, л. 32]. В настоящее время в Воскресенке осталось всего три жилых и несколько брошенных домов. Особый интерес представляет дом-пятистенков, построенный в 1910–1911 гг. (нежилой). Потолочное перекрытие в этом доме сделано из жердей, обмотанных соломой. По утверждению А. И. Лигачева, так строили переселенцы с Украины [1, лл. 36–36 об]. В доме сохранилась русская печь – слева от входа, а справа вдоль стены с горницей – кирпичная печь с плитой. Обе печи соединены железной трубой [1, лл. 32, 32 об.].

Из полевого дневника экспедиции.

Лигачёв Алексей Иванович, 1911 г.р.: «Украинцы селились законно, имели документ. Отец говорил, старожилы сначала хотели прогнать, приезжали с оружием, верхом, но тогда началь-

ство понаехало, полиция. Смирились, никуда не денешься. Другая переселенческая деревня — Комарово, но ее уже нет. Старожилы-чалдоны жили зажиточно. Из переселенцев мало кто выбивался в богачи, в основном в найм ходили» [1, л. 36].

Деревня Кулаково

Деревня Кулаково расположена на правом берегу р. Томи. Историческая планировка селения — приречная, вдоль берега Томи. По данным Н. Ф. Емельянова, селение было основано в 1660 г. сыном боярским Михаилом Кулаковским. [7, с. 36]. В записях академика Г. Ф. Миллера за 1734 г. значится «Кулакова или Никольское село, на восточном берегу Томи, в 1,5 верстах от Корчуганово» [2, л. 28 об]. Второе название, видимо, связано с местным храмом во имя Святого Николая Мирликийского.

В начале XIX века в Кулаково проживали приписанные к Кольвано-Воскресенским заводам крестьяне — Литвиновы, Бубенновы, Бусовы, Безсоновы, Кузнецовы, Поповы, Косьяновы, Барбановы, Ничаевы [4, лл. 22—24].

В 1859 г. в селе насчитывалось 28 дворов, 77 душ мужского и 80 душ женского пола [15, с. 11]. По материалам исследования крестьянских хозяйств Томского округа, в 1894 г. здесь числилось 35 старожильческих и 2 переселенческих хозяйства, 34 двора с жилыми и хозяйственными постройками, 32 из них — крытые. В Кулаково на тот момент имелся один двухэтажный дом, 6 домов-связей, 2 крестовика, 14 пятистенков и 18 изб [11, 66, 70].

К 1911 году в селе было уже 66 дворов, в которых проживало порядка 580 человек [17, с. 100, 101]. Такой прирост населения, как и повсюду в этот период, был связан с переселением сюда крестьян из европейских губерний России. К сожалению, информацию о том, из каких конкретно мест были переселенцы начала XX века, выяснить не удалось.

Очевидно, что изначально деревня располагалась гораздо ближе к берегу Томи, примерно на той линии, где сейчас расположена полуразрушенная деревянная церковь, построенная в 1845 г. [20, с. 167]. С большой долей вероятности можно предположить, что примерно на этом месте располагался и самый первый храм, во имя Святителя и Чудотворца Николая.

В начале XX века Кулаковская церковь имела достаточно большой приход, в который входили близлежащие населенные пункты: деревни Мохова, Борская, Каленова, Корчуганова, Терехина, Литвинова, Мугалова, Романова, Чиркова, Лотосова, Тарабыкина, Болтовская, Балахнинская, Саломатова, Иткара; поселок Дубровский [9, с. 16].

По словам местных жителей, церковь была трехглавая, с высокой колокольней. На колокольне висели 10 колоколов: самый большой весил 42

пуда, 2 колокола поменьше и 7 маленьких. Сруб церкви был обшит тесом, крыша и купола крыты железом, на окнах фигурные решетки (сейчас эти решетки установлены на доме, где находится пункт приема стеклопосуды). Вокруг церкви имелась железная ограда. В церковной ограде был погост. Со стороны реки имелся деревянный взвоз и большие ворота, а со стороны деревни — маленькие воротца.

Служба в храме прекратилась в 1937 г. Колокола были сняты еще раньше и увезены в поселок Яшино. В 1937 году туда же на подводах увезли иконы и кресты. Ограду разобрали в войну и отправили на переплавку. От всей ограды сегодня сохранился лишь один столб на каменном основании. В войну здание использовали под зерновой склад. После войны здесь размещалась школа, затем клуб. Колокольню разобрали, над церковным срубом была сооружена новая двускатная крыша, в алтарной части прорезаны окна, на торцевой стене в притворе вырублена дверь, перестроены внутренние стены. В 80-х гг. с ведома сельского совета здание неоднократно разбиралось местными жителями на дрова и для строительных нужд.

На момент осмотра здания храма сохранились остатки двускатной крыши, сооруженной в 50-е годы; в алтарной части — восточный фасад с двумя окнами и одна боковая стена с окном; в храмовой части — одна наружная стена, другая разрушена; в притворе сохранились боковые стены с дверными и оконными проемами, западный фасад почти полностью утрачен. (фото. 3, 4)

Главная улица деревни располагается в настоящее время на значительном расстоянии от разрушенной церкви. На ней сохранилось несколько крестовых и пятистенных домов постройки начала XX в.

Деревня Острог

Первым населенным пунктом на территории современной деревни Острог было укрепленное военное сооружение — Сосновский острог, основанный в 1657 году для охраны новой государевой пашни томскими казаками под предводительством детей боярских Копылова и Ядловского [12, с. 630—631].

В Чертежной книге С. У. Ремезова 1701 г., Сосновский острог обозначен уже как село с храмом [14]. В 1734 г. С. П. Крашенинников в своём Дорожном журнале отмечал, что «в сем остроге есть церковь деревянная во имя Преображения господня, также кругом его ограда и рогатки» [10, с. 53]. К середине XVIII века поселение окончательно утратило свои военизированные функции и превратилось в обыкновенное село.

Известно, что в 1803 году в Сосновском остроге проживали семь приписных крестьян: Прошкины, Кощеевы, Немчиновы, Куляевы и Бжицковы [4, л. 5].

В 1859 г. в селе Сосновском проживало 114 жителей и числилось 26 дворов [15, с. 11]. По переписи 1894 г. насчитывалось 30 дворовых усадеб, из них — 27 крытых дворов, имелся один двухэтажный дом, 4 дома-связи, 1 крестовик, 23 избы. При церкви имелась церковно-приходская школа [11, с. 114, 118].

Вплоть до начала XX в. село оставалось старожильческим. Первые переселенцы появились здесь в период Столыпинской реформы (1906—1917 гг.). Накануне Октябрьской революции в Сосновском насчитывалось уже порядка ста дворов. По утверждению Ульяны Ильиничны Красновой (1925 г. р.), большинство переселенцев приехали сюда из Смоленской губернии [1, л. 40].

Екатерина Ивановна Бурыхина (1927 г. р.) рассказала, что в Остроге было два больших пожара, во время которых деревня сгорала почти дотла: «Первый раз село горело в 1881 году. Старики говорили, что после него хороших домов уже не строили. Второй пожар случился перед революцией. Поджог один работник, которому хозяин не дал муки или зерна. Так он отомстил. А потом еще в коллективизацию кулацкие добротные крестовые дома все раскатали» [1, л. 40].

Слова информатора подтверждает и наше обследование. Большинство жилых домов в Остроге — пятистенки под двускатной крышей. Время постройки первая половина-середина XX в.

Двухэтажный пятистенок на краю деревни (бывшая контора), как выяснилось, перевезен в Острог из соседней деревни Юрты Константиновы [1, л. 39 об.] (фото 5).

Архитектурной особенностью деревни Острог является сохранившаяся традиция сооружения крытых дворов. Наибольшее их количество отмечено на улице Береговой. Зафиксировано два вида покрытия: плахами и жердями. Хозяин одного из таких дворов, Серегин Василий Михайлович, сообщил, что приехал в Острог в 1940 году из Орловской области. Дом и усадьбу строил сам, помогали местные жители. По словам В. М. Серегина, на Орловщине таких дворов не сооружали [1, л. 39]. Двор крыт жердями, сверху складировано сено (фото 6).

Церковь во имя Преображения Господня, построенная в 1846 г., просуществовала в селе до середины 30-х гг. К местному приходу относились деревни Константинова, Усть-Сосновка, Михайлова, Воронова, до 1915 г — Килина, Пашкова, Мелкова, Нижне-Шубинская, Верхне-Шубинская, Истомина, Ботьева, Северная, Маркина (Ельцовка) [9, с. 24]. После закрытия и разорения храм превратили в клуб. Здание не сохранилось.

Деревня Власково

Деревня Власково расположена при речках Пача и Власково. Точная дата основания неизвестна. Предположительно, что в конце XVIII в.

В Списке деревень Пачинской волости по ямской повинности за 1821 г. в деревне Власкова перечислены 24 крестьянина: четверо — Вагины, остальные — Юрьевы [5, л. 40 об.].

По данным Списка населенных мест Томской губернии за 1859 г. в деревне насчитывалось 23 двора. По переписи 1894 г. — 43 старожильческих хозяйств, 20 переселенческих и одно разночинское; было 9 домов-связей, 2 крестовика, 16 пятистенков и 33 избы. В деревне имелись школа грамотности, мелочная лавка и мельница [11, с. 18, 22].

В 1911 году, за счет притока переселенцев из европейских губерний количество домохозяйств во Власково увеличилось до 93 [17, с. 72]. Пореформенные переселенцы в основном были выходцами из Могилевской, Гродненской и Курляндской губерний. С появлением новых жителей деревня стала делиться на «края» — «латышский край», где проживали переселенцы из Курляндии, «Кучум» — на возвышенности за речкой Пачей. По утверждению информаторов, переселенцы и старожили во Власково жили дружно [1, л. 47 об.].

Деревня относилась к приходу Пачинской церкви во имя Святого Пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Престольным праздником был Иванов день — 7 июля [1, л. 48].

На момент обследования во Власково сохранились дома-пятистенки и крестовики начала XX в.

Из полевого дневника экспедиции

Юрьева Анна Григорьевна (в дев. Фёдорова), 1928 г. р.: «Фёдоровы, пять братьев и сестра, приехали из Могилевской губернии, из деревни Чаус в 1906 году. Из той же губернии были Кравцовы, Волчки, Ромашевские. Мать моя с Вятки, приехала в 1912 году. Больше из Вятки здесь не было семей. Старожили местные — это Юрьевы, Баглаевы, Вагины, Новосёловы, Богдановы. Баглаевы держали лавку. Вагины имели связь с томскими купцами, продавали скот на рынок. Дед мужа, Юрьев, занимался извозом, дома почти не жил» [1, л. 45 об.].

Вагин Иван Александрович, 1905 г. р.: «Деревня наша старая. Названа так, наверное, по речке, а почему речка так звалась, не знаю. Власкова относилась к Пачинской волости. В волости был старшина, а в деревне общество выбирало старосту. К старосте обращались со всеми вопросами. Кто кого обидит, какой спор, если кто свою постоину не городит. Последним выборным старостой был Степан Богданов. Он умер в 1930. После него уже старосту не выбирали, колхозы начались».

Переселенцев из западных губерний было семь 40—50. Все были приписаны к деревне, жили

законно. Новых жителей общество принимало на собрании. Определяли, где им пашню отводить. Приехавшие ставили общине ведро вина. Выпивали его местные пьяницы. Пили за здоровье вновь прибывших — за то, чтобы хорошо устроились на новом месте.

Во Власково переселилось много семей из Могилевской губернии и из-под Гродно, также было много латышей. Переселенцы, если были работающими, устраивались неплохо. Сначала, конечно, в найм шли, а через лет 5 у них уже корова и лошадь были, а то и не по одной голове. Переселенцы и сибиряки жили между собой дружно, роднились. Латыши научили русских делать улья вместо дуплянок, коптить сало. Гродненские и Могилевские привезли с собой скрипки. У сибиряков-то были балалайки. Еще переселенцы отличались от сибиряков тем, что ходили в лаптях» [1, лл. 46—48].

Деревня Зырянка

Деревня Зырянка расположена на р. Тайменка, правом притоке р. Томи. Точная дата основания неизвестна, предположительно в конце XVIII в.

Согласно Списку ямской повинности за 1821 г., в деревне проживали крестьяне Михаил Кибасов, Афанасий, Никифор, Иван, Абросим Марамышины, Елистрат Лучшев, Степан Сизов [5, л. 40].

В 1859 г. в дер. Зырянской насчитывалось всего 7 дворов [15, с. 13]. В 1894 г. — 4 старожильческих и 2 переселенческих хозяйства, 2 дома-связи, 1 пятистенок, 5 изб, 5 крытых дворов. [11, с. 18, 22].

По утверждению местных жителей, во второй половине 90-х гг. XIX в. в Зырянку прибыли первые переселенцы из европейских губерний России [1, л. 40 об., 42 об.]. В поименном списке деревни за 1901 год насчитывается уже 15 дворов, перечислены крестьяне Марамышины, Бушуевы, Корастылевы, Сизовы, Устюжанцевы, Белавины, Пахомко, Безверные [3, л. 7—8]. Не исключено, что некоторые семьи переселенцев не были внесены в этот список по причине того, что еще не были официально причислены к деревне. В 1911 году в Зырянке было уже 32 двора [17, с. 74].

Худяшова Дарья Клементьевна, 1903 г. р., упомянула, что в годы Первой мировой войны в деревню прибыли беженцы [1, л. 42 об.]. Ее слова подтверждает документ Томского госархива, в котором говорится о том, что в 1916 году в Зырянке были расселены семьи беженцев из Гродненской и Волынской губерний [6, л. 121].

Старожильческая часть деревни располагалась у реки, близ леса. Сейчас там остались только огороды. Переселенцы выстроили новую длинную улицу [1, л. 42 об.]. По свидетельству Алексея Захаровича Худяшова (1917 г. р.), много домов в Зырянке построили плотники из соседней Тайменки [1, л. 43 об.].

Зырянка входила в Пачинский приход. Престольный праздник деревни — Заговенье — весной, накануне Петрова поста (июнь), и осенью, перед Рождественским постом на Филипповки (ноябрь) [1, л. 41 об.].

На момент обследования в деревне сохранилось несколько пятистенков и крестовых домов постройки начала XX века с однотипными наличниками. (Фото 7.). По утверждению Анны Ильиничны Бушуевой (1919 г. р.), наличники в деревне изготавливал местный плотник Николай Похомко [1, лл. 40 об.].

Из полевого дневника экспедиции

Бушуева Анна Ильинична (в дев. Дробчик), 1919 г. р.: «Родители приехали из под Гродно в 1895 г. В деревне в то время было всего несколько домов старожилов. Бушуевы — это сибирская фамилия, еще Устюжанцевы и Телешевы. Переселенцы из Белоруссии и с Черниговщины — Емельяновы, Скоробогаты, Пашки [1, л. 40 об.]. Дом наш построил отец Илья Андреевич Дробчик в 1906 г. Изначально это был большой круглый дом: сени, прихожая, изба и горница. Стоял на каменном фундаменте там, где сейчас стайка. Наличники делал местный мастер Николай Похомко. В 1958 г. дом перебрали, переставили на новое место и сделали пятистенком» (фото 8).

Худяшова Дарья Клементьевна (в дев. Скоробогат), 1903 г. р.: «Отец с матерью приехали из Гродненской губернии в 1890-х гг. Познакомились и поженились уже в Сибири. Поначалу жили в Суженке. Отец работал на железной дороге. Когда мне 8 лет было, переехали в Зырянку, к родственникам. Деревня тогда была по количеству домов небольшая, но людей здесь жило много. В основном переселенцы. Семьи большие были: на 4 дома, считай, 40 человек. Местных сибиряков было мало, дома три-четыре. Крытых дворов в Зырянке не делали, городили жердями да плетнями» [1, л. 42—42 об.].

Деревня Пещерка

Деревня Пещерка расположена на правом берегу Томи, близ села Колмогорова. Основана в нач. XX в. на «колмогоровских» («корчугановских») полях. По мнению местных жителей, название деревни произошло от большого количества пещер близ берега Томи [1, л. 3].

Основали деревню переселенцы-чуваши. В настоящее время чувашское население также преобладает. Деревня застраивалась вдоль дороги, которая шла параллельно реке.

Официальные статистические данные относятся к переписи 1920 г. Поселок Пещерка в то время насчитывал 111 жителей и состоял из 21 двора [18, с. 16].

Пещерка относилась сначала к Пачинскому, а затем к Колмогоровскому приходу, престольный праздник — Троица [1, л. 4 об., 6].

Жилые и хозяйственные постройки начала XX в. в Пещерке не сохранились.

Из полевого дневника экспедиции

Абрамов Леонтий Семенович, 1908 г. р.: «Родители — чуваша — прибыли сюда из Уфимской губернии в 1907 году. В тот год приехало сразу несколько семей по причине малоземелья. Здешняя земля принадлежала сначала колмогоровским купцам Корчугановым, все так и говорили: «корчугановские земли». Жили поначалу в землянках. У нас была большая семья: отец, мать, 4 брата, 2 сестры. В 1914 году родители поставили дом. В то время в деревне было всего домов 10—12, из них только три дома принадлежали здешним сибирякам. Русские здесь тоже жили, а еще кержаки — староверы были. Церкви в деревне не было, молиться ходили в Колмогорово и Пачу» [1, лл. 3—4 об.].

Андреева Матрена Александровна (в девич. Александрова), 1908 г. р.: «Пещерку переселенцы основали, арендовали колмогоровские земли. Раньше здесь никакой деревни не было. Деревня застраивалась вдоль дороги. Было две улицы, которые располагались параллельно реке. Бани строили около реки — для удобства переработки льна. Дома ставили по-старому, как в России, — длинные пятистенки под двускатной крышей.

Наша семья в начале 20-х годов сюда приехала из Цивильского уезда Казанской губернии (сейчас это Чувашская АССР — Л. С.). На Волге голод был, а здесь уже жили наши чуваша. Родители на родине продали все имущество за 1,5 млн. керенок, а когда приехали в Сибирь, здесь в ходу были колчаковские деньги». [1, лл. 5—6 об.].

Деревня Подьяково

Деревня Подьяково расположена вдоль правого берега р. Томи, в 34 км. от Кемерово. С обоих концов ограничена впадающими в Томь речками: Большая и Малая Подикова.

В официальных статистических документах деревня Подьяково встречается с сер. XIX века, но по свидетельству участников Второй академической экспедиции, в 1734 году примерно на этом месте, в устье Подиковой речки, находилась деревня Подикова [2, л. 29 об.; 10 с. 39; 21].

В Списке населенных мест Томской губернии за 1859 год дер. Подикова уже не значится, а в деревне Подьякова (Терёхина) указано 26 дворов и 300 жителей [15, с. 109]. В 1911 году в Подьяково было уже 96 дворов, имелась торговая лавка и располагался казенный хлебозапасный магазин [17 с. 516—517].

По сообщению Марии Евгеньевны Бояновой (1888 г. р.), её семья приехала в Сибирь по приказу царя в 1890-х гг., из Киевской губернии: «Сначала сюда поехали ходоки Гриневицы, обследовали землю, затем поехали остальные семьи. Здесь было много ссыльных сибиряков, которые жили очень богато, имели табуны лошадей, стада коров, пасеки» [1, лл. 23 об. — 25].

Храма в Подьяково не было, деревня входила в приход Подонинской церкви во имя Святой Троицы».

Деревня Усть-Хмелевка

Деревня Усть-Хмелевка расположена при впадении р. Хмелёвка в реку Бол. Подикова, между деревнями Подьяково и Пещерка, с правой стороны от автотрассы Кемерово — Яшкино.

Основана деревня во второй половине 90-х гг. XIX века. Впервые в официальных статистических документах упоминается в Списке населенных мест Томской губернии за 1899 г. как вновь образованный заселок Хмелевский, в котором на момент переписи проживало уже 144 человека и насчитывалось 46 дворов. [16, с. 534—535]. Откуда были первые жители, основавшие Хмелёвку, выяснить пока не удалось. По сообщению сестер Гугналёвых, Аксиныи Фадеевны (1902 г. р.) и Александры Фадеевны (1905 г. р.), когда их семья прибыла в Хмелёвку в 1918 году из дер. Фролово Долошанской волости Сабезского уезда Витебской губернии, «здесь уже было много приезжих из казанских» [1, лл. 21 об. — 22 об.].

Своей церкви в Хмелёвке не было, ездили через реку в Подонино, в храм Святой Троицы» [1, л. 22 об.].

Построек конца XIX-начала XX вв. в Усть-Хмелёвке не сохранилось. Большинство жилых домов в деревне — пятистенки и крестовики, построенные в 50—70 х гг. Многие дома сегодня принадлежат дачникам.

Из полевого дневника экспедиции

Дюкореева Аксиныя Фадеевна (в дев. Гугнелёва), 1902 г. р.: «Название деревни такое из-за того, что в окрестностях росло много хмеля. Наша семья приехала из Витебской губернии в 1917 году. Приехали без хозяйства. Местные жители встретили хорошо. Поначалу в одной избенке жили вместе две семьи. Летом работали у богатых и заработали на тёлку. Здесь было много приезжих из Казани, их называли «чистый народ». Местных сибиряков переселенцы считали «неумехами» [1, л. 21 об. — 22].

Деревня Колбиха

Деревня Колбиха расположена на левом берегу реки Томи, в устье реки Колбихи. Основана

Томским Алексеевским монастырем предположительно во второй половине XVII-начале XVIII в. Входила в приход Пачинской церкви во имя Рождества Святого Пророка Иоанна Предтечи.

Подробная историко-архитектурная характеристика данного населенного пункта была представлена в Научном отчете об этнографической экспедиции музея-заповедника «Томская Писаница» 1989 года [13, с. 18–19].

II. ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И БЫТ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОБСЛЕДОВАННЫХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

Основные занятия и промыслы

Основным занятием крестьянского населения на рубеже XIX–XX веков было земледелие. В старожильческих селениях существовала захватно-залежная система землепользования. В 1911–1912 гг., по свидетельству информаторов из деревень Зырянка и Власково, начался земельный передел. Землю делили на доли по 10–15 десятин. Доли давались только на мужчин и детей мужского пола. Перераспределение не являлось регулярным, а было связано, в основном с необходимостью обеспечения прибывающих в Сибирь крестьян-переселенцев из российских губерний [1, лл. 41 об, 46 об.].

Пашни были именные. Информаторы старшего возраста до сих пор некоторые поля вокруг деревень называют по именам прежних хозяев. Земельные наделы располагались на различном расстоянии от поселения. Переселенцы чаще всего получали неудобные, необработанные земли и вынуждены были прежде, чем пахать, раскорчевывать свои угодья.

Большую часть лета крестьянская семья жила на пашне, а в деревню приезжали лишь мыться в бане. Сибиряки иногда ставили на полях избушки, но чаще на пашне сооружали шалаши.

Выращивали ярицу, рожь, овёс, гречиху, просо, лён и коноплю. Пшеницу почти не возделывали. Переселенцы стали выращивать полбу (тип ячменя), подсолнечник и горох. В огородах садили картофель, капусту, огурцы.

Основным пахотным орудием сибиряков в начале XX в. была соха с железными наконечниками. Из России крестьяне-переселенцы везли с собой деревянные сохи, а кто и железные плуги. Но большинство переселенцев приобретали сельскохозяйственный инвентарь уже в Сибири на деньги, полученные в качестве пособия или заработав их (путем найма в хозяйствах сибиряков). В хозяйствах зажиточных крестьян имелись сенокосилки, жнейки, молотилки.

Покосы обычно входили в доли, если же эти земли были непригодны для покоса, то выделялся надел на лугу или на так называемых «церковных землях» [1, л. 43 об.].

Животноводство также являлось важным хозяйственным занятием местных крестьян. Во всех обследованных селениях жители разводили коней, коров, мелкий рогатый скот, домашнюю птицу. Количество домашнего скота определяло степень зажиточности. У некоторых сибиряков насчитывалось до нескольких десятков коров и целые табуны лошадей. Как правило, в таких хозяйствах скот разводили специально для продажи на рынке в г. Томске.

Сибиряки сооружали вокруг своей деревни поскотину. Скот пасся свободно, без пастуха. За каждым хозяйством, закреплялся свой участок ограждения, который при необходимости следовало укреплять или чинить. За исполнением этой обязанности строго следила община. Ворота в поскотине сооружались со стороны всех дорог. В переселенческих деревнях, например, в Пещерке, поскотину не городили. Скот пас пастух на общественном пастбище.

Во Власково, Зырянке, Мохово, Колбихе было распространено пчеловодство. Например, во Власково были пасечники, державшие до 200 дуплянок [1, л. 46].

Жители деревни Власково занимались кедровым промыслом, находившимся под строгим контролем крестьянской общины. Сбор шишек начинали в один день. Рубить кедр можно было только тогда, когда разрешал староста или собрание общины [1. л. 46 об.].

Старожилы деревни Власково занимались также извозом. В нач. XX в. в связи с большим потоком прибывающих в Сибирь железной дорогой переселенцев, это был достаточно прибыльный промысел.

Повсеместными женскими домашними занятиями были обработка льна, прядение и ткачество. Мужчины в некоторых хозяйствах в зимний период плели корзины, изготовляли кадки. Прибывшие переселенцы и в Сибири продолжали изготавливать лапти. Кустарей — гончаров, плотников, сапожников, скорняков, печников — среди переселенцев было гораздо больше, чем среди сибиряков.

В некоторых деревнях были распространены специализированные промыслы, например, в Пещерке жгли известь, в Зырянке гнали деготь.

Из полевого дневника экспедиции

Кунгурова Анна Григорьевна (в дев. Вагина), 1907 г. р., жительница д. Власково: «У каждой семьи был свой участок земли. Но на женщин землю не давали. Наша пашня была в трех верстах от деревни. Сеяли рожь, ячмень, горох, овес, просо, гречу. Там же, на поле, выращивали капусту и огурцы. Кукуруза и помидоры появились только во время колхозов. Базары были в Паче, Поломошном, Томске. В Томск обычно сено возили» [1, л. 26 об.-27].

Баянова Мария Евгеньевна (в дев. Вешнякова), 1888 г. р., жительница деревни Подъяково: «Здесь было много ссыльных сибиряков, которые жили очень богато: имели табуны лошадей, стада коров, пасеки. Отец по приезду в Сибирь, на ссуду смог купить корову и лошадь. Потом в хозяйстве было два коня и корова. В первый год мы с мамой работали по найму у богатых местных жителей, платили хлебом: 1 день-1 пуд. Отец клал печи. Так заработали на целую зиму. Сеяли на полях рожь, гречиху, просо. Пшеница здесь не родилась» [1, л. 25].

Бульбенко Евдокия Калиновна, 1918 г. р., жительница деревни Мохово: «По приезде в Сибирь родители получили землю, но отцу пришлось надел раскорчевывать. Пашня была не далеко, а сразу за деревней был огород. Там садили картофель и подсолнухи. На поле выращивали рожь, пшеницу, лен. В единоличном хозяйстве родители имели корову, лошадь, свиней, кур. Отец скоро умер, мы маленькие были, и мать нанимала работников на пашню. А когда колхозы стали образовывать, сразу вступили» [1, л. 30 об.].

Лигачёва Екатерина Гавриловна (в дев. Филипченко), 1909 г. р., жительница д. Мохово: «Из Белоруссии отец привез деревянную дубовую соху. Она и здешнюю землю выдержала. Отец пахал ею на спор, но все-таки стал использовать плуг. Плуги стоили дешево. У некоторых были сенокосилки, жнейки, молотилки на четыре коня, бороны были деревянные, с железными зубьями.

Пашню сибиряки дали на неудобных, сплошной бурьян да лес. Косить негде было, для покоса потом выделили участок на лугу. Поднимали залежь, сеяли яровые и озимые, был пар. Выращивали ярицу, рожь, пшеницу, горох, просо, коноплю, лен. В урожайный год хлеба хватало. На пашне у нас мазанка имелась. Летом там жила вся семья, там даже кур держали. В деревню с поля только в баню ездили — помыться. В Мохово была мельница. Мололи зимой, излишки продавали весной на базарах в Саломатовой, Иткаре, Пятковой. В домашнем хозяйстве у родителей было 4 коровы, 3 коня, несчетное количество кур и овец.

Особо зажиточно жили чалдоны. Из переселенцев лишь один стал зажиточным. В Мохово одна семья держала лавку, торговали в подклети

дома мануфактурой, вином и прочим мелким товаром» [1, л. 33—34].

Лигачёв Алексей Иванович, 1911 г. р., житель д. Мохово: «В Сибирь с Урала бы сослан мой дед — Лигачев Петр Агеевич за убийство урядника. У отца было три брата. Поначалу семья жила в землянке в лесу. Потом поставили дом. Земли было вволю. Отец держал 7 коров, табун лошадей. В Томск продавали молоко, дрова, сено, хлеб: рожь 18 коп. с пуда, пшеница 22 копейки пуд.

В Мохово перед революцией в основном селились белорусы. Везли с собой коней, брички, плуги. Здесь-то были деревянные сохи с железным сошником, а в России плуги в основном импортные, немецкие» [1, л. 35 об. — 36].

Бушуева Анна Ильинична (в дев. Дробчик), 1919 г. р., жительница д. Зырянка: «Поля были недалеко от деревни. Сначала земли брали, кто сколько сможет обработать, после стали делить на доли: 4 мужика — 4 доли. До сих пор поля называют по имени прежних хозяев. Пашня Ильи Дробчика была за калмацкой дорогой. Почему так называют? Говорят: «калмак проехал с Пачи до Поломошного, ни одного лога не захватил». Значит ровная дорога, хорошая. Там же была раньше деревня Баранова, теперь пашня совхозная. Весь инвентарь (плуги, бороны) переселенцы приобретали уже здесь, в Сибири. На пашнях ставили гумно, крытое соломой. Сибиряки ставили еще избушки, а переселенцы шалаши. Сеяли много льна. А зимой у женщин одна работа была — понитина: сами пряли, сами ткали. Мужики зимой в Томск на базары возили продавать хлеб и скотину.

Деревня покотиной огораживалась со всех сторон. Скот пасся без пастуха. Были ворота со стороны всех большой дорог — от Яшкино, Пачи, Крылово» [1, л. 41 об.].

Худяшова Дарья Клементьевна (в дев. Скоробогат), 1903 г. р., жительница д. Зырянка: «Земли было много. Делили доли на мужиков. Пахали плугом. Сеяли так: сначала рожь, на следующий год на том же месте — пшеницу, потом снова рожь, следующим годом — овес, потом пар — земля отдыхала. У родителей было 4 коня, 4 коровы, свиньи и овцы. Во дворе стоял амбар и навес для скота» [1, л. 42 об.].

Худяшов Алексей Захарович, 1917 г. р., житель д. Зырянка: «Кому земли было мало, брали еще покос. Обычно покос давали на «церковных землях». Пашни были именные. Было полное натуральное хозяйство — все ткали сами платки, дерюжки, рубахи-перемывахи» [1, л. 43 об.].

Вагин Иван Александрович, 1905 г. р. житель д. Власково: «Лес находился в общем пользовании, в единоличном — пашни и сенокосы. В 1912 году начали раздел земли, давали по 11 десятин и $\frac{3}{4}$ десятин — вместе с сенокосами. Земли хватало. Переселенцев общество принимало на собрания. Определяли, где им пашню отводить. Вокруг

деревни поскотина была. Содержали ее только те, у кого был скот. Еще общество строго следило за тем, как лесом пользуются. Бой шишек открывали день в день. Кедр рубить разрешали очень редко. Многие сибиряки извозом промышляли на железнодорожных станциях. Со станций вольнопоселенцев везли, многие так и очутились во Власково» [1, лл. 46 об, 48].

Абрамов Леонтий Семенович, 1908 г. р., житель д. Пещёрка: «У отца было 4 лошади, 4 коровы — это считалось середняцкое хозяйство. Работали вручную — лошадь и плуг. Поле располагалось в трех местах, вместе с лесом надел составлял примерно 90 га. Сеяли рожь, пшеницу и овес. Мельницы были в Хмелёвке и Стрельной. Владелец мельницы в Хмелёвке, Петр Александрович, в один день молот 500 пудов. В Паче была ярмарка. В основном возили туда на продажу муку, чтобы уплатить налог. Имелось совместное пастбище, выбирали общественного пастуха. Многие семьи в Пещерке зарабатывали еще тем, что известь жгли и продавали на базарах в соседних селениях. В Стрельной кожевенный завод был у одного кулака» [1, лл. 3 об. 4].

Андреева Матрена Александровна (в девич. Александрова), 1908 г. р., жительница д. Пещёрка: «Хозяйство родителей, когда они жили в России (в Казанской губернии), состояло из одной коровы и одной лошади. Земли было мало. Пахали сохой, сеяли рожь, горох, полбу (подобно ячменю). Затем полбу стали сеять и в Сибири, из нее делали крупу. В Сибири в хозяйстве появился плуг, стали разводить овец, курей, свиней» [1, л. 5].

Жилища и хозяйственные постройки

В настоящее время во всех исследованных населенных пунктах среди срубных жилых домов преобладают пятистенки и крестовые дома. В нач. XX в., по воспоминаниям информаторов, в основном были избы и пятистенки. Некоторые переселенцы из южных и западных губерний России первое время сооружали соломенные крыши, но быстро перенимали местную традицию и перекрывали крыши жилищ тесом. На других постройках соломенное покрытие бытовало гораздо дольше. По сообщению жительницы д. Мохово Екатерины Гавриловны Лигачёвой (1909 г. р.), украинцы даже строили мазанки [1, л. 34 об.]. Ещё одна особенность строительной техники украинцев — потолки из жердей, обмотанных соломой. Именно такая потолочная конструкция была зафиксирована нами в старом пятистенке в дер. Воскресенка.

Уроженец д. Власково Иван Александрович Вагин (1905 г. р.), рассказал, что латыши, переехавшие в их деревню в начале XX в., «сначала строили на свой манер — дощатые дома, цело у печи выводили наружу, там готовили пищу

для себя и для скота, но вскоре стали строить срубные пятистенки» [1, л. 47].

Усадьбы сибиряков-старожилов и переселенцев 80—90-х гг. XIX в. имели замкнутую планировку и, как правило, представляли собой крытые дворы. Такие дворы условно делилась на две части: «чистый двор» и «скотный». В «чистом» располагались 2—3 амбара, навес или сарай для телег и сельхозинвентаря. Все постройки ставились плотно друг к другу. За «чистым двором» размещался загон для скота, иногда небольшие стайки, конюшня, но часто просто навесы. Усадьбы огораживались заплотом и имели большие ворота. В ходе экспедиции наличие крытых дворов было зафиксировано лишь в деревне Острог. Замкнутые дворы сохранились в Остроге, Мохово, Власково.

В переселенческих селениях замкнутых усадеб не было, хозяйственные постройки располагались в отдалении друг от друга. Дворы огораживались плетнями или жердями.

Бани сибиряки и переселенцы ставили либо на огородах, либо у реки.

Из полевого дневника экспедиции

Кунгурова Анна Григорьевна (в дев. Вагина), 1907 г. р., жительница д. Власково: «Место для строительства дома выбирали, где удобно. Крытые дворы строили зажиточные хозяева. В домах была одна или две комнаты: изба и горница. Печь русская стояла в избе. Печи были из глины сначала, потом из кирпичей стали класть. В избе кроме печи находился стол и лавки. У некоторых два стола было: один в куте, другой на виду. Для освещения использовали керосиновую лампу. Часов не было, ориентировались по петухам. Иконы были в избе и в горнице. На стенах в горнице висели семейные фотографии, на зеркало вешали полотенце для красоты. Половики были только у сибиряков. Штор на окна не вешали» [1, лл. 25 об. — 26].

Бульбенко Евдокия Калиновна, 1918 г. р., жительница д. Мохово: «Родители приехали в Мохово в 1908 г. из Гомельской губернии по причине малоземелья. Кроме семьи отца еще трое его братьев со своими семьями. Сначала селились в пустых избах и у сибиряков, через год построили свои дома. Отец Калина Петрович построил пятистенок с тесовыми сенями. До сегодняшних дней не сохранился. В избе справа от входа русская печь была. В горнице почти ничего не было, кроме стола и кровати. Стены изнутри обмазывали глиной и белили белой глиной, которую покупали у приезжих торговцев. Ничего не красили, полы скребли» [1, лл. 30—31].

Лигачёва Екатерина Гавриловна (в дев. Филиппченко), 1909 г. р., жительница д. Мохово: «Родители приехали в Сибирь в 1907 году из Белоруссии. Построили дом-пятистенок в 7 окон. Стены изнутри обмазывали глиной, а затем белили белой глиной.

Глину добывали в 40 км от деревни. Люди ходили и продавали ее копеек 30—50 за ведро. Обстановки никакой не было: русская печь с лежанкой, полати, столы да скамьи. В моем детстве кровати не было, спали на полу, укрывались дерюжками. Избу и горницу украшали полотенцами да иконами. Стол в горнице покрывали скатертью холщовой, а сверху еще вязанной кружевной. У кого кровати были, их принято было «наряжать»: свес, простыни, покрывала кружевные.

В «россейском крае» дома ставили поперек улицы, на дорогу выходили два окна. Дома были длинные и большие, а у старожилов аккуратные пятистеночки или круглые дома. У украинцев, помню, были мазанки, их крыли соломой. До войны еще в «россейском крае» был двухэтажный дом, принадлежал Михайловым» [1, лл. 32 об. — 33, 34—34 об.].

Бушуева Анна Ильинична (в дев. Дробчик), 1919 г. р. жительница д. Зырянка: «Мебели раньше было мало: в избе — русская печь, лавки, стол, в горнице — комод, сундуки, одна кровать. Спали на ней родители, все остальные — на полу да на полатах. Горница топилась голландкой. Трубы русской печи и голландки соединялись на крыше в «боровик» — в одну кирпичную трубу. Иконы были во всех комнатах. Стены белили глиной, полы и окна не красили, а скребли ножом — секачом.

Двор отцовский был больше, чем сейчас. На месте, где скотный двор, сейчас другая улица и дом жилой. У отца во дворе было три срубных амбара для зерна размером примерно 8 на 8 метров. Амбары строились «на стульях», внутри были закрома. К дому навес пристроен был для телег, сбруи и инвентаря разного. Прочных стоек для скотины тогда не строили, а только легкий навес, крытый соломой» [1, лл. 40 об. — 41].

Худяшов Алексей Захарович, 1917 г. р., житель д. Зырянка: «Родители жены были из переселенцев, так в их доме деревянного пола не было, был земляной, который посыпали желтым песочком. Стены и потолок раньше белили глиной, окна и полы скребли водой, хвощиной или кирпичом. Ничего не красили. Из мебели были полки, лавки, кровать да табуреты. Даже у кого кровать была, спали обычно на полу, а на день все махры складывали на ту кровать. Горницы отапливались голландками. Труба русской печи и голландки соединялись на крыше в «боровик» — в одну трубу Дерюжки на пол стелили только сибиряки, у переселенцев такой моды не было. Еще у сибиряков кругом были «сады» (комнатные цветы в горшках и кадках — Л. С.) Чалдоны были очень гостеприимны, всегда чаем угощали, даже если не было, что к чаю подать» [1, л. 43].

Праздничные традиции и молодежный досуг

Праздничные традиции сибирского крестьянства на рубеже XIX—XX веков были связаны с церковными датами и подчинены календарному циклу сельскохозяйственных работ. Большинство наших информаторов помнят о престольных праздниках своих селений, важнейших христианских праздниках — Рождестве, Пасхе, Троице, а также вспоминают о народных гуляниях на Масленицу, в Святки, на Семик и в Иванов День.

Из полевого дневника экспедиции

Ильиных Серафима Федоровна, 1903 г. р., жительница деревни Колбиха: «На Рождество ездили в церковь в Пачу. А в Святки молодежь шулюканила, то есть рядилась в разные костюмы, например, цыганами. Шулюканы группой заходили в дом с гармонью или балалайкой. Плясали, пели песни и частушки. Им подавали медовушку или бражку. Но девки не пили.

Еще на Святки гадали. Девушка двумя руками хватала из поленницы беремья (охапку) дров, а потом палешки считала, если было четное количество (по парам), то значит, девушка в новом году должна замуж выйти. Другое гадание: в комнату заносит петуха. Перед ним ставят зеркало, воду, зерно. Если петух клюнет зерно, то муж будет трудолюбивый, если петух глядится в зеркало — муж будет красивый, если пьет воду — будет пьяницей. Некоторые девчата с закрытыми глазами хватали овец в хлеву, если в руках оказывалась темная шерсть, то будет чернявый жених, если светлая — белесый. Иногда гадали на судьбу с зеркалом, свечкой, водой и кольцом. Но я так гадать боялась, потому что бывали страшные случаи, когда девушки в зеркале видели гробы, а это к смерти.

Масленицу справляли с воскресенья по воскресенье. Все эти дни катались с горы — с берега на реку. Днем катались дети, вечером — взрослые. Со среды начинали кататься на лошадях, но только молодые ребята верхом, а с пятницы девушки в кошёвках с песнями и гармонистом. Последний день на Масленицу — Прощеное воскресенье или Прощеный день. В этот день молодежь, которая живет отдельно от родителей, едут в деревню, где живут родители — просить у них прощенья.

В Алексеев день (25 февраля — Л. С.) в Паче всегда была ярмарка, а где ярмарка, там и веселье. 7 апреля — Благовещенье, поэтому никто не работал. Говорили: «Птица гнезда не вьёт, а девка косы не плетет».

На Пасху тоже не работали. Было принято красить яйца луковым пером. Дети на улице и во дворах яйца «катали» и играли в «бабки».

Перед Троицей, на четверг, Семик праздновали. Девушки собирались группами по 5—10 человек, шли в лес, там они на березах заплетали косы

из веток и завязывали их цветными тряпочками. При этом приговаривали: «Если замуж выйду — завянь моя коса, если не выйду — зелёной будь». Еще вили венки из цветов и шли на берег Томи с песнями. Бросали венки в воду и приговаривали: «Плыви мой венок, куда приберешься, туда и замуж выйду». В субботу (перед Троицей) зеленью украшали дома и ворота — наверху, по бокам, по две березки прикрепляли. Церковь тоже украшали зеленью и цветами.

На Аграфену Купальницу, что перед Ивановым днем (6 июля — Л. С.) обливались водой, причем обливались иногда водой с землей и простоквашей. В Аграфену еще ходили за реку собирать лечебные травы: «богородскую» да от двенадцати грыж. В Иванов день (7-го июля) все приодетые шли в церковь в Пачу с цветами. Никто никого не обливал.

С декабря, когда окончательно ложился снег и полевые работы заканчивались, молодежь начинала «вечерить». Вечёрки собирали по воскресеньям. Девушки приходили с работой, пряли при лампе, иногда до петухов. Приходили и парни, но так, чтобы родители девушек не знали об этом. Летом на улице собирались, хороводы водили, плясали краковяк, польку-бабочку. Играли в «Разлуку»: все брались за руки и вставали в линию, а один кто-то на бегу должен был разбить цепь. Между двумя игроками, что цепь не удержали, назначался новый «разбивщик». В паре еще играли под песню:

«Со вьюном я хожу, с золотым я хожу.

Я не знаю, куда вьюн положить.

Я не знаю, куда вьюн положить.

Положу я вьюн на правое плечо.

Положу я вьюн на левое плечо...».

Далее: то на правое, то на левое, а играющие должны исполнять то, о чем поется в песне» [1, лл. 14 об. — 19].

Зайцева Татьяна Ивановна (в дев. Похлебкина), 1910 г.р., жительница д. Колбиха: «С Рождества две недели Святки были. В этот период молодежь собиралась на вечерки: девушки пряли кудель, парни играли на балалайках и гармошках. По домам ходили шулюкане — ряженые, пели:

«Каляда — святой вечер, добрый вечер.

Я ходил, я искал по всей Москве,

Каляда — святой вечер,

Я ходил, я искал (Татьянин) двор,

(Татьянины) ворота.

Каляда — святой вечер, добрый вечер.

Хозяину блин да лепёшку, а нам баранью ножку».

В эти дни также принято было гадать про замужество и на судьбу. Кидали лапоть через крышу, куда носком укажет, туда замуж выйдешь. Еще гадали с книжкой «Оракуль». На нее клали блюдце и говорили: «Дух-брюх, скажи-ка правду!». Блюдце начинало ходить, показывало цифру, та-

кую же страницу открывали в «Оракуле» и читали, что выпало» [1, лл. 19—20].

Окуленко Александра Фадеевна (дев Гугнелёва), 1905 г.р., жительница д. Хмельёвка: «На Рождество сначала шли в церковь, по возвращению вся семья обедала. На Новый год ходили шулюкане большими группами, рядились цыганами или нищими. Накануне Крещения девушки ворожили — из щепочек колодец складывали и говорили: «Суженый, ряженный, напои меня водой». Кто приснится, за того замуж пойдешь.

На Масленицу катались на лотках вниз с горы на реку. Три дня перед Масленкой катались на санках и лотках, а в субботу начинали кататься на лошадях. В последний день Масленицы жгли солому на дороге — это знаменовало завершение Масленки и начало Великого поста.

На Троицу под окнами ставили березки. В субботу (перед Троицей) девки ходили в лес, заплетали ветки берёз. Плели венки из цветов, бросали их в реку. Так гадали на судьбу.

В выходные и праздничные дни молодежь собиралась на вечерки. Парни у одиноких жителей откупали избу на вечер. Платили зерном (10—15 кг). На вечерках принято было играть в игры с поцелуями. Одна игра называлась «сосед». Все садились парами. Парень-распорядитель спрашивал какую-нибудь пару:

— Сосед, соседка есть?

— Есть!

— Целуйтесь здесь!

Летом молодежь собиралась на улице на определенном месте — тачке. Гармонисту выносили скамейку. Танцевали краковяк, «коробочку». В будни собирались редко, чаще по воскресеньям» [1, лл. 22 об. — 24].

Попова Полина Афанасьевна, 1920 г.р., жительница с. Пача: «На Рождество ходили по домам, заходя в каждый вдоль улицы, сначала по одной стороне, потом по другой. Славил Христа. Вечером ходили взрослые, днем — дети. Детям подавали семечки, печенье, иногда деньги. Ничего не дать было нельзя. Иногда просили спеть. Все складывалось в холщовые сумки, специально для этого сшитые родителями.

Под Новый год ходили «шулюканы» (ряженые), они заходили в дом, пели, пугали, плясали, выпрашивали: «Хозяева дайте пирога (пятака)! Не дадите пирога — мы корову за рога!».

На Рождество и под Новый год еще гадали разными способами. Например, в избе на стол ставили зеркало, нож, уголь, зерно. Приносили и пускали на стол петуха и по его поведению судили о будущем муже: если петух смотрит в зеркало — жених будет красивый, если начнет клевать зерно — богатый, подойдет к углю — среднего достатка, если подойдет к ножу — муж будет злой и буянистый. Еще помню, девчата делали из щепочек колодец, в середину ставили палочку «цебер»,

на конец которой прикрепляли ведро, вырезанное из картошки. Ложались спать и загадывали, «чтобы милый воды попросил во сне». Кто приснится, тот и суженый. Чтобы узнать, как жениха будут звать, девушки подходили под окна, где горел свет, подслушивали разговор в избе. Какое мужское имя первое назовут, так и жениха будут звать.

В Крещение брали воду из проруби или колодца, святили ее в церкви. Эта вода хранилась дома и считалась целебной целый год. В Чистый четверг и на 40 мучеников обливались этой крещенской святой водой.

На Масленицу тоже шулюканили, катались на лошадях по улицам и с гор на салазках. В Прощеное воскресенье по дороге раскладывали солону, поджигали и прыгали через нее.

На Пасху пекли яйца. Красили их луком и листьями с банных веников, тогда зеленый цвет получался. На улицах катали яйца. Делалось это так: клали палку, поперек ее желоб, одним концом на землю. Перед палкой на земле все клали рядком свои яйца. Если чье яйцо, скатываясь по желобу, задевало несколько других, то игрок забирал те яйца себе. Еще было принято одаривать яйцами детей.

На 40 мучеников пекли печенье в виде птиц из любого теста. Называли жаворонками или голубками. Голубками называли по библейской легенде, когда Христос родился, и его положили в ясли, то кони съедали сено, а голуби, наоборот, закрывали младенца.

Троицу отмечали три дня — с воскресенья до вторника. В субботу ходили на кладбище, приносили зерно, яйца, цветы. В воскресенье гадали с венками на реке, на жизнь: «Буду жива — пльви, умру — потони!». На Пасху и на Троицу в центре деревне делали качели. Для детей — верёвочные, для взрослых — деревянные. Качались чаще девушки.

Вечёрки в праздники проводились каждый день, а в остальное время только по воскресеньям. На большие праздники — Масленицу или Святки — устраивали вечерки с ночевкой. Хлопцы и девки спали в одной хате. Вечерки собирали в избе у одной из подруг, по очереди. Хлопцы играли в карты, а девки шили, вышивали, пели, гадали» [1, лл. 7—11].

Кунгурова Анна Григорьевна (в дев. Вагина), 1907 г. р., жительница д. Власково: «На Рождество дети ходили славить Христа, пели «Рождество твое...». Хозяева давали им денег или у кого что было. Заходили ко всем, кроме тех, у кого собаки злые были.

На Новый год шулюканили — наряжались. Девушки гадали, выходили на улицу, вставали перед воротами, размахивались ногой и кидали валенок через ворота на улицу. Потом смотрели, в какую сторону носком упадет, туда и замуж идти. Или дома таракана словят и посадят его

в спичечную коробочку, которую привязывают к большому пальцу правой ноги. После этого ложатся спать с наговором: «Увези меня, куда замуж уйду».

На Крещение рано утром ходили на речку, святили воду. После Крещения 12 дней не стирали в реке, так как вода свята была.

На Пасху молодежь гуляла на лугу. Парни делали качели: ставили деревянный столб, наверху крестовину, к концам которой привязывались веревки, на конце каждой веревки была петля. Садись в петлю, кружились вокруг столба, отталкиваясь от земли. На Родительский день после Пасхи носили милостыню на кладбище.

Масленицу праздновали с воскресенья по воскресенье, целую неделю. В воскресенье начинали кататься с катушки (горки). В пятницу парни и девушки начинали ездить на лошадях, верхом и в санях. В субботу и воскресенье к ним присоединялись все жители. В последний день жгли костры на дороге. Делала это в основном молодежь.

Четверг перед Троицей назывался Семик. В этот день шли завивать венки. «Если ты, мой веночек, расцветешь — в замуж уйду». На Троицу пускали венки по реке. Парни при этом не присутствовали. Если веночек уплывет — выйти замуж, если на месте стоит — нет. В субботу (перед Троицей) украшали дом березками, втыкая их в землю под каждое окошко.

На Иванов день уже с 6-го июля начинали обливаться и купаться, а 7 числа ходили за травами, за папоротником.

На зимние вечерки молодежь собирались с октября до апреля. В будни обычно были девичьи вечерки с работой. Собирались в чьей-либо избе. На таких вечерках девушки и молодые женщины пряли или вышивали. За работой этой обычно пели протяжные песни. В праздники на вечерки ходили без работы, тогда и парни приходили. Ребята днем просились в какую-нибудь избу, к вдовцам или старикам. Потом шли по домам приглашали девчат, отпрашивали у родителей. На таких вечерках пели, плясали под гармонь, играли в игры разные. С наступлением тепла молодежь собиралась на улице, как говорили, «мялась на соломе» [1, лл. 27—29].

Лигачёва Екатерина Гавриловна (в дев. Филиппенко), 1909 г. р., жительница д. Мохово: «Престольные праздники в деревне — Михайлов день и Ильин день. В эти дни из Кулаково привозили иконы, приезжали поп и звонарь. В Мохово был свой священник, служил в часовне. Часовню разорили в 1931 г., сделали клуб. На престольные праздники в деревню съезжались гости, угощали, потом гуляли, пели на улицах, играли на балалайках, на заслонках.

Белорусы носили икону на Николу кому-нибудь в дом по очереди. Потом неделю всю в этот дом приходили молиться. Сибиряки так не делали.

Сибиряки не справляли Ивана Купала, не колядовали. На Масленку ставили 4 столба, полати, скат. Получалась гора. Катались на лотках и по деревне в санях» [1, лл. 34 об. — 35].

Бушуева Анна Ильинична (в дев. Дробчик), 1919 г. р., жительница д. Зырянка. Престольный праздник в каждой деревне свой был. В Паче — Иванов день. В церкви большой молебен был, со всей округи туда съезжались. В деревне Барановой Параскеву Пятницу праздновали, у нас в Зырянке — Заговенья весной и осенью. В эти дни обычно в домах у сибиряков Устюжанцевых и Телешевых иконы ставили, привезенные из Пачи. Священнику надо было платить за каждую службу в доме. Поэтому не каждая семья могла себе позволить позвать священника для молебна. Но в новый дом для освящения жилища надо было звать обязательно. В засуху общество собирало деньги, чтобы пригласить попа для обхода полей с иконами» [1, лл. 41 об. — 42].

Худяшов Алексей Захарович, 1917 г. р., житель д. Зырянка: «Народ, когда не работал, жил весело. У женщин были посиделки с пряслицами. Молодежь устраивала вечерки — откупали какую-нибудь избу и гуляли в ней. На улице хороводы водили, в игры играли, например, в «Разлуку». Мужчины играли в городки, молодежь в лапту. Устраивали борьбу [1, лл. 43 об. — 44].

Свадебная обрядность

Традиционный свадебный обряд представлял собой одновременно семейный праздник, общественно значимый юридически-бытовой акт и сакральное явление с его религиозно-магической стороной. [8, с. 90]. Этому обряду была свойственна публичность, продолжительность и большое количество обязательных ритуальных действий. По сообщению наших информаторов, свадьбы принято было справлять зимой или весной, до начала полевых работ. Церковь не венчала во время постов.

Знакомство молодых, как правило, происходило на вечерках. Парни предпочитали ездить на вечерки в соседние деревни.

Из полевого дневника экспедиции

Попова Полина Афанасьевна, 1920 г. р., жительница с. Пача: «Сначала к невесте сватов засылали. Сватами могли быть сам жених, его мать, крестные, другие родственники или знакомые. Обязательно спрашивали согласия невесты. Если сватовство удачным было, то начинали готовиться к свадьбе. У невесты на вечерке собирались подружки, они помогали ей шить наряд, готовиться к венчанию. Время от сватовства до свадьбы ограничивалось в зависимости от достатка семьи и времени года

В первый день свадьбы, перед тем, как ехать к венчанию, на невесту надевали венок из разноцветных лент. Венок надевала ближайшая подружка — подневестница. У нас в деревне косу невесте не расплетали, а наоборот заплетали. Подружки невесты при этом пели. Невеста тоже могла петь или причитать.

Жених с дружкой — подженишником приезжали на лошадях, а летом в коробушках или ходочках, зимой в санях-кошёвках. Дома невесту охраняли ее родственники и приехавшие должны были невесту выкупать. Но иногда, когда денег не хватало, приехавшие могли вырвать невесту из рук её родственников. После выкупа невесты ехали венчаться. В свадебный поезд запрягалось до четырех повозок. В первую повозку садились жених с невестой, подневестница и подженишник, гармонист. По пути в церковь и обратно односельчане перегораживали дорогу веревкой, выносили стол с закуской и требовали выкуп. При этом пели: «А что ж вы нам дали, что навоз не забрали?». В качестве выкупа требовали и подавали водку. Чтобы избежать выкупов, из церкви в дом жениха некоторые ехали окружной дорогой или закоулками. По приезду мать жениха встречала молодых у калитки. Молодые кланяются ей, потом проходят в дом, где их сажают за стол — начинается свадебный пир.

Утром второго дня родственники жениха приходили смотреть рубашку невесты. После чего молодых на санях или в бричке катали по деревне. Если молодая была «нечестна», то к повозке привязывали всякое старье, запрягали плохих лошадей. Из печки выгребали золу и измазывали избу родителей невесты. Если же молодая была «честная», то запрягали самых хороших лошадей, красиво наряжали повозку и катали с весельем, под гармонь. В этот же день в дом жениха привозили приданое невесты: перины, подушки, одежду» [1, лл. 11 об — 14].

Худяшов Алексей Захарович, 1917 г. р., житель д. Зырянка: «У сибиряков перед венцом невесту подружки вели в баню мыться и потом обратно. Все это под песни протяжные. После бани устраивали девишник — гулянку, на которую приезжал жених с друзьями. За рекой жила женщина-сибирячка, которую приглашали в день свадьбы причитать перед тем, как к венцу ехать. Сама невеста не причитала. Но причитальница пела так жалобно, что любой заплачет. Еще у сибиряков принято было «позорить» девку, если она оказалась «бесчестной». Вешали ботало на дугу и ее родителей так катали по селу [1. лл. 44—44об.].

Бушуева Анна Ильинична (в дев. Дробчик), 1919 г. р., жительница д. Зырянка: «Свадьбы справляли в мясоед — с Рождества до Масленицы, на Троицу и Петров день. У сибиряков обычай позорить невесту был, если она не девкой окажется» [1. л. 42].

Список информаторов

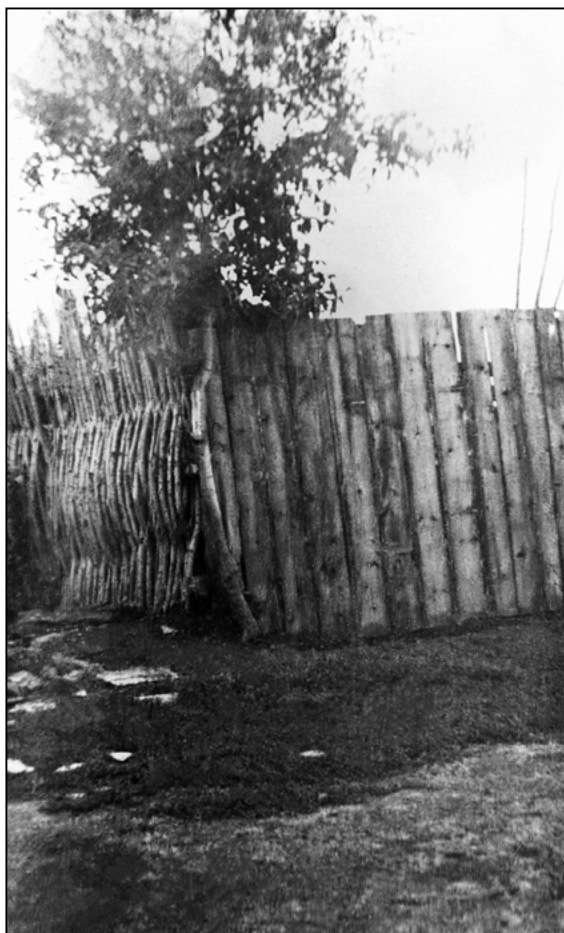
д. Мохово	Худяшова Дарья Клементьевна (в девич. Скробат), 1903 г. р.
Бульбенко Евдокия Калиновна, 1918 г. р.	Худяшов Алексей Захарович, 1917 г. р.
Лигачёва Екатерина Гавриловна (в девич. Филипченко), 1909 г. р.	д. Пещерка
Лигачёв Алексей Иванович, 1911 г. р.	Абрамов Леонтий Семёнович, 1908 г. р.
Турлакова Елена Ефимовна, 1914 г. р.	Андреева Матрёна Александровна (в девич. Александрова), 1908 г. р.
д. Кулаково	д. Подъяково
Махлинская Антонина Афанасьевна, 1913 г. р.	Боянова Мария Евгеньевна (в девич. Вешнякова), 1888 г. р.
д. Острог	
Серёгин Василий Михайлович, 1920 г. р.	д. Хмелевка
Краснова Ульяна Ильинична, 1925 г. р.	Дюкореева Аксения Фадеевна (в девич. Гугнелева), 1902 г. р.
Бурыхина Екатерина Ивановна, 1927 г. р.	Окуленко Александра Фадеевна (в девич. Гугнелева), 1905 г. р.
д. Власково	
Кунгурова Анна Григорьевна (в девич. Вагина) 1907 г. р.	д. Колбиха
Юрьева Анна Григорьевна (в девич. Федорова) 1928 г. р.	Ильиных Серефима Федоровна, 1903 г. р.
Вагин Иван Александрович 1905 г. р.	Ильиных Клавдия Гавриловна 1929 г. р.
Скрузман Эльза Григорьевна 1928 г. р.	Зайцева Татьяна Ивановна (в девич. Похлёбкина), 1910 г. р.
Штенцов Ефим Александрович 1929 г. р.	Попова Полина Афанасьевна, 1920 г. р.
д. Зырянка	
Бушуева Анна Ильинична (в девич. Дробчик), 1919 г. р.	

Источники и литература

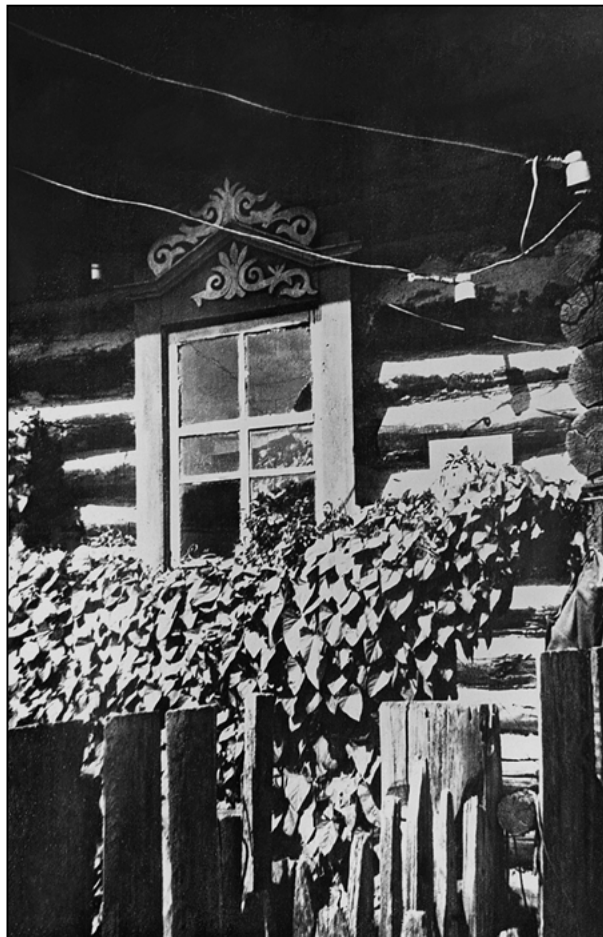
1. АМЗТП, ф. 3, оп. 1, д. 43.
2. РГАДА, ф. 199, портф. 526, ч. 2, д. 6, л. 1—36 об.
3. ГАТО, ф. 3 оп.19, д. 1130
4. ГАТО, ф. 61, оп. 1, д. 11.
5. ГАТО, ф. 66—1, д. 18.
6. ГАТО, ф. 239, оп. 1. д. 122.
7. Емельянов, Н. Ф. Население Среднего Притомья в XVII — первой половине XIX в. / Н. Ф. Емельянов // Вопросы формирования русского населения Сибири. — Томск, 1978.
8. Зуева, Т. В., Кирдан, Б. П. Русский фольклор / Т. В. Зуева, Б. П. Кирдан. — М., 1998.
9. Коллекция метрических книг (фонд Д-60). Государственный архив Кемеровской области — Кемерово, 2007.
10. Крашенинников, С. П. В Сибири. Неопубликованные материалы / С. П. Крашенинников. — М.-Л., 1968. — 241 с.
11. Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства Томского округа [Текст]. — Т. 1. — Барнаул, 1899. — Вып. 2
12. Миллер, Г. Ф. История Сибири / Г. Ф. Миллер. — Изд. 2-е. — М., 2000. — Т. 2.
13. Научный отчет этнографической экспедиции музея — заповедника «Томская Писаница» за 1989 год [Текст] / Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». — Кемерово, 2015. — Вып. 1. — С. 5—28.
14. Ремезов, С. У. Чертежная книга Сибири / С. У. Ремезов. — СПб. — 1882.
15. Список населенных мест Томской губернии по сведениям 1859 г. — СПб, 1868.
16. Список населенных мест Томской губернии на 1899 г. — Томск, 1899.
17. Список населенных мест Томской губернии на 1911 г. — Томск, 1911.
18. Список населенных мест Томской губернии по данным позднейших переписей (1910, 1917, 1920 гг.). — Томск, 1923.
19. Список населенных мест Сибирского края. — Новосибирск, 1929. — Т. 2.
20. Справочная книга Томской епархии за 1909—1910 гг. — Томск, 1911.

References

1. АМЗТР, f. 3, op. 1, d. 43.
2. RGADA, f. 199, portf. 526, ch. 2, d. 6, l. 1—36 ob.
3. GATO, f. 3 op.19, d. 1130

*Фото 1. Ограждение усадьбы из плетня.
Деревня Мохово Яшкинского района*

*Фото 2. Наличники жилого дома.
Деревня Зырянка Яшкинского района*

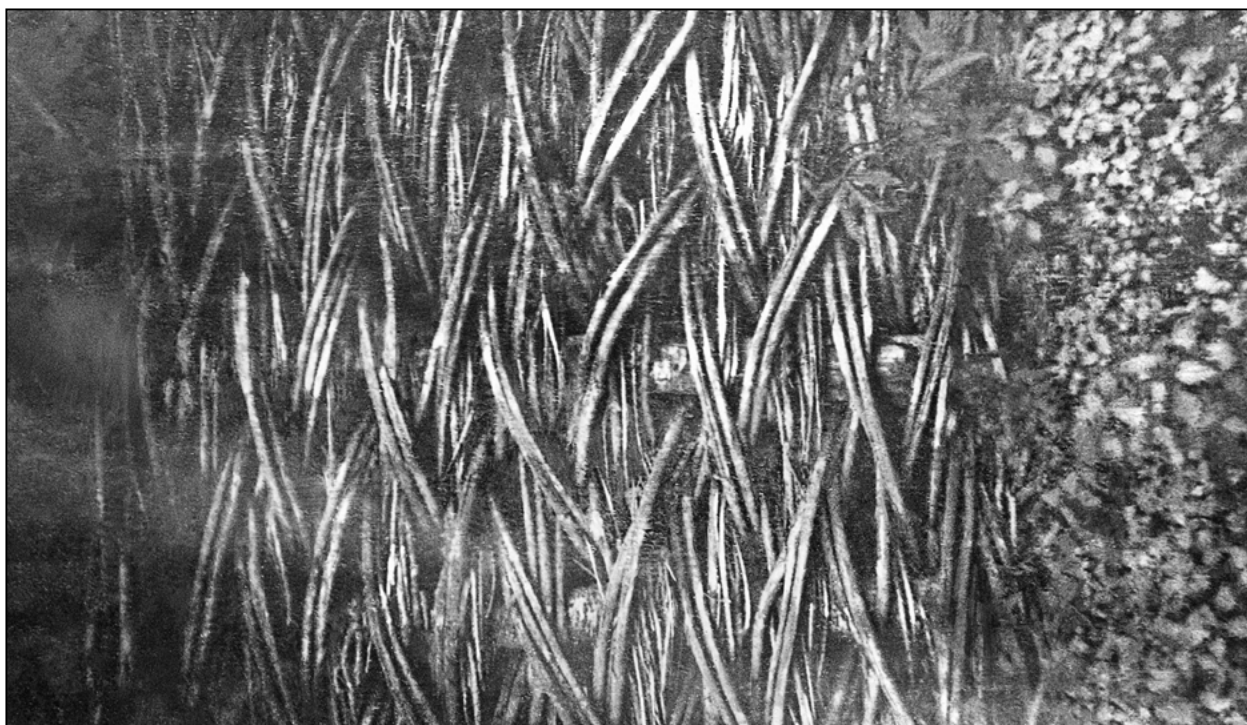

Фото 3. Ограждение усадьбы из плетня. Деревня Мохово Яшкинского района

Фото 4-5.
Остатки здания церкви.
Деревня Кулаково
Яшкинского района

Фото 6. Двухэтажный
дом-пятистенник. Деревня
Острог Яшкинского
района Кемеровской
области.

Фото 7. Крытый двор. Деревня Острог Яшкинского района

Фото 8. Дом-пятистенок. Деревня Зырянка Яшкинского района

4. GATO, f. 61, op. 1, d 11.
5. GATO, f.66—1, d. 18.
6. GATO, f. 239, op.1. d. 122.
7. Emel'yanov, N. F. Naselenie Srednego Pritom'ya v XVII — pervoy polovine XIX v. [The population Srednego Pritomya in XVII — the first half of the XIX century]// Voprosy formirovaniya russkogo naseleniya Sibiri. — Tomsk, 1978. (In Russ.).
8. Zueva, T. V., Kirdan, B. P. Russkiy fol'klor. [Russian folklore.]. — M., 1998. (In Russ.).
9. Kolleksiya metrisheskikh knig (fond D-60). [Collection of registers of births] Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti. [State archive of the Kemerovo region.]. — Kemerovo, 2007. (In Russ.).
10. Krashennikov, S. P. V Sibiri. Neopublikovannyye materialy. [Unpublished materials. Unpublished materials.]. — M. — L., 1968. (In Russ.).
11. Materialy po issledovaniyu krest'yanskogo i inorodcheskogo khozyaystva Tomskogo okruga. [Materials on research of country and foreign economy of the Tomsk district]. — Т. 1. — Barnaul, 1899. — вып. 2 (In Russ.).
12. Miller, G. F. Istoriya Sibiri. [History of Siberia]. — M., 2000. — Izd. 2-e. — Т. 2.
13. Nauchnyy otchet etnograficheskoy ekspeditsii muzeya — zapovednika «Tomskaya Pisanitsa» za 1989 god // [The scientific report of ethnographic expedition of the museum-preserve «Tomskaya Pisanitsa» for 1989] Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya Pisanitsa». [Scientific notes of the museum-preserve «Tomsk Pisanitsa»]. — Kemerovo, 2015. — Вып. 1. — S. 5—28. (In Russ.).
14. Remezov, S. U. Chertezhnaya kniga Sibiri. [Drawing book of Siberia]. — SPb. 1882.
15. Spisok naselennykh mest Tomskoy gubernii po svedeniyam 1859 g. [The list of the occupied places of the Tomsk province according to 1859]. — SPb, 1868. (In Russ.).
16. Spisok naselennykh mest Tomskoy gubernii na 1899 g. [The list of the occupied places of the Tomsk province for 1899]. — Tomsk, 1899. (In Russ.).
17. Spisok naselennykh mest Tomskoy gubernii na 1911 g. [The list of the occupied places of the Tomsk province for 1911]. — Tomsk, 1911. (In Russ.).
18. Spisok naselennykh mest Tomskoy gubernii po dannym pozdneyshikh perepisey (1910, 1917, 1920 gg). [The list of the occupied places of the Tomsk province according to the latest censuses (1910, 1917, 1920)]. — Tomsk, 1923. (In Russ.).
19. Spisok naselennykh mest Sibirskogo kraya. — Т. 2. [The list of the occupied places of Siberia.]. — Novosibirsk, 1929. (In Russ.).
20. Spravochnoy knige Tomskoy eparkhii za 1909—1910 gg. [To the reference book of the Tomsk diocese for 1909—1910]. — Tomsk, 1911. (In Russ.).

УДК 39

ТРАДИЦИИ ПРАЗДНИКА ИВАН КУПАЛА В СЕЛЕ ПРЕОБРАЖЕНКА

Скрябина Людмила Анатольевна,

к.и.н., ведущий научный сотрудник музея-заповедника «Томская Писаница» (Москва, Российская Федерация). E-mail: smila@rambler.ru

Мархель Анастасия Сергеевна,

младший научный сотрудник музея-заповедника «Томская Писаница», студентка 4 курса кафедры музейного дела Кемеровского государственного института культуры (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: marhel_anastas@mail.ru

В статье авторы рассматривают описание праздника Иван Купала в селе Преображенка Тяжинского района Кемеровской области и прослеживают историю развития Иван Купала как одного из немногих языческих праздников, сохранившихся после принятия христианства и доживший до наших дней.

Ключевые слова: Иван Купала, село Преображенка, ритуальное дерево, обрядовая кукла, культурный феномен.

IVAN KUPALA'S TRADITIONS IN PREOBRAZHENKA VILLAGE.

Skryabina Lyudmila Anatolievna,

Candidate of History Science. The leading science member of the museum-preserve «Tomskaya Pisanitsa» (Moskov, Russian Federation). E-mail: smila@rambler.ru

Markhel Anastasiya Sergeevna,

Junior research of the museum-preserve «Tomskaya Pisanitsa». Student of 4th grade. Department of Museum Affairs (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: marhel_anastas@mail.ru

In the article the author considers the description of Ivan Kupala holiday in Preobrazhenka village of Tyazhinskiy district, Kemerovo region and traces the history of Ivan Kupala's developing, as one of the few pagan holidays which survived after up to our days.

Keywords: Ivan Kupala, Preobrazhenka village, ritual tree, ceremonial doll, cultural phenomenon.

Иван Купала — один из немногих языческих праздников, сохранившихся после принятия христианства и доживший до наших дней. У древних восточных славян он был приурочен к Летнему Солнцевороту и являлся одним из главных событий народного земледельческого календаря. Это был праздник Солнца и Воды, дающих начало всему живому, пора расцвета всех животворящих сил природы. В этот день люди стремились приобщиться к этим силам, воспользоваться их целительными, охранительными и очистительными возможностями на весь предстоящий год. Одновременно с этим купальскому празднику приписывалась активность потусторонних сил, к которым, несмотря на боязнь, обращались через гадания.

Дохристианское название праздника неизвестно. Привычное всем нам — Иван Купала, вероятно, появилось уже после крещения Руси, когда православная церковь в день солнцестояния стала отмечать рождество Иоанна Крестителя. Выбор глагола «купать» для перевода эпитета «креститель» явно был обусловлен тем, что крещение человека водой, которое первым совершил Иоанн, было сродни языческим ритуальным омовениям, издревле совершавшимся в день летнего солнцеворота.

По мнению большинства исследователей, к началу XIX в. у русских, проживающих в северных, центральных и сибирских губерниях Российской империи, первоначальный языческий смысл праздника был в основном утрачен, а основные элементы древнего купальского ритуала забыты или перенесены на другие праздники (Троицу и Петров день). В частности, у русских старожилов Сибири купальская обрядность состояла лишь в сборе лекарственных трав, купании и обливании водой [4, с. 91; 1; 2].

В тоже время у украинцев и белорусов этот праздник трансформировался в веселое гулянье молодежи, в котором всё еще сохранялись некоторые архаические элементы празднования Купала.

Согласно этнографическим материалам XIX в., в Малороссии: Киевской, Полтавской, Черниговской, Харьковской губерниях накануне Купало (Купайло), после захода солнца, молодые празднично одетые девушки с венками на головах в избранном месте вкапывали в землю украшенное цветами и лентами срубленное деревце вербы, ивы или черноклена. Вокруг него водили хороводы

под особые купальские песни. В некоторых селениях у дерева ставили куклу (чучело), сделанную из соломы и одетую в женскую рубашку. Голову этой куклы убирала лентами, шею — монистами. Украшенное деревце, чаще всего, именовалось Мареной, а кукла — Купалой [5, с. 70—71, 76]. Но отмечались и другие варианты. В ряде уездов Киевской губернии, там, где не было обычая изготовлять куклу, Купалой называли обрядовое деревце [5, с. 76]. В Полтавской губернии, по свидетельству Терещенко, вечером под Иванов день делали «чучело из соломы, называемое Мара» [9, с. 80]. В Куплинском уезде Харьковской губернии — Марынка [6, с. 159].

По имеющимся сведениям, парни в установке ритуального дерева и изготовлении куклы, как правило, участия не принимали. Обычно их роль была другая — они пытались отнять у девушек дерево или куклу и разломать [5, с. 70]. Всё это представлялось в форме веселой игры и явно представляло собой пережиток древних весенне-летних языческих обрядов. Очевидно, что деревце являлось не только символом растительности и образом праздника, но и символом девичества. Именно поэтому делали его исключительно девушки, они же и оберегали.

Рядом с Купалой (деревом или куклой) разжигали костер, через который следовало перепрыгнуть, чтобы получить здоровье и плодородную силу. Поэтому через огонь прыгали не только молодежь, но и взрослые селяне. Там, где костры не разжигали, скакали через большой пучок крапивы [6, с. 158; 7, с. 130].

Отмечено также несколько вариантов кульминации праздника. Согласно имеющимся этнографическим материалам, на рассвете 24 июня (ст. ст.): 1) ритуальное дерево вместе с куклой топили в близлежащем водоеме [9, с. 81, 83; 6, с. 159; 7, с. 129]; 2) топили только дерево, а куклу сжигали [Терещенко, с. 80]; 3) дерево и куклу разрывали на части [5, с. 75, 7, с. 129].

Обязательным действием праздника Купало у украинцев было купание. В одних местах девушки окунались в воду перед тем, как обрядить деревце, в других — молодежь купалась перед тем, как прыгать через огонь. Но чаще всего купались при потоплении Марены (Купало) [6, с. 156; 5, с. 71].

В число компонентов купальской обрядности у украинцев входила также «вечеря». Она устраивалась либо под ритуальным деревом, либо

на берегу после потопления Купалы. Еду готовили девушки, парни заботились о выпивке [6, с. 159].

Еще одним обязательным атрибутом праздника были венки. Каждая девушка плела свой венок сама и носила его на протяжении всего празднования. Лишь когда топили деревце или куклу, то вслед им бросали и венки. По венкам гадали «на смерть» или «о замужестве». В некоторых местах венки не бросали в воду, а несли домой и разбрасывали в огородах, чтобы росли огурцы и тыквы или вешали в комнатах и хлевах для предохранения себя и домашних животных от нечистой силы [9, с. 81; 7, с. 159].

Таким образом, на Иван Купала в Малороссии почти повсеместно фиксировались следующие действия: 1) собирание трав и цветов для плетения венков; 2) приготовление обрядового дерева и установка его на месте гуляния; 3) изготовление ритуальной куклы; 4) разжигание костра у обрядового дерева и перескакивание через огонь (в некоторых губерниях, где костер не разжигался, участники обряда перепрыгивали через высокую кучу сорванной крапивы); 5) хороводы вокруг дерева, куклы или костра; 6) потопление или разрывание, а в некоторых местах сжигание дерева или куклы; 7) совместная трапеза (вечеря) до или после уничтожения дерева; 8) бросание в воду венков и гадание по ним; 9) купание.

На рубеже XIX—XX веков вместе с переселенцами из малороссийских губерний украинские традиции празднования Иван Купала появились в Сибири и, как оказалось, некоторые из них сохранились до наших дней.

Каждый год жители села Преображенка Тяжинского района Кемеровской области празднуют Иван Купала по обычаю своих предков, прибывших в Мариинский уезд Томской губернии в 1894 году из Киевской, Харьковской, Полтавской и Черниговской губерний.

Особо хотим подчеркнуть, что этот праздник в Преображенке не относится к разряду праздников, организованных по плану культурно-массовых мероприятий сельского клуба или местной администрации, а является самостоятельной инициативой жителей.

Главным действием праздника является изготовление обрядовой куклы, которую в Преображенке именуют Ванькой или Иваном.

Инициаторами празднования выступает какая-то одна семья, к которой впоследствии присоединяются соседи или по договоренности несколько соседствующих семей. Возрастной состав участников разнообразный: от стариков до детей. Подготовка праздника начинается, как правило, вечером 6 июля. В близлежащей роще срубуют 7—8 молодых березок. На лугу косят траву для будущей куклы. Все это привозится к месту будущего празднования, обычно к дому строителей. Березки вкапывают на улице близ

ограды дома, здесь же приступают к изготовлению Ивана. Из двух палок сколачивается крест, который служит основой. К нему привязывается привезенная трава и полевые цветы. В верхней части креста, там, где голова Ивана, с помощью цветов, яичной скорлупы, моркови и прочего обязательно изображается лицо: глаза, рот и нос.

«Ивана» в Преображенке, чаще всего, наряжают в мужскую одежду: на него надевают шапку, штаны, рубашку или фуфайку. Кроме того, мужское естество Ивана принято обозначать фалосом из моркови (фото 1).

В тоже время на видеоматериалах 1995 года, переданных в фонды музея-заповедника «Томская Писаница», к.ф.н., доцентом Е. И. Лутовиновой, имеется сюжет, в котором на мужской пол обрядовой куклы указывает только украшенная венком из ромашек мужская шляпа (фото. 2). [Фонды МЗП, ВХ 341/2015]

Ивана, как правило, устанавливают рядом с березками. Тут же накрывают столы. Обычно каждый участник застолья приходит со своим угощением.

Праздничное застолье с выпивкой и песнопениями начинается после заката. Когда совсем стемнеет, разжигают костер и прыгают через огонь. Молодежь часто устраивает у костров своеобразную дискотеку. На рассвете Ивана несут к водоему. На берегу снимают с него одежду и топят. На рассвете Ивана несут к водоему и топят, иногда прямо в одежде (фото 3).

В конце 1990-х гг. жители Преображенки рассказывали исследователю кузбасского фольклора В. Ф. Похабову, что Ивана топили «чтоб капуста выросла» [8, с. 127].

6 июня 2015 года традиционное празднование Иван Купала в Преображенке было организовано членами семьи Васюхно. Приготовления начались около 20 часов возле дома Дмитрия Александровича Васюхно (1979 г.р.) по адресу ул. Юбилейная, 7. Дмитрий, его жена Наталья, отец и дядя Дмитрия — Александр Васильевич (1954 г.р.) и Владимир Васильевич (1949 г.р.) Васюхно начали устанавливать у ограды усадьбы срубленные неподалеку молодые березки (фото 4).

Их сосед Олег Булынин (1968 г.р.) на ближайшем пустыре накопил траву для изготовления обрядовой куклы и привез ее к дому Дмитрия (Фото 5). Александр Васильевич и Дмитрий соорудили из двух палок крестообразную основу и начали изготавливать «Ваньку». Деревянный крест обложили травой и закрепили его с помощью веревок (фото 6). Наталья положила поверх травы цветы, сообщив, что они обязательно нужны для «наряда» (фото 7).

Вместе с цветами Наталья принесла мужские брюки и кепку. После того, как травяная кукла была почти готова, ее стали «наряжать». Начали со штанов: в одну штанину была продета нижняя

часть палки с обвязанной травой, в другую штанину натолкали оставшуюся неиспользованную траву (фото 8).

Затем приступили к изготовлению головы и лица «Ваньки». Из яичной скорлупы и моркови Наталья сделала глаза, нос и рот. Поверх головы закрепили кепку (фото 9).

После того, как всё было готово, почти двухметрового «Ваньку» подняли и поставили рядом с ранее вкопанными берёзками. Заключительным «аккордом» стало придание Ваньке «мужского достоинства» с помощью морковки и двух яиц (фото 10).

Вскоре после того, как Ванька был установлен, начались приготовления к застолью. Рядом с березками были поставлены стол и скамейки. К застолью стали собираться соседи и друзья семьи Васюхно, каждый что-то принес к общему столу. Начавшийся проливной дождь не стал помехой — над столом был сооружен навес из полиэтилена. Когда к застолью присоединилась заведующая местным клубом Надежда Фонтанина, за столом зазвучали песни, в основном украинские.

Как только дождь прекратился, разожгли костер, который был подготовлен заранее, и стали через него прыгать (фото 11).

К сожалению, начавшийся проливной дождь, продлившийся всю ночь, помешал завершению праздника. Примерно в 23 часа 45 мин. застолье свернули и топить в реке «Ивана» не носили.

По утверждению участницы праздника Надежды Николаевны Фонтаниной (1981 г.р.), если бы не было дождя, «Иванов» в этот день в Преображенке можно было бы увидеть на каждой улице: «Ванек все по-разному наряжают, но кроме травы обязательно должны быть цветы. Мужское достоинство ради смеха чучелу привешивают. Каждая компания топит своего Ваньку в разных местах, кто в пруду, кто в речке. Еще принято Иванов друг у друга воровать, а если соседи своего Ваньку не отоьют, то приходится двух Иванов к реке нести. Когда топят Ивана, как правило, и сами окунаются. А по венкам у нас не гадают».

Косвенное подтверждение информации об обычае воровать «Ивана» содержится и в материалах, записанных в 1990-х гг. В. Ф. Похабовым. Его информаторы А. И. Бычкова (1916 г.р.) и В. А. Леонова (1927 г.р.) сообщали, что «ночью, когда караулили Ивана, ставили столы, на них разную закуску, вино и гуляли. Чучело стерегли до утра, а как только начинало светать, уносили его к речке, бросали в воду, провожали и пели: «Головастый

Иван по капусте орал. Головаста садила, чтоб капуста родила!» [8, с. 127].

В том или ином виде в праздновании дня Иван Купала в Преображенке сегодня присутствует как минимум пять из девяти вышеперечисленных элементов традиционной купальской обрядности украинцев. Хотя, безусловно, все они претерпели существенную трансформацию.

Никто из организаторов наблюдаемого нами празднования не смог объяснить, чему оно посвящено и зачем нужно ставить у дома деревца и «Ивана». Но при этом все без исключения говорили: «Старики так делали, и мы делаем».

Можно предположить, что традиция «ставить Иванов» была привнесена в Преображенку украинскими переселенцами из Черниговской губернии, в ряде уездов которой, по свидетельству А. Н. Малинки, в конце XIX века на Иван Купала из травы и цветов, привязанных к крестообразной основе, изготавливали куклу, именуемую Иваном. Этой кукле повязывали женский платок, а на шею надевали монисто с лентами. Ее ставили на плетень или на воротах. В селе иногда делалось несколько Иванов [7, с. 129].

Очевидно, окончательная трансформация куклы, некогда олицетворявшей древнеславянский женский мифологический персонаж Марену/Купало, в куклу Ивана с ярко выраженными признаками мужского пола произошла уже в Сибири, в первой четверти XX века в среде потомков первых жителей Преображенки. В данном случае забытые традиционные представления и верования были преобразованы в логичную для современного человека цепочку образов: праздник Иван Купала — кукла Иван — мужчина. Соответственно, появляются мужские элементы одежды и другие признаки пола.

На рубеже XIX — XX веков в купальской обрядности первопоселенцев села Преображенка, по-видимому, присутствовало и срубленное обрядовое деревце, о чем свидетельствует сохранившийся обычай вкапывать рядом с «Иваном» срубленные молодые березки. В настоящее время первоначальный смысл этого действия утрачен.

Между тем, несмотря на значительные изменения первоначального внутреннего содержания и формы, праздник Иван Купала в селе Преображенка является уникальным культурным феноменом Кемеровской области. А само село, пожалуй, единственным очагом живой традиционной культуры, передаваемой из поколения в поколение.

Источники и литература

1. НА МЗТП, ф. 3, д. 43
2. НА МЗТП, ф. 3, д. 44
3. Фонды МЗТП, ВХ 341/2015

4. Громько, М. М. Дохристианские верования в быту крестьян XVII — начала XX вв. / М. М. Громько // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII — начала XX вв. — Новосибирск, 1975. — С. 71—110.
5. Забылин, М. М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / М. М. Забылин. — М., 1880.
6. Иванов, П. В. Жизнь и поверья крестьян Куплинского уезда Харьковской губернии [Текст] / П. В. Иванов // Сборник Харьковского историко-филологического общества. — Харьков, 1907. — Вып. VIII. — С. 155—163.
7. Малинка, А. Н. Иван Купала в Черниговской губернии / А. Н. Малинка // Этнографическое обозрение. — 1898. — № 2. — С. 128—131.
8. Похабов, В. Ф. Обрядовые традиции русского населения Мариинского уезда Томской губернии конца XIX—XX вв. / В. Ф. Похабов Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. — Новосибирск, 2004.
9. Терещенко, А. В. Быт русского народа / А. В. Терещенко // СПб, 1848.

References

1. NA MZTP, f. 3, d.43
2. NA MZTP, f. 3, d. 44
3. Fondy MZTP, VKh 341/2015
4. Gromyko, M. M. Dokhristianskie verovaniya v bytu krest'yan XVII- nachala XX vv. [Pre-Christian beliefs in life of peasants of XVII-of the beginning of the XX centuries] / M. M. Gromyko // Iz istorii sem'i i byta sibirskogo krest'yanstva XVII- nachala XX vv. [From history of a family and life of the Siberian peasantry of XVII-of the beginning of the XX centuries] Novosibirsk, 1975. S. 71—110. (In Russ.).
5. Zabylin, M. M. Russkiy narod. Ego obychai, obryady, predaniya, sueveriya i poeziya. [Russian people. Its customs, ceremonies, legends, superstitions and poetry.] M., 1880. (In Russ.).
6. Ivanov, P. V. Zhizn' i pover'ya krest'yan Kuplinskogo uезда Khar'kovskoy gubernii [Life and beliefs of peasants of the Kuplinsky district of the Kharkov province] // Sbornik Khar'kovskogo istoriko-filologicheskogo obshchestva. Vyp. VIII. Khar'kov, 1907. — S. 155—163. (In Russ.).
7. Malinka, A. N. Ivan Kupala v Chernigovskoy gubernii [Ivan Kupala in the Chernigov province] // Etnograficheskoe obozrenie. [Ethnographic review № 2, 1898] — S. 128—131. (In Russ.).
8. Pokhabov, V. F. Obryadovye traditsii russkogo naseleniya Mariinskogo uезда Tomskoy gubernii kontsa XIX—XX vv. [Ceremonial traditions of the Russian population of the Mariinsky district of the Tomsk province of the end of the XIX—XX centuries] / V. F. Pokhabov Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk. [The thesis on competition of an academic degree of the candidate of historical sciences]. — Novosibirsk, 2004. (In Russ.).
9. Tereshchenko, A. V. Byt russkogo naroda. [Life of the Russian people]. — SPb, 1848. (In Russ.).

УДК 39

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ ЧУВАШЕЙ КРАПИВИНСКОГО РАЙОНА

Тарасова Анна Николаевна,

главный хранитель Муниципального бюджетного учреждения культуры «Крапивинский районный краеведческий музей» (пгт. Крапивинский, Кемеровская область, Российская Федерация).

E-mail: krapmuz@mail.ru

В статье представлен анализ современного состояния этнокультурной сферы чувашей Крапивинского района, проживающих на территории п. Каменный. На основе методов наблюдения, интервьюирования, опроса оценивается степень сохранения ими этнической культуры в современных условиях.

Ключевые слова: чувашаи, этническая культура, традиции.

CURRENT STATUS OF THE ETHNOCULTURAL SPHERE OF THE CHUVASH FROM KRAPIVINSKY DISTRICT

Tarasova Anna Nikolaevna,

chief curator of municipal budgetary institutions of culture «Krapivinskii District Local History Museum» (Krapivinskii village, Kemerovo region, Russian Federation). E-mail: krapmuz@mail.ru

The article presents an analysis of the current status of the ethnocultural environment of the Chuvash from Krapivinskii district, living in the paragraph village Kamennyi. On the basis of the methods of observation, interviewing, survey assessed the degree of preservation of the national culture in the modern world.

Keywords: the Chuvash, ethnic culture, traditions.

Российская Федерация — полиэтничное государство с признаками традиционной и современной культуры. Только на территории Кемеровской области проживают более 100 народов. Самые многочисленные из них: татары, украинцы, немцы, чувашаи. Как и во многих других странах мира, здесь актуален вопрос сохранения национальных традиций, национальной культуры [15, с. 104]. Современный тип культуры, современное общество характеризуются постоянными и бурными изменениями. Известно, что в связи с процессами глобализации, затрагивающими в той или иной степени все сферы жизнедеятельности современного общества, сегодня в мире набирает обороты размывание национальных культур, стирание границ между ними. Специфика общества, формирующегося в процессе глобализации, состоит и в том, что теряется исключительность отдельно взятых национальных культур. Как справедливо замечено З. В. Сикевич, в современном обществе постиндустриального типа «происходит стирание различий не только в одежде или пище, но и в культурных и поведенческих стереотипах, которые нередко называются господствующей культурой... Для малых народов и так называемых «исторических национальностей», особенно переселившихся в иную культурную среду, происходящее неизбежно чревато аккультурацией,

утратой своего этнокультурного обличья» [14, с. 27]. А исчезновение национальной культуры означает исчезновение самого ее создателя и носителя — народа, который, утратив собственную идентичность, становится нежизнеспособным, из-за чего частично вымирает физически, частично растворяется в инокультурной среде.

Кроме того, перед малочисленными народами и другими национальными группами, проживающими на территории нашей страны, стоит проблема исчезновения языка своей нации. В революционной России 1917 г. насчитывалось 193 языка, а на момент подписания соглашения о распаде СССР в декабре 1991 г. — только 40. Ежегодно исчезало в среднем 2 языка. Специалисты считают, что для выживания языка необходимо, чтобы на нем говорили, по меньшей мере, 100 тысяч человек. Во все времена языки зарождались, существовали, затем вымирали, иногда даже не оставив следа. Но никогда ранее они не исчезали настолько быстро, как в XX и в XXI веках. С возникновением новых технологий народам стало еще труднее добиться признания своих языков. Поэтому сберечь языковую базу и большого народа, и самой малочисленной народности — очень важная задача, так как знание своего родного языка позволяет сохранить и свою культуру, свое самосознание и любовь к своей родине.

Однако на фоне вышеперечисленных процессов глобализации (размывания национальных культур, утраты ими специфических черт, аккультурации, утраты языка, навязывания стереотипов и др.) не все этнические группы могут сохранить свою самобытность, культуру, традиции, обычаи и др. Не является исключением и чувашская диаспора, проживающая на территории Крапивинского района Кемеровской области. Это и определило цель нашего исследования — изучение и анализ современного состояния этнокультурной сферы чувашей Крапивинского района.

Термин «Этнокультуры» появился как речевой вариант термина «этническая культура». Он получил широкое распространение в конце XX века, не имея при этом четкого определения. Основываясь на современных подходах в определении понятия «этнокультура» [1, 2, 11], автором выработано следующее рабочее определение термина. Этнокультура — это совокупность традиционных ценностей, отношений и поведенческих особенностей, воплощенных в определенном этническом самосознании материальных и духовных ценностей, проявляющихся в нравственно-этических нормах, образе жизни, языке, фольклоре и психологическом складе. Отсюда вытекают следующие задачи исследования: рассмотреть переселение чувашей в Крапивинский район Кемеровской области; проанализировать и охарактеризовать степень сохранности и функционирования исконных элементов традиционной обрядности, прикладного творчества, национальных ремесел, одежды, традиционной кухни, а также языка чувашей Крапивинского района; изучить деятельность учреждений Крапивинского района, занимающихся сохранением и трансляцией чувашской национальной культуры; разработать рекомендации по использованию системного подхода к возрождению и сохранению традиционной чувашской культуры для образовательных учреждений.

Крапивинский район имеет свою самобытную многонациональную культуру: здесь проживают русские, немцы, украинцы, мордва, удмурты и др. Немалую долю населения района (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года — 1,8%) составляют чувашаи, которые и стали объектом нашего исследования.

Начало миграции чувашского населения в Западную Сибирь было положено в 1880-х гг., когда сложились такие предпосылки для этого, как отмирание запретительной крепостнической системы, достижение критически высокой плотности населения в северных и северо-западных районах Чувашии, невозможность дальнейшего расширения возделываемых земель, сокращение лесных массивов. Второй период переселений связан с реализацией аграрной реформы, проводимой в соответствии с законом от 6 июня

1904 г. Но самая мощная волна переселений чувашей из европейской России в Сибирь пришлось на 1921—1929 гг. Причинами массового заселения благодатного уголка Сибири послужили страшный голод, постигший Поволжье в 1921 г., коллективизация сельского хозяйства, происходившая в годы установления советской власти, распределение сюда в советское время выпускников техникумов и вузов Чувашии. Так, начиная с 1928 г. в Крапивинский район по плановому переселению стали приезжать чувашаи, в основном из села Лаш-Таяба Яльчинского района ЧАССР. Переселившиеся из Чувашии жители концентрировались главным образом в п. Каменный, где организовали колхоз под названием «Чуваши-труд». Колхоз постепенно креп, был очень прибыльным. За годы своего существования претерпел многие преобразования и на сегодняшний день хозяйство носит название ООО «Златозара» и является одним из лидирующих в районе.

По данным Комплексной программы социально-экономического развития Крапивинской сельской территории, сегодня в поселке Каменный проживает 510 жителей, чувашских семей здесь осталось около десяти. Многие семьи расселились по району, молодежь, уезжая учиться в областной центр, остается там на постоянное место жительства. Это связано, в первую очередь, с отсутствием рабочих мест в поселке, а также с низким уровнем заработной платы в районе. Основным хозяйственным занятием чувашей п. Каменный является ведение подсобного хозяйства (огородничество, содержание домашнего скота).

По словам самих представителей чувашской национальности, среди них наблюдается отход от национальных традиций, обычаев. По их мнению, это связано, во-первых, с длительным проживанием переселившихся чувашских семей в русской среде, что вынуждало чувашское население в Сибири приспосабливаться к инокультурной среде и использовать русский язык как средство внутриэтнической коммуникации. Во-вторых, причину отхода от традиционной культуры они видят в получении чувашскими детьми образования в русскоязычных образовательных учреждениях, где преподавание ведется исключительно на русском языке, а принадлежность детей к их национальности никоим образом не учитывалась и не учитывается. В-третьих, фактором исчезновения национальных традиций чувашаи считают влияние на молодое поколение СМИ и интернета.

Традиционная обрядность у переселившихся чувашей практически исчезла, многие из них в повседневной жизни следуют русским традициям и обычаям, а так как чувашаи являются православными христианами, то и соблюдают основные православные традиции.

Только представители старшего и среднего поколения вспоминают отдельные элементы чувашской свадебной обрядности. Так, Валентина Ильинична Никитина рассказала нам о традиции, которая соблюдалась во время ее свадьбы в 1980 г.: — на второй день свадьбы невеста, надев фартук, варила суп и угощала им новых родственников уже в качестве полноправной хозяйки дома. Однако, по свидетельствам некоторых жителей, еще не вышел из обихода обычай, когда невеста на сватовство должна одаривать родственников жениха подарками.

Как утверждают чувашаи Каменного, в их поселке до сих пор существует пасхальный обряд, когда первому вошедшему в дом дают крашеное яйцо, сажают на подушку, и он должен сидеть тихо-тихо, чтобы куры, утки, гуси лучше неслись, так же спокойно сидели в своих гнёздах и вывели птенцов. Представители чувашей среднего возраста вспоминают, что до последнего десятилетия XX в. сохранялся еще один пасхальный обычай — собираться у одного из родственников, а затем ходить по очереди из дома в дом с песнями. В каждом доме угощаются, поют, пляшут. К сожалению, этот обычай сегодня перестал существовать, чувашаи собираются на Пасху в своих домах лишь узким кругом, состоящим из ближайших родственников, и поют песни (чувашские народные лирические, хоровые, частушки). Следует отметить, что национальные виды песен, устное народное творчество сохранились лишь среди старшего поколения чувашей, которые признаются, что их дети и внуки не знают не только чувашских песен, но и чувашского языка. Представители старшего поколения заявляют, что их дети понимают речь на чувашском языке, но не говорят на нем, а внуки — уже «не знают ни слова на родном языке».

Многие из местных жителей утверждают, что чувашаи сохранили и донесли до нас древний обычай «Ниме», который подразумевал коллективную помощь, устраиваемую односельчанами при выполнении трудоемких и хлопотных работ.

По нашим наблюдениям, современная культура питания чувашей претерпела некоторые изменения. Сегодня она, сохраняя наследуемые черты, обогащается новыми, в том числе заимствованными из кухни других народов, элементами. Тот же традиционный суп современные хозяйки варят по-своему рецепту, например, чувашский суп «салма яшки», используемый в свадебной обрядности, уже не носит того сакрального значения, что раньше, а готовится в обычной повседневной жизни, и рецепт его в некоторых чувашских семьях уже видоизменен: например, вместо клецок из пшеничной или полбенной муки (салма, сáмах), сваренных на молоке, в суп добавляют домашнюю лапшу. Информанты из п. Каменный отметили, что в некоторых семьях еще не вышел из употребления кисель «кёсел», который варят

из овсяной крупы на медленном огне. Самые распространенные печения у местных чувашей — большие пироги с различными начинками (мясом, сырой картошкой и салом, капустой), например, «кукаль», пирог с капустой, пшеном и маслом, который обычно готовят на Покров день. По словам Спиридоновой Марии Гавриловны, её мать говорила, что «закрывая этот пирог при приготовлении на Покров, пирог сохраняет тепло своего дома перед долгой холодной зимой». В семье Никитиной Валентины Ильиничны сохранился рецепт другого праздничного кушанья — «хуплу». Это круглый большой пирог из сдобного теста со сложной начинкой из нескольких слоев: первый слой — из полусваренной каши или мелко нарезанного картофеля, второй — из мелко нарубленного мяса, третий — тонкого слоя жирного мяса или сала. Этот пирог являлся непременным спутником гостевой трапезы, включался в состав ряда ритуальных трапез, таких как родины, свадьба, осенне-зимние престольные и новогодние праздники, готовили его на новогоднем молодежном празднике «хер сари» (девичье пиво). Еще одной разновидностью традиционной выпечки, сохранившейся до наших дней, является Ява «Йава», печенье, выпекавшееся раньше по культовым праздникам (на Масленицу, Пасху, свадьбу) для плодородия скота. Нам сообщили рецепт этого блюда: 1 ст. молока, 0,5 ч.л. гашеной соды, 0,5 ст. сметаны, 200 г масла или маргарина, 0,5 ч.л. соли, сахар по вкусу, мука. Все это перемешивается, заводится не очень крутое тесто, которое раскатывается в тонкие жгуты и нарезается кубиками, а затем выпекается до золотистого цвета. Весьма употребителен в поселке домашний сыр, известный под названием «чакат», являющийся ранее таким же универсальным ритуальным блюдом, как и круглый хлеб, хуплу, каша или пиво «сáра», которое готовится в некоторых чувашских семьях и сегодня.

Немало блюд вышли из употребления, например, толокно, такие крупы как полба «пáри», просо «вир», чечевица и т.д. И в рацион питания чувашей проникли блюда других народов. Например, борщ из украинской кухни, солянки и рассольники — из русской, харчо и другие подобные супы — из кавказской кухни. Так и со вторыми блюдами: плов (восточная кухня), макароны по-флотски (русская) и т.д. По нашим наблюдениям, блюда национальной кухни готовятся главным образом женщинами старшей возрастной группы.

Традиционно основу чувашского народного искусства составляли резьба по дереву, керамика, плетение, вышивка, узорное ткачество, шитье бисером и монетами и др. По словам респондентов, «раньше (приблизительно до 1990-х гг.) вышивали все», представительницы старшего поколения занимались ткачеством, в домах имелись ткацкие станки. Сегодня ни один из видов традиционного прикладного творчества среди

местного населения не практикуется, за исключением вышивки, которая бытует среди женщин старшего и среднего возрастов. Так, Галина Васильевна Мишина, приехавшая в Крапивинский район из Чувашии в 1966 г., вышивает не только крестом, но и бисером. Вышитые бисером иконы православных святых в ее исполнении неоднократно были представлены на выставках различного уровня, преподносились в подарок губернатору Кемеровской области. Спиридонова Валентина Пантелеймоновна, 1941 г. р., переселившаяся со своими родителями в «Чувашия-труд» в возрасте 14 лет, также не забыла традиционного вида творчества, в свободное время вышивает, прядет и вяжет.

Несмотря на исчезновение из обихода крапивинских чувашей традиционных видов народного искусства, его изделия (в виде национальной одежды) сохраняются в некоторых чувашских семьях. Так, например, в семье Тарасовых из поколения в поколение передается девичий головной убор «тухья», женское платье из пестряди и передник низовых чувашей. Согласно сведениям, полученным от наших информантов, примерно с 1930-х годов традиционная чувашская одежда повсеместно стала замещаться одеждой городского типа, когда из обихода исчезли ткани домашней выделки, традиционные обувь и мужские рубахи, а в быт вошла валяная обувь, фабричные рубахи и платья, шерстяные платки. В настоящее время традиционный костюм используется главным образом в фольклорно-сценической деятельности, организованной Сельским Домом культуры, функционирующим в п. Каменный.

В целом опрошенные респонденты отмечают, что среди чувашского населения Крапивинского района происходит отказ от старых и появление новых национально-культурных традиций, исчезновение традиционных ремесел и промыслов, выход из обихода традиционных предметов быта и национальной одежды, уход в прошлое традиционных обрядов, исчезновение из повседневной жизни родного языка.

Примерно в 1970-е гг. в Сельском доме культуры п. Каменный появляется направление работы по возрождению народных традиций, сбору и изучению чувашских фольклорных песен, обрядов, танцев, костюмов, воспроизведению элементов традиционности, происходящих в сценическом формате. Силами творческих работников Дома культуры создана обрядовая фольклорная группа «Таван» (родня), которая занимается сбором, сохранением и популяризацией культурного наследия древнего чувашского народа в других культурных средах. Результатом этой работы стал альбом «Чувашский национальный фольклор. Песни, частушки, загадки, бытующие в народе», созданный в 1996 г. Участниками фольклорной группы была введена традиция проведения

обрядовых мероприятий. Так, в разные годы коллективом были проведены такие мероприятия с элементами традиционной обрядности, как «Золотая свадьба супругов Арзамасовых», 1996 г., «Серебряная свадьба», обряд «Имянаречение», инсценировались традиционные чувашские праздники, такие как праздник урожая «Чуклеме», сопровождающийся обрядовыми песнями, традиционными угощениями и др., «Манкун», совпадавший с православной Пасхой. Кроме того, сотрудниками СДК ведется работа по сбору образцов традиционного женского чувашского костюма. Эта коллекция на сегодняшний день насчитывает около десяти экспонатов, относящихся к разным периодам истории. Самый ценный из них — свадебное шелковое платье Качкановой Веры Степановны, которая выходила в нем замуж в 1939 г. Эта коллекция регулярно экспонируется на выставках районного и областного значений, используется при инсценировках традиционных чувашских праздников и обрядов. Таким образом, деятельность сотрудников Каменного дома культуры и его сотрудников направлена на сбор, изучение, сохранение и трансляцию последующим поколениям богатой самобытной культуры чувашского народа.

Сохранению национальных традиций не только чувашей Крапивинского района, но и народов других национальностей, способствует и учрежденный в 2013 г. управлением культуры администрации Крапивинского муниципального района совместно с Кемеровским государственным университетом культуры и искусств (с сент 2015 г. Кемеровский государственный институт культуры — А. Т.) ежегодный межрегиональный фестиваль национальных культур «Истоки», который проводится на территории п. Каменный в этнографическом центре русской традиционной и воинской культуры «Мунгатский острог». Центр призван помочь сохранить, восстановить (возродить) и представить материальные и духовные объекты историко-культурного наследия народов Кузбасса. На его базе выполняется большой объем работ в области фольклора, упрочения духовных связей между поколениями, направления работы центра способствуют активизации научно-исследовательской деятельности по изучению, сохранению и развитию народных традиций.

Еще одним важным источником информации о культуре чувашского народа в Крапивинском районе можно считать Крапивинский районный краеведческий музей, одним из направлений работы которого является изучение, сохранение и возрождение традиционной культуры народов, проживающих в нем. В рамках этого направления музей активно взаимодействует с образовательными учреждениями, домами культуры, общественными организациями, социальными органами, привлекается общественность и СМИ.

Ведется научная работа по изучению материальной и духовной культуры народов, живущих на территории района. В стенах музея хранятся и экспонируются несколько элементов чувашского национального костюма, переданные местными жителями. Это белые шерстяные чулки («тала чълха»), мужской пояс с вышитыми национальными узорами, длинный полотенеобразный убор замужней женщины «сурпан», женское платье из пестряди конца XIX — начала XX вв., а также образцы чувашской вышивки.

Рассмотренные в данной статье результаты нашего исследования позволили представить современное состояние этнокультурной среды чувашей Крапивинского района и степень сохранения ими традиционной культуры в настоящее время. В результате этой работы можно сделать следующие выводы: 1) такая форма хозяйства, как земледелие, традиционно присущее чувашскому народу, была практически без изменений перенесена переселенцами в новые места их жительства; 2) наименьшим изменениям подверглась культура питания чувашей Крапивинского района. Наибольшим и быстрым — традиционные ремесла и искусство; 3) практически утеряна у переселенцев чувашская обрядность, вытесненная сегодня русскими культурными явлениями, вышла из повседневного обихода национальная одежда; 4) у представителей описываемой нами группы, в частности представителей старших поколений, существует сложившееся национально-русское двуязычие, следствием которого является стремительно грядущее замещение национального языка русским.

На основе всего вышеизложенного можно констатировать, что уровень сохранения национальных черт в культуре чувашей Крапивинского района находится на низком уровне. Это обусловлено культурными заимствованиями у русского населения, снижением уровня культурно-национальных ориентаций, изменениями в политико-экономических условиях жизни, воздействием процессов глобализации, протекающих в современном мире. Основной тенденцией в развитии традиционной культуры рассматриваемой группы является изменение явлений материальной и духовной культуры, замещение многих их элементов на русские.

На сегодняшний день ведущими центрами сохранения и трансляции чувашской национальной культуры в районе остаются такие учреждения культуры, как Сельский Дом культуры п. Каменный, Крапивинский районный краеведческий музей, а также этнографический центр русской традиционной и воинской культуры «Мунгатский острог», их деятельность остается самой массовой и доступной к приобщению всех слоев населения к культуре.

Несмотря на это, не только для чувашской народности, но и для других народов, проживающих в Крапивинском районе, сегодня остается актуальным вопрос о необходимости сохранения своей национально-культурной идентификации, так как национальная культура, национальный характер, национальная история, национальная преемственность поколений, традиции своей нации — все это позволяет сохранить духовный облик нации. От степени сохранения духовного облика, самосознания зависит, прежде всего, само существование народа в современном мире. Нация, потерявшая самосознание, таким образом, обрекает себя на упадок и постепенно растворяется в составе других народов.

Для того чтобы народы, проживающие на территории нашего района, не потеряли своего самосознания, недостаточно, на наш взгляд, работы лишь вышеперечисленных учреждений культуры. Для этого необходим системный подход, который должен включать не только сферу культуры, но и реализовываться на всех ступенях образования.

На уровне детских садов можно включать в занятия элементы традиционной культуры различных народов, проживающих в Крапивинском районе, поясняя принадлежность этих элементов культуре определенной нации и их смысл. Это могут быть, например, части национального орнамента на занятиях аппликацией или рисованием. Большие возможности для ознакомления с традициями и культурой народа содержат пение, музыка, фольклор, чтение или инсценировка народных сказок. В дошкольном возрасте детям уже доступны для понимания различные мероприятия, отражающие традиции народных праздников, и в которых дети могут стать полноправными участниками.

На уровне школы уже можно углубить изучение традиционных культур с помощью истории и литературы этих народов и об этих народах. На этих уроках, например, школьники могут сравнить национальные традиции и провести аналогии между ними. На уроках технологии можно изучать и претворять в жизнь различные традиционные виды и техники декоративно-прикладного творчества, узнавать их технологию и происхождение, готовить национальные блюда. Уроки музыки позволили бы изучать детям фольклор, народные песни и творчество во всем их разнообразии, а также получить информацию о разных национальных музыкальных инструментах. Предпочтительно было бы ввести во внеклассную работу факультативы краеведческой и культурологической направленности, на которые предполагали бы не только работу в классе, но и экспедиционные сборы, например. Таким образом, все школьное обучение и воспитание должно быть направлено на формирование у учащихся интереса и уважительного отношения к национальной культуре

не только своего народа, но и культурам других народов, проживающих рядом, а также на стремление изучения, сохранения и преумножения всего ценного, что досталось нам от предшествующих поколений.

На уровне учреждения среднего специального образования (в нашем районе это Зеленогорский многопрофильный техникум) работа должна вестись в направлении научного исследования, изучения и реконструкции национальных традиций, обычаев, праздников, исторических событий, ремесел, костюмов различных народностей.

На уровне учреждений дополнительного образования также можно реализовывать различные творческие лаборатории и мини-музеи по сбору, исследованию и воспроизведению элементов традиционного творчества и фольклора различных народностей, населяющих наш край.

Таким образом, важнейшая роль в возрождении и сохранении традиционной национальной культуры народов, проживающих в Крапивинском районе, в т. ч. и чувашей, на наш взгляд, принадлежит сфере образования и культуры.

Список информаторов

1. Качканова Любовь Владимировна, 1965 г. р., заведующая Каменной сельской библиотекой-филиалом № 7, п. Каменный.
2. Качканова Нина Васильевна, 1957 г. р., заведующая хозяйственной частью Крапивинского д/с «Светлячок», п. Каменный.
3. Мишина Галина Васильевна, 1947 г. р., пгт. Крапивинский.
4. Никитина Валентина Ильинична, 1956 г. р., культорганизатор Каменного СДК, п. Каменный.
5. Павлова Валентина Михайловна, 1947 г. р., п. Каменный.
6. Спиридонова Валентина Пантелеймоновна, 1941 г. р., п. Каменный.
7. Спиридонова Мария Гавриловна, 1940 г. р., п. Каменный.
8. Степанова Елизавета Васильевна, 1943 г. р., п. Каменный.
9. Тришина Елена Прокопьевна, 1943 г. р., п. Каменный.

Литература

1. Грушевицкая, Т. Г. Культурология: учебник / Т. Г. Грушевицкая, А. П. Садохин. — М.: Юнити-Дана, 2010. — 688 с.
2. Гусев, В. Е. Русская народная художественная культура (теоретические очерки) / В. Е. Гусев. — СПб.: СПГИТ-МиК, 1993. — 111 с.
3. Денисов, П. В. Религиозные верования чуваш / П. В. Денисов. — Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1959. — 408 с.
4. Доброхотов, Б. Золотые супруги / Б. Доброхотов // Тайдон. — 2001. — 2 декабря.
5. Доброхотов, Б. Праздник добрых соседей / Б. Доброхотов // Заветы Ленина. — 1987.
6. Живем Крапивинской судьбою: Очерки истории Крапивинского района: (К 80-летию юбилею района). — Новосибирск: ЦЭРИС, 2004. 480 с.
7. Из опыта работы Каменского СДК. — 1996. — 32 с.
8. Коровушкин, Д. Г. Этнокультурная адаптация поздних переселенцев в Западной Сибири (к. XIX — п.п. XX в.) / Д. Г. Коровушкин // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2004. — № 1. — С. 115—120.
9. Мадуров, Д. Ф. Традиционное декоративное искусство и праздники чувашей / Д. Ф. Мадуров. — Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 2004. — 243 с.
10. Михайлов, С. М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов / С. М. Михайлов. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1972. — 424 с.
11. Монгуш, М. В. «Этническая культура»: содержание и составляющие понятия [Электронный ресурс]: / М. В. Монгуш, А. А. Зайцева, Е. С. Бакшеев // Культурологический журнал: электронное периодическое рецензируемое издание. — 2014. — № 2 (16). — 2014. — 14 с. — Режим доступа: http://www.cr-journal.ru/files/file/06_2014_11?2142?1403680902/pdf
12. Награльян, А. А., Место и роль национальной традиции в условиях глобализации экономики и культуры / А. А. Награльян, Д. В. Филюшкин // Вестник Адыгейского государственного университета. — Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2011. — № 4.
13. Никитина, Э. В. Этноменталитет чувашей [Электронный ресурс]: Электронная база данных «Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур». URL: http://www.national-mentalities.ru/diversity/nacionalnopsihologicheskie_osobennosti_etnosov_rossii/povolzhe/etnomentalitet_chuvashej/ (дата обращения: 05.10.2015).
14. Сикевич, З. В. Социология и психология национальных отношений: учеб. пос. / З. В. Сикевич. — СПб.: Михайлов, 1999. — 203 с.
15. Соблиров, Х. Х. Исторический дискурс о России: «Многонациональная империя» или «Национальное государство» / Х. Х. Соблиров // Научные проблемы гуманитарных исследований. — 2009. — № 10—2. — С. 100—104.
16. Тишунина, Н. В. Современные глобализационные процессы: вызов, рефлексии, стратегии / Н. В. Тишунина // Глобализация и культура: аналитический подход. — СПб., 2003. — С. 5—24.

17. Чувашский национальный фольклор (по материалам СДК п. Каменный Крапивинского района). — 1996. — 32 с.

References

1. Grushevitskaya, T. G. Kul'turologiya [Culturology]: uchebnik — M.: Yuniti-Dana, 2010—688 s. (In Russ.)
2. Gusev, V. E. Russkaya narodnaya khudozhestvennaya kul'tura (teoreticheskie ocherki) [Russian folk art culture (theoretical essays)]. — SPb: SPGITMiK, 1993. — 111 s. (In Russ.)
3. Denisov P. V. Religioznye verovaniya chuvash [Religious beliefs of the Chuvash]. — Cheboksary: Chuvashskoe gos. Izd-vo, 1959. — 408 s. (In Russ.)
4. Dobrokhotov, B. Zolotyie suprugy [Gold spouses] // Taydon [The Taidong]. — 2001/ — 2 dekabrya. (In Russ.)
5. Dobrokhotov, B. Prazdnik dobrykh sosedey [The feast of the good neighbors] // Zavety Lenina [The Covenants Of Lenin]. — 1987. (In Russ.)
6. Zhivem Krapivinskoy sud'boyu: Ocherki istorii Krapivinskogo rayona: (K 80-letnemu yubileyu rayona) [Live of Krapivinsky destiny: essays on the history of krapivinsky district: (To the 80th anniversary of the district)]. — Novosibirsk: TsERIS, 2004. — 480 s. (In Russ.)
7. Iz opyta raboty Kamenskogo SDK [From experience of Kamensky Rural House of culture]. — 1996. — 32 s. (In Russ.)
8. Korovushkin, D. G. Etnokul'turnaya adaptatsiya pozdnykh pereselentsev v Zapadnoy Sibiri (konets XIX- pervaya polovina XX v.) [Ethno-cultural adaptation of the late migrants in Western Siberia (the end XIX-first half XX century)] // Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology and anthropology of Eurasia]. — 2004. — № 1. — S. 115—120. (In Russ.)
9. Madurov, D. F. Traditsionnoe dekorativnoe iskusstvo i prazdniki chuvashy [Traditional decorative arts and festivities of the Chuvash] — Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izd-vo, 2004. — 243 s. (In Russ.)
10. Mikhaylov, S. M. Trudy po etnografii i istorii russkogo, chuvashskogo i mariyskogo narodov [Works on Ethnography and history of the Russian, the Chuvash and the Mari peoples] / S. M. Mikhaylov. — Cheboksary: Chuvash. kn. Izd-vo, 1972. — 424 s. (In Russ.)
11. Mongush, M. V. «Etnicheskaya kul'tura»: sodержanie i sostavlyayushchie ponyatiya [«Ethnic culture»: contents and elements of the notion] [Elektronnyy resurs]: Kul'turologicheskiy zhurnal: elektronnoe periodicheskoe retsenziruemoie nauchnoe izdanie [Cultural magazine: the electronic periodical peer-reviewed scientific publication]. — № 2 (16). — 2014. — 14 s. — Rezhim dostupa: http://www.cr-journal.ru/files/file/06_2014_11_21_42_1403680902.pdf
12. Nagral'yan, A. A. Mesto i rol' natsional'noy traditsii v usloviyakh globalizatsii ekonomiki i kul'tury [The place and role of national tradition in globalizing economy and culture] Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya [The Bulletin of Adyghe state University. Series 1: regional Studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies]. — № 4. — 2011. (In Russ.)
13. Nikitina, E. V. Etnomentalitet chuvashy [Itementity of the Chuvash] [Elektronnyy resurs]: Elektronnaya baza dannykh «Natsional'nye mentalitety: ikh izuchenie v kontekste globalizatsii i vzaimodeystviya kul'tur». — URL: http://www.national-mentalities.ru/diversity/nacionalno_psihologicheskieosobennosti_etnosov_rossii/povolzhe/etnomentalitet_chuvashy/ (data obrashcheniya: 05.10.2015) (In Russ.)
14. Sikevich, Z. V. Sotsiologiya i psikhologiya natsional'nykh otnosheniy [Sociology and psychology of national relations]: ucheb. Pos. — Spb.: Mikhaylov, 1999. — 203 s. (In Russ.)
15. Soblirov, Kh. Kh. Istoricheskiy diskurs o Rossii: «Mnogonatsional'naya imperiya» ili «Natsional'noe gosudarstvo» [Historical discourse about Russia: «a Multinational Empire or National state»] / Kh. Kh. Soblirov // Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy [Scientific problems of humanitarian studies]. — 2009. — № 10—2. — S. 100—104. (In Russ.)
16. Tishunina, N. V. Sovremennye globalizatsionnye protsessy: vyzov, refleksii, strategii [Modern globalization processes: challenge, reflection, strategy] Globalizatsiya i kul'tura: analiticheskiy podkhod [Globalization and culture: analytical approach]. — Spb., 2003. — S. 5—24. (In Russ.)
17. Chuvashskiy natsional'nyy fol'klor (po materialam SDK p.Kamennyi Krapivinskogo rayona [Chuvash national folklore (based on materials of Rural houses of culture village Kamennyi Krapivinsky district)]. — 1996. — 32 s. (In Russ.)

К статье Марочкин А. Г., Юракова А. Ю., Щербакова А. В., Фальман А. В., Плац И. А., Конончук К. В., Веретенников А. В. Раскопки поселенческих памятников на юге Нижнего Притомья в 2015 году

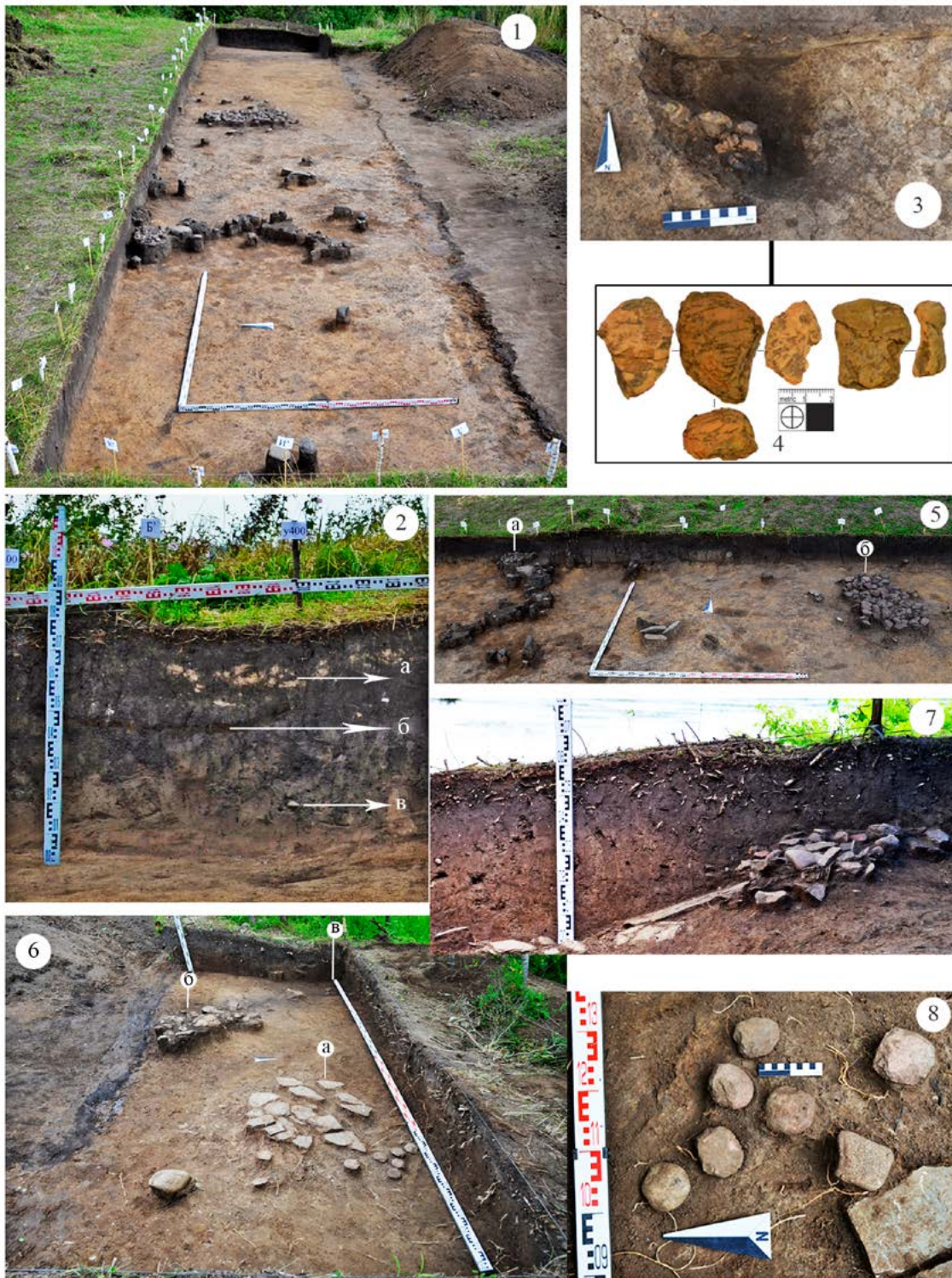

Рис. 1. Виды раскопов на поселениях юга Нижнего Притомья в 2015 г. 1 – общий вид раскопа на памятнике Ивановка-1; 2 – стратиграфия памятника Ивановка-1 (2а – выкид от домового котлована русского времени; 2б – остатки хозяйственной конструкции русского времени; 2в – остатки каменной кладки раннего бронзового века); 3 – яма с остатками бронзолитейного производства (Ивановка-1); 4 – фрагменты литейных форм и глиняных сердечников; 5 – каменный кладки на памятнике Ивановка-1 (5а – кладка № 6; 5б – кладка № 5); 6 – вид раскопа на памятнике Долгая-2 (6а – каменная кладка № 4; 6б – каменная кладка № 5; 6в – яма № 9); 7 – стратиграфия памятника Долгая-2; 8 – скопление отбойников на памятнике Долгая-2.

Рис. 2. Материалы поселений Ивановка-1, Ивановка-2, Долгая-2. 4-5; 9; 12-14; 15; 17-18; 20-31; 33-34; 36-39 - Ивановка-1; 6, 16; 19; 32; 35 - Ивановка-2; 1-3; 7-8; 10-11 - Долгая-2. 1-14 - керамические предметы; 15-35 - каменные предметы; 36-39 - металлические предметы. 1-14 - фрагменты сосудов; 15 - нож (?); 16-21 - нуклеус; 22-23 - скребок; 24-26 - наконечник; 27-28 - абразив; 29-32 - пластины; 33-35 - отщепы; 36-38 - монеты; 39 - острие.

К статье Марочкин А. Г, Плац И. А., Конончук К. В. Результаты археологической разведки 2015 года в южных районах Нижнего Притомья.

Рис. 3. Материалы поселенческих памятников Писаная III и Пача IV. 1-3, 6-7 – фрагменты сосудов с поселения Пача IV; 4-5 – фрагменты керамического сосуда-тигля с поселения Пача IV; 8-10 – предметы каменной индустрии поселения Писаная III. Объяснения в тексте.

К статье Миклашевич Е. А. Древнейшие наскальные изображения
Минусинской котловины: проблемы и перспективы исследования

1

2

Рис. 6. Усть-Туба III. 1 – Общий вид левой части многофигурной композиции; 2 – увеличенный фрагмент с гравированными и прошлифованными изображениями. Фото: Л. Л. Бове.

Рис. 7. Древнейшие изображения, выполненные краской. 1 — Оглахты I; 2, 3 — Оглахты VII. Фото: автора, Л. Л. Бове. Цветные фотографии обработаны в программе Photoshop для лучшей визуализации красочных рисунков. 1 а, 2 а — пигментные карты, полученные при обработке рис. 1 и 2 по методу А. К. Солодейникова [18].

К статье Русакова И. Д. Плоскость 8 Томской писаницы: современное состояние.

Фото 2. Фрагмент плоскости 8 с выбитым якорем. Фото 2012 г.

Фото 3. Фрагмент плоскости 8 с нанесенной полимерной пластиковочной массой и следами «реставрации» 1966—1967 годов. Фото 2003 года.

Фото 4. Фрагмент плоскости 8 с нанесенной искусственной патиной. Фото 2013 г.

1

2

Фото 5. 1 – светлые пятна «реставрации» 1966-1967 годов. Фото 2005 г.; 2 – этот же фрагмент плоскости после искусственной патинизации, фото 2013 г.

К статье Скрябина Л. А.,
Мархель А. С. Традиции
праздника Иван Купала
в селе Преображенка.

*Фото 1. Иван Купала в мужской
одежде.*

*Фото 2. Иван Купала в мужской
шляпе.*

Фото 3. Обряд утопления.

Фото 4. Установка срубленных березок.

Фото 5. Подготовка травы.

Фото 6. Изготовление крестовины.

Фото 7. Изготовление чучела.

Фото 8. Украшение чучела цветами.

Фото 9. Изготовление головы и лица.

Фото 10. Готовый Иван Купала.

Фото 11. Обрядовый костер.